

А. П. ЯРЕМЧУК 2-й

РУССКИЕ

ДОБРОВОЛДЬЦЫ

В ИСПАНИИ

А. П. ЯРЕМЧУК 2-й

**РУССКИЕ
ДОБРОВОЛЬЦЫ
В ИСПАНИИ
1936 - 1939**

Издательство «Глобус»
Сан Франциско
1983

A. P. YAREMCHUK 2-nd

***RUSSKIE
DOBROVOL'TSY
V ISPANII
1936 1939***

Globus Publishers
San Francisco
1983

A. P. Yaremchuk 2-nd
"Russian Volunteers
in Spain 1936-1939"

Редактор и составитель
В. Н. Азар-Заровский.
Edited and compiled
by V. N. Azar de Zaroussky.

Copyright 1983 by Globus Publishers.

Tous droits reserves pour tous pays.

Library of Congress Catalog Card Number: 83-81603.

ISBN 0-88669-056-0

All Rights Reserved. No part of this publication may be translated, reprinted, reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopy, recording or any information storage and retrieval system, without permission in writing from the publisher.

Printed in United States of America.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наше издательство считает своим долгом напомнить российскому зарубежью об одном из героических эпизодов продолжения Белой Борьбы- и ее участниках, сражавшихся в испанской войне за свободу и независимость Испании. Один из участников этой войны А. П. Яремчук передал нам свой дневник, написанный во время войны в Испании. Приняв решение его напечатать, мы все же решили дополнить дневник свидетельствами соратников и обратились с просьбой к редактору «Часового» В. В. Орехову, принявшему самое близкое участие в деле образования Русского Отряда и основания первых русских радиопередач в Испании. Как известно, «Часовой» буквально с первых же дней войны посвятил много своих страниц ей, описывая как чисто военные события, так и участие в них наших добровольцев.

За сто лет Испания пережила войну за престолонаследие, множество переворотов и междоусобиц. В 1931 г., король вынужден был покинуть Испанию и образовалась «демократическая республика». Ее правительство, как и наше Временное, не могло справиться с крайне левыми кругами, которые начали по всей стране кровавый террор.

Фактически страной управлял «Народный Фронт», руководимый Коминтерном, во главе которого стоял прибывший из Москвы Ларго Кабаллеро.

Видя гибель Испании, группа испанских генералов решила действовать во имя ее спасения: генералы Молла, Кейпо де Ляно и Франциско Франко.

В конце 1936 года генерал Франко был избран группой генералов Вождем Испании и началась гражданская война. Немедленно советское правительство начало оказывать помощь республиканскому правительству.

Свободный мир равнодушно наблюдал за происходящим, скорее наоборот, так напр., Франция, управлявшаяся правительством «Народного Фронта» Леона Блюма,

стала оказывать помощь испанским коммуно-анархистам, и только Германия и Италия начали помогать испанским патриотам.

В начале 1937 года первым иностранным журналистам удалось, с любезной помощью португальского консульства за границей, проникнуть на ту небольшую территорию, которая была освобождена войсками ген. Франко. В губернаторском доме Саламанки, куда уже перешел штаб восставших из Бургоса, одиннадцать журналистов: 5 итальянцев, 5 немцев и один русский, были представлены Каудильо, как начали называть Франко. Когда дошла очередь до русского В. В. Орехова, ген. Франко был удивлен и только когда полковник его представивший, объяснил, что это «руссо бланко», генерал сказал, что он знаком с Белым Движением. На следующий день им было предложено отправиться в штаб ген. Варела, ведущего бои у Сомма Сьерра, где они попали под обстрел. Красные были выбиты и через короткое время журналисты увидели несколько грузовиков, шедших со стороны восставших. В бедном селении сразу же началась раздача хлеба и других продуктов и появились на стенах хижин афиши, в которых белые испанцы описывали, что ждет страну от коммунизма и намечалась здоровая программа национального правительства. Также было и после других сражений, было и то, что когда-то легло тяжелым грузом на наше Добровольческое Движение: отсутствовала бюрократия, не было болтающих людей в тылу, Франко действительно сумел вздыбить всю страну и призвать её к подвигу.

Героическая борьба испанских патриотов привлекла глубокое сочувствие наших белых офицеров в европейских странах и, особенно во Франции, граничащей с Испанией. Многие из них жаждали принять в ней участие. Однако, Франция того времени, управляемая «Народным Фронтом» была всецело на стороне красных. В ней стали создаваться группы красных добровольцев и только для них была открыта испанская граница. В Испанию стали прибывать советские инструкторы... Средств у эмиграции не было никаких и тем не менее, белые офицеры стали с большой опасностью проникать по горным дорогам, рискуя быть не только арестованными французскими пограничниками, но и с риском для жизни. Около 80 из них

нашли возможность достичь своей цели. Они блестяще поддерживали репутацию Русской Армии и неоднократно были отмечены в сводках испанского командования. Увы, жизнь не пощадила многих из них: доблестно погибли в боях с красными генерал Фок, капитан Полухин, военный летчик Марченко, добровольцы князь Магалов, Кученко, Компельский, тяжело ранен ген. Шинкаренко. Увы, жизнь не пощадила и оставшихся в живых и здравствуют в данное время только три: А. П. Яремчук, граф Григорий Ламсдорф и Б. В. Ильин.

Наше издательство, как мы уже указали, приняло решение напечатать дневник А. П. Яремчука, но одновременно В. В. Орехов прислал нам выдержки из писем «с полей битв» других белых офицеров, которые мы считаем своим долгом поместить...

В заключение надо признать, что наши белые офицеры, которые в борьбе против большевизма в России, доказали свою жертвенную доблесть, так же героически вели себя и в борьбе против коммунизма в Испании и их памяти наше издательство посвящает настоящую книгу.

Во второй Мировой войне многие из русских добровольцев снова сражались против поработителей нашей Родины в рядах Испанской Синей Дивизии, Итальянской Армии и Русской Освободительной Армии. Этому периоду мы посвятим нашу следующую книгу.

Издатель имел честь служить в Русской Освободительной Армии под командой двух русских офицеров — доблестных участников Испанской войны — полковника Игоря Константиновича Сахарова и майора Григория графа Ламсдорфа. (См. книгу нашего издательства: С. Ауски «Предательство и измена — войска ген. Власова»).

В 1982 году издатель посетил все места в Испании описанные в этой книге и встретился в Мадриде с А. П. Яремчуком.

ИСПАНСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Начиная с середины XIX века Испания вступила в эпоху непрерывных «пронунциаменто»-переворотов, совершаемых небольшими военными группами-«хунтами», свергавшими королей и возводившими на престолы своих кандидатов.

Страна со своеобразной мистической психологией, была все время изолирована от Западной Европы. Массы народа жили примитивно и очень бедно и легко поддавались пропаганде. С одной стороны были большие богатства знатных людей, накопивших огромные состояния во времена испанского владычества в Латинской Америке, с другой — нищета. С одной стороны сильное влияние на массы народа имела католическая церковь, препятствовавшая всякому прогрессу и предпочитавшая держать народные массы в полном повиновении существовавшему полуфеодальному порядку и накопившая тоже большие материальные средства. С другой стороны, в виде протеста против этого порядка возникали социалистические и анархические общества, главным орудием которых был террор против властей, церкви и знати.

После долгих лет междоусобных войн, когда Испания имела два правительства: в северных провинциях карлисты, в остальной Испании Изабелла 2-я, наступило некоторое успокоение. Карлисты потерпели поражение. После кончины Изабеллы, на престол вступил ее сын Альфонс XII, процарствовавший несколько лет и скончавшийся, оставив беременную жену, Марию Христину. Было установлено ее регентство и родившийся ребенок был провозглашен королем под именем Альфонса XIII. Мудрое правление Марии Христины несколько успокоило страну, но после ее кончины вновь начались беспорядки: на Альфонса XIII было произведено несколько покушений, а в 1921 г. король чудом спасся от смерти.

В 1923 г. генерал Примо де Ривера произвел переворот, сверг правительство и установил военную диктатуру, получившую одобрение короля. Выдающийся правитель, Примо де Ривера начал проводить невиданные еще в Испании социальные реформы. Началось значительное улучшение положения рабочих и крестьян, было положено начало постепенной индустриализации страны, стали открываться школы и введено обязательное начальное образование в доселе полуграмотной и даже в огромной степени неграмотной Испании, началась постройка дорог в стране, лишенной хороших сообщений и т. д. Все эти смелые реформы вызывали недовольство и сопротивление богатых классов населения, хотевших сохранить старый полуфеодальный порядок. Особенно восстало против диктатора духовенство. Это духовенство не желало расстаться со своим господствующим положением: высшее духовенство обладало огромными средствами, ему принадлежали многие банки и разные коммерческие предприятия, ниже-приходские священники — «кура» были полными хозяевами в своих приходах, особенно, в деревнях. Примо де Ривера требовал их подчинения гражданским властям. Но самый острый протест высшего духовенства был против проведенного диктатором закона об установлении налога на церковные имущества, которые до этого времени были освобождены от налогового сбора.

Начались интриги против Примо де Ривера и подчинившийся влиянию высшего духовенства и знати, слабый король, воспользовавшись болезнью диктатора, уволил его, назначив главой правительства Беренгера (тоже генерала испанской армии). Этот генерал, совершенно неопытный в государственных делах и поддававшийся влияниям, сыграл роль испанского Керенского. В результате в стране началась анархия, анархические выступления, беспорядки и в результате полного хаоса, в 1931 г. т. е. один год после отставки Примо де Ривера (1930 г.), король вынужден был отречься от престола и покинул Испанию. Была провозглашена Республика.

Правительство Республики (президент Алькала Замора, премьер-министр, либерал Сантьяго Кирога) совершенно не могли справиться с положением. В результате в Барселоне началось движение анархистов (верных идеологии

русского анархиста Бакунина), во всей стране было полное безвластие, политические партии вели словесную борьбу между собой. Когда то мощная католическая партия во главе с Гиль Роблесом, хотя и имевшая большинство в Кортесах (парламент), не имела мужества и решимости противостоять хаосу.

За четыре с половиной года существования республиканского правительства произошли:

- 160 сожжений и разграблений церквей,
- 269 политических убийств,
- 1.287 вооруженных нападений с целью грабежа,
- 69 разгромов политических центров,
- 10 нападений и поджогов редакций газет,
- 348 забастовок.

Правительство потеряло всякий контроль над страной, в которой фактически хозяйничали анархические группировки и синдикаты (Юнион Хенераль де Трабаходорес).

В феврале 1936 г. произошли выборы в Кортесы, в которых победителем оказался «Народный фронт», составленный из социалистов и коммунистов.

16 июня 1936 г. состоялось заседание Кортесов, на котором молодой энергичный католический депутат Кальво Сотелло произнес речь, обвинявшую «Народный фронт» в преступной демагогии и призывавший к спасению страны от хаоса, анархии и гибели. После этой речи коммунистка Долорес Ибаррури (в силу своего революционного темперамента называемая «Пассионария») совершенно недвусмысленно закричала, что такие реакционеры, как Кальво Сотелло должны быть уничтожены.

13 июля Кальво Сотелло был арестован в 3 часа ночи, увезен из дому на автомобиле, убит пулей в затылок и труп его выброшен на улицу. Это событие и явилось сигналом к восстанию.

К моменту восстания положение в Испании было следующим:

Под давлением «Народного Фронта» умеренный Президент Республики Алькала Замора был свергнут и вместо него избран сторонник «углубления революции» Мануэль Азанья.

«Народный Фронт» руководился членом Коминтерна,

советским агентом, несколько раз побывавшем в Москве, коммунистом Ларго Кабаллеро.

В Каталонии (Барселона) образовалось собственное каталонское правительство: «Генералидад», руководимое сепаратистом Компанисом.

В стране Басков, которые соединили католические традиции с ярко выраженным сепаратизмом образовалось свое собственное правительство.

Легальная католическая партия потеряла всякий контроль и ее лидер Гиль Роблес, которому угрожала судьба Кальво Сотелло, вынужден был скрываться и вскоре покинул Испанию.

Единственная группировка, которая стала решительно бороться с анархией, была организация испанской молодежи «Фаланга» со своим энергичным и талантливым лидером Хозе Антонио Примо де Ривера (сыном покойного диктатора). Между Фалангистами и Народным Фронтом начали происходить непрерывные стычки. Народному Фронту удалось захватить Хозе Антонио и ряд руководителей Фаланги и вывезти их из Мадрида, где они, арестованные, были лишены всякой связи со своими соратниками и ожидали неизбежного смертного конца.

Таким образом оставалась одна лишь противодействующая анархии сила — Испанская Армия.

Испанские генералы давно уже с тревогой наблюдали происходившие события и тайно сговаривались между собой.

Наиболее выдающимися и решительными среди них были:

— генерал Санхурхо, бывший командир «Гражданской Гвардии» (испанская жандармерия), вынужденный еще за несколько лет до восстания, ввиду его попытки произвести переворот, скрыться в Португалии, но сохранявший связи со своими товарищами по службе;

— генерал Молла, военный губернатор Памплоны — главное действующее лицо заговора;

— генерал Кейпо де Ляно, командир корпуса Карабинеров;

— генерал Годе,

— генерал Франциско Франко, сосланный на Канарские острова, из-за протеста против бездействия властей.

План, составленный Моллой, предвидел следующее:

— генерал Кейпо де Ляно с карабинерами захватывает власть в Севилье;

— генерал Саликэ поднимает восстание в Валладолиде;

— генерал Молла поднимает восстание в Памплоне и в Бургосе;

— генерал Виллегас захватывает силами армии и фалангистов Мадрид;

— генерал Лабанеллас восстает в Сарагоссе;

— генерал Родэ — в Валенсии;

— генерал Франко вылетает на самолете с Канарских островов и принимает командование Испанской Африканской армией. (Легион и мавры).

Однако, положение оказалось иным.

В ночь с 16 на 17 июля 1936 года восставшие офицеры под командой полковника Газало с верными частями захватили город Мелиллу в Испанской Северной Африке. В эту же самую ночь генерал Франко покинул Тенериф (Канарские острова) и прибыл в Испанскую Африку.

Это положило начало восстанию и созданию наиболее сильной вооруженной силы в составе африканской армии, крепко взятой в руки генералом Франко, который, бывши раньше ее командующим, имел в ней неоспоримый авторитет. Как мы увидим дальше, именно сила и действия африканских войск и привели к власти ген. Франко, который раньше не предполагался к принятию верховной власти. В начале заговора было намечено, что главой национального правительства будет или Молла или Санхурхо с помощью Кабанелласа, который, кстати, сразу же был назначен генералом Молла для формирования национального кабинета министров.

Попытка восстания в Мадриде, крайне неудачно совершенная генералом Виллегасом, провалилась и имела крайне тяжелые последствия. В ночь с 19-го на 20-е июля в Мадриде революционерами — анархистами и коммунистами было сожжено 50 церквей, начались массовые убийства. Возбужденные толпы с криками: «Смерть фашизму. Все на защиту Республики», врывались в дома,

захватывали и убивали офицеров, фалангистов, людей подозреваемых в сочувствии «врагам республики» и т. д.

Попытки восстания в Валенсии и в Гренаде также не имели успеха.

Генерал Санхурхо погиб в воздушной катастрофе.

Генерал Годэ был арестован и убит.

Генерал Молла имел полный успех и охватил восстанием всю провинцию Леона с Бургосом, создав там крепкий очаг сопротивления.

Наконец генерал Франко овладел всей Северной Испанской Африкой, почти без всякого сопротивления и начал высаживать свои войска на южном берегу Испании с помощью имевшего успех Кейпо де Ляно.

Затем, обнаружилась на севере Испании новая сила: карлисты, которые сразу же присоединились к националистам и стали создавать свои добровольческие боевые части: рекете (дружины) с выборными ими же офицерами. Эти крепкие и дисциплинированные части также сделались крепкой опорой националистического движения.

Таким образом, к концу июля 1936 года восставшие националисты захватили в свои руки добрую треть испанской территории, при чем, что очень важно подчеркнуть имея в своем распоряжении две трети испано-португальской границы. Португальское правительство, руководимое доктором Салазаром, хотя и оставалось в первые дни восстания нейтральным (официально) искренне сочувствовало восстанию, боясь повторения подобного же хаоса у себя, в Португалии, и всячески содействовало восставшим. Надо подчеркнуть, что Португалия была первой страной, которая с первых же дней восстания, существенно помогла националистам.

Начало военного восстания ознаменовалось в республиканской Испании совершенно невероятными жестокостями, чинимыми над офицерами, священниками, государственными чиновниками. Это была подлинная варфоломеевская ночь широчайшего масштаба. Люди народного фронта истребляли всех тех, на ком лежало подозрение в сочувствии националистам. Причем, в силу испанского темперамента, эти убийства сопровождались чудовищными пытками: людей сжигали заживо, распинали на самодельных крестах, при них насиловали их жен и дочерей.

В первые дни восстания это был крошечный ужас. Это, естественно, послужило к репрессиям с обратной стороны и по всей Испании потоками лилась кровь этой страшной братоубийственной войны.

ИНОСТРАННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ

Вечером 19 июля 1936 г. вновь назначенный республиканским первым министром Хираль обратился с телеграммой к председателю совета министров Французской Республики Леону Блюму (главе Французского Народного Фронта, вступившему в эту должность 5-го июня) со следующей телеграммой:

«Мы поставлены перед фактом опасного военного восстания. Просим Вас немедленно помочь присылкой оружия и самолетов. Братски Ваш Хираль».

В это время в самой Франции происходили стычки между партизанами Народного Фронта и их противниками и Леон Блюм считал, что победа националистов над Испанским Народным Фронтом будет иметь серьезные последствия во Франции.

Поэтому французское правительство начало немедленно организовывать отправку оружия и самолетов в Испанию.

Одновременно, Ларго Кабалеро телеграфировал с той же просьбой в Москву. 21 июля состоялось спешное заседание президиума Коминтерна под председательством болгарского коммуниста Димитрова. Коминтерн постановил просить советское правительство оказать срочную помощь Испанской Республике и командировал Димитрова в Мадрид для «координации действий».

Однако, не пример Франции, Сталин не спешил оказывать немедленную большую помощь Испании, боясь осложнений с Германией и Италией. Он только решил послать в качестве разведки крупных военных специалистов и инструкторов, заверив республиканское правитель-

ство, что он не допустит поражения Испанской Республики.

По инициативе СССР и Франции состоялось создание особого Комитета, который должен был следить за событиями в Испании и не допускать доставки оружия и военных материалов обеим сторонам. Как и полагалось, Комитет этот занимался только словоговорением и решительно никакого воздействия на события не оказал.

Между тем, вследствие недостатка военного снаряжения, правительство национальной Испании обратилось с просьбой к Муссолини, прося его о помощи.

Некоторое время Муссолини также медлил с ответом.

Но в конце июля в Париже и по всей Франции открылись, с молчаливого одобрения правительства Блюма и с его полным сочувствием, вербовочные бюро для посылки добровольцев в открытые в Испании, по инициативе Хирала и Ларго Кабаллеро, Интернациональные Бригады.

Уже в самом начале августа, после деятельной пропаганды Андрэ Мальро и Марти, в республиканскую Испанию отправился первый эшелон с 700 добровольцами. И запись в Бригады приняла самый широкий размах.

Это побудило Муссолини ответить согласием на посылку оружия, самолетов и войск (официально добровольцев) в националистическую Испанию. Мало того, Муссолини командировал в Берлин своего министра иностранных дел графа Чиано, который добился помощи Гитлера, решившего послать в националистическую Испанию военных инструкторов и большой авиационный отряд.

15 октября 1936 г. началась и серьезная советская помощь. Советские пароходы «Георгий Димитров», «Нева», «Большевик» прибыли в Барселону уже в начале сентября, привезя большое количество припасов, оружия, грузовиков и медицинских средств. Немедленно стали организовываться и отправляться группы военных инструкторов и политических комиссаров, а затем стала усиленно подвозиться артиллерия, танки и авиация.

Только до конца 1936 г. СССР доставил республиканской Испании:

160.000 ружей;

4 миллиарда патронов к ним;

25.000 пулеметов разного калибра;
400 орудий разного калибра и 12.000 снарядов к ним;
350 танков разного типа;
200.000 зажигательных и фугасных бомб и гранат.

Обеспокоенное стремительным наступлением национальных войск, испанское правительство решило вывезти из Испании на сохранение испанский золотой запас. Советские представители предложили отправить его в СССР и 25 октября из Картагена в Одессу отплыли советские пароходы под охраной советских же подводных лодок, увозя с собой золото на сумму в 2.258.569.908 золотых пезет. (Как известно, до сих пор это золото — если оно не растрчено — хранится в Советском Союзе).

В ноябре 1936 г. на помощь республиканской Испании прибыли советские офицеры и техники для обслуживания авиации и танков.

В то же самое время на юге Испании начали выгружаться две итальянские стрелковые дивизии и прибывать итальянская авиация.

В декабре 1936 г. прибыл из Германии «Легион Кондор» под командой генерала фон Шперля, при начальнике штаба полковнике Рихтхофене (прославившегося в Первую Мировую войну): 4 эскадрилии бомбардировщиков, 4 эскадрилии истребителей, батареи противовоздушных орудий.

6-го ноября республиканское правительство оставило Мадрид и переехало в Валенсию, предоставив всю власть в столице генералу Миаха. На следующие же дни после бегства правительства, власть в Мадриде перешла исключительно в руки коммунистов. Миаха сделался их послушным оружием.

Перед отъездом из Мадрида, правительство распорядилось вывезти из столицы всех политических заключенных (до 16.000 человек), находившихся в мадридских тюрьмах.

Решительно все эти политические узники были убиты коммунистами.

19-го ноября после комедии суда, был расстрелян в г. Аликанте вождь Фаланги Хозе Антонио Прима де Ривера.

По приезде в Валенсию, премьер-министр Хираль был

✓ заменен Ларго Кабаллеро и с этого момента фактически испанское республиканское правительство стало абсолютно подчиняться советским приказам.

В Валенсии находился особый политический комитет во главе с советским представителем Берзиным (псевдоним Горев), венгром Хероз и другими деятелями Коминтерна. Этот комитет давал все распоряжения послушному правительству и, когда желавший сохранить хоть тень самостоятельности, коммунист Ларго Кабаллеро начал протестовать против безапелляционных приказов Комитета, он был заменен более послушным советским агентом Негрином. (15 мая 1937 г.).

Правительство Валенсии фактически никакой власти не имело. Как мы увидим из обзора военных событий, националисты подступили к Мадриду и контролировали две трети Испании. В Барселоне было образовано сепаратистское каталонское правительство, в остальных провинциях господствовали местные организации Народного Фронта, главным образом коммунисты.

✓ Интернациональные бригады, первые месяцы дравшиеся с ожесточением, начали рассыпаться. И так как в октябре 1937 г. Франция открыла свою границу для пропуска людей из республиканской Испании, началось форменное бегство иностранцев из Испании.

✓ Поставленный в положение простого фигуранта, президент Азанья в 1938 г. оставил пределы республики и бежал во Францию. На территории республики начался хаос и полное безвластие.

✓ В 1938 г. вспыхнул в Европе чехословацкий кризис, ультиматум Гитлера, известное мюнхенское свидание, на котором, помимо разрешения так называемого «судетского вопроса», Великобритания, Франция, Германия и Италия рассмотрели и испанский вопрос, придя к заключению прекратить поддержку обеим сторонам испанской гражданской войны.

В начале сентября правительство генерала Франко объявило о своем нейтралитете в европейском конфликте, а 9-го сентября в Цюрихе состоялось свидание представителя генерала Франко, герцога Альба с премьер-министром республиканской Испании Негрином, который искал компромисса для прекращения гражданской войны.

Правительство генерала Франко потребовало безого-

ворочной капитуляции. И если некоμμунистическая часть потерявшего всякую власть правительства Негрина и готова была пойти на это, коммунисты категорически протестовали, в первую голову на том основании, что Мадрид еще держится и не взят националистами.

Однако эта иллюзия продолжалась недолго.

В самом Мадриде положение было безнадежное, сопротивление подходило к концу.

Республиканский полковник Касадо, по собственной инициативе, начал тайные переговоры с командованием национальной армии 28 января 1939 г. В результате этих тайных переговоров, националистическое командование согласилось на эвакуацию Мадрида и его района республиканцами и на их отступление к берегам Средиземного моря, обязавшись не преследовать их и не препятствовать их отходу. После этого Касадо сверг власть генерала Миаха, арестовал коммунистических вожаков, — многие из которых были расстреляны, и 27-го марта 1939 г. республиканские войска очистили Мадрид, отступая к берегам Средиземного моря.

Этим была фактически кончена гражданская война. После некоторых незначительных стычек в восточной Каталонии, часть республиканцев перешла французскую границу в районе Порт-Бу и Пертюса и была интернирована французскими властями. Многие же части республиканской армии положили оружие и капитулировали.

Положение в национальной Испании было совершенно иным. Совершенно ясно, что без иностранной помощи генерал Франко не мог бы одержать такой полной победы. Однако, принимая эту помощь и, конечно давая многие обязательства помогавшим ему странам (Германии, Италии и Португалии — главным образом экономического характера, он сохранял всю полноту власти в своих руках и никоим образом не являлся политическим орудием в руках иностранцев.

Кроме того, в национальной Испании был полный порядок, была старая опытная администрация, были прекрасные кадры дисциплинированной полиции («Гвардия Сивиль» и «Карабинеры»), наконец, благодаря открытой португальской границе продовольственный вопрос стоял неизмеримо лучше, чем в голодающей республиканской части Испании.

Наконец, как мы увидим из обзора военных событий, у ген. Франко имелись опытные генералы, стратегия которых была неизмеримо лучшей, чем у республиканских, находившихся в подчинении у политических группировок.

В то время, как в республиканской Испании все время происходила борьба за власть и частая смена правительств (Хираль, Ларго Кабаллеро, Прието, Негрин, опять Негрин и т. д.), в Испании национальной была единая власть и единая воля.

В начале положение молодого генерала Франко было деликатным. На верховное руководство претендовали старшие чем он: Санхурхо, Кейпо де Ляно, Молла. Однако, как было и будет указано, главной оперативной и боевой силой явилась Африканская испанская армия, возглавляемая Франко. Это главным образом и послужило к признанию Франко Главой Государства. И надо отдать справедливость всем его соперникам, что они подчинились этому и лояльно его поддерживали.

Было бы совершенно легкомысленно считать испанских националистов ангелами. Конечно, и с их стороны были жестокости по отношению к противникам и, особенно, безжалостные по отношению к коммунистам. Однако, эти жестокости проявлялись в момент борьбы, в боевой обстановке. В самой же стране чувствовались порядок и законность.

В то время, как республиканцы безжалостно уничтожали всех заподозренных в симпатиях к национальной Испании и, особенно, захваченных в плен иностранцев, боровшихся на стороне ген. Франко, националистические власти содержали пленных в терпимых условиях и, например, сбитых во время боев советских летчиков лечили и после окончания войны с миром отпускали домой.

Совершенно естественно, что, делая сравнение между двумя режимами, население Испании становилось на сторону Франко.

У национальной Испании были лишь немалые трудности с сепаратистами-басками и каталонцами и их сопротивление было трудно сломить.

Однако, после окончания войны и здесь были приняты не террористические, а мирно дисциплинарные меры.

Ген. Франко не провозглашал никакой политической программы, кроме спасения страны. Он, поддерживая Фа-

лангу, сдерживал ее республиканские тенденции, также как и тенденции монархистов-карлистов, которые настойчиво требовали провозглашения королем претендента из карлистской ветви династии.

Политическая же мудрость Франко проявилась во время Второй Мировой войны, когда Гитлер потребовал пропуска германских войск через испанскую территорию для атаки Гибралтара. Обязанный многим Гитлеру, Франко категорически отказался вводить Испанию в новую войну.

БЕЛАЯ ИСПАНИЯ И РУССКИЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ

Героическая борьба испанских патриотов привлекла симпатии русских белых офицеров в европейских странах и, особенно во Франции, граничащей с Испанией.

В начале 1937 г. многие из них жаждали принять в ней участие. Однако, Франция того времени, управляемая Леоном Блюмом, была всецело на стороне красного испанского правительства, граница была закрыта. Во Франции формировались отряды красных добровольцев, в республиканскую Испанию стали прибывать советские советники и военные инструктора. Средств у русских эмигрантов не было никаких и тем не менее некоторые из них, белые офицеры, решили преодолеть все казалось невозможные препятствия, проникая в Испанию по горным дорогам, очень часто с риском быть не только арестованными французскими пограничниками, но и с риском для жизни.

Тем не менее около 80 белых офицеров нашли возможным достичь своей цели, причем люди далеко не молодые. В частности приведем пример генерала Фока. Против его приема в армию испанский пограничный комендант заявил протест, указывая на его чин и возраст (57 лет). Генерал ответил: «Насчет чина не волнуйтесь, я в 1918 г. уже был рядовым бойцом, а насчет возраста судите сами», и тут же перед изумленными и восхищенными испанцами он проделал несколько акробатических приемов и показал гимнастику с винтовкой. После этого ко-

мендант подписал его определение в строй в Терсио (батальон) Зумалонореги и вскоре за отличие в боях на подступах к Бильбао он был произведен в подпоручики и вскоре переведен на Арагонский фронт. Погиб он смертью героев.

В конце августа 1937 г. терсио Дона Мария де Молина был брошен в район Кинто против красной интернациональной бригады, прорывавшейся в направлении Сарагоссы и ему был дан приказ задержать красных до подхода подкреплений. 2-й ротой терсио командовал капитан Полухин (Марковского Арт. Див.).

Ген. Фок, причисленный уже к штабу Терсио, сам вызвался пойти в роту добровольцем. В течение двух дней рота мужественно сопротивлялась окружившим ее красным, больше половины белых погибло, небольшая часть была захвачена ранеными в плен. Ген. Фок, кап. Полухин и испанский фельдфебель («бригада») Пастор перенесли раненых в небольшую часовню деревушки и, укрывшись в ней, открыли огонь по красным.

Отрезанные от всех, они держались в часовне 12 дней, пока она и все в ней находившиеся не были сметены артиллерией красных. Это поистине был маленький Альказар, но не менее величавый по подвигу.

Вторым героем оказался генерал-майор Н. В. Шинкаренко, тяжело раненый в первых же боях. Отметим такое же героическое поведение оставшихся в живых во время непрерывных боев наших белых офицеров Кривошеи, Белина, Двойченко, Юренинского, Голбана, Артюхова, Селиванова, Яремчука, Клименко, Налетова, Гурко, барона Вольфа, гр. Ламздорфа, Барка, Бибикова, Константинова, Ильина, Али Гурского, Рашевского, Трингама, Кривошеи (мл), Есаулова, Памфилова, Зелимбека, Зотова, Сальникова, полк. Н. Н. Болтина и других.

Смертью храбрых в боях погибли ген. Фок, кап. Полухин, поручик-летчик Марченко, подпр. Кампельский, добровольцы князь Магалов и Кученко. Увы жизнь не пощадила и оставшихся в живых и, насколько нам известно, здравствуют и поныне только А. П. Яремчук, Б. В. Ильин и граф Ламсдорф. Если мы ошиблись и кто-то еще, не имеющий с нами связи жив, просим об этом сообщить.

ВОСЕМЬСОТ ДНЕЙ
ДНЕВНИК ДОБРОВОЛЬЦА
ИСПАНСКОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АРМИИ
1937 - 1939 г.г.

КРАТКИЙ ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК:

Родился в Остроге 16-го апреля 1896 г.

Киевское Николаевское пехотн. военн. училище — 1916 г.;

184 пехотный запасный полк (Острогожск Воронежской губернии);

321 пехотный Окский полк. 81 пех. дивизии (Германский и австрийский фронты);

Корниловский ударный полк — 1 августа 1918 года. И до настоящего времени;

Испанская Национальная Армия 1937-1939;

Моя 4-я война Итальянская Армия в России 1941-1943.

Ранен: 29 сентября 1918 г. Станица Ново-Екатериновская, Кубань. 5 марта 1919 г. при взятии гор. Дебальцево.

Галлиполи, Болгария, Франция, Испания, Италия, Россия — Мадрид по сей день.

Кавалер русских, испанских и итальянских орденов,

ПАРИЖ. ИЮЛЬ 1936 года

Я тогда проходил курсы «политграмоты» при РОВС'е под руководством Валерия Михайловича Левицкого, бывшего начальника Политического отдела штаба генерала Врангеля в Крыму. Наш «политрук» был человек сведущий, разбиравшийся в политических событиях и передававший нам свой опыт и знания. Он нас учил рассматривать всё происходившее в мире с точки зрения интересов Национальной России. Как-то я зашел к нему на дом и по дороге купил газету «Пари-суар», там было что-то об Испании в связи с недавним убийством лидера монархистов Кальво-Сотело. Я не обратил внимания, но Валерий Михайлович спросил меня: «Что нового в газете?». Просмотрев газету, он сказал «Наконец-то началось». Там говорилось о восстании национальных сил против красного режима, руководимого московскими заправилками.

Постепенно события в Испании стали развиваться в нужном нам виде и вскоре возник вопрос об участии в борьбе и русских добровольцев. В Париже во многих местах открылись бюро вербовки добровольцев в красную испанскую армию и из Парижа отправлялись целые эшелоны добровольцев в красную Испанию. В Париже в этом году открывалась всемирная выставка, на нее прибывали из многих стран молодые люди, которые направлялись в интернациональные бригады. В конце 1936 года посетил Испанию, национальную зону, генерал Шатилов* и на месте ознакомился с Испанской Национальной Армией. Нашими военными (в частности на собраниях Парижской группы Корниловского ударного полка) горячо обсуждался вопрос о возможном нашем участии в вооруженной борьбе армии генерала Франко против нашего общего врага. Некоторые нетерпеливые роптали — почему наше Командование медлит и ничего не предпринимает...

* Ген. Шатилов — Начальник Штаба Ген. Врангеля в Крыму. — Примечание Издателя.

Наконец было устроено общее собрание всех групп РОВС'а, на котором выступил генерал Шатилов и поделился своими впечатлениями о поездке в Испанию и о возможном нашем участии. От Корниловского ударного полка сразу-же записалось желающими 53 человека. Было решено переправлять добровольцев небольшими группами, так как граница Франции с Национальной Испанией строго охранялась французскими жандармами (тогда во Франции был «народный фронт» Леона Блюма), тогда как в красную зону добровольцы направлялись целыми поездами со станции Париж—Берси.

На одном из полковых собраний я разговорился со своим другом, которого я знал с 1918-го года, Петром Петровичем Пелехиным (поручик). Сам он сын дипломата, «белый» до мозга костей. С ним в Корниловском полку был его брат, мальчик-доброволец. Разговорился я с Петром Петровичем и вижу, что он какой-то грустный и мне отвечает невпопад. Я спрашиваю: «Что с Вами?». Он вынимает из кармана французскую левую газету и показывает мне фотографию — группа молодых людей с винтовками, добровольцев красной испанской армии. «Смотрите, это мой брат» ...«Он в Париже отбилсЯ от рук, вел знакомство со всякой сволочью и вот результат». Я мог только сочувственно покачать головой моему близкому другу. Но это был единичный случай.

Относительно записи добровольцев в Армию генерала Франко особенную энергию проявил старший Парижской группы Корниловцев полковник Григорий Захарьевич Трошин (ныне покойный). Были и курьезы. Мой земляк и товарищ по выпуску Острожской гимназии, вместе были в Николаевском военном училище, потом в 184-м запасном полку и на фронте в 321-м Окском полку, (потом дороги наши разошлись — он был в Северо-Западной Армии, а я в Добровольческой) — он никак не соглашался записаться желающим (я его устроил в Парижскую группу Корниловского полка). Мы его спросили: что же его удерживает в Париже? Он говорит: «у меня есть граммофон и 200 русских пластинок, их нужно ликвидировать и тогда я смогу ехать в Испанию».

Старшим группы добровольцев был назначен капитан Максимович, окончивший в Париже Высшие военные курсы генерала Головина. Наконец, в начале марта 1937

года первая группа в 7 человек (главным образом Марковцы-Артиллеристы) выехала с парижского вокзала Кэд'Орсэй* на Сен-Жан-де-Люс на границе с Испанией, против города Ируна. Связным между добровольцами и Парижем был назначен некто поручик инженерных войск и большой друг генерала Скоблина Савин. Через несколько дней он приехал в Париж с испанской границы и огорошил нас вопросом: «Чего вы ждете? Вас там ждут»... По какой-то причине получилась задержка с отправлением следующей группы в 7 человек, с которой должен был ехать и я. Я расплатился с квартирой и пошел на всякий случай в полицию выписаться, как иностранец, уезжающий из Парижа. Меня чиновник спросил: «А если начнется война, то вы согласны будете служить во французской армии». Я ответил отрицательно и чиновник сделал отметку в книге. Впоследствии, когда в 1939-м году началась война с Германией, многие русские были заключены в концлагеря и даже ликвидированы. В то время министром внутренних дел был Мандель (один из Ротшильдов) и по его приказу многие белые русские были не только арестованы, но по тогдашним слухам человек 200 было ликвидировано. (По французским понятиям, все иностранцы должны обожать «прекрасную Францию» и проливать за нее кровь до последней капли — я этого мнения не разделял и, конечно, меня ликвидировали бы...).

Я распределил свое имущество бескорыстно между остающимися — а добра за 11 лет в жизни в Париже скопилось немало). Осталась одежда — и мой однополчанин Ваничка Кириченко говорит: «Я вам пришлю двух русских босяков, ночующих под мостами». Пришли два типа, навязали огромный узел и с благодарностью ушли — получили кое-что на пропой души).

Хозяевам своего отеля я сказал, что уезжаю в провинцию, в город Клермон-Ферран, к брату (штабс-капитан Корниловского полка, ныне покойный). За несколько дней до моего отъезда, приехал в Париж мой брат и говорит: «чего ты полез в авантюру, согласившись ехать в Испанию». Я ему объяснил, что Испания может стать центром сосредоточения белых русских бойцов, и кто знает — может быть следующим этапом будет возобновле-

* Теперь станции Кэд'Орсэй не существует и поезда в Испанию теперь идут со станции Аустерлиц. — Прим. Издателя.

ние белой борьбы на родной земле. Брат согласился с моими доводами. Стало известно, что Гвардейский Казачий дивизион, расположенный в Югославии, вел переговоры со штабом генерала Франко о переброске всего дивизиона в Испанию, но по нашим сведениям переговоры ничем не окончились, так как казаки поставили условием обеспечение семейств убитых и инвалидов. В то время, испанцы не могли на себя принять такого обязательства.

Ликвидировав свое барахло, отправился в Общество Галлиполийцев, на рю Фэзандери, где оно занимало прекрасный особняк. Там я узнал, что отправка нашей 2-ой группы отложена на неделю. Пришлось вернуться на квартиру, где мои милые хозяева отказались от всякой платы, так как я прожил у них больше десяти лет. Последних две-три ночи я провел в Обществе Галлиполийцев. Наконец был назначен день отъезда нашей группы.

16 марта 1937 года. Утром мы должны быть на вокзале. Нам приказано ограничиться маленьким чемоданчиком — пара белья и документы. По приказу все явились в черных беретах, должны были покупать билеты каждый для себя и делать вид, что не знакомы с остальными спутниками. Сели в разные вагоны и разные купе третьего класса. Мне пришлось ехать в одном купе с нашим поручиком Владимиром Викентьевичем Боярунасом, которого я почти не знал. Мы делали вид, что не знакомы друг с другом и никакими фразами не обменивались всю дорогу. На одной станции сел в купе какой-то старенький почтенный французик. Боярунас мне шепнул: «Это шпион, он следит за нами»... В Бордо вся публика вышла на перрон станции, я тоже, купил две бутылки лимонада и одну подвинул ногой к моему спутнику, но тот разыгрывал из себя такого детектива, что не дотронулся до бутылки, пришлось мне выпить и вторую бутылку, вынул кое-что из чемоданчика и закусил, а мой спутник так и проехал 600 километров не евши и не пивши.

По условию, первая партия должна была оставить в Сен Жан де Люс одного из них, чтобы встретить нас на вокзале. При выходе с вокзала нас встретил молодой корниловец, бывший кадет Сибирского корпуса, забайкальский казак Миша Сальников (прослужил 5 лет во Фран-

цузском Легионе в Индокитае и в Африке). Сальников предупредил нас, что местные коммунисты следят за приезжающими. В темноте мы двинулись шагов на 20 друг за другом и дошли до небольшого отеля с садом и нырнули в калитку. Нас там ждали, развели по комнатам и накормили. О нас заботилась какая-то французская монархическая организация, вероятно державшая контакт с испанцами националистами. Первым делом я раскрыл свой микроскопический чемоданчик, в котором была лишь пара белья и документы, вынул шляпу и забросил ее на шкаф. Пробыли весь день в отеле и на следующий день вечером вышли оттуда и пришли на какую-то ферму, шли гуськом, лишь бы видеть переднего. Засели в кустах, сыро, роса, а мы в парижских ботинках и в городских пальто, но в беретах (черных).

Перед уходом из отеля возник вопрос — кого-то нужно было оставить для встречи на вокзале следующей группы, которая незамедлительно должна была прибыть из Парижа. Капитан Белин хотел оставить меня, но я сказал, что среди нас есть врожденный сыщик — Боярунас. На этом и остановились и он остался в отеле для встречи новой группы (которая прибыла лишь через четыре месяца...).

Должен заметить, что в Париже мы должны были сохранять полное молчание о нашем отъезде в Испанию и не говорить об этом даже самым близким друзьям. Мои друзья узнали о моем отъезде лишь через много месяцев. Но к сожалению, один из уехавших проболтался о своем отъезде своей сожительнице-француженке и та угрожала заявить в полицию, мы об этой болтовне узнали, но все обошлось благополучно.

Просидели мы в кустах некоторое время и к нам присоединились два контрабандиста — «все благополучно», сказали они. Начался наш поход по горам, зарослям, перешли вброд три ручья в ботинках — задрипались, промочили ноги. Шли мы так гуськом часа три, на расстоянии, чтобы не потерять из вида впереди идущего. Впереди меня поручик Сладков, в очках, плохо видит ночью. Он остановился, я спросил — почему он не идет? Говорит, что потерялся... Мы простояли в нерешительности несколько минут, один контрабандист вернулся и направил нас на правильный путь. Дошли в лесу до какого-то

бугра и контрабандисты нам сказали, что они уже нас довели до Испании и поэтому возвращаются обратно: пройдете мол туда-то и там уже испанский пост и вас там ждут. Пошли мы и попали в болото — промокли до пояса. Перед нами скала и мы на нее вскарабкались. С нами переходили какие-то молодые французы, сказав, что якобы муж и жена, что француз тоже поступит добровольцем и стал хвастать, сколько красных он убьет. Правда, на следующий день, когда мы добрались до Ируна, эта французская чета возвратилась обратно во Францию. На скале мы просидели до рассвета. Граница там проходит зигзагами и мы не знали куда идти, чтобы не нарваться на французских пограничников, хотя контрабандисты уверяли, что путь свободен и что этой ночью они свободно смогли бы перевести 200 человек. На рассвете мы различили невдалеке небольшой домик, вроде фермы. Зашли туда — нас встретил молодой фалангист, который признался, что заснул и поэтому не вышел нам навстречу. На хуторе нас накормили — хлеб, сыр и густое темно-красное вино — я такого вина больше никогда не пил. Отдохнули и фалангист повел нас на ближайший пост, километров за пять. Начальник поста — офицер в красном берете. Впечатление приятное, милые, приветливые люди. Подали грузовик и мы двинулись по шоссе мимо пограничного поста, за барьером — французские жандармы, мы им только ручкой помахали. (Вероятно они догадывались, кто мы такие). Через город Вера-Бидасоа нас привезли в Ирун, прямо в столовую комендатуры и там накормили — белая фасоль и рагу, пицца прекрасная и вкусная. Пришли на вокзал и видим — на перроне стоят рядышком наши чемоданчики, их перевезли нелегально камионом из Сен-Жан-де-Люс'а. Около 4-х часов дня поездом прибыли в Сан-Себастьян, остановились в пансионе, поужинали, но нам пришлось платить уже из собственного кармана. Явились коменданту и тот стал нас усиленно уговаривать поступить во французскую бандеру (батальон), благо с ним сидел какой-то француз и науськивал его. Французская чета потеряла все признаки вчерашней воинственности и решила возвратиться во Францию. Так как мы отказались от удовольствия служить во французской бандере, то комендант (полковник) решил нас отправить в Сарагоссу. Пе-

реночевали там в какой-то харчевне с комнатами для проезжающих и утром пошли к французскому консулу в Сарагоссе, который нам обменял французские франки на пезеты — надул нас, так как за 100 франков дал по 60 пезет, тогда как курс был 80 пезет. О первой нашей группе, выехавшей за неделю до нас из Парижа, консул ничего не знал. Мы спросили консула, как он относится к нынешнему французскому «народному фронту», он ответил, что «посол служит режиму, а консул нации». В харчевне хозяин, толстый и симпатичный испанец нас накормил обедом, предложив нам типичное испанское кушанье. Смотрим — хозяин тащит большую сковороду и на ней какие-то кольца — оказался жареный спрут. Я в Париже шесть лет был вегетарианцем, «никого не ел» и в конце концов должен был когда-нибудь перейти на «пожирание трупов». Я взял одно кольцо — мне показалось нечто вроде куска жареной резины и выплюнул, наши на меня смотрели и хохотали.

В Сарагоссе явились к коменданту города и он нас направил в институт Гойя, служивший казармой для арагонских «рекете». Там было несколько юношей под командой пожилого кабо (ефрейтор). Он прежде всего заявил своим подчиненным: «Это сеньоры, не беспокоить их». Нас осмотрел врач — смотрел легкие и грыжу, все были здоровы. Пришел на костылях почтенный испанец благородной внешности, оказался господин Хункера, видный карлист. Быстро нашли общий язык — благо сеньор Хункера говорил по-французски. У одного из наших он увидел на шее крестик, Хункера попросил разрешения поцеловать его. Мы из безбожной Франции попали в религиозную Испанию, это было даже трогательно. Сеньор Хункера нам показывал достопримечательности Сарагоссы — столицы Арагона: мавританский домик с фонтанами, тронный зал Арагонских королей — но там был интендантский склад, впоследствии здание было реставрировано, особенно скульптура внутри.

Расписание дня, которое и мы по мере сил стали соблюдать: в 7 часов утра подъем и кофе с молоком и хлебом, очень хорошего качества; в 9 утра занятия, в 12 часов обед стакан вина, вареная фасоль или картофель под соусом, мясо с картофелем и на сладкое фижи или печенье. Пища хорошая, вкусная и обильная. В 7 часов

ужин — приблизительно такой-же как и обед, тоже по стакану вина. В 9 часов вечерняя поверка и спать. Мы делали приблизительно то-же, что и рекете: во время поверки и молитвы, когда рекете выстраивались, мы тоже стояли в сторонке и наблюдали за новыми нам обычаями. На следующее утро мы во внутреннем дворе немного позанимались строем, побегали, чтобы немного согнать жирок, накопившийся за эмигрантские годы. Потом нам показали испанский военный строй. Узнали, что наша первая группа находится в городе Памплоне, столице Наварры.

На следующий день мы попросили винтовки поупражняться ружейными приемами. После обеда пошли погулять по городу, на берегу реки Эбро, где находится национальная святыня Испании в базилике Божией Матери Пиляр — на столбе, в память явления Божией Матери Апостолу Иакову (Сантьяго). Недавно красная авиация бросила несколько бомб в базилику, одна из них застряла в стене. Рядом — старинный кафедральный собор (Сео), внутри — столб, место явления Божией Матери. Собор построен на месте мавританской мечети, некоторые части остались с тех времен, много мавританских изразцов. Вечером посидели в кабаке, ругали русскую эмиграцию, которая из двух миллионов состава выделила так мало добровольцев для борьбы с врагом нашей Родины — коммунизмом. С теми, кто раньше уехали и были расiroплены в разных частях Армии генерала Франко, можно было насчитать не более ста.

24 марта 1937 года. Среда. Сарагосса. Уже неделя, как мы уехали из Парижа и много впечатлений. Другая страна, другие люди и почти все в красных беретах — это карлисты, монархисты, как и мы. Чувствуем себя спокойно и легко подальше от французского коммунистического «народного фронта», хотя в Париже остались все наши близкие и друзья.

Занимались военным строем — оказывается, мы не так уж и отстали. Думали, что наши приедут из Памплонны, ходили на вокзал, и никого не встретили, хотя нам и сообщили, что наши приедут к нам в Сарагоссу. Часов в 12 ночи был налет красной авиации — упало штук шесть бомб недалеко от нашей казармы. На верхнем эта-

же госпиталь и к нам в нижний этап спустились раненые итальянцы, разместились на наших постелях. Часа в два ночи — второй налет. Сегодня католическая Страстная Пятница — занятий нет. Ходили смотреть разрушения, видели массу осколков. Говорили нам, что за два дня до этого противозащитная артиллерия была переброшена из Сарагоссы в другое место и очевидно красные узнали об этом и безнаказанно налетели на город. Утром пошли в церковь — хоть праздник и католический, но мы христиане. Вечером пошли снова на вокзал — наша первая группа из Памплоны не приехала, а из Парижа должна бы прибыть третья группа — ни слуху, ни духу. Говорили со здешним майором о возможности соединения обеих групп, но майор ответил, что это вне его компетенции и предложил капитану Белину (старшему нашей группы) поехать на один день в Памплону, но он не поехал, решили ждать их прибытия.

26 марта 1937 г. Католическая Страстная Пятница. По случаю Страстной Пятницы, перед входов в церковь огромные очереди. Впечатление такое, что испанцы не спешат воевать: только в одной лишь Сарагоссе столько мужчин призывного возраста, что из них можно было бы сформировать две дивизии состава военного времени... Около воронок от бомб огромные толпы. Вечером раненые итальянцы, (видно по привычке) стали переселяться с верхнего этажа к нам в нижний, но тревоги не было. В 5 часов вечера по улицам города проходили религиозные процессии со скульптурными изображениями Страстей Господних и библейскими сценами, в колесницах. За ними масса женщин в темных одеждах с зажженными свечами. В казарму к ужину мы опоздали, так как путь был перерезан церковными процессиями.

28 марта. Страстная Суббота (католическая). Ночью приехала первая группа из Памплоны — 8 человек, девятый ушел в Испанский Легион. Группа под командой Штабс-капитана Голбана, Марковской артиллерии. Несмотря на Страстную Субботу, красная авиация совершила ночной налет на Сарагоссу. Наше положение продолжает оставаться неопределенным. По слухам нас отправят в городок Молина де Арагон, где формируется Тер-

сио Донья Мария де Молинья (королева 12-го века правившая Арагоном за мужа, сына и внука (Молина километров десять от фронта, от реки Тахо).

28 марта. Католическая Пасха. В Испании Пасха фактически не празднуется, а лишь Страстные Пятница и Суббота — Страсти Господни. Вечером в Страстную Субботу уже открыты синема и театры. Даже в казарме обед был хуже обыкновенного... Вечером пошли всей компанией в кафэ «Ниса» (Ницца по нашему), где хозяева говорят немного по-французски, так как мы испанского не знаем. На следующее утро мы во дворе казармы попрыгали и побегали, чтобы согнать эмигрантский жирок. Нас несколько человек пошли в штаб рекете, чтобы связаться с генералом Шинкаренко, который приехал в Испанию еще в конце прошлого года, был офицером Легиона и впоследствии тяжело ранен. Но связаться не удалось, так как он где-то на фронте. Двое из второй группы — Васька Кривошея и Гурко, прослужившие пять лет во Французском Легионе, пошли записываться в Испанский Легион, но ничего не получилось. Мы возмущались, что они разбивают компанию, так как всем вместе легче действовать, чем по одиночке. На улице встретили какого-то француза, альфереса (подпоручика) рекете и он нам сообщил, что из Молины де Арагон уже с неделю, как выехал за нами офицер, но его до сих пор нет (вероятно заехал домой в отпуск...). Ходили с сеньором Хонкоза (он на костылях) в полицию зарегистрироваться. Вероятно ни в одной стране мира нет таких ласковых и радушных людей, как в Испании. Нас зарегистрировали, но сказали, что документы мы получим после войны.

Наконец явился альферес, посланный за нами из Молины де Арагон. У него были документы почему-то только на Тоцкого, нашей группы), а кроме него еще четверо, плюс семь человек второй группы — итого двенадцать. Капитан Белин пошел к коменданту, но он болен, там ничего о нас неизвестно. На следующий день нас повели в какое-то учреждение и там нам выдали обмундирование защитного цвета: штаны с пуговицами ниже колен, гимнастерки, белые носки и красные береты. Попрощались с «нашей частью», где мы пробыли несколько дней. Ротный командир (мы его звали «обезьяной») выдал нам

кормовые деньги (1 пезета 35 сентавос в день) и хлеб на дорогу. Дали нам грузовик и мы отправились на вокзал. Сели в вагон второго класса, с нами присланный за нами офицер и француз-офицер рекете. (Рекете — карлисты монархисты и в их части принимались лишь русские и монархисты французы, но их было очень мало). Прибыли на конечную станцию Монреаль дель Кампо, где нас ждал небольшой автокар. Из здания вокзала вышел священник, говоривший по-французски, ласково нас приветствовал, поговорил с нами и сказал, что телеграмма о нашем приезде еще не получена в Молине де Арагон.

Проехали 45 километров. В одном месте шоссе перегорожено цепью и лежит доска с гвоздями, — застава спит. Наш шофер слез, устранил препятствие и мы поехали дальше. Вышли караульные, посмотрели нам вслед. В 11 часов вечера прибыли в Молину де Арагон, в штаб, помещавшийся в здании гимназии. Первым делом нас накормили до отвала, с неограниченным количеством вина. Узнали, что телеграмма о нас получена одновременно с нашим приездом. Нас 12 человек — сила внушительная. В столовую вошел сержант в красном берете и с кистью национальных русских цветов — оказался капитан Ращевский. Вошел со словами приветствия: «Господа офицеры»... Высокого роста, представительный, с бородкой, как у императора Николая Второго. После всяких приветствий Ращевский нас потащил в казино (нечто вроде клуба, имеется в каждой испанской деревне). Начали с кофе, потом коньяк — рюмок по семь на брата. Пришел адъютант Терсис и с ним альферес-француз. Началось пение — нас попросили спеть Русский Национальный гимн — все встали, потом спели несколько русских и малороссийских песен. Испанцы уверяли, что русские мелодии имеют очень большое сходство с испанскими. Вернулись в казарму в веселом настроении. В отведенной нам комнате — гора прекрасных матрасов, взятых для госпиталя в домах бежавших к красным. Разлеглись как баре, так как нам выдали по прекрасному одеялу, которыми мы пользовались до момента нашей демобилизации (2 года и 3 месяца — 800 дней).

Познакомились по рассказам с условиями здешней войны. Ведется так, как было приблизительно во време-

на Карлистских войн прошлого века: Воюют летом, зимой война прекращается, перерыв на обед и ужин. Но в действительности дело обстояло совсем иначе... Узнали, что Терцио потеряло уже человек тридцать убитыми, главным образом на севере, в районе города Хуэска. Терсио держит две позиции — обе на реке Тахо, одна в 20-ти километрах, другая в 14-ти. Участок спокойный, белых и красных разделяет бурная река Тахо. Артиллерии и кавалерии на нашем участке нет, есть немного пулеметов Виккерса, станковых. Нашему прибытию испанцы очень рады. Мы все в защитном и в красных беретах, — настоящие «карлисты», рекете. Во времена Карлистских войск рекете назывались мальчишки, игравшие «в войну» и в честь их так названа Карлистская милиция, насчитывавшая много десятков тысяч человек, все — монархисты.

Прибыл познакомиться с нами командир Терсио (отдельного батальона), капитан Руис — представительный офицер, с бородкой-эспаньолкой. Он обратился к нам по-французски, изложив нам идеалы Национального движения и в частности Карлистской милиции, в которую мы попали. Он сказал, что девиз Карлистов «За Бога, Родину и Короля». Один из наших ответил, что девиз Российской Императорской Армии, наследниками которой мы являемся, был «За Веру, Царя и Отечество», так что наши идеологии фактически ничем не отличаются. Так что к общему удовольствию сразу-же установилась общность взглядов и идеалов. В особенности был рад капитан Руис.

1 апреля 1937 года. Молина де Арагон, провинция Гвадалахара. Сегодня получили удостоверения личности Терсио. С этого дня и началась наша служба в Армии генерала Франко, продолжавшаяся 800 дней (1 апреля 1939 года кончилась испанская война) и больше 3-х месяцев мы ждали демобилизации. Утром нас разбудили в 8 часов утра, попили кофе в комнате сержантов. Потом Рашевский повел нас осматривать город. Мы как бы попали в средневековье: на горе огромный замок (две башни мавританских времен), в городке изогнутый мост 12-го века старинные церкви. Городок небольшой, три тысячи жителей, нечто вроде уездного города. Наш штаб помещается в Институте Гойя (вроде гимназии). Старинный госпи

таль,* которому 700 лет, а зданию его — 500 лет. К госпиталю примыкает старинная тюрьма. Рашевский повел в кабак, угостил вермутом. Посетили «Маргариток» — это женская карлистская организация, носят белые береты — имеется отделение в каждой деревне — когда приходили с позиции, нам стирали белье, чинили, обшивали, а когда отправились на фронт, то дали им на хранение наши вещи и полностью получили всё потом. Беседовали по-французски с альфересом Валери, нас привезшим из Сарагоссы в Молину — общие взгляды, общий язык. Рашевский нам сообщил что приехали французские офицеры и делали попытку уговорить нас перевестись во Французскую бандеру (батальон), которую они собирались формировать, но мы отказались, так как решили вести борьбу с коммунизмом в рядах Испанской Армии, а не создавать рекламу французам. Мы особой симпатии к Франции и французам не питаем и порвали с ними навсегда. Рашевский (видно по поручению свыше) спросил нас — желаем ли мы создать отдельный русский взвод или распылиться по разным ротам — мы решили быть всем вместе, а не рассиропливаться. Мы, как монархисты, рады, что попали в монархическую военную часть, тем более, что Карлисты всегда пользовались поддержкой Российских Императоров. Когда король Карлос потерпел поражение, то прибыл в Россию; Император Николай Первый устроил парад, Полки Императорской Гвардии проходили и приветствовали «Здравия желаем, Ваше Королевское величество!» Претендент Карлистов Дон Хаиме был командиром Лейб-гвардии Гродненского полка. Когда в Петербург приехал президент Пуанкаре, то Государь освободил принца Хаиме от необходимости представлять Гродненский полк на параде, так как было неудобным — принцу королевской крови проходить со своим полком перед президентом французской республики. Как сказал нам капитан Руис, — борьба с коммунизмом носит между-

* Хопиталь — строились в средние века королями Испании для нужд паломников. Главное их средоточие по старинной дороге от французской границы до Сантьяго де Кампостела в Галисии. В средние века по этой дороге проходило более миллиона паломников каждый год. Самые знаменитые из них Св. Марка в Леоне и де лос Рейос Католикос (Фердинанда и Изабеллы) в Сантьяго де Кампостелла. — Прим. Издателя.

народный характер и рекете-карлисты борются за восстановление СИЛЬНОЙ монархии, где монарх правит, а не является марионеткой в руках безличного парламента с его партиями. Общее наше впечатление — что лучшего приема, как в Испании, мы нигде не встречали.

2 апреля 1937 года. Получили карабины Маузера и по 100 патронов. Должны были состояться строевые занятия, но подали автокар, капитану Руису маленький автомобиль и мы поехали за 35 километров, а затем прошли по горам километров 15 к реке Тахо. Накануне красные пытались взорвать мост через Тахо, но были отбиты заставой рекете, которым вчера было отправлено подкрепление из Молины. В деревне нас угостили вином. День был утомительный — шли по горам, по камням. Дошли до поста — парапет из камня. Впереди — ружейная и пулеметная перестрелка — просвистело несколько пуль, первых после боев в Крыму в 1920-м году. Сели под сараем около поста, поели хлеба и колбасы, выданные нам в Молине. Началась частая перестрелка. Капитан и приехавший майор, начальник боевого участка, пошли вперед, а когда вернулись, то между начальниками начался разговор о том, оставить ли нас на позиции или возвратиться в Молину. Решено было возвратиться. Фронт идет по реке Тахо, которая протекает в глубоком каменистом ущелье. Везде горы и леса. Противника не было видно. Пошел дождь, почва — глина, налипает на ботинки. Я потерял на одном ботинке подошву. Добрались до деревни, где оставили наши автомобили. Нас окружили школьники, кричали: «Да здравствуют рекете!»... Учитель несколько раз обносил нас вином. На обратном пути к нам присоединились на камионе рекете и артиллеристы (правда без пушек). В этот день мы сделали 35 километров на автомобилях, километров 15 по горам с винтовкой и по 100 патронов, и столько-же обратно. Узнали, что накануне красные с танками доходили до самого моста через Тахо, но были отбиты, потеряв 6 человек убитыми, у наших потерь не было. В общем первый день провели на фронте, строили предположение, что капитан предпринял этот поход, чтобы присмотреться к нам, но могли и участвовать в настоящем бою.

3 апреля 1937 г. Молина де Арагон. Получили винтов-

ки Маузера со штыками (кинжал) и пояса с пряжками с национальным гербом. На занятиях нам показали испанские ружейные приемы. Получили обмундирование — защитные рубахи и полугалифе с пуговицами ниже колен — для хождения по горам очень удобно, не нужно ни обмоток, ни сапог. Шинели солдатского сукна как русского, но только вроде мексиканских панчо: для головы дыра, полы до земли и с боков застегивается и капюшон из того же сукна. Эти шинели два года нас спасали от непогоды и служили для спанья. Нашили на рукава белосине-красные углы, которые мы должны были снять, когда после войны присягали в Барселоне Испанскому флагу, то-есть подданству в 1939 г.

По «пантофельной почте» распространился слух, что будто-бы 38 человек наших из Парижа перешли границу и придут к нам. Вскоре количество их уменьшилось до 20. Получили еще по 30 патронов, три подсумка, два на поясе справа и слева и третий сзади.

Ходили на стрельбище, выпустили по десять патронов — результат удовлетворительный. Француз, приехавший из Сарагоссы, рассказывает, что встретил там четырех русских и разговаривал с ними. Альферес-француз почему-то старается посеять вражду между фалангистами и рекете — но это не наше дело, мы от чужой вражды держимся подальше. Красные пытались предпринять наступление на Сарагоссу, но были отбиты. Приехал откуда-то Рашевский и сообщил о нашем успехе в Бискайе — мы принимаем близко к сердцу успехи националистов. После ужина Рашевский, в награду за хорошую стрельбу, принес вина и сыру. Пришли два офицера — испанец и француз и привели двух гитаристов развлекать нас. Затем пришли два военных врача и устроили импровизированный вечер. После ужина спели нашу вечернюю молитву. Утром строевые занятия, командовал испанский офицер, потом маршировали с барабанщиками и горнистами. Мавры, стоявшие в Молине — 350 человек (табор) куда-то уехали на 18-ти грузовиках. У них масса имущества, видели даже самовар. Устроили спевку, на всякий случай, так как нередко мы принуждены петь. Где собралось несколько русских, хотя-бы безголосых, образуют хор. Отнесли «маргариткам» лишние вещи и получили от них огромный испанский флаг, повесили его в

нашей комнате рядом с русским национальным флагом. Вечером пришли около десяти испанских офицеров, сержанты и капралы — всего человек сорок и с ними две испанки в национальных костюмах, они пели и танцевали. Потом мы спели «Вечерний звон», «Через реченьку, через быструю» и «Коробушку». Потом выступали испанки уже в других костюмах. Потом мы спели песнь Ахтырских гусар («Давно, при царе Алексее») и «Черные гусары». Потом испанский офицер подал команду: «Рекете, встать, смирно!» и мы спели Русский Национальный гимн. Старший священник Терсию, отец Хозе-Мария благословил нас и сказал прочувственное слово по-французски об единстве идеалов Национальной России и Испании. Испанцы благодарили нас и нам было приятно убедиться, что Императорская Россия пользуется среди карлистов таким уважением.

По русскому обычаю решили организовать ежедневное чаепитие. Достали котел и на кухне нам кипятят воду. Посетила нас местная «аристократия» — артельщик и каптенармус, знакомство очень для нас полезное... Угостили их чаем. Поручик Пылаев обошел лавки и в одном месте ему отпустили за две пезеты огромное количество чаю — с полфунта, был последний. Испанцы мало пьют чаю, считая его лекарством при желудочных осложнениях.

На следующее утро приказ — не расходиться. От нас назначено два караула по 4 человека с испанскими разводящими — один караул в тюрьму, где содержатся красные, а другой в замок. Мы с Боярунасом были свободны и поднялись на старинную башню «Торре де Арагон», откуда прекрасный вид на окрестности. Наши несли караул по всем правилам Российского гарнизонного устава. В 4 часа дня наших сменили артиллеристы.

На следующее утро строевые занятия, ходили по буграм, делали перестроения. Наш поручик Сладков («стальная нога») страшно возмущался, что испанцы во время занятий разговаривают в строю. Он не пошел на следующий день на занятия и где-то бродил. Наш старший группы капитан Белин сделал ему нагоняй, а тот заявил, что перейдет в другую часть. Но кочевать из части в часть не так-то легко... Завтра француз едет в Сарагоссу и повезет наши письма для отправки в Париж нелегальным

путем. Я написал письмо в Париж и в Болгарию полковнику Кондратьеву, командиру полка (впоследствии он был убит в Югославии в Русском корпусе).

На следующее утро строевые занятия возле арены для боя быков. Приехал командир Терсио со своей свитой. Вернулись в казарму — от нас караул при входе в казарму с 12 часов дня — я, Налетов, Белин и Пылаев. Нам принесли в караул чаю и папирос. Пришел альферес (подпоручик) «Бахус» и уговаривал нас не козырять ему на улице, но мы объяснили, что таков наш Российский устав. После обеда артиллеристы куда-то уехали и в казарме осталось лишь нас 12 русских и музыкантская команда — это весь гарнизон... Караулы несем по всем российским правилам. Говорят, что командир Терсио хочет использовать наше пребывание, чтобы подтянуть своих подчиненных и уничтожить расхлябанность. Мы в город выходим со штыками (кинжалами), нам для них выдали ножны и последовал приказ, чтобы все рекете выходили со штыками в ножнах. В карауле наш разводящий испанец спал и мы сменялись сами. Кормили нас как на убой. Утром нас сменили наши-же, и свободные от службы пошли спать и заниматься испанским языком. Я немного изучил язык в Париже перед отъездом в Испанию. Мы в карауле уже четвертый день, так как нестроевые и больные караула не несут. В тюрьму караул назначается от местных крестьян (гверильщики). Мы все кашляем и неудивительно, так как из Парижа мы попали на высоту 1.100 метров. У всех понос, так как пища готовится на оливковом масле, к которому мы не привыкли, но говорят, что это вскоре проходит. Наш успех под Мадридом: по сведениям у красных 5 тысяч потерь и сбито 48 авионов. В штабе Терсио получено распоряжение формировать русскую часть, с русским уставом и русским командованием, центром формирования будет Молина де Арагон. Из зоны красных прибывают перебежчики и их отправляют в Сарагосу — прибыло за эти дни 38 крестьян. Готовятся к корриде (бой быков), от нас караул к быкам с утра до темноты. Один бык вырвался и поранил одного шофера.

Ожидаем приезда двух наших, произведенных в офицеры в другом Терсио рекете. Приехал француз-альферес, бывший в Сарагоссе и в Ируне. Рассказывал, что фран-

цузская полиция арестовала лицо, ведавшее отправкой добровольцев в Испанию, сидит в Байонне в тюрьме. Красный аэроплан бросил несколько бомб на окраине Молины, принесли несколько осколков. Когда гудит сирена, магазины закрываются, жители прячутся в подвалы и жизнь замирает. Часовой у входа в наш штаб выворачивает красный берет — внутри защитная подкладка — нам ее пришили маргаритки. Мы не прячемся. Был налет на Сарагоссу и другие города. Сбито несколько красных авионосов.

16 апреля. Молина де Арагон. Капитан Налетов (марковец-артиллерист, художник и поэт, его зовем «эстетом» и Клименко (уверяет, что он кавалерист) назначены формировать конную разведку при Терсио. У Налетова желтые высокие шнурованные сапоги и вероятно он поэтому получил такое ответственное назначение, от которого он в восторг не пришел.

Сегодня мой день рождения.

Играли в городки — стараемся приучить испанцев к этой игре. Утром вместо занятий ходили на речку Гальо мыться и стирать белье. После обеда рота построилась и был прочитан приказ: русские (12 человек) разбиты на два отделения (эскадры) и капралами (кабо) назначаются капитан Белин и шт. капитан Голбан (старшие наших групп).

Французы на границе арестовали группу русских в Сен-Жан-де-Люс, обвинили их в желании перейти границу, сидят в Байонне в тюрьме. Капитан Руис спрашивал Рашевского относительно альфереса-француза, который весьма иронически отзывается об испанцах и испанских порядках. На днях он потребовал от солдата испанца принести ему ночной горшок. Избавились от этого француза, он уволен из Армии. Прощался с нами. Нам было очень неприятно, когда этот француз ругал Испанию, к которой мы привыкли и начинаем чувствовать большую симпатию, тогда как во Франции «народный фронт» нечто вроде коммунистического режима.

Если наши арестованы во Франции, то было бы гораздо разумнее организовать отправку русских добровольцев через Италию. Пока что мы уже месяц сидим отрезанные от всего мира, газет русских не получаем и не знаем ничего, что творится в мире. Ведь только от Па-

рижской группы Корниловцев записалось добровольцами в Испанию 53 человека, а в других частях РОВС, тоже были желающие. Рашевский получил из Парижа письмо от жены, подтверждающее, что чуть-ли не десять человек наших сидят в Байонне в тюрьме за попытку перейти в Национальную Испанию (в красную Испанию добровольцы отправляются целыми поездами). Стало известно, что поведение Рашевского не нравится испанцам — очень много пьет. Но все-же он очень симпатичный господин. Получили письмо от Пальчевского из Сарагоссы, он после всяких приключений устроился пока что в оружейной мастерской. Советует держаться крепко кучей.

23 апреля 1937 года. Из зоны красных переходит много крестьян, один явился даже с ручной овцой. Красные распространяют слухи, что будто националисты расстреливают всех перебежчиков... Но это их обычная ложь. В Молине много раков, но меньше размером, чем в России. Испанцы узнали, что русские — любители раков и их бригад (фельдфебель) принес огромную миску вареных раков, плавающих в густом зеленом неочищенном оливковом масле с неприятным для нас запахом. Нашлись любители, отмывали их в горячей воде и ели.

27 апреля — день моих именин. Пришлось разориться и купить десять литров вина — по 30 сентавос литр. Вечером получили ручные гранаты, по куску колбасы и по 2 банки сардин. Сели в камион и с нами альферес, говорящий по-французски. Проехали километров 40-50, через деревню Мазарет, прошли пешком километра четыре. Ночь холодная. Расположились около загонов для скота, обнесенных стенами. Впереди наша передовая позиция, левее в километрах 20 стоит наша кавалерия, между нами и ими непроходимый лес и скалы. Выставили несколько полевых караулов. Под утро снялись — было холодно, но мы с собой захватили одеяла. Прибыли в Молину в 4 часа утра. Пospали немного, попили кофе и после обеда на строевые занятия — только с сержантом.

На следующее утро нас разбудили в 4 с половиной утра, попили кофе и в 5 утра выехали на двух камионах, проехали километров тридцать до деревни Таравилья, сумки и шинели оставили на камионах, рассыпались в цепь и повели наступление на деревню, находящуюся на

«ничьей земле», в деревне красных не оказалось, они на той стороне Тахо. Наша задача — взобраться на командную высоту и удостовериться, что мост через реку не взорван. Взобрались на прибрежный бугор, раздалось несколько выстрелов. Подкрались к самому обрыву за рекой деревня занята красными. Поднялись на гору и прошли лесом километров 15 до мельницы. По сведениям, по ночам к мельничихе приходит из-за реки какой-то комиссар, но хата оказалась пустой. Маленькая речка, пруд и водяная мельница. В пруду невероятное количество раков, их столько, что как будто они даже выползают на травку... Двинулись в обратный путь — мы не привыкли ходить по горам, наши ругаются. Альферес («обезьяна») нас старался развлекать и пригласил к себе на вечер пить горный чай-хербу* (горькая трава, но уверяют, что целебная, ее пьют мавры). Когда мы к вечеру добрались в Молину, то чаепитие не состоялось, хотя офицеры за нами и зашли, но мы, сделав километров 30 по горам, отказались и залегли спать.

30 апреля — наша Страстная Пятница. Утром пошли в караул, но минут через 20 нас сменили, так как завтра нас куда-то пошлют. Красили яйца. Так как наш пасхальный стол обилием не отличался, то наши художники нарисовали цветными мелками русский пасхальный стол на классной доске (мы стоим в гимназии). Получили письмо с фронта у Бильбао: генерал Шинкаренко** (писатель Белогорский) тяжело ранен в голову, а генерал Фок и капитан Кривошея (Марк. артиллерии) произведены в альфересы (подпоручики). Получены сведения, что во Франции беспорядки — «народный фронт». Вчера во время похода «Обезьяна» обещал попросить, чтобы нас освободили от службы в Страстную Субботу и на первый день Пасхи. На обратном пути он нас русских усадил в автокар, а испанцев в камион — у них были вытянутые лица. Поездка третьего дня в Масарет не была напрасной: к нам перешло человек 30 красных с офицером, они обеда-

* В эстремадуре — это как-бы национальный напиток, отсюда он был перенесен в Южную Америку (особенно Аргентину). Заваривают его и пьют из небольшого тыквенного сосуда через металлическую трубку. — Прим. Издателя.

** Написал две книги 2-х томник «Вчера» и «Марсова Маска», также много статей в журнале «Часовой» — Прим. Издателя.

ют в нашей столовой, уже третий день, пока их не отправят в Сарагоссу.

1-го мая — наша Страстная Суббота. Утром нас назначили в караул, но в 9 часов вечера сменили нас. Приоделись, помылись и накрыли стол: крашеные яйца, рыба, 4 литра вина, приготовили винегрет, абрикосы и ананасы в консервах. Около 10 час. вечера пришли гости: все офицеры, врачи, священник и некоторые рекете, нас — 12 человек и гостей — 24. Около полуночи пришел майор, начальник сектора, заказал в казино кофе на всех и три бутылки коньяку, «Обезьяна» принес коробку сигар, а сержанты бутылку аниса. Втащили в комнату пианино, все были навеселе, но «уставших» не было. Разошлись в 2 часа утра, «Обезьяна» советовал нам сразу-же ложиться спать. Религиозная сторона: в 10 вечера мы построились, пропели «Христос Воскресе», перецеловались — было два испанских сержанта и кабо — и с ними целовались. Мы оторваны от всего мира и соблюдаем наши русские традиции.

2-го мая 1937 г. Наша Пасха. Утром рота построилась и пошла строем в Церковь, с трубачами и барабанщиками впереди. Служба католическая очень недолгая, во время освящения Даров все становятся на колени и музыканты играют национальный гимн. Пришли из церкви, съели оставшееся и выпили остатки вина. Пришел альферес «Бахус», принес яиц и попросил их раскрасить. Наш маленький альферес Валери лежит в госпитале, так как «Обезьяна» нечаянно ему прострелил ногу, когда чистил пистолет. После обеда пошли его проведать, застали в палате Сладкова и Селиванова. На следующий день встретили Рашевского, приехавшего из Сарагоссы и с ним русские легионеры — Граф Ламсдорф, Зотов и Игорь Сахаров* из Фаланги, они приехали на один день и завтра уезжают. Начальство подтягивает испанцев, заставляя их брать пример с нас, выходить из ворот нашей казармы со штыками на ножнах.

Как-то после обеда Рашевский пригласил меня и Тоцкого погулять, зашли в старинную церковь при госпитале, ей лет 500 и она была отведена маврам для ночевки. Мер-

* Смотри приложение.

зость запустения: всё разломано и разрушено, кое-где на стенах остались иконы, другие на полу и приспособлены маврами для спанья, в крестилье отхожее место. Нас поразило: если красные оскверняют церкви, то зачем-же националисты отводят маврам христианский дом для ночевки? Рашевский взял на память валявшийся на полу огромный латинский требник 1772 года и возил его с собой.

8 мая. Католическое Вознесение. Все пошли в церковь, я в карауле. Кормят нас очень хорошо, особенно по праздникам — 4 блюда, вино и сладкое. Вечером «Обезьяна» велел переписать всех, не явившихся к ужину — оказалась «аристократия»: вестовые, музыканты, гастадоры, всего человек пятнадцать — им завтра вне очереди быть в карауле. Чувствую себя скверно — насморк, кашель, лицо распухло. Пришел врач и распорядился меня отправить в госпиталь — бронхит и свинка. Монашки уложили меня в постель и дали аспирин и каждые два часа огромный стакан горячего молока, хорошо укрывали, чтобы дать пропотеть.

Не имея газет и писем, питаемся слухами. Рашевский принес сведение, что в Саламанке находится какой-то русский генерал; что генералы Шатилов и Бискупский* прилагают усилия, чтобы собрать в Испании побольше русских белых (в ожидании возможных мировых событий); что центром формирования будет Молина де Арагон; что эти русские части будут отправлены в Астурию или под Валенсию, что Рашевский едет в Ирун за добровольцами, но это лишь слухи...

Капитан Руис очень доволен нами и отдал распоряжение, чтобы рекете относились к нам с должным уважением. Меня ежедневно посещают наши и был несколько раз командир Терсио. Монашки ему жаловались, что я ничего не хочу есть — а как есть, когда каждые 2 часа меня заставляют выпивать огромный стакан горячего молока и будят меня ночью для этого, хоть я и просил, чтобы меня ночью не будили. Капитан Руис уговаривал меня есть, уверяя, что местная баранина славится чуть-ли не на всю Испанию.

* Ген. Бискупский — представлял русских военных в Берлине, во время 2-й мировой войны многим мешал Генералу А. А. Власову. — Прим. Издателя.

Каждый день после обеда больные собираются в моей палате и монашка читает «Розарио» — нечто вроде акафиста Божией Матери и все повторяют слова молитвы в полголоса. Разговорился со мной молодой симпатичный рекете, знающий немного по-французски и спросил меня: какая разница между католиками и православными? Я сказал, что разница небольшая — наше белое духовенство обязательно должно быть женато, нет «филиокве» и так далее. Недалеко стояла монашка с одухотворенным лицом подвижницы, подозвала моего собеседника и стала его отчитывать: «Только католическая религия истинная, что только папа — наш святой отец и так далее. Бедный рекете выслушал смущенно этот разнос и потом смущенно мне рассказывал. Хотя монашки, обслуживающие госпиталь, и знают, что я «схизматик», но относятся прекрасно, так как я принадлежу к рекете («папская гвардия»), мы должны по карлистской традиции приветствовать всех священников. В церковь мы все ходим аккуратно строим, служа даже примером для испанцев. Впоследствии один взвод нашей роты стоял в деревне Баньос и священник в проповеди с кафедры укорял крестьян, что они редко бывают в церкви — «смотрите, русские — другой веры, а аккуратно бывают в церкви»... Приятно, что нас ставят в пример туземцам.

В ближайшее воскресенье состоялась долгожданная коррида (бой быков). Утром ко мне в госпиталь пришел капитан Голбан и сказал: «Скучно, хоть-бы налет авиации»... После корриды в госпиталь доставили пожилого сержанта, бывшего матадором и участвовавшего в корриде — его бык ранил в живот. Он мне жаловался на свою неудачу. Вечером госпиталь посетил генерал Москардо — герой Толедского Альказара,* обратился ко мне по-французски и пожелал скорейшего выздоровления. На корриду съехались жители окрестных деревень. Меня посетили маргаритки из деревни, известной тем, что жители разводят мулов и дали большие деньги на армию генерала Франко. Маргаритки — здоровые краснощекие деревенские девушки в белых беретах посидели у моей постели, но из-за незнания испанского языка я оказался необщительным собеседником, и на меня смотрели с сочув-

* Смотри приложение.

ствием, как на редкого зверя... Каждый день меня посещают и наши и испанские офицеры. Как-то вечером пришла мать-настоятельница, монашки принесли букет сирени и какой-то сосед прислал букет анютиных глазок. Настоятельница и три монашки долго меня уговаривали «не морить себя голодом»... Сделали впрыскивание и я не мог ничего есть, так как заболела голова — а они уговаривали есть... Пришел альферес и спросил — не нуждаюсь ли я в чем-нибудь. Доктор меня осмотрел и сказал, что дней через пять мне можно будет выписаться из госпиталя. Вечером пришел капитан Белин и рассказал о «подвигах» наших «кавалеристов» — Налетова, Клименко и Гурко. Они вообразили, что их обязанность формировать кавалерийскую часть, а в действительности их обязанностью было ухаживать за несколькими лошадьми. По слухам, нас перебросят в Хаку, на севере Наварры, около французской границы. Готовятся к переезду, ликвидируют цейхгауз. Наши художники разрисовывают стены нашей комнаты в казарме — рисуют большую картину: бой рекете с красными.

16 мая 1937 года. Католическая Троица. У меня сильная головная боль, врач прописал какие-то таблетки. В первый раз за десять дней оделся и посидел на балконе. После обеда меня посетили наши и рассказали, что произошло в казарме. Утром все приоделись, нацепили желтые кисти на красные береты (кабо — красные, сержанты — зеленые, а офицеры — белые кисти), построились в сквере перед походным алтарем. Женская карлистская организация («маргаритки») вручила капитану Руису знамя Терсио, расшитое золотом и серебром — стоило около 2-х тысяч пезет). Прошли церемониальным маршем — батальонный значок на винтовку получил Гурко, а ротный — капитан Белин. Наши были распылены между испанцами — для поддержания порядка и дисциплины. Приехало много патриотических организаций — карлисты, гверильщики, все в красных и белых беретах. Обед войску дали замечательный, как солдатам, так и офицерам, в госпитале обед был тоже обильный. После обеда всё население Молины устремилось на корриду — зрелище замечательное: все в красных, а женщины в белых беретах, как маки; мне напомнило Корниловский удар-

ный полк. Из Сарагоссы прибыл оркестр военной музыки Арагонских рекете. Было четыре быка и пострадал наш сержант Терремото (матадор в прошлом) — ранен в пикантное место... Мы с Пылаевым присутствовали при его перевязке. Наши были на корриде все, кроме меня и получили на пропой души по 5 пезет. После корриды для наших пела какая-то местная певица, а вечером все были в театре «Кальдерон».*

Попросил, чтобы мне приготовили ванну — согласились монашки. Госпиталю 700 лет, а нынешнему зданию 500 лет — потолки с огромными черными балками, в старинном духе. Отыскали в сарае жестяную ванну с массой дырок, их заткнули паклей, налили несколько ведер горячей воды — вода так и свищет фонтанчиками через дырки, так что вскоре ванна была пустой. В Молине де Арагон климат холодный — чуть-ли не одно из самых холодных мест в Испании. Думал, что Богу душу отдам, но все обошлось благополучно, а вечером меня завернули в несколько одеял и дали горячего молока и поставили банки. Посетил меня альферес и рассказал, что ночью из Молины бежало к красным четверо; что рядом с госпиталем находится тюрьма, в которой сидит 30-40 красных, мне из окна видно, как они гуляют по тюремному двору. Альферес сообщил, что приедет в Молину Терсио «Нумансия» (в качестве нашей 4-ой роты «Нумансия» оставалась с нами больше года). Мы отправимся не в Хаку, а на местный фронт — в общем это слухи, никто определенного ничего не знает. Альферес рассказал мне (по-французски), что ожидают русские добровольцы и будет сформирована русская часть с русским командованием и что он — альферес с удовольствием пойдет к нам, ибо у них нелады и подсиживание. Я его успокоил, что и в нашей гражданской войне были трения, но всё обошлось благополучно.

19 мая 1937 года. Молина де Арагон. Получено письмо из Саламанки от неизвестного нам русского. По его словам, он сговорился с итальянским военным агентом и тот предложил следующую комбинацию: русские добровольцы, находящиеся в разных частях Армии генерала Фран-

* Кальдерон — знаменитый драматург, писал так-же «Зарзуэлы» нечто в роде драматических опереток. — Прим. Издателя.

ко, будут сконцентрированы в смешанных отрядах — половина итальянцев, половина русских и добровольцев разных наций. Итальянский военный агент обещал нажать, чтобы прибывающие русские направлялись в этот смешанный отряд. Наши отнеслись отрицательно к этому плану, так как мы здесь образуем, хотя и небольшую, но свою русскую часть под русским национальным флагом, мы здесь окружены симпатиями и заботами и делаем какое-то русское национальное дело, а с итальянцами и прочими не желаем иметь никакого дела.

На следующий день приехал Рашевский и привез с собой генерала Фока, капитанов Полухина и Кривошею — оба Марковцы-артиллеристы. Все они — альфересы рекете, произведенные в другой части. Рашевский их встретил в Сарагоссе в Институте Гойя. Он был в Ируне и в Саламанке, но ничего положительного не добился. Генерал Шатилов прислал в Саламанку письмо: русские из Франции будут направляться в Германию и в Италию, а оттуда морским путем в Испанию. Нас в Молине уже 16 человек, где-то болтается еще 8 человек в других соединениях. Меня в госпитале посетил генерал Фок.

22 мая. Меня посетил Клименко и говорил, что капитан Руис вместе с ним и Белиным ездили на тот участок фронта, который мы должны занять. Якобы Рашевский говорил с Руисом, что русские приехали сюда воевать и им надоело сидеть в Молине. На следующий день наших 11 человек уехали на фронт через Мазарете. В Молине остались лишь ген. Фок, Полухин, Рашевский и Налетов. Я выписался из госпиталя, где меня 17 дней лечили от бронхита и свинки. Пришел в казарму — пусто, караул несут парикмахер, санитар и кухарь. В госпитале произошло трогательное прощание с матерью-настоятельницей и с монашками. Доктор дал мне дней пять освобождения от службы. После обеда приехал из Мазарете Сладков за вещами. Наши сидят без денег и папирос — невозможно получить денег из Парижа. Рашевский взял в лавке «на запиши» тридцать пачек папирос и 10 коробок спичек. Наши перешли на позицию в Риб де Саэнлисиэс — деревня в 6-ти километрах от фронта. Налетов заболел паратифом.

Католический большой праздник — «Корпус Христи»

(Тела Христа). Пошли в церковь, потом Фок, Рашевский и Полухин засели в бридж и меня взяли четвертым («болваном»), но я понятия о бридже не имею и меня ругают за неумение. Посещаем Налетова в госпитале — ему лучше. После госпиталя ничего не делаю, ем и сплю. На нашем участке много перебежчиков от красных, из них трое из социалистической милиции. Наша 1-я рота ушла на позицию. Придали два пулемета «Максима» в довольно плачевном состоянии, и наше Терсию получило еще шесть ручных ружей-пулеметов французского образца. Рашевский и француз Жорж переводят на испанский язык меморандум (написанный при моем участии) для испанского командования относительно возможности перевозки русских добровольцев морским путем через Германию и Италию.

Еду в роту. Фок и Полухин отправляются во 2-ю роту капитана Лопеса. Камионом доехал до Риб де Сазнлиэс, оттуда ишаком, на которого мы с Рашевским взвалили вещи, добрались до парапета на горе. Мне после болезни было трудновато на гору, но я предпочел идти пешком, а не гарцевать на ишаке. На вершине горы скотный двор, обнесенный каменной стеной, красные в 10-ти километрах в деревне, а между ними и нами деревушка Риб Редонда. На парапете наших 6 человек и 20 испанцев. Один пулемет «Максима» советского производства, собранный из разных частей — все марки и номера стерты. На пулемете Сладков, Сальников и Василий Кривошея. Позиция неудобная, можно обойти нас долиной. Выставляют четыре караула ночью, а днем лишь наблюдатель. Мы помещаемся в сарае. Между нами и красными пасутся стада баранов и коз. Пришел из Риб Редонда крестьянин и сообщил, что красные у него угнали мула, а ночью забрали одного крестьянина. Наш конный разъезд нашел тело этого крестьянина, исколотое штыками. Приехал крестьянин на муле и с ним двое на одном муле и сообщили, что красные подошли к их деревне, но в деревню не вошли, а остались за горой. По приказанию тенiente Кастильо (взводного командира) стали спешно поправлять каменные стенки и проделывать в них бойницы, на крыше сарая сделали гнездо для пулемета. Утром пошел дождь, все забрались в сарай — воздух, хоть топор вешай... Жизнь как на даче — днем наблюдатель, ночью два часа в ка-

рауле. Наши отпустили невероятные прически — Сальников сбрил голову и оставил «оселедец», как у запорожца. Ходят полуголые. Обед — фасоль, мясо, яичница и кружка вина. Наши пошли на речку и принесли корзину раков. Воды нет, привозят на муле, умываемся не каждый день. Ниже нас в тылу есть маленький источник, ходим туда мыть ноги и убивать тарантулов в норках. Вечером у красных горят костры — километрах в семи от нас. Позиция наша очень опасная.

3 июня 1937 года. Ночь прошла спокойно. Утром красные обстреляли наш конный разъезд. И мы и наши соседи на парапете пустили по красным несколько пулеметных очередей. Чинили крышу сарая, а то течет так, что нельзя было приготовить ужин. Прошлой ночью был пропуск: «Эспанья-си, Русия — но... испанцы называют всех иностранцев интернациональных бригад русскими, будь то чехи, французы и прочие. Вот поэтому важно наше участие в Испанской Национальной Армии. Утром заметили, что между нами и красными болтаются какие-то люди, собрались их ловить, но отказались, так как нужно спускаться вниз — оказался пастух со своим стадом, штук 70 овец. Прямо идиллия — между нами и красными пасутся стада...

Между Молиной и селением Маранчон красные ночью напали на камиион нашего Терсио, обстреляли пулеметным огнем, были убитые и раненые. Капитан Руис, ехавший на легкой машине, проскочил благополучно, другой наш камиион на другой дороге, тоже был обстрелян красными, проникшими в наш тыл, среди раненых — сержант Терремото (торреро) и другой сержант, а также наш священник. К нам на позицию приехал майор, начальник участка, очень интересовался русскими добровольцами. Вестовой его сказал нам, что в селении Масарете находится три тысячи пехоты, готовится небольшое наступление на нашем участке. Судя по карте, наше командование хочет очистить наш берег Тахо. С соседнего парапета пришел сержант Рамон и принес письмо из Молины. В 14-ти километрах красные сделали засаду, наших убито восемь и ранено 15 человек. Красные проникают в наш тыл — возможно и при помощи наших крестьян; если будет наше наступление, то возможно, что произойдет чистка тыла.

Вечером наши открыли пулеметный огонь — оказались пастухи со стадом. Мы недовольны слишком деликатным обращением с пастухами, разгуливающими между нашей позицией и красными. Вечером майор попросил нас спеть несколько песен — пели мы и испанцы, потом выпустили несколько пулеметных очередей по красным, а затем спели молитву.

5 июня 1937 г. Воскресенье. Утром на наш парапет приехал на осле священник (в чине фельдфебеля бригады) из Рибаса де Сэнлисиас, устроили на камнях алтарь, накрытый одеялом и священник отслужил литургию. Нам русским отвели почетное место впереди — было очень трогательно. В Рибаса де Сэнлисиас находится бандера Легиона (батальон, человек 500), у красных, по сведениям, против нас тысяч десять. Испанцы уверяют, что пленных брать не будут, так как против нас интернациональный сброд. Пока что живем спокойно, целый день шатаемся по горке на виду у красных. Питание однообразное: вареный (полусырой) горох, яичница (тортилья), баранина. Под проволочными заграждениями, опутывающими нашу позицию, горы недоваренного гороха, который наши мальчики (чики) выбрасывают, а к моменту нашего ухода, куча гороху была с полметра...

Получили два номера «Часового» от генерала Шинкаренко) один номер посвящен скончавшемуся генералу Репьеву, видному артиллеристу, который, будучи командиром батареи, часто участвовал в боях с Корниловским полком.

8 июня 1937 года. Мы уже три месяца в Испании. Спокойно. По утрам пастухи приносят козье молоко и пампушки — 50 сентавос литр молока и столько же большая пампушка, вроде сладкого торта. Хотя сырое козье молоко пить не рекомендуется, как рассадник мальтийской лихорадки, но я все-же пью. Вечером Тоцкий ушел в деревню и наутро привел роту пехоты, которая ушла дальше. От нечего делать, наши стали стричься: сержант и тениенте Кастильо выбрили себе макушку головы, а наш Сальников завел «оселедец» и серьгу в ухе. Налетов вышел из госпиталя (паратиф), на смену ему слег Клименко. От гороха страдают животы — никто его есть не может. Ходят слухи, что на этой позиции нам придет-

ся стоять долго, стали укрепляться — протягивать колючую проволоку, делать бойницы: у нашего взводного командира своеобразные представления о фортификации: приказал разрушать каменную стену, могущую служить нам для защиты. Холодно, дождливо, ночью трудно простоять три часа в карауле, приходится сидеть на холодном камне — как бы не поймать ишиас...

Принесли из деревни газету, там говорится о русских добровольцах Зотове и Ламсдорфе. Пылаева в деревне по этому случаю кавалеристы чествовали. Получили письмо от генерала Фока из Молины — в нашей казарме стоят кавалеристы, как бы не пропали наши вещи...

11 июня 1937 года. Пятница. Ночь была сырая и холодная. У красных утром стрельба. Группа наших и испанцев пошла в деревню Рибя Редонда, между нами и красными. Зашли к алькальду (староста), тот указал три дома крестьян, ушедших к красным, дома уже были разграблены, наши принесли досок и простынь. Хотели взять кровати, но для этого требуется разрешение командира боевого участка, майора. Экспедиция прошла безнаказанно — ни одного выстрела со стороны красных. Стали устраиваться — это признак, что скоро уйдем. Я устроил себе ложе из камней, сверху солома. Так как наши мальчишки балуются, трубят и барабанят весь день, то я спрятал их горн к себе под камни, предупредив, что когда будут уходить с позиции, то пусть возвратят горнисту. Вечером лейтенант Кастильо сказал, что русские на днях получат рупье-пулемет и уйдут на другую позицию. Ночью усилены караулы. Именины сержанта Каса — выпили и хорошо закусили. Ночью мы с Белиным были в патруле: нашли испанца-часового спящим на посту, взяли его винтовку, стали бросать камни. Белин сказал ему утром явиться к командиру взвода, тот взмолился и мы отпустили его с миром.

15 июня. Понедельник. По слухам наши взяли Бильбао, это поможет освободить силы и перебросить на наш фронт. Вбиваем два ряда кольев и натягиваем проволоку. На фронте тихо. Выставляем ночью по 4 караула по пять человек. Ночью у красных произошла смена, пришли части из-под Мадрида, по слухам у них много баб-милиционеров. Позицию нашу посетили капитан Руис, капитан

Висенте (ротный командир) и генерал Фок. На нашей позиции сделан, на случай осады, двухдневный запас воды и консервов, запас будет увеличен до пятидневного. Очень рвется обувь от хождения по камням — выдали на всех 4 пары ботинок — номера 38 и 44. Наши играют в белотт. Утром вместо кофе получили «шоколад» — отвратительную смесь картофельной муки и плохого шоколада. Какой-то «благодетель» пожертвовал целую тонну этого продукта и его кроют последними словами за его жертвование. Вместо 75-ти сентавос будем получать в день на шило-мыло по 1 пезете 25 сентавос, на табак хватит. Прибыл новый сержант, гвардии сивиль. После ужина наши два лейтенанта — Кастильо и Кривошея — пошли в деревню Рибя Редонда, что на ничьей земле и оттуда открыли стрельбу по красным. Наши переполошились, думая, что они попали в грязную историю и побежали им на выручку. Наши два офицера отправились в деревню пить пиво и приехали с приятной новостью, что нашими войсками взят город Бильбао, привезли 20 литров вина и 3 бутылки коньяку. Мы вышли встречать начальство. По случаю взятия Бильбао жители окрестных деревень подарили нам двух баранов. Алькальду деревни Рибя Редонда (на «ничьей земле») было отправлено приказание — вывесить национальный флаг и звонить в колокола, а если приказ не будет исполнен, то обстреляют деревню. Занимаемся испанским языком. Приехал сын командира роты, альферес Висенте, пошли на бугор и открыли стрельбу по красным позициям, те отвечали, (3 километра), но обстреляли не нас, а соседнюю позицию, занятую фалангистами, но пули долетали и до нас. Был общий обед, очень обильный.

28 июня. Среда. По слухам два итальянских офицера застрелили своего командира полка, подозревая, что он имел сношения с красными. Итальянцы должны брать Гвадалахару — это для них вопрос престижа (их операция блестяще провалилась, испанцы издевались над ними, но в военной истории итальянцев это поражение значится, как их «победа»). О взятии Бильбао красные молчат или пишут, что город был оставлен по стратегическим соображениям... По слухам, уйдем в Молину на неделю на отдых, а оттуда на другой участок фронта. Генерал

Шинкаренко пишет, что в конце мая был в Испании генерал Шатилов. В СССР что-то происходит, расстреляны Тухачевский, Ягода и другие заправила. Мы уже почти четыре месяца не имеем русских газет.

Наконец получили «Возрождение» за 10 июня и «Часовой», а то мы были оторваны от всего мира. Письма посылаем в испанский пограничный город и какая-то милая сеньорита переправляет их нелегальным путем во Францию. Оттуда к нам письма идут тоже секретным путем.

27 июня 1937 года. Воскресенье. Приехал на ишаке Капеллан — бравый, с двухстволкой и револьвером в кобуре — в чине тениенте. Отслужил мессу и на ней, как всегда, русские присутствовали полностью. Очень холодно, как осенью, но все-же мы компанией пошли на ручей в долину помыться. Начальник гарнизона, тениенте Кастильо уехал на неделю в отпуск, вместо него остался тениенте Кривошея. Кастильо доехал до ближайшей деревни и возвратился обратно. У красных на черной горе нет ни одного огня и не слышно ни одного выстрела. Наш конный разъезд дошел до самой позиции красных и не был ими обстрелян. Поговаривают о скорой нашей смене.

29-го июня — Петра и Павла по-католически. В 7 с половиной утра снова приехал вооруженный капеллан, но литургии служить не мог, так как не было вина и уехал обратно. Наш взвод подчиняется коменданту Рибасанлисиас фронт Гвадалахары, а слева наш другой взвод — уже участок Сории. По сведениям против нас каталанцы, наиболее надежная красная часть.

ИЮЛЬ 1937 года.

Сидим без хлеба, привезли его в 9 часов вечера, а ужинали позже, когда караулы на ночь уже были выставлены. После обеда приехал Рашевский из Саламанки — рассказывает, что немцы недовольны тем, что наше Командование (РОВС'а находится во Франции. У меня уже несколько дней повышенная температура —

возможно, что от козьего молока, которое по утрам приносят пастухи. Службу несю. Меня вместе с продуктами отправили на соседнюю позицию, а оттуда в Рибас-Саенлисияс. Там я встретил командира роты, капитана Висенте, с доктором, они как раз вышли из церкви. Меня поместили в хату, обязанности санитаря поручили кашевару (ранчero), который мне носит молоко. У хозяйки за одну пезету купил полкило меду. Врач посадил меня на одно молоко. У меня нечто вроде мальтийской лихорадки, — необычайное потение особенно ночью. Днем хожу на ручей, стираю тельник, а ночью его хоть выжми. Слышно, что нас сменит кавалерия, а нас отправят неизвестно куда.

Меня отправят в Молину в госпиталь. Высокая температура и сильная жажда: выпил кувшин воды, литр четыре. А пока что молока мне не приносят. Пришла наша рота с позиции, я пожаловался тениенте Кривошее, что мне не приносят молока. На позиции шесть недель сидели без вина, давали лишь тогда, когда с позиции сами посылали за ним (кто-то клал деньги в карман).

Вечером рота уехала в Молину де Арагон и я с ней. Застал в нашей казарме генерала Фока. Пробыл два дня в госпитале, температура спала и я попросил меня выписать. Пошли с Рашевским гулять и выпили с ним 20 бутылочек пива. Заболел зуб, пошел к фельдшеру, в аптеке достал ампулу кокаина (5 пезет), фельдшер рвал зуб, а жена его меня держала. Нельзя было запломбировать в Молине, нет дантиста. Пока что гуляем с Фоком и Рашевским — прекрасные места, леса, речки. Ходили вокруг замка, но внутрь не удалось попасть: две башни арабских времен, замок заброшен, только там метеорологическая станция. Молина де Арагон — город старый и исторический — удел знаменитой королевы Марии де Молина, которая в 12-м веке правила за мужа, сына и внука, арагонских королей. В Мадриде есть хорошая улица, носящая ее имя. Перед замком какой-то провал — большая дыра, но мы не рискнули спуститься. Невдалеке находится старинная сторожевая башня (Торре де Арагон), мы однажды были в ней в карауле — прекрасный вид на окрестности. Невдалеке перекресток двух шоссе — на Валенсию и на Мадрид. В городе через речку переброшен выгнутый мостик — кто говорит, что римских

времен, а кто — арабских. Ходит в городе слух, что американцы предлагали за него на вес серебро...

Нашу роту отправили под селение Брончалес, с нами человек 300 — отряд Гвардии Сивиль, перешедший из Валенсии, мы с ними воевали некоторое время. Расположились на окраине леса. Наши чики нашли гнездо ежей, мы объяснили испанцам, что это очень полезный зверек. истребляет ядовитых змей.. Гвардия Сивиль прошла вперед и затеяла перестрелку с красными. Сальников взобрался на дерево и осмотрел позицию красных: в деревне как будто нет никого, за деревней две горы и там позиция красных, откуда они изредка постреливают. С нами два ручных пулемета ШОША. К вечеру вернулись в деревню Алюстанте, а оттуда в Ориуэла-дель-Тремедаль, но по дороге заночевали в поле. Наши шинели остались на камионах, всю ночь мерзли без костров — я в одной куртке, зуб на зуб не попадал... В 3 часа ночи нас разбудили, повели в Ориуэлу, постояли у входа в деревню и потом разместились в казарме Гвардии Сивиль.

Воскресенье 19 июля 1937 года. Ориуэла дель Тремедаль. Большая деревня, рядом лес и в нем санаторий, куда до войны приезжали жители Мадрида. Вчера был Национальный Праздник (сегодня тоже). Спали до обеда — обед был от 3-ей роты («Нумансия» — полусырой рис с мясом. Смотрим — на горку около деревни поднимаются мавры, прибывшие на 26-ти грузовиках, они передвигаются со всем своим имуществом (вероятно награбленным), даже есть самовары. Мавры пошли на правый фланг — слева тоже мавры наступают. Мы спали весь день после экскурсии. Приехало высшее начальство на автомобилях с вооруженной охраной. Ночью к Брончалесу двигалась масса автомобилей с зажженными огнями. Нас разбудили в 5 утра мы присоединились к Гвардии Сивиль, проехали километров 12 сосновым лесом, потом пошли пешком. Ночью был взят Брончалес — у нас один убитый и один раненый. Ожидали, что красные могут драпать в нашу сторону, поэтому нас поставили в виде заслона. Капитан Висенте распорядился — спать. Наши ходили в лес смотреть дом лесника: хороший дом, бассейн для купанья с мотором, нагоняющим воду — полный разгром. В доме красные даже вдребезги побили граммофонные пластинки. Весь день пробыли в сосновом лесу,

как в санатории. Под вечер наш капитан с 30 солдатами (трое русских) ходили километров за пять, где красные устроили завалы из деревьев. После ужина пошли на высокую гору в караул.

20 июля. Около 2-х часов ночи караулы были сняты. Отряд Гвардии Сивиль (человек 150) и наша 1-я рота (96 человек) пошли по шоссе, свернули на другое шоссе и пошли тропинками вслед за проводниками. Темно, хоть глаза выколи... Зашли красным в тыл километров 15, взобрались на гору, выставили кругом караулы и залегли спать. Утром началась стрельба, по дороге, метров за 400 промчалось несколько конных красных, по ним стреляли они отстреливались из пистолетов, но удрали. Наши сонные рекете вскочили, смешались в кучу люди и мулы. Все русские вскочили и как один, засели на опушке леса в сторону красных, пока у нас не успокоилось. В 9 часов утра нас подняли и мы пошли на шоссе, вышли в лоцину с ручейками, покрытыми склизким мхом — многие поскользнулись и упали в воду (я тоже). Перед нами гора высотой километра в полтора — ее нужно брать. Красные на вершине и постреливают. Вся гора из мрамора. Первыми взобрались наши Сальников и Васька Кривошея, бывшие французские легионеры. Левее всех был капитан Висенте, я и несколько человек были правее и взобрались на гору, когда наши уже ее заняли. С нами был бригада (фельдфебель) Гвардии Сивиль, полный пожилой человек и мы по нему должны были равняться. Красные бежали, бросив пулеметы и окопы, полные всякого барахла, вплоть до женской одежды. По нам они стреляли, но смылись, когда по ним пустили несколько пулеметных очередей. В наступлении с нашей стороны участвовало около двух тысяч — мавры, регулярная пехота, отряд Гвардии Сивиль, наши 1-ая рота и 4-ая (Нумансия) и еще какие-то Терсио. Наша задача была выравнять фронт у Терузля. Все войска перевозятся на камионах и автокарах. С занятой позиции мы спустились километров пять, ближе к деревне, а за ней на горе установились красные и стреляют по деревне и ведущей к ней лоцине. Слева на горе непрерывно мигают гелиографы, так как телефонов нет. Подступы к деревне изрыты окопами, везде валяются брошенные кирки и лопаты. Де-

ревня пустая — все жители ушли с красными. Наши по обстреливаемой долине пробрались в деревню и там в доме, где находилась красная комендатура, нашли большие запасы продовольствия: чудное белое вино в боченках, много табаку, консервов и хлеба и даже альпартаты (туфли из брезента на веревочной подошве, очень удобные для хождения по горам), это нам пригодилось, так как мы все износили обувь. Мы с утра ничего не пили, Голбан притащил огромный кувшин вина и мы выпили вместо воды по стакану и сразу-же голова закружилась, — вином жажду не утолишь... У сержанта Каса упала винтовка и прострелила ногу одному из Гвардии Сивиль. Брать красную позицию послали других, а после ее взятия нас на камионах отправили в Ориуэлу-дель-Тремедал (Orihuela-del-Tremedal).

В деревню прибыли наши «кавалеристы» — Налетов, Клименко и Гурко. Налетов снял нашивки кабо и наотрез отказался от службы в конной разведке. В свое время мы шутили, говоря, что он произведен в капралы благодаря своим высоким желтым шнурованным сапогам...

27 июля 1937 г. Разбудили в 4 часа утра, дали хлеба и по куску мяса — часа полтора ждали проводника. Прошли километра три до деревни Фриос, сидели перед деревней с 9-ти утра до 3-х часов дня. Начальство меняло жителям деньги. В хате, брошенной красными, нашли четыре ящика вина. Нас сменила «Нумансия» и мы вернулись в деревню Фриос. Мы, «Калавера» (череп — так называется отряд Гвардии Сивиль) и наши конные ночевали в сараях. Утром выступили из Фриоса, прошли километров 12 и дошли до деревни Москардон. Взобрались на высокую лесистую гору — справа два парашюта красных, наша авиация их забросала бомбами, красные пустились в бегство, наши повели наступление с развернутым испанским флагом. Нас поддержала артиллерия. Парашюты красных были взяты без потерь, взяли 4 пулемета Гочкиса, много винтовок и всякого снаряжения. У красных были четыре роты — человек 700. Утром возвратились в деревню Фриос, выпили кофе и поели консервов, которых у нас было несколько ящиков, захваченных у красных. В 12 часов ночи мы в карауле вокруг горы. Утром получили по кусочку шоколада, по два бис-

квита и немного хлеба — сидим полуголодные. Слышна артиллерийская стрельба — наши наступают на селение Торриенте — там тысячи две красных. Мимо нас прошло Терсию рекете «Санхурхо» и три эскадрона конницы.

31 июля 1937 г. Спустились с горы, вышли на шоссе, прибыли наши камионы, возвратились в Ориуэлу, пообедили при пехоте и через Алюстанте возвратились в Молину де Арагон. Километра за полтора от Молины мы слезли с камионов и пошли пешком: нас встретило местное начальство, все население города и шпалерами стоявшие школьники — встреча была торжественная. Наши солдаты несли захваченные пулеметы. Мы прошли церемониальным маршем через весь город под торжественные приветствия всего населения — мы победители!..

В Молине бродили по улицам до 3-х часов ночи, весь город праздновал победу, одержанную их рекете. Нас брали нарасхват: стоило появиться русским, как их тащили в бары, угощали и не позволяли платить (мы сидели без денег). «Калавера» (Гвардия Сивиль) не давали нам ни минуты отдыха, особенную симпатию проявляли к нам их фельдшер (студент медицины Мадридского университета) и сержант Аморос. Обедали в нашей «плана-майор» (штаб Терсио): штабные солдаты получили обед из четырех блюд, а наш «папа» (командир роты, капитан Висенте) накормил нас своим обычным обедом — фасоль и рагу, а мы сидим за одними столами вперемежку со штабными. «Папа нагоняет экономию! Наши «чики» (рекете) спрашивали у нас совета — как им поступить, но наше положение нейтральное и мы избегали советовать им, как поступать. Пришел тениенте Кастильо и уговорил получить обед. Каким-то образом довели до сведения майора, командира сектора, тот вызвал «папу» и сделал ему нагоняй, а вечером ужинали уже прекрасно, вместе со штабными.

3 августа 1937 г. Молина де Арагон. Вчера вечером один взвод нашей роты был отправлен в деревню Хуэрта-Фернандес, где стоит на позиции 1-й взвод с альфересом Фернандесом (мы его прозвали «крысой»). Нам сделали первую антитифозную прививку — штука очень болезненная. В обед выдали хлеб и полбанки сгущенного мо-

лока — есть не рекомендуется ничего. Наши режутся в покер на фасоль — расплачиваться будут папиросами. После ужина уехали на позицию все, кроме нас, которым была сделана прививка, человек десять. Вещи были оставлены и нам пришлось собирать их. Приехал Василий Кривошея — он на Аль-Петеа (Мост Сан Педро) был ранен пулей в голову, но пуля скользнула. Мы отправились в селение Кобету, завтра идем на парапет Сан-Педро. Осматривали старую башню времен мавров — там караул с телефоном и даже радио-приемником, караул несут местные крестьяне — гверильщики, которых в деревне человек пятьдесят. На позиции ранено трое нашей роты. На Аль-Петеа находятся Белин, Пылаев и Сладков, а Голбан, Сальников и тениенте Кривошея на соседней позиции.

7 августа 1937 г. Кобета. Вечером на камионе с продуктами приехал корниловец поручик Боярунас. Он оставался в Сен-Жен-де-Люс ожидать следующую партию из Парижа, но она не прибыла. Боярунас не дождался, возвратился в Париж и затем пробрался в Испанию. Он пробыл 2 недели с Рашевским в Сарагоссе, там встретил Павла Зотова (поручика Алексеевского полка), который поступил в Фалангу и уехал под Теруэль. Боярунас рассказывал о положении полковой группы Корниловцев в Париже — должен был приехать к нам капитан Максимович (окончил курсы ген. Головина и предназначался возглавлять нас), но почему-то не приехал. В восемь часов утра прибыл на ишаке-тениенте Кастильо и повел нас на позицию. Прошли километров семь — деревня Вильяр-де-Кобета. Деревня маленькая, дворов 20. На позиции наши сидят в ущелье, а парапет на горе, 19 человек с сержантом Рамоном, который напялил на себя противогазовую маску, но Кастильо приказал ему ее снять, надеть красный берет. Туземцы собирают какую-то траву — «горный чай» и пьют ее, уверяя, что это средство при желудочных заболеваниях. Штука горькая и противная. Позиция называется Аль-Петеа — остатки мавританского замка, красные на другом берегу Тахо и внизу под нами мост Сан-Педро. Позиция вроде мыса, вдающегося в расположение красных, справа и слева пропасти и справа протекает речка Гальо, проходящая через Молину, здесь она впа-

дает в Тахо. Мы на обратном скате, защищенном от красных. Редкие деревья — вечно зеленый каменный дуб (карраско) и можжевельник. Я часа два трудился, чтобы на скате приготовить площадку для сна — мне говорят, что напрасно я трудился, так как скоро уйдем отсюда. Ночью 2 часа в карауле, гверильщики спускались куда-то вниз, к мосту через Тахо. Боярунас привез из Парижа немного денег, получилось по 15 пезет на брата. (Мне в Париже должны много денег, но никак получить не могу...).

8 августа 1937 г. Спустились к источнику, помылись. Для гверильщиков прибыла смена. К обеду приехал командир Терсио капитан Руис, беседовал откровенно с капитаном Белиным насчет Рашевского. Всюду Рашевский должен, но лавочники не протестуют, считая его героем. Одна из его родственниц (Рашевская) жена вел. князя Бориса Владимировича. Это нам рассказывал сам Рашевский, впрочем называя себя при испанцах «племянником царя». Вторым «племянником царя» величает себя Сергей Константинович Гурский (Али Константинович...), штабс-ротмистр Переяславского драгунского полка. Так что в нашей маленькой группе в Испании оказалось уже два «племянника царя»...

После обеда ушли с Аль-Петеа в деревню Кобета, на позиции остались лишь 15 гверильщиков с нашим сержантом Аморос, при пулемете Гочкиса. Капитан Руис дал нам на дорогу бутылку коньяку. В Кобете все русские пошли в лавочку, хозяйка — мать нашего кабо Кастильо; взяли вина, пришли наши «чики» (мальцы), каждому поднесли вина с «чарочкой», собралось человек 25, было выпито 15 литров вина. Наши все почти большие любители выпить.

10 августа 1937 г. Утром все наши пришли с позиций, там остался лишь тениенте Кривошея. Пошли к ручью в сторону противника, помылись, выкупались, постирали белье. Фактически мы все лето без фруктов, так как в деревнях нет совершенно фруктовых деревьев, есть сады лишь в Молине. Приехал торговец фруктами и мы купили, груш, яблок, огурцов и помидоров. После ранения приехал из Молины из госпиталя Васька Кривошея, при-

вез корзину фруктов Пылаеву — подарок от альфереса «серой куртки».

12 августа 1937 г. Сермант Аморос (Гвардии Сивиль*) и священник, высокий тенiente — поругались с «папой», что он слишком соблюдает экономию. «У «папы» семья в Сарагоссе, и он должен ее кормить... за счет наших желудков. Часть роты уехала куда-то на позицию. Говорят, что скоро отправимся в Молину де Арагон. Ночью усиленные караулы — опасаются, что крестьяне, бежавшие к красным (человек 50) могут сжечь посевы. По слухам, красные заняли деревню Фриос.

В Вильяр де Кобета остались лишь кап. Кривошея и Сальников. Они предприняли рейд — перешли Тахо и угнали у красных стадо коз — штук 20, пригнали в Кобету, надоили молока вместо кофе. Утром «папа» сделал разнос Кривошее за его переход через Тахо. Говорят, что сидим в Кобете, чтобы дать возможность жителям собрать урожай, особенно богатый в этом году. Пылаев уехал в Молину купить сахару и чаю, т. к. здесь приходится переплачивать. Папа запретил лавочнице продавать вино по пезете за литр, а продавать по 60 сентавос, как в Молине. Ночью вернулся Пылаев и сообщил кучу новостей: в Молину приехало четыре Марковца и полковник Болтин (Лейб-гвардии Конно-гренадерского полка). Наши из конной разведки возвращаются в роту — всего русских бу-

* Гвардия Сивиль была основана в середине прошлого века для борьбы с разбойниками на дорогах между Гранадой, Малагой и Кордовой (ярко описано Боткиным в книге «Письма из Испании» в 1850-х годах). Впоследствии стала общенациональной полицией с весьма широкими полномочиями. В 1960-х годах я был свидетелем следующего случая: в Севилье на бое быков матадор сделал какую-то ошибку. Страсти зрителей воспламенились, начали прыгать на арену и дело дошло до драки. На арену вышло шесть человек в форме Гвардии Сивиль (у них лакированная треуголка) с автоматами на перевесе пустили очередь в воздух и сразу все сражавшиеся на арене испанцы, стали, как вкопанные и тихо разошлись по местам. Бывший со мной знакомый полковник фаланги (был с Синей Дивизией в России — говорил по-русски — я с ним познакомился в Кадисе, когда на улице, стал в лужу и выругался по-русски) объяснил: «Сразу угомонились т. к. знали, что следующая очередь будет по ним без предупреждения — ведь испанцы в душе все анархисты и их нужно держать в руках». — Прим. Издателя.

дет 23 человека. Ожидаем приезда начальника боевого участка — папа нас усиленно кормит: на обед хороший суп, мясо с картофелем, салат из огурцов и помидоров, яблоки и вино. На ужин то же самое.

16 августа 1937 года. Писал письма в Париж и полковнику Кондратьеву в Болгарию. Ждем приезда из Молины шести человек — о них знают уже все: наши рекете, крестьяне и бабы, а может быть и красные... Наконец вечером прибыли: Боярунас, Артюхов, Бриллиантов, Юреинский и Гончаренко. Болтин производится в альфересы рекете и останется в Молине. В Испанию приехали также Павел Зотов и Коптев, но они поступили в Фалангу. Впоследствии, после войны, Коптев в Мадриде принял католичество и ни с кем не встречался — гвардеец...

18 августа. Как-то вечером вышли на шоссе за деревней гуляли и курили. Гверильщики, заметив с башни огонек папирос, доложили «папе», тот учредил новый караул на шоссе у входа в деревню и выслал патруль из 4-х человек. Вечером нам сообщили, что в Молину приезжает русский священник. Капитан Руис предоставил свой автомобиль и приехал отец Иоанн Шаховской в сопровождении Болтина и Рашевского. В хате была отслужена литургия, мы все исповедались и причастились, пел импровизированный хор. Церковная служба была в нашем доме, хозяин сбежал к красным, был общий обед. Проводы священника были очень трогательные, провожали мы и крестьяне. После обеда гости уехали в деревню Чека, где стояли наши конники.

19 августа. В нашем Терсио болтается француз Анри (в рекете принимаются лишь русские и французские монархисты), но он никакими симпатиями испанцев не пользуется. Анри нам сообщил, что красные где-то перешли через Тахо и болтаются в тылу. Камион, везший продукты в Хуэрта-Фернандес, отправился под конвоем наших с Голбаном, проехали километров 15 с винтовками наготове, по дороге подобрали караул гверильщиков из Кобеты и благополучно сдали продукты. На обратном пути заехали в таверну, их кабо Кастильо угостил вином. Наши через реку переговаривались с красными, которые сказали,

что боятся перейти к нам, так как у них заложниками их семьи, перебросили нашим через реку бутылку коньяку. Ночью приехало подкрепление, четыре камиона мавров. Мы сняли караулы и с маврами пошли на Сан-Педро, мавры ушли влево на Лебранкон, а мы расположились охранять тыловую позицию — перешеек, соединяющий Сан-Педро с материком. В 7 часов утра левее начался бой, красные заняли высоты, против них — «Калавера», но нарвались на пулеметный огонь — потеряли шесть раненых и отошли. Вечером у Лебранкона было видно много автомобильных огней — подходили наши подкрепления. Красные очистили высоты на нашем берегу Тахо, «Калавера» потеряла 2-х убитых и 15 раненых.

23 августа. В 10 часов вечера под нашей скалой раздался взрыв, потом началась ружейная стрельба с парапета левее нас — там стоит Фаланга. Оказалось, что красные перешли мост через Тахо ниже Сан-Педро, но нарвались на нашу мину. Утром «папа» послал двух «чиков» и те с помощью гверильщиков нашли следы крови, куски одежды и человеческих тел, принесли ручной пулемет Дегтярева, русские патроны и французские ручные гранаты. Из-за взрыва простои́м еще несколько дней на позиции в помощь гверильщикам. Мина содержала килограммов 25 тротилла. Утром левее нас стрельба. Сидим без воды, наш источник иссяк, а нас 60 человек.

В июне небольшая группа красных прошла через мост Сан-Педро, гверильщики их видели, но прижались к скале, чтобы себя не обнаружить, сообщили об этом в Молину. На шоссе красные обстреляли наши два камиона, были убитые и раненые, но красных обнаружили, всех уничтожили, а их предводителю удалось переправиться к своим через Тахо при помощи веревки. Из деревни пришли проведать нас наши собаки — Митралья, Барбос, Пепка и Моро. Они очень привязаны к русским, а испанцы с ними не всегда деликатно обращаются и собаки это чувствуют.

25 августа. Часть роты с пулеметом ушла в Вильярде-Кобета. Нам сообщили о взятии Сантандера. Возможно, что красные для поднятия духа собираются перейти в наступление. Против нас в селении Хаорехас стоит интер-

национальная бригада плюс два батальона пехоты. По ночам видно, как к ним приходят камионы. Наша разведка (испанцы) спускались ночью к Тахо, ходили по скалам, вернулись утром с разорванными альпаргатами. На шоссе в Молину изредка взрываются петарды, подложенные красными, проникшими в тыл. Утром из Молины приехали Болтин и Кривошея. Болтин останется в Молине нашим представителем, имея доступ к высшему начальству. Руиз заболел кровоизлиянием в желудке, поэтому Рашевский еще в Молине, чинит пулеметы.

28 августа. Был в карауле с 12-ти до 3-х ночи, промок. Ночью группа красных перешла через мост под нашей позицией и поставила мины по шоссе между Кобетой и Молиной, взорвался мул, сообщение с Молиной прервано, у нас не хватает продуктов, так как нельзя привезти из Молины. Собираются послать засаду ночью к мосту вниз. Днем взорвалась там мина — на нее нарвалась бродячая собака, долго был слышен жалобный визг. Красные совершают рейды на нашу сторону Тахо, переходя через мост, что внизу нашей позиции на Сан-Педро, а наши избегают этого. Говорят, что советские пулеметы Максима приспособлены под патрон Маузера, принятый в Испании, Германии и в Китае — в ожидании «мировой революции»...* Наши, вернувшись из Кобеты с покупками, рассказывают, что ночью видел пастух красных гверильщиков, как они ставили петарды на шоссе и потом смылись. Поэтому предполагавшаяся засада у моста отменена. Наши по целым дням режутся в винт — Юренинский мастер по этой части. Вчера Васька Кривошея и Болтин ушли в Кобету, Болтину ходить трудно, так как у него астма и обе ноги ранены. Так что хорошо, что его произвели в Альфересы и оставили в Молине.

30 августа. Пришла смена и мы ушли в Кобету, пообедали и через час уехали в Молину де Арагон. Утром «Калавера» ушла на фронт в Кинто-де-Эбро, там 2-ая и 3-я роты нашего Терсио уже пять дней окружены и отбиваются. С ними генерал Фок и капитан Полухин (альфересы). Красные наступают на Сарагоссу через Кин-

* Конечно, палка о двух концах: и их могут бить их-же патронами.

то-де-Эбро и Бельчиту. Мы должны были туда ехать, но в районе Молины не осталось наших войск и нас задержали в качестве гарнизона. Есть сведения, что в Кинто убит командир 3-ей роты и один русский, но неизвестно кто, Фок или Полухин. Капитан Калаверы ранен в шею, наш друг фельдшер ранен в ногу. Вчера на фронт через Молину проехали «Нумансия» (наша 4-ая рота) и какая-то часть Фаланги. Наши в Кинто в полукольце и им сбрасывают продукты и патроны с авианов. Красные были в 7-ми километрах от Сарагоссы, но были отбиты. Рашевский был в половине августа в Кинто-де-Эбро, рассказывал, что деревня с трех сторон окружена рекой Эбро, позиция наша скверная, наши отсиживаются в блиндажах под обстрелом тяжелой артиллерии красных.

СЕНТЯБРЬ 1937 года.

1-го сентября. Молина де Арагон. В Молину доходят слухи о трагической судьбе наших 2-ой и 3-ей ротах: часть погибла, часть отбивается, припасы им сбрасывают с авианов. Красные отходят, но Кинто в их руках. Радио и печать красных ничего не сообщают. Болтин приехал из Сарагоссы и говорит, что там слышна сильная оружейная стрельба.

Гурко упал с лошади и сильно расшибся, его отправили в Молину в госпиталь. Вечером мы — 15 русских и сержант Анри устроили вскладчину ужин. Нашей конной разведкой командует альферес Ильин (говорит, что он бывший советский командир, окончил кавалерийское училище при красных в Елисаветграде, бежал из СССР через Румынию). Трое наших конных: кабо Налетов (шт.-капитан Марковской артиллерии, поэт, художник и «эстет»), Клименко — бывший скаут, приписан к Клястицкому гусарскому полку... Гурко — был 5 лет во Французском легионе (вместе с Сальниковым и Васькой Кривошей). Народ буйный, Налетов ничего с ними поделывать не мог и заявил, что снимает с себя нашивки капрала.

Ходят слухи, что в Кинто де Эбро погибли наши 2-я и 3-я роты и с ними капитан Яков Полухин и генерал Фок. Кинто в руках красных, наступавших на Сара-

госсу. Ежедневно перед ужином падре Хозе-Мария читает соответствующие молитвы. Говорят, что вместо погибших рот будут формироваться новые — наше Терсио имеет знамя и поэтому не может быть расформировано. Наша 1-я рота носит название «Донья Мария де Молина», 2-я и 3-я — «Марко де Белльо», а 4-я «Нумансия». Теперь стало официально известно о гибели наших двух рот. Наступление на Сарагосу отбито, но Кинто де Эбро и Бельчита в руках красных. Падре — Хозе-Мария произнес прочувственную речь о доблести испанцев и русских, особенно подчеркнув доблесть Фока и Полухина. Подробности неизвестны.

Прислали из мастерской запасные части для пулеметов Максима — не подходят. Наши пулеметчики — Сладков, Боярунас и Селиванов сидят без дела. Пулеметами заворачивает папин сын, альферес, пока сидят без дела и не хотят, чтобы ими кто-то командовал, пока их не произведут в сержанты или кабо.

13 сентября 1937 года. Молина. В нашей казарме ночевал взвод канарийцев. Были слухи, что нас хотели перевести в Канарийскую дивизию в качестве офицеров, но наше командование отказалось. Впоследствии эти «канарейки» перешли к красным, убив своих офицеров или потащив их насильно. Вообще-же испанцы — первоклассные солдаты, недаром когда-то Испании принадлежала половина мира. Посади испанца за камень, дай ему ящик патронов и он будет отстреливаться до последнего, и в наступлении они хороши.

Через Молину де Арагон проехало камионов двадцать мавров, на камионах масса всякого барахла. Среди них есть алжирцы, марокканцы. В Легион, Испанский, как и во Французский, принимаются даже преступники и оттуда выдачи нет, их кормят прекрасно, дисциплина там ужасная — «женихи смерти», как их называют в Испанском Легионе.

15 сентября. Вечером по нашему приглашению протопоп Хозе-Мария прочел молитвы об упокоении рабов Божиих Анатолия и Иакова (Фока и Полухина), мы стали на колени и пропели «Со святыми упокой» и «Вечную память». На столике стояла икона русского отряда Св. Иоан-

на Богослова — благословение от Марковского артиллерийского дивизиона из Парижа. Каждый день во время «Розарио» (акафист Богоматери) отец Хозе-Мария поминает погибших испанцев и наших русских — очень трогательно.

Ночью и днем проезжала Канарийская дивизия; «канареек» разместили в замке (пустом) и в пустых домах (в Испании войска никогда не размещают в жилых домах, а в пустых или в кафе). Ходят слухи, что нашу роту снимут с Тахо и пошлют в Монреаль дель Кампо, где вместе с остатками «Калаверы» будет образована ударная группа.

Мы всегда по праздникам в общем строю ходим в церковь: рота идет строем с барабанщиками и трубачами впереди, во время освящения Даров все становятся на колени, а трубачи играют «Королевский марш» (национальный гимн).

В Сарагоссе была торжественная всенародная панихида по нашим погибшим. Ходят слухи, что на нашем участке фронта на Тахо, красные сосредоточили до семи тысяч. В Лебранконе им дали возможность устроить переправу через Тахо. У Лебранкона стоит 800 мавров и канарийская дивизия в 10 тысяч войско это весьма ненадежно.

17 сентября. Пятница. Молина де Арагон. Весь день прибывают части «канареек», вчера пришла их инженерная часть. Тениенте Кастильо объяснил употребление газовой маски. Утром в приходской церкви Сан Гиль, наш протопоп отслужил панихиду по Фоке и Полухине. Наши целые дни режутся в винт и бридж. Я никогда в карты не играю, но готов просиживать все ночи напролет, изучая психологию игроков, особенно, когда играют в покер — самую жульническую азартную игру.

19 сентября. На камионах прибыло три батареи 75 мм. Их спрятали в сарае. Часть канарийцев отправлена на фронт на Тахо. У них огромное количество кабо и сержантов — мобилизованные, начальства больше, чем у нас. Из Хуэрто-Фернандес, где стоит взвод нашей роты альфереса Фернандеса, прибыли наши конники и сообщили, что к ним на подкрепление прислали роту «канареек». В пер-

вую же ночь часть их пошла сдаваться красным.

Из Кинто де Эмбро и Бельчиты наших спаслось 45 человек, им удалось прорваться. Впоследствии стало известно, что Полухин был ранен, положен в церкви, но под огнем красной тяжелой артиллерии, церковь завалилась и погребла раненых. Генерал Фок отстреливался до последнего из Нагана и последней пулей покончил с собой. Известно, что в ночном бою под Сарагоссой погиб известный русский летчик Российской армии капитан Марченко. Рашевского после очередного скандала отправили во Францию, его возил Болтин и на границе передал ему деньги на дорогу. У нас семь Николаев и Болтин привез для них фотографии их «мадрин».

Канарийцев отправили в Хуэску, на север Испании. В сарагосской газете «Нотисьеро» было сообщено, что в Париже исчезли генералы Миллер и Скоблин. Вероятно повторился случай генерала Кутепова. Но Скоблин — командир Корниловского полка... «Папа» уехал в Сарагоссу на панихиду по нашим погибшим.

25 сентября. Воскресенье. В церкви Сан Гиль была торжественная панихида по нашим погибшим двум ротам. Среди церкви катафалк (сенотаф). Протопоп произнес торжественное слово. Служба окончилась торжественными возгласами: «Вива Христо Рей! Вива Эспанья!».

Утром дали кофе без сахару, все повернулись и ушли — через десять минут сахар появился. Наши рекете недовольны чрезмерной экономией «папы» и сержанта Пио (артельщика) и даже сложили в его честь песню, он пожаловался начальству.

Говорят, что против нас красные сосредоточили крупные силы. В районе Рибя Сазнлисиес на шоссе взорвалась петарда — красные свободно проникают в наш тыл — вероятно переходят ночью через мост Сан-Педро. В деревне недалеко от Молины исчез пастух — полагают, что его увели красные гверильщики.

В сарагосской газете «Эль Нотисьеро» помещена подробная статья: в Париже исчезли генералы Миллер и Скоблин и что Плевицкая подала в суд жалобу против «Х» об исчезновении ее мужа, Скоблина. Что 2-го сентября французские власти арестовали Плевицкую по обвинению ее в сообщничестве похищения генерала Мил-

лера, что отдан приказ об аресте исчезнувшего генерала Скоблина. На следующий день адмирал Кедров заявил, что генерал Миллер никогда не доверял Скоблину и что Кедров подозревал, что Скоблин замешан и в похищении генерала Кутепова в 1930-м году.

Сегодня часть рекете и часть инженерной роты «канареек» на двух камионах уехали из Молины. На шоссе нередко взрываются петарды — подозревают, что местные крестьяне помогают красным. Ночью мы с сержантом «Микеем» отправились на шоссе, ведущее в деревню Чека и патрулировали до 6 утра, камионы потушили огни. На рассвете раздалось «Стой!» и раздались выстрелы — одного убили. Оказался крестьянин из деревни Пералехос, давшей лишь одного добровольца в Национальную Армию — все красные. Ночью с горы спускались три крестьянина, задержали их и они уверяли, что шли охранять шоссе. Одного убили. Оказалось, что накануне алькальд (староста) предупреждал крестьян — не выходить из деревни до 7 часов утра. Выбежали жители, бабы подняли вой — тяжелая картина. Утром пришел камион и задержанных крестьян увезли в Молину де Арагон.

28 сентября. Молина де Арагон. Приезжал посетить нас Гурский — легионер. (Он штабс-ротмистр или поручик Переяславского драгунского полка). Рассказывал о службе в Легионе — где очень суровая дисциплина. Мы не смогли его слушать, так как ночью уехали на охрану шоссе.

Ночью у моста Сан Педро к нам перешли капитан и два солдата, они привели с собой двух кавалеристов — лейтенанта и солдата, убежденных коммунистов, которых сумели разоружить. Первые трое на свободе, а остальные тщательно охраняются, так как стало известно, что они беспощадно расстреливали «врагов революции».

Ночью от нас в карауле 25 человек — пять караулов по пять человек. Я попал на шоссе в Калатаюд. Ходят слухи, что шпионы украли в Саламанке автомобиль итальянского посольства, с ручным пулеметом. На всех шоссе автомобили останавливают и проверяют, даже у прохожих спрашивают документы.

Утром в Молину прибыло два полка марокканской

кавалерии — у некоторых прекрасные лошади, смахивают на наши казачьи.

От полковника Щавинского получено письмо с вырезками из французских газет: в похищении генерала Миллера, виновен генерал Скоблин. Кто бы из нас мог подозревать — кавалер ордена Св. Георгия (полученный в чине прапорщика в 126-м Рыльском полку, стоявшем в моем городе Остроге). Каждый год 30 сентября нового стиля, делегация от Корниловцев ездила в Узуар ля Ферриер поздравлять мать-командиршу с днем Ангела и я был два раза.

В церкви была торжественная панихида по нашим погибшим, присутствовало много крестьян-карлистов из окрестных деревень.

ОКТАБРЬ. 1937 года. МОЛИНА ДЕ АРАГОН

1 октября. Пятница. Именины генерала Франко — Св. Франциска Ассизского, были в церкви. Приехал командир бронированной части и сообщил, что Германия и Италия настаивают на скорейшем взятии Мадрида и ликвидации фронта в Астурии.

Газета «Геральдо де Арагон» сообщает, что Скоблин и Плевицкая подготовили похищение большевиками генерала Миллера и что готовили и похищение генерала Деникина, сторонника восстановления монархии в России.

Завтра уходим на позицию, но по случаю дождя сегодня не уехали в Кобету. В 12 часов дня, по тревоге, еле дав пообедать, отправили 50 человек нашей роты на двух камионах на 27-й километр за Масарете, слезли и по грязи пошли влево по шоссе, взобрались на гору, рассыпались в цепь и простояли там до вечера. Красные где-то болтаются в тылу, перерезали провода. К ночи вернулись в Молину, снова караул — мы ругались и нам обещали, что завтра русские будут отдыхать.

5 октября. Пробыв 36 дней в Молине, уехали в Кобету. Оттуда по горам с вещами пошли в Вилляр де Кобета, маленькую деревушку. Наши конные поймали у де-

ревни Чека двух красных из группы в 20 человек. У моста Сан Педро красные пытались перейти на нашу сторону, но река Тахо разлилась, наши их обстреляли — был легко ранен в голову бригада (фельдфебель) Мола, один наш конник был ранен. Наши рекете окружили остатки группы красных из 20 человек. Прибыл нам на помощь взвод мавров — человек 30. В 3 часа ночи нас разбудили, мы поднялись на гору, устроив из камней парапеты. Мавры спустились к самой реке Тахо, но красные уже смылись, как-то сумев переправиться на свою сторону. Утром мы вернулись в деревню Виллар де Кобета и после утреннего кофе отправились на Аль-Петеа (мост Святого Петра). Там мы нашли прогресс — построен блиндаж, в котором мы и разместились. Блиндаж сделан скверно — испорчена масса материала. Нас с испанцами 28 человек, кашеваром заделался Васька Кривошея с Сальниковым. Днем наблюдатели, ночью два караула. Днем наши гверильщики заметили группу красных, пытавшихся переправиться через речку Гальо, впадающую в Тахо слева под нашей скалой. Двух убили, третий сбежал. Нашли много вещей с советскими клеймами.

8 октября. Строим навес для кухни и пулеметное гнездо. Праздник Марковцев — у нас 4 марковца-пехотинца и 8 артиллеристов. Они сложились по три пезеты и устроили улучшенный стол: 4 курицы, 2 литра спирта, вино и виноград. Обеды общие с туземцами. На следующий день приехал полковник Болтин и привез нам бутылку рома. Привезли почту. Рашевский прислал письмо с вырезкой из «Кандида»; Скоблин предал Миллера, главную роль играла Плевицкая.

Живем как Робинзоны. Для постройки кухни, внизу срубили два больших дерева и на веревках вытянули к себе. В Вилляр де Кобета окончили шоссе — теперь к нам сможет подойти артиллерия. К нам приехал наш майор, начальник сектора, и с ним какой-то офицер. Возможно, что на нашем участке начнется наступление.

10 октября — День Каудильо. Наш артельщик Квинтин (милейший человек, бывший учитель, питающий большую симпатию к нам — русским) прислал из Молины много продуктов. Ночью спустились к реке по почти

отвесной, метров 500 скале, несли караул у самой реки, у моста вместе с гверильщиками, которые — по словам их сержанта — еще не обучены и не умеют стрелять. Очень трудно было подниматься на Аль-Петеа, но несмотря на наш почтенный возраст, выдерживаем.

11 октября. Дождь. Приехал из Вилляр де Кобета наш тениенте Кривошея, жители его радушно встречали. Там комендантом гарнизона бригада Мола, местный житель, хозяин электрической станции, ныне бездействующей. Ходили за два километра к разрушенным сараям за бревнами для постройки кухни, тащили на себе. Ночью наблюдали, как у красных прошли 35 камионов — верно у них смена.

13 октября. Среда. Получили кучу писем — некоторые от марта месяца. Получаем письма по условному адресу — господин Ангуло получает их на свое имя и пересылает в наше Терсио. Рашевский сидит на границе и не может перебраться во Францию — международный контроль на границе Национальной Испании, кажется, шведские офицеры, а на границе с красной Испанией препятствий не чинят, так как во Франции «народный фронт», т. е. левые. Рашевский пишет, что ему прислали вырезку из советской газеты, автор Кольцов — там список 128 русских в Армии генерала Франко, а также извращенные выдержки из моего письма в Париж Рождественскому (НТС) — очевидно и в НТС имеются советские агенты. Вдова полковника Петренко прислала капитану Белину письмо: виноват Скоблин, Плевицкая в тюрьме в Париже, осуждена на 10 лет.

Наши строят кухню, а туземцы с любопытством наблюдают, как русские работают. Испанцы презирают излишний труд — в душе они гидальго... Вероятно, в Испании никогда не может быть безработицы, вечно будет не хватать рабочих рук. Как говорят сами испанцы, если кто зарабатывает одно дуρο (5 пезет), то старается не работать, пока не израсходует всех денег, а тогда стремится опять заработать на самое необходимое...

«Канарейки» артиллеристы вычисляют приборами расстояние до красных позиций, вероятно будут их скоро обстреливать. Обещают...

Вчера был праздник Божией Матери Пиляр саргосской, (в память явления Божией Матери Апостолу Иакову). Этот день открытия Америки — праздник «Испанидад» — испанской нации. Улучшенный обед с напитками и каждому по сигаре — такова традиция. Офицер сообщил, что вчера был налет красной авиации на Сарагосу — было сбито 24 красных авиона, а в Бельчите захвачено 25 красных танков (из 60-ти). Сегодня красные по нам не стреляли — у них была смена частей вчера.

Генерал Шинкаренко вызвал Болтина в Саламанку, но тот не мог уехать, так как нужен пропуск от канарийского генерала в Сарагоссе, а там уже контр-разведка дает пропуска дальше на Саламанку.

Получили из Парижа газету «Возрождение» за сентябрь и выдержки из советских газет.

В «Возрождении» пишут: виновность Скоблина установлена. Командиром Корниловцев назначен полковник Кондратьев (в Болгарии), начальником РОВС'а — назначен генерал Абрамов, а его помощником адмирал Кедров.

Наша позиция Аль-Петеа — остатки мавританской башни, разрушенной во время карлистских войн; при входе на нашу позицию, находящуюся на перешейке между скал и пропастей, находятся развалины другой башни.

Получили некоторые сведения: будто бы красные вели переговоры с капитаном «Калавер», обещая неприкосновенность. Капитан Полухин погиб накануне сдачи, а генерал Фок отстреливался до последнего патрона.

Эти дни тепло, но по утрам туман, как молоко, покрывающий все окрестности, видна лишь наша позиция, позиция красных на горе в километрах трех, направо гора Святого Филиппа — километра высотой, никем не занятая, и парапет в Вилляр де Кобета. Бригада Мола со своей конной разведкой нашел в пещере у Тахо три советских винтовки, ручной пулемет Дегтярева и около тысячи патронов, а также разное барахло — это было брошено теми красными, которые перешли на наш берег и их ловили на днях.

21 октября. Получены сведения о восстании красного гарнизона в Хихоне (Астурия), а через полчаса сообщили о взятии Хихона.

Ночью от русских караул внизу у моста через Тахо. Там нашли стадо овец, но без пастуха, который сбежал.

Он поднялся на Аль-Петеа и сообщил, что внизу красные: но это были мы.

Наш капитан Голбан со своими подчиненными (эскадра — звено) трудились несколько дней и построили для себя землянку: выдолбили в камнях большую яму, накрыли ее жердями, а сверху положили слой веток и покрыли землей. Землянка прекрасная, вполне предохраняет от дождя, но после дождя, когда хорошая погода, внутри землянки идет дождь... Мы хохотали над «инженером» Голбаном, он очень был сконфужен.

Продуктов не доставляют, питаемся скверно, ежедневно полусырой горох, который никто не ест. Наш кухарь Фелипе, крестьянин соседней деревни, нещадно ворует продукты и отправляет в деревню. Я сам видел, как его родственник с мешком на спине отошел от кухни, спустился в долину и кустами пошел в свою деревню — но я не хотел поднимать скандала...

26 октября. Аль-Петеа (мост Святого Петра). Простояли на позиции три недели — сыро, негде помыться и обсушиться. Гончаренко пришел из деревни навестить нас, говорит, что и там плохо, много караулов — не стремитесь мол в деревню... Наконец нас сменили гверильщики и мы ушли в Вилляр де Кобета. Мы русские заняли хаты, брошенные крестьянами, ушедшими к красным. Моемся, приводим себя в порядок. Голбан — в доме священника, который переселился в другую хату. Пошли в кабак, пели русские песни. Эскадра Белина — я, Селиванов, Пылаев и Боярунас — профессорская эскадра, как нас называют, ибо мы заняты разрешением серьезных вопросов, поместились в отдельной брошенной хате. Деревня маленькая, но жители богатые, много карлистов, в окрестных лесах занимаются добычей смолы сосновой для выделки канифоли — к каждой сосне подвязан чугунный горшочек и сосны кривые, худосочные. Река Тахо разлилась и у нас стало меньше караулов. Эскадра Налетова: — Юренинский, Сладков, Клименко, и Васька Кривошей. Эти наши две эскадры несут караулы, а Голбан со своими — Бриллиантов, Тоцкий, Артюхов и Сальников — несут патрульную службу. В деревне около 60 семейств, пять сбежало к красным. Между нашими «кавалеристами» часто бывают пререкания, иногда в присутствии туземцев...

Получено письмо от полковника Болтина, который в Саламанке посетил немецкого военного агента. Немцы его встретили с почестями, скомандовали «смирно» и ему были представлены немецкие офицеры. Виделся и с итальянским представителем, а также с главой карлистов — графом Флоридой. Ездил в Бургос, Паленсию, Виторию. В Паленсии итальянское интендантство. Подробности расскажет по приезде.

29 октября. В заброшенной хате устроили баню: достали большое корыто, большую банку из-под масла, все помылись и постирали белье.

Болтин пишет, что ожидается приказ генерала Франко о сборе всех русских в нашем Терсио.

Из Парижа сведения: французы произвели обыск в доме Скоблина в Узуар-ле-Ферьер, забрали весь архив Корниловцев, около тонны — его Скоблин возил по всей Европе и спас. Французы доискиваются связи русских с немцами и с генералом Франко. Наш «благодетель» капитан Савин, возможно, что он агент Скоблина и мы ему не доверяем, что он провалил отправку русских добровольцев в Армию Франко — он написал Болтину письмо, требуя список всех русских и обещает удовлетворить нас самым необходимым и даже угрожает приехать к нам. Тогда мы учредили бы ему допрос.

Из Вилляр де Кобета повезли на Аль-Петеа черепицу на 43 мулах, покрывать блиндажи. Васька Кривошея и Бриллиантов ходили в Кобету, их там приветствовали «маргаритки» и капитан эскадрона, стоящего в Кобете. Гверильщики не нахвалятся русскими: примерно служат, бросили хорошие должности во Франции, получали по 1.000 пезет, а теперь 75 сентавос в день.

Полковник Шавинский пишет, что Рашевский находится в Париже, писем от нас не привез — говорит, что Французы на границе их отобрали. Если бы это была правда, то его задержали бы.

НОЯБРЬ 1937 года.

Наши помещаются в доме священника, который куда-то исчез. Вещи его хранятся у жителей. Наши разыскали бутылку малаги и мед. Приехал откуда-то священник,

отслужил Розарию (акафист Божией Матери). Левее от нас на парашете фалангистов явился перебежчик. Рассказал, что против моста Сан Педро три парашета красных по 9 человек с тяжелыми пулеметами, а в деревне Зорехас, левее нас, 50 человек — столько же, сколько и у нас. Сидим весь день у очага (над ним дыра для выхода дыма), где горят бревна каменного дуба или толстые ветки можжевельника — их добываем в хатах бежавших к красным крестьян.

3 ноября. Отправились на Аль-Петеа. Там масса черепицы, устраиваем кухню и уютную землянку. Эскадру Белина назвали «сенаторами» — серьезные люди, обсуждающие мировые вопросы. Эскадра Голбана — «ёжики» (держи за пазухой ножики), а эскадра Налетова — «чижики» (вечно щебечут). В наше отсутствие во время дождей, землянки протекли, матрасы сгнили, их выбросили, достали соломы, я для себя насобирал веток можжевельника. Вечером на шоссе заметили двух красных, открыли стрельбу, но безрезультатно. Ночью упал огромный метеор — окрестные жители были в панике.

Недалеко от нас на шоссе были обнаружены следы ног в кованых ботинках — это чужие, так как местные крестьяне носят альпаргаты (туфли на веревочной подошве, очень удобные для хождения по скалам) или самодельную обувь из автомобильных шин. Вечером этих чужих окружили наши гверильщики, всех убили: они сидели в лесу за едой, дали залп, четырех убили, остальных прикончили при бегстве. Их выследил сержант гверильщиков Сантьяго — у него красные убили двух братьев. Оказались крестьяне окрестных деревень, знавшие местность, и с ними — четверо «русских»... Испанцы называют русскими всякую международную сволочь. Захвачены ручной пулемет и два пистолета-пулемета.

7 ноября. Аль-Петеа. Вечером Белин, Боярунас, Пылаев, Селиванов, Юренинский и я спустились с нашей скалы вниз к мосту через Тахо — спускались около часу. Сначала часовым был Пылаев, потом Селиванов, а мы прикурнули. Туман, плохо видно. Вдруг Селиванов шепчет: «Идут, так и так ихнюю маменьку»... Мы засели на скате бугра против моста, а гверильщики левее метра

в 50 в кустах. Мы ждали красных с моста, а они показались из нашего тыла. Открыли стрельбу, но было темно, лишь мост отсвечивался. Выпустили по обойме, я лежал сзади всех и пока выполз вперед, у меня на мушке оказался Селиванов и я не успел выстрелить, а красные бежали к мосту. Гверильщики ни разу не выстрелили, хотя им лучше видно было красных, чем нам. Красные перебежали через мост и пустили по нам очередь из пулемета, но слишком высоко, видно было лишь над нами синие огоньки. На мосту были стоны — верно были раненые. Мы подошли к мосту, но следов крови на нем не обнаружили. Утром гверильщики спустились к мосту и нашли лишь одну брошенную французскую ручную гранату. Местность такая, что красным было трудно пройти, видно у них был хороший проводник из местных жителей. Утром у парапета красных долго разворачивался камион — верно грузил раненых.

Сообщили, что в Молину приехал Болтин и привез для нас 25 комплектов итальянского обмундирования. Две ночи подряд наши спускались к мосту, но больше красных не встретили. Приехал кавалерийский капитан осматривать позицию — вероятно нам скоро будет смена.

8 ноября. Нам позвонили, чтобы мы уходили, не дождавшись смены и в 8 часов утра мы ушли в Виллар де Кобету. На мулов было погружено все наше имущество: кухня, продукты, патроны и бомбы. 10 дней идет дождь. Нас спасают испанские шинели — длинные до пят, с прорезом для головы и застегивающиеся по бокам и с капюшоном — сукно вроде русского солдатского. Наша рота разбросана: один взвод в Хуэрта Фернандо, другой в Молине. По дороге в деревню встретили гверильщиков (они все в красных беретах, как и мы). Они ловили красных петардистов, которые за полчаса до нашего прихода обстреляли мотоциклиста, разбили пулей одну фару, но мотоциклист ускользнул невредимым. По нам, очевидно, не решились стрелять. Нас отправили в Молину де Арагон. В Масарете стоят терсио «Кристо Рей» и «Альказар де Толедо». В Молине много войск — моторизованная артиллерия, везде пехота и «канарейки». Мы даже не разгружались, пообедали в нашей казарме (Институт Гойя) и отправились в Ориуэла день Тремедаль. Знакомая доро-

га, везде стоят войска — в деревнях и на хуторах. Приехали через Алюстанте — жители нас узнали и приглашали к себе в гости. В Ориуэле мы расположились в большом доме, где до нас стояло терсио «Сантьяго» (наша 4-я рота), с ними было два наших тяжелых пулемета. Вечером прибыла кухня, наше имущество, а также 4 огромных ящика с итальянским обмундированием.

9 ноября 1937 года. Ориуэла дель Тремедадь. Получили итальянское обмундирование и каску (французского образца): штаны, френч, шинель — всё шерстяное, серую рубаху (под френч), кованые ботинки, кальсоны, носки и обмотки, а также по 30 итальянским папирос. Пошли погулять и у Налетова в нагрудном верхнем кармане френча вспыхнула коробка спичек, карман прожжен насквозь. После обеда все собрались, Болтин сделал доклад о своей поездке в Бургос—Саламанку—Ирун и Паленсию: видел итальянцев, немцев и генерала Франко. Обещано, что все прибывающие русские будут направляться к нам и образуют отдельную часть «Гверилья Сан Хорхе» (Ополчение Святого Георгия). Если таковая часть будет сформирована, то будем получать по 5 пезет в день и на сберегательную книжку по 20 лир в день). (К сожалению, русские больше не прибывали в Испанию и все проекты остались висеть в воздухе...).

11 ноября. Сан Милан — деревенский храмовой праздник. Все были в церкви — церковь большая, красивая, внутри белая. Потом наши принимали участие в танцах с местными девушками. Вечером были в кафе — распили 5 бутылок анисовой водки, всем подносили и пели «чарочку». Ходили в лес около деревни, принесли массу рыжиксв, решили их засолить. Достали огромную глиняную посуду в метр высотой, купили соли и луку.

Болтин рассказывал, что в итальянском штабе его приняли сначала мордой об стол, но он им напомнил, как Российский Императорский Флот спасал жертв землетрясения в Мессине, у итальянцев заговорила совесть, они покраснели и выдали обмундирование для нас и надавали кучу обещаний.

Капитан Николай Евгеньевич Кривошея, Марковско-

го артиллерийского дивизиона) назначен командиром русского взвода. Хотя он и младше по службе многих из нас, но был произведен в альфересы в другом Терсио Наваррских рекете и к нам прибыл уже офицером.

После обеда нас человек десять русских со знатоком грибов Юренинском — марковцем) отправились в лес и насобирали массу рыжиков, опять их засолили — уже имеем килограмм 200 засоленных. По дороге в деревню на мосту встретили нашего протопопа Хозе-Марию и он попросил корзинку грибов для каких-то проезжих офицеров. Нам в кафе их жарят бесплатно, только платим 50 сантимов за масло. Село большое и богатое. По шоссе в Валенсию в лесу гостиницы и санатории, куда летом приезжали на отдых дачники. Жители развращены подачками от туристов, «за всё» берут деньги. Огромный лес, я нашел массу кустов крушины (домашнее слабительное средство). Наши ходили в Алюстанте по приглашению своих бывших хозяев — милый и гостеприимный народ. За грибами некоторые ходят по два раза в день. Сальников так выпил, что залез в нишу около фонтана и заснул — еле разыскали его...

От нас до фронта, до истоков Тахо — 35 километров, мы на отдыхе. Гверильщики принесли несколько петард, поставленных красными километрах в 20-ти от нас, с батарейками.

Жизнь входит в норму — подъем, кофе и в 10 часов прогулка по шоссе, на манер строевых занятий. Погода прекрасная, теплая. Караул раз в три дня — только в казарме, а после ужина патруль обходит кабаки и выгоняет оттуда всех рекете, а сам остается там до часу ночи. Приехала рота Терсио «Сантьяго», разместилась по хатам.

21 ноября. Ориуэла дель Тремедаль. Именины Юренинского. За обедом выпили, потом посидели в кафе. Васька Кривошея (сам бывший кухарь на Сан Педро) объединился с кухарями терсио Сантьяго (ранчери). Мы, Сантьяго и Нумансия составим подвижную колонку. Болтин получил письмо из Германии от отца Иоанна Шаховского: он хочет образовать дамский комитет помощи нам (такой-же комитет есть и в Бельгии, под председательством баронессы Врангель). На мосту в Брончалес камин

раздавил нашу собачку (маскотту), хорошенькую сучку, которую мы достали у пастуха на позиции в Рибра де Санлисияс, ее выкормили и воспитали. Очень было нам грустно, особенно был убит Васька Кривошея. Ходят слухи, что капитан Руис будет назначен начальником милиции провинции Гвадалахара и к нам не вернется, так как будет иметь пребывание в Молине или в Сигуэнце.

24 ноября. Сегодня годовщина боевого крещения нашего Терсио (под Хуэской) и смерть тениенте Руиса. «Папа» вводит строгие порядки: утром воспрещается выходить из казармы, кто отсутствует на вечерней переключке, тому арест — спать в сенях без матраса. Осмотр оружия — у некоторых рекете дуло винтовки заткнуто тряпочкой от сырости. «Папа» ругался и заставил чистить винтовки.

Получили газету «Возрождение», там интервью Рашевского — невероятное вранье о каких-то наших воображаемых подвигах...

Утром после кофе наш взвод с тениенте Кастильо (борода) на камионах отправился по шоссе на Альбаррасин, свернули на Приегос, слезли и пошли километра 4 до хутора Чапарилья — впереди нас наша конная разведка. Это имение какой-то мадридской дамы — 4 хаты, там стоят конные мавры... Там передовая позиция, считающаяся опасной (потом мы ее занимали). К обеду возвратились в Ориуэлу. В наше отсутствие приезжал какой-то генерал с удивлением узнал, что в Терсио есть белые русские, передал нам привет, сказав, что нас вероятно скоро перебросят на Валенсию. Приезжал начальник сектора, майор Маринес, был на занятиях, потом при раздаче обеда. Кашевар преподнес ему кусочек мяса, майор говорит: не этот, а вон тот кусок», пробовал разжевал, но мясо как резина... Майор приказал «папе» нас кормить получше. Продукты нам привозят из интендантства, за 90 километров чуть-ли не из Теруэля. Майор забрал с собой Сладкова делать какую-то инструментальную (или глазомерную) панораму. Прибыл взвод, ездивший на станцию Санта-Евлалия, там его сменила другая часть. Взвод перепился. Альферес Мендес набил кому-то морду.

ДЕКАБРЬ 1937 года.

1 декабря 1937 года. «Папа» прислал своего вестового к Болтину — просит продать ему итальянскую шинель — ему подарили, он вынимал даже деньги, остался очень доволен подарком. Но когда Болтин попросил разрешения поехать в отпуск, то «папа» и майор посмотрели друг на друга и сказали, что отпуска прекращены и нужно просить разрешения у канарийского генерала в Молине.

5 декабря. Воскресенье. Утром подали шесть крытых камионов — мы русские в отдельном камионе — с песнями отправились в деревню Гриегос, нам знакомую по июльскому наступлению, когда жители со слезами нас благодарили за освобождение от красных и угощали вином в изобилии. Зимний пейзаж. Поместили нас в брошенном доме, ночью холодно, сидим у очага, над нами дыра для выхода дыма, в очаге тлеют бревна. Потом добыли печку.

8 декабря. Католический праздник Непорочного Зачатия — праздник испанской пехоты. Были в церкви, протопоп произнес прочувственную речь. Построились перед церковью, «папа» даже со шпажёнкой под мышкой, взяли на караул, в церковь вошли с винтовками. Был хороший обед, крестьяне подарили барана на 20 человек, вино, коньяк и по сигаре. Только сели за обед — тревога. Мясо взяли с собой, спешно собрали белье, отданное бабам в стирку (мокрое), добрались до деревни Баньос, вечером выдали хлеб и колбасу... Утром дали хлеб и по куску шоколада. Хата грязная, загаженная маврами, спали в сарае на соломе (это в декабре!..). Наш взвод ушел в деревню Таравилью, деревня маленькая, жители в лохмотьях, но говорят, что они прибудняются, имеют много денег. Поместились в доме священника, который перешел в другую хату, помещаемся в одной комнате. В соседней комнате наши рекете развели костер прямо на полу, даже не постлав кусок жести. Пьяный альферес «Бахус» нахамил полковнику Болтину, тот вызвал его на дуэль, но тот — в кусты... До реки Тахо километров семь. Сидим без табаку. Тениенте Кастильо («Борода») подарил полфунта канарийского табаку, положили на стол и все курят. Протопоп Хозе-Мария пришел с каким-то священником, который боязливо смотрел на «страшных русских». Говорят, что через Молину прошло полторы тысячи грузовиков с войсками и

200 орудий. Если бы столько артиллерии было у нас в Белой Армии!.. Около Мазарета мимо нас прошло около сотни грузовиков с войсками — красные наступают на Теруэль; все деревни забиты войсками, по всем шоссе сплошная иллюминация. Через Молину мы прибыли в Кобету, жители нас встретили очень радушно. Кофе был заказан у знакомой бабки — жены алькальда, лавочницы. Тянули жребий — кому идти километров десять по снегу на Аль-Петеа — жребий вытянул тениенте Кривошея, мы перешли в лучшую хату. Говорят, что через Молину прошло 50 немецких танков с орудиями. Все танки, имеющиеся у красных, называют «русскими», хотя кроме советских, есть и французские или чехословацкие. В наше терсию возвратился кап. Руис. На нашу роту выдадут 12 итальянских ружей-пулеметов. Нам на смену в Кобету пришел эскадрон кавалерии с пулеметами, а нас послали на парпет, на Аль-Петеа (мост Св. Петра), как знакомых с обстановкой и местностью. Нам на подкрепление прибыл спешенный эскадрон (120 человек). Одеты хуже нас, некоторые в альпартгатах. Полковник передал, чтобы мы были особенно бдительны. Кавалеристы расположились на горе, землянок на всех не хватает. С нами в блиндаже поместились четыре их офицера. Один их взвод ушел в Вилляр де Кобета, на электрическую станцию (нашего бригады Мола). Им привозят еду вечером.

19 декабря. День Святого Николая. У нас 5 именинников: Сладков, Артюхов и Кривошея, а Болтин и Селиванов празднуют в другое время. Тениенте Кастильо послал «Негуса» (своего вестового, в Кобету и тот притащил 4 литра коньяку и 9 литров вина, подвыпили, пели русские песни, кавалерийские офицеры пели свои.

Ночью я был в карауле под мостом на скале. Внизу в ущелье глубиной метров в 500, а то и больше, бурлит Тахо. Подо мной раздался сильный взрыв, сноп огня — инженерная рота «канареек» взорвала мост, говорили что затрачено 600 килограмм взрывчатого вещества. Теперь уже красным партизанам трудно будет проникнуть в наш тыл.

Утром нас пришла сменить рота пехоты — какие-то африканские стрелки, но пошли дальше, на электрическую станцию в Виллар де Кобета, там нечто вроде запру-

ды, по которой могут просочиться красные. Утром пришел из Кобеты испанский взвод нашей роты и мы ушли на отдых в Кобету. Вечером нас пригласили к себе офицеры кавалерийского полка во главе с майором, старшим офицером. Хотя мы и на солдатском положении, но майор предупредил нас, что мы как у себя дома. Немного выпили, закуски не полагалось, пели песни — мы свои, испанцы свои.

Между Альбаррасином и Теруэлем красные прорвали фронт и окружили 8 тысяч наших войск. Красные ворвались в Теруэль. Голбан ездил в Молину в гости к кавалерийским офицерам полка Кастильехос — их стоянка мирного времени в Сарагоссе. Голбана угостили обедом в гостинице, они знают «папу» (нашего командира роты капитана Висенте, так как он был в их полку тенииенте) — посмеивались по его адресу. Голбан фактически ездил в Молину за покупками, ввиду приближающегося католического Рождества. «Папа» от себя дал нам три бутылки коньяку «Домек», да Голбан купил 2 бутылки коньяку попроще, бутылку рома и бутылку вермута. «Папа» иногда выдает какую-то смесь, которую мы называли «тарантас» — это какие-то остатки (из кожуры и веток винограда) при выделке коньяку, крепость невероятная, но есть любители, так как теперь зима и «тарантас» согревает, особенно тех, кто простояли на холоде в карауле.

Через Молину проехал на Теруэль генерал Франко. Прошло 120 камионов с войсками — около Масарете колонна пустых грузовиков растянулась километров на пять. В Кобете несколько эскадронов конницы, везде во всех деревнях пехота и кавалерия. Васька Кривошея объединился с солдатами кавалеристами и подарил им свое новое итальянское обмундирование, вернулся домой в испанской форме из хлопка. Кто-то из наших подсмотрел, как Васька по своей доброте предлагал и новые итальянские кованные ботинки: «Сапатос киерес? (хочешь ботинки?), но сделка не состоялась, так как у кавалеристов сапоги или краги, ботинки не подошли. Так до конца дней, Ваську дразнили: «ботинки хочешь?»...

В Кобете столько войск, что деревня не успевает выпекать хлеб. Кавалерийский врач сказал нам, что красные у Теруэля понесли до сорока тысяч потерь — возможно, что цифра и преувеличена, но приблизительна.

24 декабря — Католический Сочельник. В Испании Рождество — самый большой праздник в году, а Пасха — мало празднуется. К нам пришли гости, кавалеристы полка Кастильехос: подполковник, два капитана и десять младших офицеров. Мы купили немного консервов и печенья, выпивка была, пели русские песни. Высшее начальство ушло, а младшие офицеры остались еще часа два. Потом пошли в гости к кавалеристам. Там уж встретили католическое Рождество по-настоящему.. Утром на первый день Рождества ушли на Аль-Петеа. Кроме нас, там еще находится один взвод пехоты, построивший для себя блиндаж — очень много материала испорчено, построено неумело. Очень тепло, даже какие-то мошки летают. Пошли к источнику на полгоры, помылись до пояса. В 9 часов вечера у красных страшный взрыв, у нас в блиндаже даже карбидная лампа потухла. Оказывается, левее нас, против позиции фалангистов есть мост без настила, его взорвали, так как по нему просачивались в наш тыл красные. Утром наши гверильщики пошли на разведку. Нам показывали остатки подземного хода времен владычества арабов, башня их была разрушена во время последней Карлистской войны 1870-71 г.г. Наша позиция — нечто вроде узкого мыса между пропастями справа и слева, шириной метров в 200, мыс соединяется с «материком» перешейком метров в 50 ширины и там остатки мавританской башни.

28 декабря 1937 года. Всю ночь были видны огни наших камионов, идущих куда-то вправо. Наши должны были наступать на Гвадалахару, но красные предупредили своим наступлением на Теруэль и даже взяли его, но ненадолго.

31 декабря. Вчера мы пришли в Кобету. Встречали Новый Год. Все наши офицеры, все наши рекете, даже кухаря, пригласили пехотных офицеров, которые произнесли приветственные речи — что мы русские, забыв свои чины, пошли простыми добровольцами против коммунизма. Просидели за общим столом с 8-и до 12 с половиной ночи, поздравили друг друга с наступающим Новым 1938-м годом, в 12 часов ночи поздравили по телефону с офицеров полка Кастильехос. Пищу подавали в котлах прямо к сто-

лу и тут ее раздавали. Пришли и наши гверильщики и пехотные сержанты — было очень мило и симпатично. Что-то нам принесет Новый Год?..

1 января 1938 года. Деревня Кобета. Вечером к нам пришли 8 офицеров кавалеристов — молодежь с полковым врачом. Принесли с собой три бутылки хереса «Санчо», единственное приличное вино в деревенской лавочке. Мы достали две бутылки рому и бутылку аниса. Объединение кончилось тем, что адъютанта (графа) отнесли домой и врач дал какое-то противоядие от отравления алкоголем. Просили извинения, что вчера не могли провести встречу Нового Года в «своей среде», так как были у своего полковника. Приглашали к себе вслед, но пришел младший альферес и смущенно заявил, что господа офицеры «устали». Мы остались одни и поздравили друг друга с Новым Годом.

Около Теруэля полный разгром красных. С нашей стороны участвовало 400 орудий и много авиации, это было самое крупное сражение за всю испанскую войну. Интернациональные бригады понесли семьдесят процентов потерь, взято и истреблено 40 танков, 20 орудий (пленных очень мало, так как их не брали), взяты в плен советский полковник и испанский полковник, сдавший красным остров Менорку (Балеарские острова).

3 января. Очень холодно. Вчера утром ушли на Аль-Петеа. Тоцкий и Сальников заболели и остались в Кобете, им обещали устроить кровати в крестьянской хате, о них заботится местный врач. Ночью был сильный мороз, готовим дрова. На парапете бессменно Кривошея (тениенте), а тениенте Кастильо (взводный) находится в Кобете. Почта не ходит — в целях сохранения военной тайны, почтовые операции не производятся, транспорт лишь для военных нужд. Удалось с трудом через кавалерийских офицеров отправить в Сарагоссу поздравление мадринам, им вручат лично. У Кастильехосов в Сарагоссе база и туда

ежедневно ходит камион за продуктами. Нас вызывали для дачи показаний по делу убитого нашим патрулем крестьянина из деревни Пералехос — показания в пользу виновного — на войне не без потерь... Имя виновного старались не называть.

5 января. Парапет, Сан Педро. Нам видно было, как в Заорехас пришло к красным восемь камионов — видно смена. По нам выпустили несколько пулеметных очередей, но потом стрельба прекратилась, видно красные убедились, что их пули нам вреда не причиняют. На их стрельбу никто не обращает внимания, жизнь наша на парапете на скате, обращенном к красным, протекает нормально — гремся на солнышке, наша кухня дымит. На следующий день красные опять открыли стрельбу по нам, нам воспрещено стрелять по ним за бесполезностью — за каждый выстрел наказание: принести снизу из источника кувшин воды. Простояли пять суток и смена, — теперь смена будет каждую неделю. С нами ушел в Кобету, наконец, Николай Кривошея, который долго просидел бессменно на парапете, а Кастильо сидел в Кобете.

8 января. Наше Рождество не встречали никак. Нас пригласил к себе кавалерийский полковник, с собой взяли и тененте Кастильо. Собралось нас 15 русских и 15 кавалерийских офицеров. Полковник подарил каждому пару шерстяных перчаток, специально для нас заказанных. Полковник спросил — кто был последним на Аль-Петеа — сказали, что наш Кривошея — полковник его благодарил и посадил рядом с собой. На Кастильо испанцы не обращали никакого внимания и нам приходилось подсаживаться к нему, чтобы избавиться от одиночества. Выпили коньяку, но без закуски. Пели русские песни, испанцы пели свои — веселые и бесцензурные, запевал толстый майор («папа»), человек видно музыкальный и веселый, но по службе очень строгий. Полковнику очень понравилась русская «чарочка», хочет ввести ее в своем полку, испанские слова, но «пей до дна» — по-русски. Полковник хочет посадить нас на два автомобиля и отвезти к генералу Монастерио, он не прочь взять нас к себе в полк в качестве пулеметчиков, но мы не хотим уходить от карлистов.

В хате холодно — в хатах испанских крестьян лишь очаг с дырой сверху для прохождения дыма; достали банку из-под масла, из консервных банок сделали трубу. Алькальде дал одну печку, кавалеристы, кавалеристы обещали другую. У крестьян печки имеются, но не дают — мужики везде народ жадный... Сержант Каха ежедневно привозит из Молины продукты лишь на одни сутки: 10 кило гарбанцо (овечий горох), кило кофе, немного чечевицы, кило сахара и соли. Почему не привозит на несколько дней? Сахар порошок, смешался с солью. Кашевар Фелипе — местный житель, ворует, при раздаче пищи сначала наливает в горшки для своей семьи, а остатки нам.

11 января. Говорят, что Теруэль взят красными. Обед и ужин без мяса, пожаловались тененте Кастильо, тот с перепугу купил на свои деньги по коробке сардин (в интендантстве 30 сентавос, в деревенской лавочке — 65). В деревнях куплено девять баранов. Кухарь Фелипе уверял, что нельзя достать... При раздаче жаркого, нам достаются кости и легкие, а лучшее съедается кухарями. Я уверял всех, что это особая горная порода баранов, состоящая из костей и легких...

Говорят, что Теруэль в руках красных, благодаря предательству полковника Рей, с ним перешли к красным три офицера и указали слабые места нашего фронта. В результате красные взяли в плен наших человек 500. Полковник Рей был в Молине и в Ориуэле дель Тремедаль и даже выпросил у нас серую итальянскую рубаху.

Полковник Щавинский из Парижа выслал нам от Орехова 1.550 франков и сто пачек папирос бельгийских. Рашевский снова в Испании, поступил в Терсио Пиляр. Сержант Анри говорил, что видел в Сарагоссе Рашевского с двумя молодыми людьми из Парижа, — говорил, что якобы это его родственники. Рашевский поступил в Терсио Пиляр 27 декабря, а на следующий день, его уже разыскивала полиция. Мадрины прислали нам из Сарагоссы подарки — нам досталось бутылка коньяку и 10 больших турронов — мы их поздравили с Праздниками. Налетов нарисовал художественную виньетку и мы все подписались. Анри рассказывал, что видел, как через Молину проехали понтонные части — возможно наше наступление на Гвадалахару, где стоят итальянские части из добровольцев. Под Теруэлем лишь прикрытие.

14 января — наш Новый Год. По приказанию тенiente Кастильо был приготовлен улучшенный обед — три блюда с вином и сладким. Васька Кривошея именинник — по этому случаю, ему остригли его пугачевскую бороду. Пришли к нам гости: местный врач (тениенте) и два кавалерийских офицера — тениенте и капитан (граф, его родителям принадлежит табачная фабрика на Филиппинах). Ходят слухи, что красные сосредоточили под Гвадалахарой 25 тысяч войск. Десять эскадронов Кастильехосов ушли в Хуэрто Фернандес, ушли и Африканские стрелки и мы остались одни. Утром мы ушли на Аль-Петеа — верст восемь. Там взвод пехоты и пол-взвода наших с Ильиным (альферес). Пехотный тениенте жаловался, что наши рекете отказались строить укрепления и показал нам инструкцию свыше: строить стенки из камней с бойницами и убежища от авиации и артиллерии. С нами пришел взвод пехоты с альфересом, который принимал позицию от пехотного тениенте — акт писали полтора часа. Тениенте жаловался, что ему капитан не доплатил каких-то денег и что он будет жаловаться. К полудню, наконец, тениенте тронулся в путь: на мула погрузили его вещи — огромный чемодан, другой поменьше, ящик с посудой и... ночной горшок, а он пробыл на позиции всего лишь пять дней. Тениенте Кривошея заявил, что никаких укреплений строить не будем. Страшный туман — все долины как будто наполнены молоком, видно лишь нашу вершину и позицию красных против нас. Около башни, тениенте пехоты настроил массу землянок — целую деревню, испорчено масса материала, а землянки тесные, для жилья негодные. После пехоты остались горы полусырой фасоли, выброшенной из котелков и из кухни.

Ночью я и два наших рекете и гверильщики спустились с Аль-Петеа вниз к мосту через Тахо, наши рекете (родом из соседней деревни) спустились к самому Тахо, а мы остались с гверильщиками на полу-горе и в шалаше развели костер, так как было очень холодно и сыро, особенно ногам и коленям. Рекете поднялись к нам около полуночи и залегли спать, а я и гверильщики поочередно дежурили, сменялись каждые 20 минут, посматривая за мостом. Под утро поднялись на Аль-Петеа, где гораздо теплее, чем у реки.

На шоссе взрываются петарды, но мосты взорваны и

находятся под наблюдением кавалеристов, так что красным никак нельзя к нам проникнуть — очевидно петарды на шоссе ставят местные мужики. В обед наша авиация бомбардировала деревню правее нас — занятное зрелище. Под утро мы проснулись от дребезжания несмазанной телеги — оказалось, что над нами пролетел красный авион допотопной системы, бросил несколько бомб в лесу где-то около Кобеты. Видно красным сплавляют авионы еще Первой Мирвоой войны, тогда как у нас новейшие итальянские авионы. Днем солнечная погода. Часа в 4 дня мы сидели у блиндажа на стороне противника и заметили, что на бугре, в двух километрах от нас мигают лучи, как будто оптический телеграф — могли быть и шпионы, передающие сигналы противнику. Наши схватили винтовки и побежали, по дороге встретили тениенте Кривошею, который тоже побежал с ними. Оказалось, что это Налетов и Гурко, рисовавшие нашу скалу, чинили карандаш и блестящие ножки отражали солнечные лучи. Раздолбали их, как Бог черепаху...

26 января 1938 г. Вечером на западе красное зарево — очевидно где-то пожар: мог гореть лес, где-нибудь цистерна с бензином или деревня. Красное зарево расширялось на север. Мог быть пожар в Молине де Арагон. Оттуда нас запросили — в чем дело? Молину запрашивал Маранчон. Потом появились цвета радуги — небо стало синим, потом зеленым, фиолетовым. Я сообразил, что это северное сияние (аурора бореаль по-испански), успокоил испанцев. Зрелище необычайной красоты, продолжалось несколько часов.

Получил из Бургоса от Болтина письмо: получил 14 комплектов итальянского обмундирования, везет нам бельгийские папиросы и вино от мадрин из Сарагоссы. Он выручил Рашевского, который сбежал с двумя своими «родственниками» из Терсио Пилар и привез их в Бургос. Юноши приедут к нам, а Рашевский собирается к маврам. Якобы супруга генерала Франко просит нас дать три концерта в пользу сирот войны — в Сарагоссе, Бургосе и в Саламанке.

29 января. На смену нам пришли 25 гверильщиков из Кобеты и мы ушли туда. На Аль-Петеа осталось несколь-

ко наших с тененте Кривошея. Из Молины Пальчевский привез к нам Порховича с женой («хозяйка», как он ее называет). Сам он русский чех, в 1-м Кубанском походе был в конном отряде Гершельмана, в 1920-м году был в Офицерской роте 1-го Корниловского полка (хотя я его не помню), прибыл из Чехии, по-русски говорит с чешским акцентом. Появилась «полковая дама», им нашли комнату в Кобете. Пальчевский (бывший кадет) приехал из Талавера-де-ля-Рейна, где он 10 месяцев пробыл в оружейной мастерской. После церкви тенiente-коронель (подполковник) вызвал наших Кабо и вручил им для нас 17 пакетов с подарками, в каждом пакете: шоколад, конфеты, банка варенья, две пачки папирос и колбаса. Полковник сказал, что русским доверяет арестованных, они в алькальдии (деревенское самоуправление), их 12 мужиков и 2 бабы, это петардисты, крестьяне деревни Хуэрто-Фернандо. После обеда пошли в караул при арестованных Белин и я, Сальников, Боярунас, Пылаев и испанец Валеро Санс. Выставляли часового и подчаска. После обеда кавалеристы ушли из Кобеты в Молину де Арагон и дальше на Теруэль.

ФЕВРАЛЬ 1938 года

Одели нашего сержанта-пулеметчика в итальянское обмундирование, предлагал деньги. Вчера с Барком приехал Гончаренко. Ночью в нашем районе опять летал дребезжащий красный авион и где-то вдали от деревни бросил несколько бомб. Арестованные красные петардисты были захвачены сержантом гверильщиков Сантьяго, у которого красные убили 2-х братьев. Со своими гверильщиками он убил двух красных петардистов и захватил 12 человек и двух баб. За каждую взорванную петарду будут расстреливать двух красных петардистов. У одного из них нашли записку крестьянам ихней деревни Хуэрто-Фернандо: в случае обстрела деревни красной артиллерией, чтобы левые уходили в лес, который обстреливаться не будет. Пока что взрывы петард на шоссе прекратились.. Красная артиллерия обстреляла деревню Хуэрто-Фернандо и три снаряда попали в самую деревню.

Пылаев ездил в Молину лечить зубы и вернулся, привез к нам Рашевского и двух юношей — барона Остен-Дризена и Вейнера. Рассказывал, что в Париже французские власти сделали обыск у полк. Трошина, среди конфискованного находились и мои документы, а также копии моих докладов о масонстве, и что французское Сюрете (тайная полиция) завела на меня досье, как на «активного врага масонства». Эти сведения подтвердились, и мое военное начальство в Париже писало мне, чтобы я после испанской войны не возвращался в Париж.

Часть наших ушла на позицию Аль-Петеа. У нас собрались гости: тениенте Кастильо, четыре офицера кавалерийского полка «Роблес» с капитаном, они прибыли с фронта из Астурии.

6 февраля. На Аль-Петеа ушло терсио Нумансия, а нам подали четыре камиона. Жители Кобеты сердечно прощались с нами, так как мы сжились с ними на фронте, с гверильщиками. Вечером прибыли в деревню Таравилью — по шоссе на хутор Эль Терсагилья, откуда идет проселочная дорога, километра четыре. Расположились в пустой поповской хате. Достали большую чугунную печку, устроили подобие кроватей, а испанцы в соседней комнате развели костер прямо на полу, без печки. Мы, выдавшие много на свете, быстро приспособивались к обстановке на удивление туземцам. В Таравилье два взвода нашей роты — Кастильо и Фернандеса («Борода» и «Крыса»), один взвод в деревне Баньос, километра четыре от нас, там альферес «Дунька». Ночью к нашим караулам прибыло подкрепление, по три местных крестьянина на каждый караул.

Вечером прибыл из Легиона Константинов (Евгений Владимирович), мы его прозвали впоследствии «вредитель». Был в Легионе ранен, под Теруэлем и обморожен. С ним был в Сарагоссе некто Бонч-Бруевич, но тот остался в Сарагоссе устраивать свои дела и мы больше о нем не слыхали. Константинов приехал ободранный, в одной шинелишке, без сапог, ноги обмотаны тряпками, его в Легионе обокрали. Он ложится спать и все вещи привязывает к себе веревочками, а остальное за пазухой. Он очень был удивлен, что у нас не воруют, что у нас это не принято...

11 февраля. Наш взвод прошел километров пять до реки Тахо. Кухарь был с нами и приготовил хороший обед: яичницу, мясо и жареный картофель. После обеда наши пытались ловить в реке рыбу, но ничего не поймали. Ночью вернулись на парапет в Таравилье.

Сальников и Ильин ездили за обмундированием в Молину для вновь прибывших, заодно привезли ящик продуктов из нашего запаса. Ильин потребовал свою порцию и ему выдали шоколад, банку ананасов, конфеты и одну селедку. Ананасы в консервах были из парижского русского магазина «А ла виллье де Петроград», ни вкуса ни запаха, вроде редьки. Сели обедать. Утром занятия — словесность, мы язык плохо понимаем, но присутствуем. Сговорились с протопопом Хозе-Мария, чтобы он нам давал уроки испанского языка, он объясняет нам по-французски, но понятно. Под Теруэлем наше наступление — взято 10 тысяч пленных и освобождено тысяча квадратных километров территории.

С нами приехавшие с Рашевским из Франции Вейнер и барон фон Остен-Дризен, Илья Анатольевич. Он никогда не служил на военной службе, телосложения худенького, ноги как палочки. Он рассказывал, как Рашевский, Вейнер и он поступили в Терсио Пиляр, но дезертировали и их выручил Болтин. Рашевский в Париже собирал деньги на русских добровольцев в Испании. Даже ухитрился получить 50 пезет от светлейшего князя Горчакова, отличавшегося феноменальной скупостью. В мавританские части его не приняли, но он продолжает носить феску и восемь нашивок за ранения. В Бургосе он пропил 200 пезет, но за него заплатил Болтин и Ергин, который к нам не попал, а уехал во Францию — он оказал какие-то услуги испанским националистам.

Николай Николаевич Вейнер опоздал к ужину, сидел в кабаке, а за ужином делают перекличку. Белин вызвал его в отдельную комнату, Вейнер вошел, приложив руку к пустой голове. Белин ему объяснил, что к пустой голове рука не прикладывается. Вейнер («бенгальский улан», как мы его называем) ответил, что он красный берет головным убором не считает, что он приехал сюда воевать месяца на полтора, но он здесь нашел скаутскую организацию, которая охраняет «овцов и ко-

ров» и что он раза два в месяц будет ездить в Сарагоссу. Мы надрывались от смеха. Сам он сын русской, вышедшей замуж за англичанина, нам он не подходит. Он прошел допризывную подготовку, пробыл месяца два в Индии и получил звание офицера запаса. Пока что по ночам несем караулы, через день ходим в разведку. Из-под Теруэля прибыл Павел Зотов, поручик Алексеевского конного дивизиона, как будто из кубанских иногородних. Отпраздновали 20 лет Первого Кубанского похода. Купили 20 литров вина, из остатков консерв приготовили бутерброды, испанцев не приглашали, все было тихо и чинно. Нас теперь 27 русских, сила изрядная. После обеда ходили на разведку к речке Кабрильо, до вечера просидели на горе, потом зажгли кусты, чтобы попугать красных и к вечеру вернулись в Таравилью.

23 февраля. Выпал большой снег, играли в снежки и слепили две больших бабы — верно первые за все существование Таравильи. Барк (племянник министра Петра Барка, его отец в Польше был директором Беловежской Пуши, а сам он служил на Мадагаскаре и оттуда приехал в Испанию воевать). Барк пошел на парапет за лопатой, но не заметил, что канава занесена снегом, прыгнул на камни и сломал ногу. Его на носилках отнесли на хутор Терсагилью, за 4 километра по шоссе, там случайно проезжал верхом доктор из соседней деревни, который поскакал в деревню Терсу и оттуда прибыл автомобиль, который отвез Барка в Молину в госпиталь.

Получили парижскую газету «Возрождение», там имеется мое письмо Рождественскому в Париж, но без указания автора. Масса чепухи, отсебятины (от редакции) — автор остался неизвестен (я). Ильин возмутился, что не были упомянуты «боевые подвиги, но все нашли, что написано хорошо.

На стенке сарая вывешен плакат «монструо русо» — русское чудовище, горилообразное существо. Пожаловались отцу протопопу, который обещал написать куда нужно, чтобы эти оскорбительные вещи не появлялись. Болтин тоже обещал нажать связи. Потом подобных плакатов мы не встречали.

Получили почту через наших мадрин в Сарагоссе. Мне письмо от капитана Григуля. Пишет, что все мои

письма были получены и прочтены на собраниях Корниловцев в Париже. Григуль ругает однополчан, так как записалось ехать в Армию генерала Франко более пятидесяти человек, а поехало двое — я и поручик Боярунас.

26 февраля. Прибыл Пантелеймон Иванов (Панфилов), был в Марковском полку, потом в 5-м артиллерийском дивизионе в Галлиполи, из молодых, кажется Константиновского военного училища в Галлиполи. Из молинского госпиталя прибыл Налетов. Барк в госпитале — два перелома и вывих, за ним ухаживает жена Порховича. Порхович ругается — отпуска запрещены и он не может поехать в Молину навестить «хозяйку». Выдавали подарки — ящик на четырех человек, нам выдали на каждого пять, а испанцам на шесть человек. В каждом ящике бутылка анисовой водки, шоколад, туррон, папиросы и варенье.

МАРТ 1938 года

Таравилья. Порхович уехал на один день в Молину, а оттуда с разрешения майора в Сарагоссу. Забрал свою «хозяйку» и всё своё имущество. Он все время писал на чешском языке письма, делал какие-то записи, строил планы «спасения русской эмиграции». Для нас он был чужой, хотя плохого о нем ничего сказать нельзя было.

На уроке испанского языка сказали отцу протопопу, что в испанском языке очень много неправильных глаголов. Он ответил: «не смущайтесь, в самой Испании немного людей, которые знают все неправильные глаголы». Деревенские гверильщики больше нам не помогают нести сторожевую службу — кажется им не заплатили.

Марковцы-артиллеристы получили от своих из Парижа по 50 пезет, празднуют, на вечернюю поверку из 25 человек наших явилось всего девять.

Получены ружья-пулеметы Фиатт, по одному на взвод. Русских — полный взвод 18 человек и еще одна эскадра (отделение) в испанском взводе. Ночью наши часовые заметили у красных много огней от автомобилей, разбудили дежурного офицера, но оказалось, что наша разведка уже час тому назад ушла туда. Из сосед-

ней деревни пришла учительница «посмотреть на русских», которых она никогда не видела. Местная учительница ей показывала этих диковинных зверей. Ночевала она в Эстанко (табачная лавка и каба́к).

Из Молины приехал майор, нач. боевого участка. По этому случаю, «папа» закатил обед — три блюда со сладким и вином (сладкое полагается на обед и ужин, но мы его давно не видели). Мы были на парапете за деревней, сержант (дежурный) Панфилов принес нам подарок от «папы» — бутылку хереса Санчо. Перебежал из-за Тахо крестьянин соседней деревни, говорит, что у красных человек 30, а на нашем участке не больше роты.

10 марта 1938 г. Таравилья. Праздник Традиционалистов (карлистов), ходили в церковь на панихиду. Утром Пальчевский, Зотов и «дед» (Боярунас) отпросились у дежурного офицера пойти на целый день на Тахо. Купили сала и сардин и пошли. Другой дорогой проезжал верхом «папа» и послал конного узнать — кто это: если крестьяне, то проверить документы, а если свои, то вернуть в деревню. Ильин, плохо знавший испанский язык, перевел так, что мол «папа» опасается, что русские могут перейти к красным... Боярунас страшно возмутился. Оказалось, что Ильин напутал, так как «папа» передал, чтобы быть осторожнее, чтобы не нарваться на красных.

На Арагонском фронте наше наступление, взято много деревень, в том числе и Кинто де Эбро, где погибли наши две роты и с ними Фок и Полухин.

Около деревни Чека красные перешли ночью Тахо и захватили нашу заставу, которая спала. Нашим чикам объяснили, чтобы внимательно нести сторожевую службу, чтобы подобное не повторилось. Утром у красных стрельба. В соседней деревне Баньос, где альферес «Дунька», тревога, спали с патронташами. Оказалось, что двое наших «чиков» возвращаясь из соседней деревни с праздника Традиционалистов, открыли стрельбу по красным. По сведениям на днях в Молине мавры отказались выступить на фронт, была вызвана кавалерия, шесть человек расстреляли.

19 марта. Травилья. «Папа» получил запрос из штаба 3-ей армии имеются ли налицо следующие лица: Ра-

шевский, Илья Анатольевич и Николай Николаевич (то есть Дризен и Вейнер). Рашевский их уговорил уйти из Терсио Пиляр и Болтину удалось их выручить, и направить к нам. Рашевский наделал долгов и их заплатила графиня О'Доннель (400 пезет).

20 марта. Вчера деревенский глашатай ходил по улицам с трубой и объявлял, что завтра мол праздник Святого Иосифа и что работать не полагается. (Как раз местные крестьяне делали шоссе из хутора Терсадила в Таравилью). Наша делегация ходила поздравлять протопопу с днем Ангела — он очень был растроган. Исчез почтальон, шедший из одной деревни в другую, за 10 километров; полагают, что его захватили красные, которым где-то удалось переправиться через Тахо. Он родственник той учительницы, что приезжала посмотреть на русских, и дядюшка нашего санитаря Гарсии. Вчера эта учительница опять пришла из своей деревни и была в церкви. Протопоп сказал проповедь о «блуднице», пришедшей из другой деревни и смущающей добрых католиков — это по адресу гости... «Можно придти раз — это мол ничего, но в другой раз — это непростительно»...

Вчера Селиванов и Пылаев весь день зудили Панфилова (произведен в сержанты в другом Терсио, нам не завидно... хотя он из молодых). Настаивали, что необходимо поднять дисциплину. Пылаев даже предложил, чтобы русские добровольцы приветствовали испанских кабо (капралов), но его подняли на смех — Пылаев большой моралист, по-нашему «Баран»... Вечером Панфилов, будучи дежурным по роте сержантом, цукнул Вейнера: «Мне ваша улыбка не нравится»... Некоторые говорят, что у нас нечто вроде Запорожской Сечи, другие считают, что вроде горьковского дна. Некоторые любят выпить — 20 лет эмиграции сказываются отрицательно. Но в общем хорошие ребята, верные люди.

Узнали подробности того, что произошло в Молине де Арагон. Мавры возмутились, что их офицеры (каиды племен) пользуются особыми привилегиями и отказались выступить на фронт. Произошли беспорядки. Пошли слухи, что они собираются перейти к красным — но это было конечно преувеличением. В Молину были вызваны рекете и фалангисты, окружили церковь Святого Фран-

циска, где помещались мавры, поставили на крышах пулеметы, в поле стояла артиллерия. Говорят, что было убито десятка полтора мавров, зачинщики были расстреляны — один их офицер. Был арестован офицер фалангист, который за тысячу пезет согласился передать генералу Франко письмо от мавров.

25 марта. Дождь, град и снег. Наши наступают в северном Арагоне, вблизи французской границы у города Хуэска. Наше наступление на Каталонию предпринято потому, что красные испанцы просили Леона Блюма о присоединении Каталонии к Франции. Блюм отказал, но обещал всемерную помощь.

Приехал Болтин, говорил, что нас возможно прикомандируют к кавалерии, а когда соберется больше русских, то испанцев уберут и останемся лишь мы. Говорил, что итальянцы обещали нам с 1-го января жалованье, но мы его никогда не получили. Собрались все и Болтин обратился с просьбой меньше пить, чтобы не позорить русского имени. Потом было выпито по этому случаю 2 литра спирту... Получилось как в России в одной деревне, где жители решили учредить отделение общества трезвости: крестьяне выставили несколько ведер водки — «как-же, такой случай, полагается выпить»...

Ходят слухи, что в тылу у нас болтается группа красных с пулеметом, у нас усиленные караулы, воспрещается выходить за 50 шагов из деревни.

Пишу ответы на многочисленные поздравления, полученные из Германии к Рождеству. Отец Иоанн Шаховской образовал общества для удовлетворения наших настоящих нужд.

АПРЕЛЬ 1938 года

1 апреля. Таравилья. Получены сведения, что на нашу бывшую позицию около Риб де Санлисиас, красные наступали с танками. Мы в прошлом году эту позицию укрепили, поправили стенки из камней и опутали колючей проволокой. Наши из-за проволоки отбивались ручными гранатами и захватили четыре красных танка. Приказ свыше — проявлять особую бдительность, особенно по ночам.

Наши войска успешно наступают в Каталонии, взяли город Лериду и подходят к Тортозе, где мост у устья Эбро. Гончаренко приехал из Калатаюд и рассказывает, что жители надели праздничные одежды и радуются нашим победам, считая, что скоро война кончится (я полагаю, что через год — так и получилось).

У Барка неправильное сращение переломов ноги, его отправляют в Сарагоссу, в хороший санаторий, где лечился и капитан Руис. У Сальникова нечто вроде опущения желудка, тоже едет в санаторий с Барком.

Итальянцы — «флечас неграс» и «азулес» (черные и синие стрелы) должны наступать на Гвадалахару, возможно и нас перебросят туда в качестве стрелковой части при кавалерии. Красные пытались наступать на Альбаррасин, но были отбиты.

6 апреля. К полудни явились три перебежчика, их опросили и оставили на свободе, гуляют по деревне. Майор уехал в Альбаррасин к генералу просить о смене для нас. В Альбаррасине красные потеряли около 200 человек. Утром иней, ночью холодно, днем тепло и деревья начинают цвести. Хоть мы и на высоте, но юг чувствуется.

В деревне Баньос, где альферес «Дунька» со взводом, наши помещаются в двухэтажном сарае, ночью один провалился и свалился вниз. Искра от лучины попала в солому, начался пожар.

Мы находимся в Таравилье уже восемь недель, сегодня у меня первый день отдыха, а то каждую ночь в сторожевом охранении или в разведках и патрулях.

Католическая Страстная неделя. Четверг. По улицам деревни проходила религиозная процессия — на носилках несли примитивную статую Божией Матери в сопровождении наших рекете. Праздничный обед: суп с вермишелью, горох, четверть барана на 10 человек, фиги, вино и по сигаре. (Испанцы постов не соблюдают, это им разрешено папами за услуги, оказанные в борьбе с неверными). Весь день дождь. Пришел тениенте Кастильо, просил надеть каски, выйти на улицу и спеть несколько русских песен. Мы смешались с нашими рекете, объединялись, пили вино и пели песни.

16 апреля. В Молину де Арагон прибыл новый под-

полковник, командующий нашим участком фронта (Арагонско-Кастильским Легионом, как нас называют). У меня нечто вроде гриппа. Вечером нас послали за деревню, как полагается с полным снаряжением бегом — нас повел сержант Касас. Я с трудом бежал и сказал сержанту: «почему мы должны бежать как сумасшедшие?»... Касас обиделся и жаловался на меня сержанту Панфилову.

В мое отсутствие в карауле вынесли на балкон радио-аппарат и слушали речь генерала Франко. Болтина просили сказать несколько фраз. Передача окончилась национальным гимном.

«Папа» (наш капитан) получил из штаба запрос о том, желают ли принять двух добровольцев, русских белых — одному 40, другому 50 лет, оба моряки. Мы считаем, что им трудно будет ходить по горам, они и не прибыли. Хотя нам по 40 лет, но мы выдерживаем прекрасно. Больше мы о них не слышали. Говорят, что есть приказ о демобилизации достигших сорокалетнего возраста — нас это не касается. По команде на занятиях сняли береты и прослушали приказ подполковника — вводится фашистское приветствие с поднятием руки.

22 апреля. Наша Страстная Пятница. Ассигновано 25 пезет, купить пять дюжин яиц, покрасили их. Одно яйцо выкрасили в черный цвет и приподнесли барону Дризену, сказав, что это от черной курицы — поверил... Бедный барон мне жаловался, что сидит без денег... «Папа» приказал застрелить всех бродячих собак, так как они лаем выдают местонахождение деревни.

23 апреля. Наша Страстная Суббота. Красили яйца и писанки. Я разыгрывал барона Дризена: сказал ему, что желающие от 30-ти до 40 лет, могут уйти со службы, а знающим иностранные языки можно устроиться в Министерстве иностранных дел. Дризен принял это за чистую монету и пошел к Кинтину (милейший испанец, бывший учитель, говорит немного по-французски, всегда сидит за учебниками) и просил написать ему заявление об отставке и о приеме на дипломатическую службу: говорит, что в Париже он окончил Высшую школу политических наук и что согласен стать дипломатом. Ему сказали, чтобы он торопился и что другие уже подали прошения.

На первый день Пасхи возвратились из сторожевого охранения — наш сержант не хотел уходить в деревню, так как там заставят работать, устраивать парапет и натягивать проволоку, которую накануне привезли.

24 апреля — Наша Пасха. В 11 утра собрались в нашей комнате в поповском доме, украшенной Русским и Испанским флагами, украсили ее зеленью, были крашенные яйца и крестьянки приготовили подобие тортов, купили вина и сардин. Пригласили «папу» (капитана Висенте и всех наших офицеров; отец протопоп благословил яства. Только сели за стол, как приехали из Молины полковник Болтин и майор Руис (недавно произведен), который захотел провести с нами часок-другой. Болтин привез много закусок. Обед раздали без нас, мы взяли только хлеб, вино и рагу. Руис нас сердечно приветствовал и назвал нас «Дон-Кихотами», борящимися за торжество правды, за высшие идеалы. Проводили Руиса до автомобиля и кричали ему ура. По уходе гостей похристосовались. Сережа Бриллиантов показал мне несколько фиг (кукишей), вынимая их из кармана — мы все хохотали, зная, что Сережа, если кем недоволен, то носит сложенный кукиш в кармане, а потом его преподносит очередной жертве. Мы его знали по Парижу. Вейнер обратился к Болтину с просьбой устроить ему отпуск, так как он 1-го мая должен быть в Лондоне, чтобы жениться. Он получает от матери ежемесячно 450 пезет, с ним дружит Гончаренко (до последнего сентавоса).

27 апреля — мой день Ангела. Сижу без денег, празднование отложено. Укрепляем парапет и окружаем проволокой — это сделано всё русскими. Вейнеру написала мачеха, что к нам приедет архимандрит Никон и с ним графиня де-ля Луар (урожденная Бажанова). За ужином как-то разговор зашел о либерализме. Дризен сказал: «какая это была красивая эпоха». Я ему возразил, что «эта красивая эпоха» кончилась французской революцией, которую темные силы величают «великой» и которая погубила массу людей. Вейнер упорно молчал, а потом подошел ко мне и говорит: «зачем вы ведете такие скучные разговоры»?.. С его точки зрения, всё, что относится к национализму, является скучным. Типичный материализм. Он скоро едет к своим англичанам...

МАЙ 1938 года

1-го мая. Таравилья. Получили газету «Возрождение» из Парижа: генерал Туркул, ген. Шатилов и Борис Суворин высланы из Франции.

Маленькая «стычка» между Вейнером и Бриллиантовым: оба получили по два наряда не в очередь. Вейнер пошел к «папе» просить о переводе в другую часть, «папа» накричал на него. «Папа» накричал на Кастильо, за то, что «чики» играют в футбол: изнашивают одежду и обувь. «Папа» уехал в Сарагоссу в отпуск, там его семья. Его заменяет тениенте Пастор, который находится в Баньосе с 3-м взводом нашей роты. Приехал из Легиона граф Ламсдорф, он прошел ускоренные курсы альфересов.

Уроки испанского языка — неправильные глаголы. Протопоп замечательный учитель.

Получено письмо из Парагвая, от сына генерала Эрдели, хочет приехать к нам, но у него жена, дочь и хозяйство; до Буэнос-Айреса может добраться, а оттуда постарается устроиться кочегаром на пароход, чтобы добраться до Испании. Просит содействия. Полковник Двойченко (Крымского конного полка), находится в Наваррских рекете, тоже просит содействия, для приезда из Болгарии своего племянника Ковалевского, который служил во Французском Легионе, окончил в Белграде университет, знает несколько языков и несколько пулеметов.

Вейнер получил от штаба 5-го корпуса извещение, чтобы он о своих письмах не беспокоился, так как такие хранятся во 2-м отделе (контрразведка).

Из Парижа получено письмо, что Евлогиевская юрисдикция не разрешила архимандриту Никону (бывшему гвардейскому полковнику, кажется Московского полка) приехать в Испанию, обслужить наши церковные нужды. В Париже секретарем Консistorии является полковник Аметистов (Тишка), окончивший Духовную академию и Академию генерального штаба — по его собственным словам — он масон. Видно Евлогиевская юрисдикция соблюдает в испанской войне нейтралитет...

Получена посылка для Бибикова, но он в Легионе: 2 кулича, три бутылки водки и закуски. Ждем его приезда. По сведениям, Рашевский сидит в тюрьме, с ним князь Долгорукий и Платонов, их хотели отправить к нам, но

они болтались нелегально между Ируном и Сан-Себастьяном.

Из Праги получено письмо от некоего господина Падальки: группа инженеров, окончивших курс в Чехословакии, предлагает свои услуги Испании, чтобы строить мосты, дороги и гражданские сооружения... Мы только посмеялись над их наивностью: хотят приехать на готовое, а воевать не хотите?.. Они даже полтора месяца изучали испанский язык.

18 мая 1938 года. Из Парижа получены письма за март и апрель. Наши сожалеют, что не поехали в Испанию воевать, что упустили возможность принять участие в испанской войне: мог бы быть сформирован большой отряд русских белых и наше командование могло бы переехать в Испанию, так как на носу решающие события, в которых участники Белого Движения смогли бы выступить на мировую арену. Но эта палка о двух концах: если бы в Испании был большой отряд русских, то его употребляли бы как ударную часть и жертвы были бы огромные. Пожалуй, довольно, что нас мало — самое большое — было в нашем Терсио 35 русских добровольцев — количество достаточно для того, чтобы представлять русских белых...

В карауле испанцы жаловались на «хозяйственные комбинации» «папы», но мы понимаем, что у него в Сарагоссе семья и он должен ее содержать.

В Терсио Сантьяго прибыло пополнение 100 человек. Жители Молины жалуются, что это распущенные городские мальчишки, постоянные скандалы, просят высшее начальство, чтобы в Молину прислали наше Терсио.

Полковник Двойченко прислал Болтину проект самодвижущейся бомбы против танков, наливается керосином. Этот фантастический проект он просит представить генералу Франко. Перед этим генерал Шинкаренко представил проект реорганизации испанской конницы, чуть ли не о подчинении всей конницы ему — Шинкаренко. Но он был ранен в голову очень тяжело и отсюда такие проекты.

28 мая. Приехал из Молины Болтин и привез Али (Сергея Гурского), который уверяет, что он полковник

6-го Переяславского драгунского полка. Рассказывал, что в Каталонии у красных много артиллерии, присланной из Франции, и что в интернациональных бригадах много французов, шведов и северо-американцев.

29 мая 1938 года. После церковной службы вышли строем на луг около деревни и тениенте Кастильо объявил, что сегодня годовщина подписания договора с Италией: кричали ура, да здравствует Испания и Италия и «Христо Рей». Дали три залпа боевыми патронами.

Получили немного денег из Бельгии, вышло по 20 пезет на брата. Белин взял с собой Клименку и Дризена и повел в кабак платить долги.

Семь рекете нашей роты отправлены в селение Масарете охранять фабрику канифоли, где работают военнопленные. Окрестные деревни добывают сок из сосен, таких фабрик всего пять или шесть в Испании — валюта для генерала Франко. Наш рекете Кресценсио Эрнандес, получив обед, тут же его вылил прямо перед всеми на улице — такой обед, что есть невозможно. Папин сын (альферес Висенте) увидел это и послал виновного на парапет. Наши чики гороха не едят, а отдают его крестьянам для свиней. На Роба де Санлисиес гороху под колючей проволокой была на полметра высотой куча.

Укрепляем нашу позицию, строим стенки из камня, делаем бойницы, натягиваем колючую проволоку.

Из Болгарии получена интересная информация: генерал Жданов предлагает вербовать эмигрантов для Марковского полка по следующему признаку: если кто сочувствует или симпатизирует масонам, для полка не годится.

ИЮНЬ 1938 год

5 июня. Троица (католическая). Таравилья. Должны были уехать в Молину на отдых, но вместо нас уехал другой взвод. На парапет Аль-Петеа не идем, так как все вакансии там заполнены: кто за пьянство, кто за грубость, кто за просроченный отпуск, кто за стрельбу во время разведки. Пошли купаться на речку Кабрильо. Протопоп распорядился, чтобы купающиеся недели тру-

сики или обвязались полотенцами. Мы, русские, поэтому там не купались, а нашли маленькую запруду, разделись и выкупались.

5 июня. Получено письмо из Парижа: во Франции гонение на русских белых, многие русские шоферы такси остались без работы. Граница с Национальной Испанией, французами тщательно охраняется — опасно переходить, можно быть подстрелянными полицией, но в красную Испанию добровольцы отправляются целыми поездами.

Какие-то комитеты в Германии и Бельгии собирают деньги для помощи нам, хотя мы против этого. Из денег, собранных для нас, 2 тысячи бельгийских франков выданы матери генерала Шинкаренко (700 пезет — это вдвое больше того, что мы здесь все вместе получаем в месяц), тогда как генерал Шинкаренко получает, как офицер Легиона, 800 пезет в месяц. РОВС странно распоряжается деньгами, предназначенными для нас... Получено письмо от Председателя РОВС'а генерала Архангельского с приветом нам. Капитан Сподин выслал мне английский фунт, который я никогда не получил. Он мне должен около 600 долларов, я его четыре года учил в Химическом институте в Руане. Мы отрезаны от всего мира, часто не имеем денег на табак.

Тениенте Пастор, временно командующий ротой, пока «Папа» в отпуску, устроил тактические занятия с тремя пулеметами и бомбометом — «папа» никогда не разрешил бы, экономя одежду и обувь.

По слухам, легионеры поругались с итальянцами, обвиняя их в поражении при Гвадалахаре, один легионер бросил ручную гранату, среди итальянцев были убитые и раненые — правда, это только слух. К нам прибыл барон Борис Вольф фон Людингсхаузен, он окончил Сен-Сир, был офицером в Африке, во Французском Легионе, прибыл к нам из Французской бандеры, был там кабо.

После обеда, когда я был в сторожевом охранении, выпал град невиданной силы, в сливу величиной, земля покрыта на 10 сантиметров, горы побелели, как зимой.

Пришел вызов желающим поступить в танковые части, от нас изъявили желание Бриллиантов, Гурко и Тоцкий. Болтин обещал в Молине похлопотать об их пере-

воде, мы просим, чтобы он нажал на майора. (С переводом ничего не получилось...).

Испанцы Троицу не празднуют, как не празднуют и Пасху, а лишь Страстные Четверг и Пятницу — Страсти Господни.

14 июня. Получено сообщение, что наши войска взяли город Кастельон* и вышли к Средиземному морю, разрезав каталонский фронт в Виньяросе. Среди наших солдат идут упадочные разговоры: война затянулась, у красных сил больше нашего, много интернациональных бригад. Такие же разговоры велись и год тому назад, когда красные наступали на Сарагоссу и две наших роты погибли под Кинто де Эбро и Бельчитой.

15 июня. Приехал на два дня полковник Двойченко, тоже вел упадочные разговоры, выражал недовольство РОВС'ом. Белин ему резко ответил, старик смертельно обиделся.

16 июня. Праздник Божьего Тела (Корпус Христи). Офицеры понадевали сабли, конфискованные у наших конных. Крестный ход вокруг деревни, рекете стояли с винтовками коленопреклоненные при пронесении Святых Даров. Двойченко уехал, было объединение по этому случаю, но я был в карауле. Получил прекрасное письмо из Болгарии от полковника Кондратьева, командира Корниловцев.** Пишет, что русская эмиграция не доценила необходимости участвовать в испанской войне. А из Парижа поручик Ляшков пишет, что я мог бы принести больше пользы русскому национальному делу, будучи в Париже, где меня шутя называли «политруком Корниловского полка».

19 июня. Так как у нас нет телефона, то ежедневно приезжает для связи легковой автомобиль и вечером уезжает. Вечером наш взвод — 30 рекете, 2 сержанта и 4 кабо отправились за семь километров к реке Тахо, на ночь выставили пять полевых караулов в лесу — эту по-

* Castellon de la Plana на север от Валенсии.

** Смотри приложение.

зицию осенью занимали мавры. Разведка спустилась к реке Тахо и набрала воды во фляги. Утром приехал отец протопоп с дьячком. Мы обедали в лесу, как на даче — мясо и яичница. Дризен спросил — зачем приехал священник? Ему мы ответили, что в Таравильо прибыло 50 камионов с войсками и начнется наступление, что мы передовая часть, что фельдшер будет перевязывать раненых, а протопоп будет отпевать убитых. Поверил... Простояли так сутки, у красных спокойно, мы отправились обратно в деревню, по дороге пошел ливень, нас промочило, хотя мы прятались в каком-то сарае, пришли в деревню мокрые.

23 июня. Шахматный турнир: первому предоставляется звание «Старшины» и 12 куриных яиц в виде первого приза, последнему — тоже приз, даже лучший, чем первому чемпиону. После обеда нас собрал полковник Болтин: «Мы — русские добровольцы, составляем «русский национальный отряд», носим на рукаве угол русских национальных цветов, возглавляет отряд тениенте Николай Евгеньевич Кривошея (шт. капитан Марковской артиллерии). Сержанту Панфилову объявляется забвение прошлых грехов. Вейнеру, как чужому, предоставляется возможность уйти от нас, так как он считает себя англичанином, а не русским. Вейнер возразил, что он уйдет, но с условием, что за него будут хлопотать о его уходе. Болтин ответил, что он англичанин, а не русский, никаких условий от него не принимаем, пусть сам о себе хлопочет.

Пылаев должен ехать в отпуск в Сарагоссу на 15 дней. «Папа» отнесся к этому благосклонно, но спросил — сколько у него денег и у него нет семьи, чтобы туда ехать. Вступился тениенте Кастильо, сказав, что Пылаев пробыл на фронте пятнадцать месяцев и имеет больше прав, чем испанцы. «Папа» выругал Кастило (конио, кохонес). Болтин встал из-за стола и ушел.

По слухам, два дня назад, красные переправились через Тахо и в деревне Чека сняли нашу заставу в 15 человек. Рано утром в направлении на Лебранкон слышна стрельба и разрывы гранат — что-то там происходит. Явилось три перебежчика из-под Гвадалахары, говорят, что у красных ничего не известно о взятии нами Кастельона и что настроение у них воинственное. Против нас

на Тахо стоит 50 спешенных кавалеристов. В официальной сводке прочли, что красные пытались наступать на Лебранкон, но были отбиты. Там произошло следующее: вчера группа красных перешла через Тахо, подошла к Лебранкону и забросала дома ручными гранатами. Из деревни красные подошли с тыла к парапету, сказав, что прибыло подкрепление. Часовой разбудил кабо. Красные забросали парапет гранатами и ушли. Говорят, что у наших восемь убитых и пятнадцать раненых. Подробности: сержант случайно вышел на улицу, увидел красных, выстрелил два раза, но был убит. Караул проспал, красные захватили человек десять в плен, убили альфесеса, отрезали ему половой член и вставили в рот, выкололи глаза и на их место вставили иконки. Болтин написал из Молины, чтобы мы были особенно бдительны по ночам. Человек десять раненых привезли в Молину в госпиталь. Молинские «маргаритки» передали через Селиванова, ездившего за продуктами, чтобы рекете были бдительными.

К нам в роту прибыло пополнение — человек тридцать из Астурии, их разбили по взводам.

30 июня 1938 года. Таравилья. Красные произвели ночной налет на соседнюю деревню Пералехос, но Терсио Нумансия (наша 4-я рота) было наготове и их отбила, потеряв двух убитых, шесть раненых и двух пропавших без вести. Нас должны были послать в Лебранкон, но справились без нас.

ИЮЛЬ 1938 год

1-е июля. Таравилья. Сидим в деревне, на передовой позиции, довольно опасной. Красные иногда по ночам делают нападения на позиции справа и слева, но опасаются нападать на нас. У них, по сведениям перебежчиков, ходят слухи, что против них белые русские, иногда их фантазия доходит до того, что наши силы преувеличивают, доводя их до бригады, то-есть двух полков. Поэтому на нас не рискуют нападать.

Ежедневно сторожевое охранение и разведки. Разменя послали в разведку с бароном Дризенем. Прошли мы

километра два кустами самшита (из которого в Галлиполи делали мундштуки, очень твердая древесина). В кустах масса перепелок, которые перелетают и щебечут, нарушая тишину. Наша задача была сидеть и слушать, не приближается ли противник. Я говорил Дризену, что если заметим красных, то выстрелим, а потом будем смыываться кустами. Он говорит: «Значит здесь опасно?» — «Конечно, если нас поймают красные, то пощады не будет»... В этот момент в соседних кустах перепелка захлопала крыльями. Дризен схватился, поднял винтовку и выстрелил. Я говорю: «Барон, что вы наделали? Теперь красные знают, где мы и могут придти сюда».. Дризен схватился и на своих тоненьких ножках стал ковылять в направлении парапета. Я остался один, посидел полчаса и пошел на парапет. Мне было смешно и я никому ничего не сказал насчет Дризена — так и сошло его бегство перед лицом возможного противника.

АВГУСТ 1938 года

15 августа. Вчера перед ужином наш взвод, вызвавшись добровольно (так как надоело сидеть в глухой деревушке) с нашим ручным пулеметом Фиат уехали через Чека, Ореа в Ориуэла дель Тремедаль. В штабе группы получили консервы и патроны. Затем проехали деревню Гриегос, которую мы заняли во время нашего прошлогогоднего наступления, спешились и пошли лесом на хутор Чапарилью. Сменили взвод терсио Сантьяго с их тениенте немцем. Патроны пришлось нам нести на руках — итальянские, по несколько килограмм на каждого. Пехота и кавалерия ушли до нашего прихода, не дождавшись нас. С 2-х часов ночи до 5-ти утра спали в кустах, потом выступили и к 7-ми часам утра пришли к горам, покрытых лесом.

В 10 часов утра была в лесу месса. В 12 часов выступили и поднялись на гору, где стоит бригада нашей кавалерии. На вершине «Махон Бланко» сменили спешенных кавалеристов, которые вчера в конном строю взяли эту гору. На верхушке горы кавалеристы успели сделать из камней парапеты (стенки). Перед нами поляна шириной в метров 50, а дальше лес. Перед нами три трупа: крас-

ный капитан, санитар и солдат. Красные ночью произвели пять атак на кавалеристов, но были отбиты, потеряв человек 30 взятых в плен. Мы в одном окопчике — я, Юренинский, Сладков и Клименко. Сладкову, хотя он и младше всех, захотелось выполнять обязанности кабо (капрала) — пожалуйста, его обязанность ходить за 2 километра за хлебом, спускаться с горы и подниматься. Красные во время ночных атак кричали: «Фалангисты, не стреляйте!», но кавалеристы опасаясь провокации, продолжали стрелять. У красных вооружение советское — винтовки и пулеметы. У нас пять пулеметов — наш Фиат и 4 оставшихся с кавалеристами. Воды нет, за ней нужно ходить в долину километра за два. Заплелись проволокой — думаем, что в три ряда довольно, еще кавалеристы оставили нам забитые колья. Передвигаемся с опаской, так как в 50-ти метрах лес и там могут быть красные, хотя шевеления их не заметно. Ждем ночной атаки.

16 августа 1938 года. С раннего утра непрерывная стрельба слева от нас, продолжалась все утро. Вчера в 9.30 вечера, красные повели наступление на Махон Бланко левее нас, ружейная и пулеметная стрельба и разрывы ручных гранат, стрельба все ближе и ближе — скоро и наша очередь. Мы настороже, винтовки на изготовку, под боком патроны и гранаты, смотрим внимательно перед собой — не покажется ли какая-нибудь фигура из кустов. Сладков уже схватил винтовку и хотел стрелять, я его цап за руку: «Стой, перед нами никого пока нет!»... (Сладков очень нервный господин, был юнкером в Галлиполи, участвовал в десанте на Кубань). Стрельба до нас не дошла. До утра дежурили по очереди, по часу, к нам пришел на помощь сержант Панфилов, мы его тоже запрягли дежурить. В восемь часов утра наступила полная тишина — ни одного выстрела. Наши санитары вышли за проволоку, чтобы зарыть трупы красных. Потом пошла наша разведка, через поляну в лес. По дороге масса брошенного красного вооружения — исключительно советского производства. Санитар «Кило» (грыжа) снял с убитого капитана часы, Гурко нашел револьвер Смит и Вессон. Против нас было 70-я бригада «микст» (смешанная). «Борода» (тениенте Кастильо) совсем пал духом, ничего не ест, просит смену, Николай Кривошея (тениен-

те) поедает все его консервы. Наше самочувствие прекрасное.

17 августа. Махон Бланко. Вчера было тихо и ночь прошла спокойно. С командного поста сообщили, что явился перебежчик и сообщил, что красные получили подкрепление и сегодня ночью собираются на нас наступать. Потом выяснилось, что красные ушли за Тахо. Утром сообщили, что нас сменит бандера (батальон) Фаланги. Кавалерийские пулеметы, остававшиеся с нами, уже утром ушли с нашей позиции, остался лишь наш взвод и взвод терсио Сантьяго. За две ночи инженерная рота оплела нашу позицию колючей проволокой. Тениенте Кастильо и сержант Касас нервничают и ничего не едят уже два дня. Они просили у инженерного офицера охрану для себя, но тот отказал, а послал своих солдат на помощь нам. «Борода» всё просит смену, солдаты наши не обстреляны и без нас русских совершенно растерялись бы. Всем распоряжается тениенте Кривошея. Наш правый фланг занимает позицию очень неудобную — сзади овраг, а впереди лес, метрах в 50-ти. Сережа Бриллиантов взобрался на высокое дерево, чтобы осмотреть местность. Вчера перед нами еще были красные, а сегодня мертвая тишина, ни одного выстрела, красные ушли за Тахо. В три часа дня мы спустились вниз в долину за водой и увидели, что Сантьяго уже уходят, а за ними пришли мулы, погрузили на них вещи и ушли на хутор Чапарилью. Здесь уже устроен парапет — халупа, обнесенная двумя рядами проволоки. Сменили спешенную кавалерию, устали, так как прошли километров десять по горам.

18 августа. Чапарилья. Наш парапет охраняет долину и дорогу из Гриегоса на Махон Бланко. До Гриегоса напрямик через гору километров восемь. Ночью шесть часовых внутри проволочного ограждения, стоят по два с четвертью часа. Ночь прошла спокойно. Влево на горе огни — там стоит красная артиллерия. Продукты привозят на мулах гверильщики (они приписаны к нашему Терсио), они из деревни Ореа. У нас телефон, нам сообщили, что наша рота перешла из Таравильи в Чека (какое симпатичное название!...). Вероятно, нам здесь при-

дется стоять долго, так как мы вышли из подчинения полковнику на Махон Бланко. Наши вещи остались в Ориуэла, с нами только шинели и одеяла. Красная авиация вчера бросала бомбы на Молину и Ориуэлу. По телефону передали, что завтра продуктов не привезут, так как нет мулов. Пятый день сидим на консервах. Штаб нашей роты в Чека, там взвод Фернандеса («крысы») и «папин сын», один взвод стоит на горе в семи километрах правее нас. «Папа» угрожает прислать нам кухню, мы отрециваемся, так как не хотим есть «шоколад» и горох (чоколате конгарбанцо). Ночью и днем дождь, закапываемся в землю, так как в хате тесно для всего взвода. Нашел много кустов барбариса. Собираем грибы, их очень много, засушили две связки белых грибов. Борода дал 50 пезет и Селиванов отправился в деревню Ореа купить папирос и вина. На фронте спокойно, в Таравилье стоит кавалерия.

20 августа 1938 года. Чапарилья. Ночью выставляем пять часовых, днем лишь два наблюдателя. В 10 часов утра приехали три конных и привезли приказ командира Терсио: на парашете остаются лишь одни русские и испанский пулемет, а все испанцы уходят в Ореа и займут позицию с тениенте Пастором. Мы русские в первый раз получили самостоятельную задачу — охранять фронт в 8 километров. Полагаем, что «папа» пронюхал, что русские могут уйти во «флечас неграс» (черные стрелы, итальянские добровольцы) и нас отделили, чтобы наш возможный уход произошел безболезненно, незаметно для испанцев. Сидим неделю на консервах. В бинокль высмотрели картофельное поле под горой у деревни Гриегос, туда отправилась экспедиция и принесла картофеля — приготовили рагу, каждый дал банку консервов — русские нигде не пропадут... Сержант Панфилов и Селиванов отправились в Орео наладить доставку продуктов. Строим халупу, даже можем зимовать здесь — кругом лес, чистый воздух, тепло. Носим черепицу из ближайшей разрушенной постройки, а также бревна с хутора, где проживала владелица, которая осталась в Мадриде. В Чека «папа» и три эскадрона кавалерии. Есть сведения, что против нас в Заорехас, на другой стороне Тахо находится пять тысяч красных — прошло 300 камионов. Про-

тив них, наша кавалерия — полки Кастильехос, Эспанья, Калатрава и Робледо, они расположены в деревнях Чека, Орео, Таравилья, Гриегос, Гвадалапиар и Вилляр де Кобета. Из Орео прибыло к нам десять гверильщиков, но они несут службу только днем, а мы ночью. Наши прибыли с продуктами из интендантства, но получилось осложнение — «папа» забыл поставить печать и продукты получили благодаря бригаде (фельдфебелю или вахмистру) полка Кастильехос — старых наших знакомых. «Борода», уходя с Чапарильи, по дороге захватил наши вещи, хранившиеся в кафе в Отриуэле и сдал их в цейхгауз Терсио в Чека. Оттуда обещали доставить их на мулах к нам. Вчера наши ходили для связи на парапет альфереса Фернандеса, за 7 километров от нас и там «чики» рассказывали чудеса про нас-русских: что мы на Махон Бланко отбили много атак, взяли пленных, один пулемет и 30 винтовок. Наши в лесу застрелили старого барана — мяса хватит дня на два, сэкономили пезет сорок.

22 августа. Чапарилья. У нас по вечерам принята молитва: Отче наш и Спаси Господи. Вчера подняли над нашей позицией русский национальный флаг, испанский никак не можем получить от «папы». Ходили за километр на разоренный хутор за бревнами для землянки. Через хутор Чапарилью прошел эскадрон Кастильехосов. Сидим без хлеба, пришлось обратиться к гверильщикам. Наши пошли в Ориуэлу в интендантство (предлог выпить). От алькальде Ореа получили несколько писем и русских газет — мне письмо из Болгарии от полковника Кондратьева, командира Корниловцев.

24 августа 1938 года. Чапарилья. Голбан привез на мулах наши вещи из Чека, часть разворована, у меня пропали альпартаты, у Артюхова все вещи. Наши привезли продукты из интендантства, встретили в деревне «папу», тот был очень мил хлопал по почкам, говорил «омбрэ» (человек) и угрожал приехать посетить нас на Чапарилье.

25 августа. Чапарилья. Сегодня годовщина начала боев в Кинто де Эбро, где погибли наши две роты и с ними генерал Фок и капитан Полухин. После вечерней молитвы коленапреклонне спели Вечную память и Со свя-

тыми упокой, под сенью русского национального флага — где он теперь развеивается больше?... Пришел ротный парикмахер Мишка (Мигель Сегура) и навел нам красоту. Гончаренко ходил на парапет к Фернандесу и Пастору искать свои вещи, сумку нашел, но вещи были разворованы. «Папа» прислал по 2 пачки папирос на брата и конфеты. Мы питаемся лучше всех, в остальных взводах кормит «папа» — фасоль и «чоколате». Все ругают последними словами неизвестного «благодетеля», который подарил почти тонну шоколада — картофельная мука, подкрашенная шоколадом, замазка. Строим кухню, носим издалека дерево и черепицу, а камня здесь сколько угодно. У нас примета — только обстроимся, как нас отправляют в другое место, где опять нужно оборудовать позицию. Наша позиция самая передовая из всей роты, правее нас тениенте Наситор со взводом, «папа» в Чека, а полковник в Вилья Хэрмоза, в 7-ми километрах от Молины. Холодно и дождь. Получили «Возрождение» за июнь. В Вилья Хэрмоза сидит Дризен, ждет документов об отставке. Там же находится взвод, бежавший из Гриегоса, с сержантом Касас, их альферес Санта-Мария, (которого когда-то ругал Васька Кривошея) перешел к красным.

31 августа. Святых Флора и Лавра — Праздник Корниловцев. Отпразднуем в другой обстановке.

СЕНТЯБРЬ 1938 года

1 сентября. Источник в долине, где мы брали воду, замерз. Стирали и вываривали белье у источника, ходим туда с винтовками. В 11 час. утра пришли мулы и привезли приказание из штаба Терсио: перейти на другую позицию, на высоту 1639 в районе Махон Бланко, занять «пуп» и укрепить по плану, заранее составленному свыше. Пришлось бросить наши землянки, оборудованную нами кухню, спустить Русский национальный флаг, второпях забыли на кухне две связки сушеных грибов (белых). Мы, русские, сами занимали позицию, лишь были испанцы пулеметчики. Как-то на днях пришли на Чапарилью 4 разведчика от какой-то части, слышали иност-

ранный разговор, узнали, что мы русские и перепугались — стали нам объяснять, что они в душе тоже красные. Их успокоили.

На «пупе» — высота 1639 нас встретили «папа» с «бородой». Ночевали в сараях у подножья горы, выставив сторожевое охранение вокруг. Хлеба у нас нет, так как Ильин и Константинов (оба страшные «шляпы») еще два дня тому назад отправились за продуктами и не вернулись. Против нашей позиции стоит батальон деморализованных красных, юноши по 16-17 лет, под командой двух майоров, бывших до войны сержантами в полку Кастильехос.

2 сентября 1938 г. Эль Контадеро — высота 1639. До обеда рыли общую землянку — сплошной камень. Привезли нам мотки колючей проволоки, кольца, 20 кирок, 10 лопат, два лома и 80 полос гофрированной оцинкованной жести. По плану мы должны на горе оборудовать две позиции, с отдельными кольцевыми окопами, с пулеметными гнездами и землянкой на каждой позиции, каждая должна быть обнесена колючей проволокой. К вечеру выяснилось, что гверильщики уходят в Ореа, останутся одни русские и временно 10 гверильщиков. Поэтому стали спешно готовить передовую позицию, а тыловую временно отставили. Обедали без хлеба: суп из фасоли и картофель в мундирах, наворованный на поле у Чапарильи. Ильин и Константинов уже четвертый день, как отправились за хлебом. После обеда Белин на ишаке отправился на Махон Бланко, левее нас, километрах в 5-ти на горе, где мы стояли, к кавалеристам, чтобы одолжить нам 12 хлебов. Хлеб привез крестьянин на муле. На Махон Бланко офицер кавалерист сообщил Белину, что на вершине ближайшей горы, между нами и ими, никого нет, кавалерия стоит на дальней вершине, там-же находится и подполковник, командующий нашим сектором.

3 сентября. Высота 1639. Эль Контадеро. Нам сообщили, что есть приказание подполковника (тениенте-коронель), что ввиду того, что наша позиция самая выдвинутая вперед, то ее нужно удерживать во что бы то ни стало. Наконец, прибыли Ильин и Константинов, привезли продукты и вещи из Молины, а вчера вечером «Негус»

(вестовой «бороды») привез два мешка картофеля. Привезли и подарки за участие в боевых операциях, на каждого банку сгущенного молока, плитку шоколада, по две пачки уругвайских папирос и по полтора литра «тарантаса» на рыло — это нечто вроде коньяка необычайной крепости, обжигает горло, но есть любители этого «нектара». Прибыла связь от кавалерии: предупредили, что завтра от них конная разведка, чтобы по ним не стреляли. Ночевали в сарае под горой. Есть слухи, что против нас интернациональная бригада. «Борода» торопит с постройкой землянки, общей: в метр глубиной, покрыли ее блестящей жестью и для камуфляжа набросали на крышу веток. «Борода» развеял панику: красные мол не знали, что эта позиция уже занята нами и теперь можно ожидать ночного нападения.

4 сентября — Эль Контадеро. Ночь холодная и сырая. Пищу еще готовили в долине, в сарае, но после обеда, кухню перетащили на вершину горы. Состав нашего гарнизона: 24 русских, 10 гверильщиков, «Борода» и «Негус» — итого 36 ртов. Панфилов ходил на Махон Бланко за проволокой, которой у нас не хватило, разговаривал с подполковником и тот обещал прислать саперного офицера для надзора за укреплением нашей позиции. Прибыл инженерный альферес, раскритиковал пулеметное гнездо, сделанное по указанию «бороды» и сказал, что нужно делать так, как предложили русские и посоветовал «Бороде» делать так, как указывают русские. При прощании инженерный альферес признался, что он обслуживает кавалеристов и к нам отношения не имеет. Наши ходили на позицию, занятую альфересом Хорданисом («Дунька»), он в эрмите (часовня), в 5-и километрах от нас. По дороге валяется много нашего и советского барахла. Ходят слухи, что скоро будет наше наступление. Пришло 10 гверильщиков из Ореа, их стало 20, итого 46 ртов. Алькальде Ореа прислал мула, чтобы возить на нем воду, мул сбежал и после долгих поисков его нашли в Чапарилье. Есть у нас и другой мул (она), но такой старый, что еле ноги передвигает, не то что воду возить на нем.

9 сентября. Высота 1639. Каждое отделение (эскадра) строит свою землянку. Приехал «папа» с новым ко-

мандиром Терсио, капитаном Монтальво, осматривали позицию, обещали прислать тяжелый пулемет. Наши ходили целой компанией к «Дуньке», решили идти напрямик и нарвались на три глубоких оврага. Позиция «Дуньки» на лесистом бугре, со стороны реки Тахо глубокий овраг, там гарнизон — 23 человека и три гверильщика, одному лет за шестьдесят, винтовка у него допотопного образца. Живут в сарае, строят землянки и роют окопы, инструмента лишь на шесть человек, работают по очереди. Все грязные, немытые. Мы пришли к «Дуньке» за посудой, и он уделил нам сковороду и кастрюлю. В наше отсутствие, привезли тяжелый пулемет и с ним сержант Нададь и 7 пулеметчиков. У гверильщиков своя кухня. За продуктами ездит Павел Зотов.

11 сентября. Эль Контадеро. Весь день дождь, в землянке течет, негде согреться. Выдали коньяк, купленный на сэкономленные деньги, когда сидели в Чапарилье без хлеба несколько дней, питаюсь наворованной картошкой. Павел Зотов поругался с «Бородой» и теперь уже неделю под арестом сидит в землянке, ничего не делает. Наша разведка — 4 человека — перешла Тахо и в расположении красных, зажгла сарай. Дризен получил бумаги об освобождении от военной службы, в Молине на квартире выпросил у хозяйки дома кое-какую одежду, продал ее в соседней хате и пропил всё, забрал белье свое и чужое и уехал. Слава Богу, избавились от него...

15 сентября. Сержант Панфилов (Нантюшка) уехал в Чека — он еще в Чапарилье подал рапорт о переводе в танковые части. Получили письмо от полковника Двойченко: пишет, что в Наваррском терсио рекете их пять человек — он, князь Амилахвари, грузин Константино, Ковалевский и Трингам. Двойченко нашими симпатиями не пользуется (невероятный интриган), предлагает нам перейти в их часть. Насчет нашего перехода к итальянцам (Флечас неграс) ничего не слышно, да мы и привыкли к нашему Терсио, хотя мы и на положении солдатском — добровольцы.

Кое-как приспособили нашу землянку для жилья — врылись в землю на метр и покрыли листовым железом. Занимаем половину землянки 11 человек, другую

половину, отгороженную, занимают гверильщики. Сделали сплошные нары из камней, покрыли их сосновыми ветками, у каждого свой матрас — мы его носим вместе со скаткой шинели. В отделении (эскадра) Белина землянка прекрасная, а у Голбана такая, что опасно к ней подойти — может завалиться. Недаром их называем «ёжиками», вечно спорят. Получили приказ свыше: красные против нас накапливаются, удвоить сторожевое охранение — теперь выставляем 6 постов, стоять по два часа. Выдали ручные гранаты — нам с ручкой немецкого образца, а гверильщикам «Сарагосса», с черным порохом. Ильин считается командиром гверильщиков (он у нас лишний), собрал своих подчиненных и полчаса их мучил, наводил на них панику. Около полуночи часовые открыли стрельбу. Ильин прибежал в нашу землянку и закричал: «вставайте, ё... вашу мать!». Просидели в окопах около часу, оказалось, что часовым показалось, что в сарае, где ночью стоят мулы, свет. Ночь прошла спокойно. Ильин со своими гверильщиками остались между позициями — могут по ошибке нас перестрелять...

16 сентября. Высота 1639. К обеду прибыл верхом «Папа», его сын и падре Хозе-Мария. С ними прибыл долгожданный Болтин. По его словам, наш переход во «Флечас неграс» решен, но еще не оформлен. Болтин ухитрился даже видеть папского нунция, который обещал нам поддержку. От какого-то «американского дядюшки» получили 16 долларов и от Орехова 2 тысячи бельгийских франков. Комитет баронессы Врангель делает на нас сборы, но мы не получили ни одной посылки. Из Германии получили русские книги, высланы были в марте. Дризен устроился в Отделе пропаганды, Рашевский в Ируне в тюрьме — немцы раскопали, что он связан с французской разведкой — 2-е бюро, — дело может кончиться судом. Вейнер тоже просидел в Ируне в тюрьме два дня и уехал в Англию, несмотря на протесты немцев (он связан в Интеллиженс сервис). Ожидаем священника. Митрополит Евлогий не пустил к нам своего священника — невмешательство духовенства в политику... Болтин послал в «Царский вестник» письмо — протест против политики митрополита Евлогия. Болтин привез Бибикову посылку от матери: водку, норвежские рыбные консервы и сладкое,

распили в нашей землянке. Болтин просил, чтобы никто не пытался уйти в другую часть самостоятельно, пока не окончатся переговоры с итальянцами. Красные получают пополнения и военное снаряжение из Франции.

17 сентября. Наши ходили в разведку и принесли разное советское барахло. «Чики» привезли на двух мулах советские патроны и ручные гранаты, найденные на брошенном красном парашюте. От нечего делать роем окопы — сплошной камень; обычно утром после кофе Константинов («вредитель») берет кирку и начинает ковырять землю, за ним другие, Константинов исчезает и больше не появляется. Вышла вся колючая проволока, инженерный парк ее не отпускает, так как обслуживает лишь кавалерийскую дивизию на Махон Бланко. Туда наши ходили, чтобы собрать брошенные там мотки проволоки. Командир Терсио советует пойти за 20-25 километров на брошенную красными позицию у деревни Гриегос. В интендентстве имеются лишь рис и макароны — мы ими питаемся уже две недели. Обматываемся проволокой — из нее сделали даже капканы в кустах. Болтин уехал на ишаке и с ним Артюхов в отпуск, он должен привезти обещанные итальянцами подарки — обмундирование, папиросы и продукты. Сделали из консервных банок печку. Я так усердно тянул проволоку, что растянул связки на спине, не могу ходить. Идет дождь. Из Гриегоса ушли к красным два гверильщика, их семьи были в августе уведены красными.

20 сентября. Эль Контадеро — высота 1639. Ходят слухи, что нас скоро сменят и отправят на мадридский фронт. Наши ходили на разведку и в брошенной хате нашли записку, оставленную красными: «Камарады, мы вас ждали и не дождались, чтобы сообща освободить других камарадов». Речь идет вероятно о пленных красных, которые строят дорогу из Гвадалавиара на Махон Бланко. Наши хотели устроить ночью засаду, но «Борода» нашел, что это бесполезно, так как у красных везде шпионы. Пальчевский ушел в Таварилью за оставленным там бельем и принес от лавочника записку (Дон Марияно, секретарь Айюнтаменто — т. е. сельского правления, Клименко остался ему должен 11 пезет, а Ильин 25 пезет).

Красные перенесли свои посты на гору ближе к нам, всю ночь у них горели костры. Уже три дня красные наступают на Альбаррасин, участок соседней 51-ой дивизии. После обеда наших 20 человек и взвод кавалерии полка Эспанья пошли на Тахо и открыли огонь по красным, которые отвечали огнем двух ружей-пулеметов.

ОКТАБРЬ 1938 года. ЭЛЬ-КОНТАДЕРО, ВЫСОТА 1639.

1 октября. Налетов лежит в Онья около Бургоса у него туберкулез легких — жалко, талантливый человек, поэт и художник. Ходили в долину километров за 6 за грибами, но ничего не нашли. В Молине около тысячи пехоты и кавалерии. На Махон Бланко приезжал генерал Варела. Наша разведка так напугала красных, что уже несколько ночей не разводят костров. У них против нас в двух деревнях стоит два батальона пехоты. Жители ближайшей деревни Ореа с восторгом отзываются о русских: укрепили позицию, обстреливают красных за Тахо, красные петардисты больше не появляются, тогда как раньше ходили по нашим тылам, как хотели. Возможно, что наши воспользуются хорошей погодой и поведут наступление, так как зимой здесь снежные заносы и подвезти даже продуктов будет трудно.

5 октября 1938 года. Получили письмо от Барка из Сан-Себастьяна из госпиталя — нога у него срослась, лопать не будут, но будет хромать. Порхович в Сан-Себастьяне с «хозяйкой», делает кисеты для табака и четок, числится во 2-й линии, получает 3 пезеты в день, завел хозяйство. Он умеет коптить рыбу — продукция мало известная в Испании. Приглашает всех, кто приедет в отпуск, поселиться у него (кроме Ильина). Ожидаем приезда священника, по этому случаю к нам приехали полковник Двойченко, его племянник, Ковалевский и Тригам. Одеты во всё чужое, им выдали итальянские шинели и штаны. «Мы одеты прекрасно — во все суконное итальянское». Вечером на муле приехал протопресвитер о. Александр Шабашев, антониевской юрисдикции, он из Брюсселя, был законоучителем Сибирского кадетского

корпуса, где учился наш Сальников.* Позже вернулся в Югославию.

8 октября. Церковный праздник — Св. Сергия Радонежского, отложили на завтра. Ходили вниз в долину за досками, среди позиции устроили большой стол и скамейки. Вечером была отслужена вечерня и панихида.

9 октября. Воскресенье. Св. Иоанна Богослова — Праздник нашего русского отряда (и Марковского артиллерийского дивизиона, который прислал нам дивизионную икону — благословление полковника Шавинского). Вчера церковная служба немного затянулась, ночное сторожевое охранение выставили позже. После вечерни все исповедывались, утром литургия — все причащались. Все испанцы присутствовали (по распоряжению отца Хо-зе-Мария), подходили ко кресту и целовали руку священнику. Общий стол, было много выпивки и закусок. К обеду приехали шесть офицеров полка Кастильехос с Махон Бланко, старые наши знакомые. Обедали все вместе, мы и испанцы. Наши кашевары (ранчерос) постарались. После обеда устроили танцы на открытом воздухе, лезгинку и русские народные танцы. После обеда гости уехали, объехали вокруг нашей позиции и сделали несколько выстрелов. Красные развели у себя костры, наша разведка человек 15 подошла к Тахо и обстреляла их. После каждого нашего обстрела красные уходят с позиций в тыл и несколько дней не показываются. Вечером я был на позиции наблюдателем, рядом со мной уселся священник отец Александр Шабашев, который в бинокль увидел, что со стороны красных к нам движется груженный мул с одним человеком. Оказался перебежчик, автомобиль. Наши долго стреляли по красным, уходя зажгли кусты и вернулись на позицию в 9 часов вечера.

10 октября 1938 года. Высота 1639. Понедельник. Вчерашний праздник русского отряда имел неожиданные последствия: офицеры Кастильехос, объезжая нашу позицию кругом, поранили на капканах из колючей проволоки несколько своих лошадей, их капитан упал с лошади.

* Издатель учился с его племянником в Русском кадетском корпусе в Югославии.

С позиции на Махон Бланко было видно всё — и как мы стреляли, выпустив по 15 патронов и как зажгли кусты перед позициями красных. С Махон Бланко сообщили начальству, что нас окружила конница красных, по всему участку фронта была тревога. Рано утром пришло к нам подкрепление — 10 гверильщиков из Ореа, они подошли к нашей позиции перебежками, прячась за кустами, утром их заметили наши часовые и чуть не обстреляли. Тревога была в Ореа и Чека, на Махон Бланко кавалерия провела тревожную ночь. Утром «папа» прислал двух конных (25 километров от нас), чтобы узнать, что у нас творится, так как было получено сведение, что нашу позицию на Контадеро окружили конница и пехота красных и ночью у нас стрельбы не было — значит, красные нас ликвидировали... Всеми виной — Праздник русского отряда. Потом было расследование, но дело потушили. Священник уехал, он направляется через Алхезирас во Французское Марокко обслуживать духовные нужды тамошней русской колонии. Уехал и полковник Двойченко. Вчера во время разведки «Дунька» потерял бумажник с 600 пезетами. Вольф с пятью испанцами ходили на Тахо, но бумажника не нашли.

Трудно с продуктами — на обед пшенная каша с сахаром и больше ничего. Сладков вызвался ездить в Гвадалавиар в интендантство, снял там себе комнату, но он стесняется носить мешки, так как он — «шикарный офицер» и ему стыдно носить мешки, а мы должны голодать. Отчетности он не ведет никакой. Наши кабо (Белин, Голбан, Вольф и Гурский) пожаловались «Бороде», тот распек Сладкова, который страшно обиделся. Сладков из молодых, бывших в Галлиполи в военном училище.

Вчера пришел на нашу позицию эскадрон полка Вилья-Робледос, старые знакомые по Кобете, они идут на участок деревни Фриас. Из Таравильи вернулся Селиванов, рассказывает, что в день нашего русского праздника была тревога по всему участку фронта — от Альбаррасина до Вилья Хэрмоза, а может быть и дальше. Виной всему какой-то кавалерийский тениенте, на Махон Бланко, который носит рваный костюм без погон — на тот случай, если попадет в плен к красным. «Папа» ругается, что у русских был праздник и перепились, так как с Махона Бланко наблюдали как нас окружили красные

и даже их сосчитали — было 200 человек (им показалось столько от огней папирос...). После обеда «Борода» организовал разведку, чтобы показать красным, что мы стреляем по ним не только по воскресеньям, но и в будни. Разведка пошла с ручным пулеметом, обстреляла красную заставу, которая разбежалась и дня три не появлялась. Нашу разведку обстреляли слева, с Махон Бланко, хотя туда ходил «Негус», чтобы предупредить о нашей разведке. Наши возвратились с разведки, принесли с собой массу продуктов, найденных в хате, брошенной красными во время нашего августовского наступления: мешки проросшего картофеля, мешок хорошего луку, мешок белой фасоли, бутыль оливкового масла и два больших термоса с вином, литров по 20 каждый.

13 октября. Утром «Борода» ушел в Чека, чтобы ликвидировать злостные слухи, касающиеся нашего праздника. Смены нам не будет, хотя мы стоим на позиции уже два месяца. Ходили вниз за грибами, принесли много маслянок, мы их жарим, и немного белых для сушки. Ходим с винтовками, так как грибы собираем в перелесках около Тахо, между нами и красными. Наши офицеры отправились к «Дуньке» на его позицию, праздновали свое производство в тениенте — разница 700 пезет в месяц.

18 октября. Вышел приказ: если придут красные парламентареры с белым флагом, то по ним стрелять, так как были случаи провокации. На обед готовим грибы, маслянки и рыжики, туземцы долго не решались их есть, но сержант Нададь перекрестился и начал есть, а за ним и другие. Испанцы едят только рыжики, а маслянки, самые вкусные — «коровьи грибы» — они считали ядовитыми.

20 октября. Четверг. Утром Гурский, Константинов («вредитель») и я спустились с нашей горы (полтора километра высотой) в долину к Тахо, насобирали огромные корзины грибов. Увидели двух мулов, пасущихся под нашей горой, погрузили на них корзины и стали подыматься на Эль Контадеро. Видим, что из-за бугорков и кустов перебегают люди, окружают нашу позицию и за-

легают за камнями. Было около 12-ти часов утра, мы подумали, что красные незаметно подошли и окружают нашу позицию. У нас лишь одна винтовка на всех. Вольф побежал кустами, чтобы предупредить наших, а Константинов побежал в направлении Махон Бланко, мы с Гурским стали незаметно кустами пробираться к позиции. Константинова еле смогли остановить, так как он собрался побежать на Махон Бланко, чтобы предупредить кавалеристов. Вольф не вернулся, а мы с Гурским спокойно направились на Махон Бланко, а Константинов плелся с опаской позади нас. Оказалось, что Ильин вздумал заняться с гверильщиками рассыпным строем, а лошади найденные нами внизу, принадлежали крестьянам, которые прибыли из Ореа навестить своих сыновей, служивших в Терсио, а лошадей оставили внизу. Можно было бы вообразить, если бы мы не остановили Константинова и он побежал бы к кавалеристам (5 километров) и навел бы там панику! Пальчевский прибыл из отпуска из Сан-Себастьяна и привез от Порховича огромную эмалированную кастрюлю, до этого мы варили обед в банках из-под масла.

22 октября. Дождь. «Борода» организовал разведку, недалеко от позиции кавалеристов на Махон Бланко и послал «Негуса» предупредить об этом кавалеристов. Это хитрость: если красные вздумают организовать карательную экспедицию, то не против нас, а против кавалеристов... Посидели в кустах на берегу Тахо, пулемет пустил очередь, красные ответили несколькими выстрелами.

Получили из Парижа газету «Возрождение». Там Опишня (Корниловского полка) отвечает Вакару на его гнусную статью в «Последних новостях» о русских добровольцах в Испании — интервью с Вейнером. Я от имени всех послал благодарственное письмо Опишне, благо Болтин едет в тыл, в центр по нашим делам.

24 октября. После обеда явилось два перебежчика с лошадей, они из той-же части, из которой перебежал к нам в день нашего Праздника красный. Из них в части двое, перебежавших от нас на днях. Они рассказали красным, что против них стоят русские, им не поверили, принимая нас за немцев. Перебежчиков отправили в Чека в сопровождении Клименки.

Наши ходили к «Дуньке» на позицию для связи и по дороге нашли брошенную красными прокламацию: «Испания — для испанцев. Законное правительство республики освобождает от службы всех иностранцев и предлагает то-же самое сделать и франкистам»... Полагаем, что прокламация была брошена красными петардистами, которые могут легко проникать в наши тылы, так как наши парапеты рассеяны в километрах пяти один от другого, на вершинах гор. В долинах легко можно просочиться к нам. После обеда пошла разведка в 15 человек с Кастильо, красных против нас не обнаружили (сбежали с перепугу), только зажгли три шалаша, устроенных красными во время августовского нашего наступления.

НОЯБРЬ 1938 года.

ВЕРХНЕЕ ТАХО. ЭЛЬ КОНТАДЕРО — ВЫСОТА 1639.

1 ноября. Католический праздник Всех Святых. Нам вернули письма, написанные по-русски (марки перечеркнуты): не писать по-русски. Прибыл протопоп Хозе-Мария, отслужил мессу. Был общий обед — Кастильо праздновал свои две звездочки.

Прошлой ночью было полное лунное затмение. Мы с Пылаевым ходили к «Дуньке» на парапет — он сидит небритый и нечесанный. Жаловался, что его парапет вынесут на самую реку Тахо, километрах в трех впереди. Вернулись на парапет, а там целая кавалькада конных: полковник, майоры Монтальбо и Агиляс со своими офицерами и ординарцами. Приехали выбирать новые позиции впереди, но наша позиция останется на прежнем месте, а «Дунька» и Фернандес выдвигаются вперед. Мы им не завидуем, так как придется на зиму рыть новые землянки в сырой земле. Вернулись из Молины Зотов и Голбан, привезли много капусты и груш, мне за две пезеты отвалили 18 груш, первые фрукты в этом году.

10 ноября. Вчера с парапета «Дуньки» санитар «Кило» пошел побродить и в разваленной часовне, нарвался на четырех красных с оружием — пришли сдаваться, но ночью опасались явиться на парапет, боясь, что их об-

стреляют. Уже три дня сильнейший ветер, с нашей землянки сдуло всю маскировку — ветки и землю.

11 ноября. Утром гверильщики подобрали в долине несколько советских винтовок со штыками, но испанцы не умеют ими пользоваться, а их захватывают у красных в большом количестве. Русская винтовка удобнее Маузера немецкого образца, (принятого в Испании). Винтовки пехотные, образца капитана Мосина (я в Острогжске в 1917-м году его видел уже генералом, инспектором по стрелковой части). Наша винтовка проще и легче, не так раздувается дуло. Испанцы своим Маузерам затыкают дуло тряпкой от сырости, сырость дуло разъедает и пули рассеиваются. На советских винтовках ствольная накладка из такого плохого дерева, что коробится и при стрельбе обжигает руки. Испанский штык-кинжал годен лишь для рубки веток, а русский штык пробивает толстую доску. Боярунас демонстрировал советскую винтовку испанцам — с разбега пробил доску пальца в три толщины, но испанцы говорили «наша лучше»... Но никто не мог вытянуть штыка из доски. Советский пулемет «Максим» лучше Гочкиса и сделан под испанский патрон Маузера (на случай успеха мировой революции в Германии). Все метки Тульского оружейного завода стерты.

У деревни Фриас (наш Альбаррасинский сектор) к кавалеристам перешла рота красных, в Хуэрто Фернандо тоже перешла рота.

13 ноября. Воскресенье. Приехал падре Хозе-Мария и отслужил мессу в землянке сержантов, пришлось сидеть на нарах на карачках. Сержанты оборудовали свою землянку хорошо — нары, стены обшиты досками. Приехал из отпуска Селиванов — пробыл 24 дня вместо десяти, отпуск ему продлил военный губернатор Сан-Себастьяна. Сообщил невероятные вести: что якобы будет сформирован Русский батальон Святого Георгия под командой Болтина с чином полковника, адъютант Зелымбек в чине капитана, при штабе батальона Гончаренко в чине альфереса, в команде связи — Яремчук в чине тенiente и Артюхов — альферес; пулеметная рота — 15 пулеметов, командир Селиванов в чине капитана; помощник командира одной из рот Юренинский в чине тениен-

те, при нем тенииенте Зотов и Бриллиантов; командир взвода легкой артиллерии Голбан в чине тенииенте; Белин — командир взвода противотанковой артиллерии, гаубичная батарея — капитан Кривошея и тенииенте Пылаев; танки — тенииенте Боярунас и сержант Тоцкий; кавалерия — командир 1-го эскадрона капитан Гурский, при нем тенииенте Трингам и сержант Клименко; 2-й эскадрон — капитан Двойченко и при нем тенииенте Ковалевский; запасный эскадрон — тенииенте Налетов (если выздоровеет); Барк — при штабе бригады. Сладков в пулеметную роту. Это то, что нам сообщил Селиванов в результате переговоров полковника Болтина с итальянцами. Итальянцы о нас собрали сведения благоприятные. Содержание: сержант — 500 пезет в месяц, альферес — 540, тенииенте — 680, капитан — тысячу пезет и полковник — 2 тысячи. Но это лишь предположения, а реального ничего, так как из трех десятков русских батальона не сформируешь, а приток русских прекратился.

17 ноября. Мы обеспечены интендантскими бонами лишь до 15-го ноября. Командир части платит интендантству наличными, получает от него боны и интендантство выдает продукты только по бонам. Ждем «Папу» с бонами. Испанское интендантство работает идеально, как часы. Одной из причин гибели Белого Движения было интендантство, а вообще в России после каждой войны интенданты садились на скамью подсудимых — так было после турецкой и японской войн.*

Около 10-ти часов вечера тревога — Константинову что-то померещилось и бросил итальянскую бомбу — оказались мулы, пасшиеся недалеко. Через 15 минут все разошлись по своим землянкам.

Продукты нам присылают на парাপет к «Дуньке», оттуда привозят мулами. Пока что сидим без продуктов — Сладков уехал за ними в интендантство в Гвадавиар, но его оттуда ночью не пустили на позицию. Именины Павла Зотова — Св. Павла Исповедника. Зотов выставил салат и три литра вина, немного повеселились, пели русские песни.

* См. приложение — интервью Генерала Франко с редактором журнала «Часовой» В. Ореховым.

23 ноября. Всю ночь шел дождь, утром прекратился. Ночью была такая темнота, что даже трудно было найти часового, чтобы его сменить — бедные кабо, которые должны были разводить часовых. Я по ошибке в темноте забрел на чужой пост. Прибыл кавалерийский разъезд для связи — офицер и 5 солдат. По сведениям, к красным прибыла целая бригада, возможно их наступление. На Махон Бланко всю ночь кони были оседланы, а мы ничего не знали. Но возможно, что к красным прибыла только смена.

24 ноября. Паника передается испанцам: ночью дежурный пулеметчик Гонзалес (из красных пленных) на посту три раза выстрелил — говорил, что у хаты около Тахо он заметил огонек от папиросы. Выскочили и быстро заняли заранее предназначенные места, через полчаса разошлись, но выставили между караулами пять дополнительных часовых. Гонзалес уже второй раз поднимает панику — его испанцы цукнули за это.

25 ноября. Первый заморозок. Мы стоим на Сиерра де Молина — одно из самых холодных мест Испании, вода иногда даже летом замерзает. Часовому от пулеметчиков опять показали внизу огоньки, но на этот раз обошлось без стрельбы. Юренинский и я ходили к «Дуньке» на парапет для связи, к ним прибыло пополнение в 9 человек и пять с его парапета уйдут в Чека на отдых. Отдых заключается в том, что их гонят с мулами возить продукты за 10 километров к «Дуньке» и Фернандесу. Сладков живет в деревне — сам вызвался ездить за продуктами, там обедает, занимает хату, к нам приезжает 2 раза в неделю. Отчетности никакой, уверяет, что у него перерасход, а должно быть экономии пезет 200. Ждем из отпуска тениенте Кривошею, чтобы проверить отчетность.

Папин сын устроил для гверильщиков и пулеметчиков Гочкиса занятия с бросанием бомб (ручных гранат) из окопов. Обнаружилось, что половина бомб «Лафитт» (с шеддитом, лента разматывается, остается в руках и не вырывает ударника), точно так же как и «пиния» (сосновая шишка с черным порохом) не разрываются. Лучше всех итальянская ручная граната, очень красивая игрушка — но на воздухе ее сила меньше, чем в закрытом помещении — мы русские вооружены итальянскими бом-

бами. Во время занятий с бросаниями бомб, Сладков уехал и на Махон Бланко рассказал кавалеристам, что красные нас обстреливали из мортир... Ильин возвратился из Гвадалавиара, куда ходил на предмет наведения справок о Еленке. Рассказывал, что заявление Сладкова вызвали оживленные телефонные переговоры, а ввиду «опасности» нашего положения на Эль Контадеро, Ильину дали для охраны четырех кавалеристов. Прибыло к нам двое рекете нашей роты, прошедшие курсы обращения с гелиографом (оптическим телеграфом). Утром снег и дует сильный норд-ост. Но все же к нам приехал отец Хозе-Мария. Вечером наши переговаривались по оптическому телеграфу с Фернандесом. Крыли последними словами Сладкова, что он развел панику.

29 ноября. Вторник. Эль Контадеро, высота 1639. Приехал из отпуска Николай Кривошея. Рассказывал, что немцы предложили Болтину формировать русско-украинский отряд, но он отказался. Предупреждает против излишнего оптимизма в переговорах с итальянцами — возможно, мы нужнее им, чем они нам... Получили сведения, что во Франции работает «народный фронт», разваливая страну. Сегодня ожидается всеобщая забастовка, завод Рено занят рабочими и «гвардия мобиль» (жандармерия) их осаждают. По слухам среди русской эмиграции наблюдается объединение вокруг Династии — Болтин даже послал телеграмму Кире Кирилловне по случаю ее брака с главой германского королевского дома. Не теряем надежды на возрождение России.

ДЕКАБРЬ 1938 года.

ПОЗИЦИЯ НА ЭЛЬ КОНТАДЕРО (высота 1639).

1 декабря, четверг. Прошли золотые дни Аранхуэса!.. * Три с половиной месяца мы кормились сами, а теперь будет нас кормить «Папа»: горох и шоколад (гора-

* Испанская поговорка — Аранхуэс — летняя резиденция испанских королей на юг от Мадрида — обширные парки, дворцы, фонтаны. Жизнь в те далекие времена была там полна развлечений и удовольствий и, главное прохлады (лето в центральной Испании нестерпимо жаркое). — Прим. Издателя.

банцо и шоколаде). Выторговали у Сладкова 120 пезет и на них решили купить в интендантстве свечей и папирос. Доедали собственные продукты — решили «Папе» оставить кило три чечевицы — обед наши приготовили такой, что съесть не могли, а готовили наши и испанцы в восторге от нашей еды, им папина еда уже в печенках сидит (у «Папы» семья в Сарагоссе и он должен о ней беспокоиться). Голбан и Кривошея отправились в Гвадалавиар (задрипанная деревушка, которую мы взяли в августе, жители — большинство красненькие), за свечами, на нашу землянку досталось 12 штук. В нашем бараке устроили «свободную трибуну», главным образом обсуждали масонский вопрос.

Сын «Папы» устроил занятия с гверильщиками — бросание итальянских ручных гранат, которых у нас целый ящик: ни одна граната не разорвалась, нужно их бросать на что-либо твердое или в закрытом помещении. Потом расстреливали их из винтовок, пули летели над нами, над источником на Тахо, где мы занимались стиркой. У нас два источника — один на вершине горы, обслуживает нашу кухню, а другой у Тахо, вблизи красных, куда мы ходим с винтовками стирать и собирать в перелесках грибы.

Ночью по гелиографу с Махон Бланко передали приказ дивизии Альбарассинской группы наших войск, что группа красных перешла где-то на наш берег Тахо и где-то болтается в нашем тылу; нужна максимальная бдительность. Выставили дополнительные караулы, утром их сняли: дежурили два офицера, два сержанта и три кабо. Утром оказалось, что наши гелиографисты перепутали, и что ночная тревога была ложной. Дождь и слякоть. Вместе с продуктами прибыл Зелимбек, ротмистр Александрийского гусарского полка, живший в Италии. Он был некоторое время в Легионе, был тяжело ранен пулей в рот и полтора года пробыл в госпитале, потом в Бургосе в охранной роте.

5 декабря 1938 года. Высота 1639. Понедельник. С утра по оптическому телеграфу альферес Фернандес вел с нами переговоры со своего парашюта — просил продать ему итальянские штаны — мы таковые с рубашками подарили всем нашим офицерам, кроме Фернандеса, снача-

ла его не любили, величали «Крысой», но впоследствии, он заслужил наше уважение, так как оказался милейшим господином. Штаны и рубашку мы ему подарили.

Считаем, что полковник Болтин оказывается чрезвычайным оптимистом насчет возможного перехода нашего во «Флечас неграс» и слишком доверяет обещаниям итальянцев. Общее мнение, что переход к итальянцам на офицерское положение — дело безнадежное. Болтин приедет к Рождеству, привезет какие-то подарки, будет обнадеживать, а потом приедет к Пасхе и будет стараться заразить нас своим оптимизмом. В Испанию больше никто не едет, о формировании какого-то русского отряда и помышлять не приходится — эмиграция уже дала всё, что могла дать (около 30 человек в нашем Терсио и какое-то количество в других частях Армии генерала Франко). Приказом свыше мы прикреплены к Терсио рекете Донья Мария де Молина, кто желает уходить — скатертью дорога, но пока никто не ушел.

Прибыл из отпуска «Борода» (тениенте Кастильо, бывший студент медик из Сарагоссы) и с ним его верный «личарда» «Негус», был ранен во время разведки на Тахо, пуль скользнула по ребру и осталась. «Негус» гордился тем, что он был ранен в компании русских.

«Борода» говорит, что отпуска прекращены, так как ожидается наше наступление. В Чека имеется пополнение для нашего Терсио — 700 человек, но пока без оружия, из пленных или раненых из разных частей, будет сформировано 4 роты и пулеметная.

Вечером в нашей землянке гадали о том, что будет с нами через десять лет. Я сказал Бибикову, что у него будут волосы до плеч, (он поэт и эстет) и будет вздыхать о Монпарнасе. Бибиков смеялся, но часа через три обиделся и я его успокаивал.

Вечером в нашей землянке устроили импровизированный спектакль — похороны 50-ти процентов надежд, наши поэты декламировали стихи, посвященные моменту.

9 декабря — Георгиевский Праздник. Зелимбек — кавалер Ордена Святого Георгия, ходили к нему в землянку поздравлять.

10 декабря. Холодно, дождь. Я ежедневно хожу за

дровами, на нашей горе масса кустов можжевельника, толщиной в кисть руки, наступишь и он ломается у корня, а остальные сидят у печки, ожидая, что Антонио принесет дров, зато мне обещают памятник воздвигнуть еще при жизни... Жаль только, что пилить нечем — огрызок пилы.

12 декабря. Понедельник — Эль Контадеро. С 1-го декабря нас кормит «Папа», а до этого три месяца мы сами питались, теперь ненавистный нам (и испанцам) горох — гарбанзо и с таким количеством неочищенного зеленого оливкового масла, что назад лезет. Гурский пошел к «Бороде» и попросил оливкового масла для освещения — в случае тревоги, мы снимаем с себя ответственность. Вечером по световому телеграфу передали просьбу о присылке нам оливкового масла для освещения.

13 декабря. Завтра последний срок для подачи рапортов о переводе в другую часть. Ожидается наше наступление, в котором и мы хотели бы участвовать. Зимой сидеть здесь довольно гнусно. «Борода» ходил обедать на соседний парапет — там верно было совещание начальства и возможны сюрпризы: так и оказалось — днем выставляется третий наблюдатель, службы прибавилось.

14 декабря. Я предсказывал, что к 15-му декабря что-то у нас изменится. Я был часовым в сторожевом охранении от 4-х до 6-ти утра (последняя смена). В 4 с половиной утра на Махон Бланко началась ружейная стрельба с разрывами ручных гранат. Ночь ясная, лунная, легкий морозец. Возможно, что красные напали на кавалеристов, разбудили всех и приказали надеть на всякий случай ботинки. Гверильцики заняли промежуточные окопчики между караулами. Потом успокоилось.

Приказано быть особенно бдительным, так как на нашем участке красные сосредотачивают крупные силы с танками. Ильин забрал свое барахло и, попрощавшись, уехал в Молину де Арагон. Говорит, что не вернется...

16 декабря. Наши вдвоем пошли в Гвадалавияр за покупками, так как через три дня Святого Николая и у нас трое именинников. Прибыла группа крестьян с мулами — возить нам дрова. Просили у алькальда Орео топор, он под всякими предлогами откладывал и «Папа» его на-

казал, потребовал, чтобы его крестьяне возили нам дрова — уже навозили целый штабель. Идет снег. Пулеметчик, ходивший в Чека сообщил, что там находится пополнение человек 500, но имеется лишь 15 винтовок, так что смена будет нам не скоро. Разрешено отпустить с каждого парашюта по 2 человека в отпуск, наши двое должны уехать, а если «Папа» заупрямится, то пригрозить ему нашей отставкой — ведь мы полтора года без отпуска.

Во Франции процесс Плевацкой, ее осудили на 20 лет. Видно у французов какие-то нелады с советчиками, если они рискнули затеять судебный процесс, обличающий советчиков.

19 декабря. Ночью мороз и вьюга. Наши землянки мало приспособлены к зимовке, хотя у нас в землянке есть печка из бидонов от масла. Я весь день рублю дрова, а наши сидят и ведут философские разговоры. «Флечас неграс» уже сформированы и отправлены на фронт, теперь формируется «Флечас бланкас».

Получили из Парижа от полковника Щавинского посылку: мешок пшена, чай, бельгийские лезвия бритв и 10 пар меховых перчаток для Марковцев артиллеристов в первую голову. Получено от «Папы» предложение по световому телеграфу — желающие могут записаться в ударный взвод — мы все записались, чтобы избежать нудного сидения на позиции. Очень холодно, особенно ночью трудно стоять часовым в снегу, хотя для часовых сделаны занавесы. Получили письмо от Гурского — он вышел в отставку, как «чех» (он приехал к нам из Праги). Всё замело, снег по пояс. Крестьянин, везший на муле продукты, разбил бутылку с оливковым маслом — будем есть постную пищу... Получили подарки к Рождеству от Терсио: по пачке восхитительных филиппинских папирос (черный табак), сладости и бутылку коньяку на 11 человек.

25 декабря. Католическое Рождество. Буран, местами намело снега на метр. Ночью часовые стоят по часу. Землянку Голбана замело так, что их пришлось откапывать. Вчера «чики» ходили на охоту на зайцев. Был вчера в Сочельник рождественский ужин: мясо с картофелем и рис с зайцем, вина не было, согреться нечем. Почта

приостановлена, как во время боев под Торуэлем в прошлом году. Замерзаем... По оптическому телеграфу сообщили, что в Каталонии наши прорвали красный фронт, взяли 2 тысячи пленных и сбили 23 авиона. Стало теплее, часовые стоят уже по два часа.

27 декабря. В Рождественскую ночь на Махон Бланко замерзли три часовых. Отправили Сладкова в Молину за подарками к нашему Рождеству. Уже неделю, как дали артельщику деньги на табак — еще не получили, какая безалаберность!.. Так как вся наша позиция занесена снегом, то приходится прочищать дорожки. Крестьяне навозили дров для кухни, оттуда воспрещается брать для землянок, сами добываем, благо рядом заросли можжевельника. На случай осады около кухни врыта в землю бочка, но «чики» там вблизи моют посуду, и даже мочатся, мы боремся с этим. Наконец, прибыли продукты и устроили рождественский обед: фасоль, мясо с картофелем, манзания (пастила из айвы) и вино. В Чека сформирован ударный взвод, но русских туда не взяли, так наша позиция опасная и начальство предпочитает, чтобы ее охраняли русские, как самый надежный элемент.

31 декабря 1938 года. В новогоднюю ночь все русские собрались в землянке Белина, караулы несли испанцы. В землянку вошел старый дед в рваной одежде — старый год — тениенте Кривошея, его с приветствиями проводили; затем вошел юноша в одном одеяле, задрапированном на манер римской тоги — Новый Год (Артюхов). Разлили коньяк и раздали «торт» — холодная пшенная каша с подливкой из изюма и фиг. Разошлись в 2 часа ночи. Я был в карауле часовым с 3 до 5 утра. По световому телеграфу передали, что в Каталонии нашли прорвали фронт шириной в 30 километров.

1 января 1939 года. Эль Контадеро — высота 1639. Верхняя река Тахо. Получили телеграмму от полковника Болтина: «Я с Борисом Ильиным в Бургосе, получаем

подарки от организации «Подарок солдату» (Агинальдо солдадо). Жители в эту организацию вносят некоторую сумму и на эти деньги готовятся стандартные посылки. В каждую коробку вкладывают адрес отправителя. Я получил коробку с адресом какого-то жителя города Хихона (в Астурии), другие из Бильбао. В каждой коробке банка мармелада, банка с чорисами (колбаска с красным перцем), пачка папирос, турон и плитка шоколада. Как полагается, все коробки распечатаны и во многих не хватает... С 1-го января новая раскладка: командир роты получает на каждого по три пезеты в день и должен давать обед, ужин, кофе, с вином и сладким, и на руки должен выдавать по 50 сентавос в день (раньше было по 75 сентавос).

3 января. Вторник. Сообщили по телеграфу, что командир Терсио майор Монтальво приказал сжечь все письма, представляемые в запечатанных конвертах. Цензор нашей роты — отец Хозе-Мария. Некоторые «чики» весь день сидят за писанием писем — некоторые пишут ежедневно листов по 10-15. Сладков ходил на Тахо делать глазомерную съемку (панораму), с ним «Борода» и несколько солдат для охраны. Есть сведения, что красные эвакуируют из Мадрида 200 тысяч жителей, так как нечем кормить (едят собак и кошек).

Получено от Гурского из Сан Себастьяна письмо — к нему привязался Константинов. Отправились к чешскому консулу на предмет визы в Чехословакию. Консул был очень любезен, отнесся к ним прекрасно, но сказал, что его страна испытывает затруднения политического характера. Константинов сказал: «черт с ней, ей так и нужно»... Виза сорвалась.

6 января. Пятница. «Папа» вернулся из отпуска, временно командует нашим Терсио. Кормит он нас скверно так, что бросается в глаза даже жителям: мы уже неделю не видели мяса, едим сало, картошку и консервы.

7 января 1939 года. Русское Рождество. Рождество безрадостное в этом году, нечем встречать — ждали Болтина, но он не приехал. Чудный зимний день. Спустились с горы в долину около Тахо, стирали белье, в брошенной

хате устроили некоторое подобие бани. Ходим вооруженные. Прибыли из ближайшей деревни крестьяне, рубят дрова только для кухни, мы их воруем и складываем под нары.

9 января. Пришел перебежчик, родом из-под Мадрида, сообщил, что против нас незначительные силы красных. Наше успешное наступление в Каталонии. В Чека прибыло для пополнения 30 офицеров и оружие, обещают, что через неделю нас сменят. Сержант наших гвельщиков отправился в Сарагоссу в школу сержантов по Армии.

13 января. Канун нашего Нового Года — нечем встречать, как и Рождество. Болтин прислал письмо, что у него много подарков для нас и что он хлопочет о возможном нашем устройстве на случай окончания войны.

15 января. Всю ночь и весь день дождь. Вечером сообщили по световому телеграфу, что наши взяли город Таррагону и что завтра нам придет смена и мы уйдем на отдых в Чека.

16 января 1939 г. Понедельник. С самого утра ждем смену. Дождь и ветер. В 2.30 час. дня в тумане под дождем показались первые люди — смена от нашего Терсио, все мокрые, забрызганные грязью после перехода в 25 километров. В три часа дня мы покинули Эль Контадеро, где мы пробыли почти пять месяцев на самой передовой и ответственной позиции нашего участка фронта. Вещи ухитрились погрузить на мулов. День короткий. Темно, дождь и грязь, долины превратились в реки, задрипались до пояса. Часов около 10-ти вечера добрались до окраины деревни Чека — нас встречали наши рекете и сразу же потащили в кабак согреться рюмкой коньяку. Нам отвели пустой дом, где раньше было кафе. Пылаев, Тоцкий и я зашли в дом, там вдова сидит около очага, где тлеют сырые зеленые сосновые ветки — так и не согрелись и не подсушились. Спали на полу без матрацов, так как их оставили на позиции, обещали нам выдать другие, но их не получили. Спал скорчившись в три погибели, чтобы согреться.

ДЕРЕВНЯ ЧЕКА. ПРОВИНЦИЯ ГВАДАЛАХАРА.

17 января 1939 года. Вторник. Хотя название деревни и не особенно приятное, но деревня богатая, жители разводят мулов. Утром почистились и пошли строем в церковь — форма и надраенные ботинки — как будто не было перехода в 25 километров по грязи и под дождем... Был торжественный молебен по случаю взятия Таррагоны, с выносом знамени, которое вышили молинские «маргаритки». После церкви Зотов, Бриллиантов и я пошли искать Ваську, но не нашли, хотя исходили ближайшие горы. Вчера он отстал, промерз и спал в каком-то брошенном сарае, его принесли и положили в госпиталь. Фернандес («Крыса») и Кастильо («Борода», оба тениенте) выложили из кармана сто пезет на вино, его ведрами разносили по деревне и все пили. Наши рекете поругались с кавалеристами из-за «Христо-Рей» (это лозунг карлистов) и чуть не передрались. Вечером устроили выпивку по случаю производства Белина в сержанты, а мы с Юренинским отметили наш переход в эскадру (отделение) Голбана.

18 января. Дождь, снег. Сидим в нетопленном помещении — нет дров, хотя раздобыли печку, но без труб. Наши офицеры тоже мерзнут, но мало интересуются своими подчиненными. Зато обещают обмундирование в неограниченном количестве. После перехода под дождем с Эль Контадеро никто не простудился, даже насморка не было ни у кого. Рота собралась в нашем помещении, открыли ящики с новыми ружьями-пулеметами Гочкиса испанского производства, хотя без единой метки. Наши пулеметы Фиат отправят в Альбаррасин, в штаб дивизии.

20 января. Прибыл из отпуска Гурко, привез подарки от Болтина: папиросы, немецкий трубочный табак, шоколад, мыло и карты, а также старые французские газеты. Утром и после обеда «словесность»: чтение дисциплинарного устава, сводок и пение патриотических песен.

21 января. Чека. Утром ходили в госпиталь на медицинский осмотр, смотрели только спину и живот. Пальчевский привез из Молины де Арагон итальянское обмундирование, не хватает серых рубах — верно проходящие

войска разворовали, так как наш «цейхгауз» в крестьянском доме. Достали пилу, полезли на чердак и отпилили несколько стропил — так, чтобы черепичная крыша не завалилась, распилили и благоденствуем, сидя у горячей печки.

22 января. Вечером мы компанией — Голбан, Артюхов, Зотов и я пошли в фонду (кабачек) ужинать (фасоль 2 пезеты), засиделись до 10-ти часов вечера (разрешается до 9-ти, до «силенсио», спать). Белин утром выговаривал — мы как иностранные добровольцы должны служить примером — совершенно прав. Сережа Бриллиантов и Гончаренко, будучи дневальными, пошли гулять, а Белин (новый сержант) дал им по два наряда. Гончаренко пошел к «Папе» жаловаться и тот им прибавил еще по три дня домашнего ареста.

Из Пералехоса сбежало к красным 7 человек — пополнение из пленных. Алькальде Чека получил приказание приготовить помещение для войск, прибывающих ночью. Ночью прибыл батальон пехоты нам на смену. Утром «папа» в цейхгаузе Терсио раздавал обмундирование, которое у наших «чиков» в плачевном состоянии (у нас прекрасное итальянское обмундирование). Утром выбросили старое барахло и собрались в поход. Ждали прибытия 50-ти камионов, чтобы ехать ближе к Валенсии, в район Теруэль-Кастельон. После обеда полковник сообщил, что отъезд откладывается и роту погнали за деревню на шоссе на строевые занятия. Несколько человек русских больны гриппом — когда стояли на позиции, все были здоровы. Трингам прислал письмо из Бадахоса — он ранен и кажется ранены Двойченко и Ковалевский.

26 января. Чека. Получено известие о взятии нашими войсками Барселоны, всеобщая радость: крики ура, бросание ручных гранат за деревней на речке. «Папа» закричал: «мис мунисионес!» (мои огнестрельные припасы), приказал прекратить бомбардировку и на радостях выдал целый большой котел анисовой водки.

27 января. Утром рота стала строиться, чтобы идти в церковь на молебен по случаю победы, но отменили, новое приказание: захватить одеяла и приготовиться к по-

ходу. Говорят, что перебежчики сообщили, что против нашей дивизии, красные сосредоточили три дивизии и 380 орудий и собираются наступать. Якобы красные переправились через Тахо и заняли Таравилью. Спешно раздали обед, получили патроны и консервы и нам подали удобные камионы. Пехота раньше ушла из деревни. С пением «Пусть вокруг одно глумленье» (Корниловская песня), мы уехали из Чека и прибыли на хутор Терсагилью, слезли, а камионы отправились в Чека за взводом «Дуньки». Показались красные авионы и мы спрятались под стенки фермы. Часов в 5 вечера прибыл взвод «Дуньки» и вся рота отправилась в Таравилью по шоссе, построенному крестьянами. Кто в деревне — наши или красные, мы не знали. По дороге встретили лавочника из Таравильи — вез бочку вина: «В Таравилье всё спокойно», сказал он. В деревне всё население высыпало на улицу, приветствовали нашу роту, как старых знакомых, говоря: «Мы знали, что русские к нам придут и не сдадут нас красным»... В Таравилье стоит рота Терсио Сантьяго, другая находится на парапетах, а в деревне еще батальон пехоты — вся деревня забита войсками. В сумерки мы вышли из деревни, нас провожали, как обреченных на смерть и мы шли занимать позиции в ожидании серьезных боев. В темноте пришли на позицию на берегу Тахо и расположились в лесу Вентоса, где в июне мы пробыли сутки. В 8 часов вечера выставили сторожевое охранение в темноте — приказано стрелять без предупреждения по всякому, кто покажется на тропе, ведущей от Тахо к деревне Баньос. Спали, наломав веток сосны и сделав шалаши.

28 января. Позиция Вентоса на берегу Верхнего Тахо. Утро чрезвычайно холодное. Ночью валил снег, наши шалаши из веток замело снегом. Костры на ночь потушили. Я отстоял первую смену часовым и сняв ботинки, залег в шалаше. Утром проснулся — жарко под одеялом, так как на мне лежал толстый слой снега. С утра туман и пронизывающая мгла. Чуть свет прибыл взвод терсио рекете Сантьяго, расположился правее нас вдоль реки и открыл огонь по красным. Обедали и ужинали всухомятку в лесу, кофе не было. Днем все время шел густой мокрый снег. К ночи стали строить шалаши из веток по-

солиднее. Воду приносили из сталактитовой пещеры — вода кристально-чистая, чудо природы... в пещере естественный бассейн.

29 января 1939 года. Вентоса, на берегу Верхнего Тахо. Утром ушли в Таравилью — километров десять. Все население шло в церковь, на молебен о даровании нам победы. Нас встретили, как пришельцев из другого мира, так как распространились слухи, что мы вели сильный бой с красными и среди русских много потерь. Молебен пришлось отменить... Крестьяне были чрезвычайно рады, что у нас все обстоит благополучно — радость их была искренняя. Нас посылали на Тахо, как особенно надежную часть, знакомую с местностью. На кухне Терсио Сантьяго нас ждал горячий кофе в изобилии — я выпил не меньше литра чудного черного кофе. Кашевары нас угостили на славу, дали яиц и Павел Зотов приготовил обильную яичницу, мы подарили кашеварам по итальянской ручной гранате. В 2 часа дня нам подали камионы в Терсагилье, куда мы ушли, тепло провожаемые всем населением деревни. В нашей роте много рекете из Чека и окрестных деревень. В Чека оставались лишь больные и нестроевые и они собрали наши вещи и сдали в ротный склад. Сережа Бриллиантов, хотя и был болен гриппом, но пришел к нам в лес.

Красные сосредоточили много войск и готовились наступать на нашем участке. Мы были в засаде и должны были ударить во фланг наступающим красным. Но налетела наша авиация и красные понесли колоссальные потери. Явился перебежчик от красных, офицер и рассказал, что убитых от авиации было тысячи полторы. Мы всю ночь слушали шум от камионов за рекой в деревнях Поведа и Пеньялен — это красные сматывали удочки, их наступление сорвалось. Особенно много бомб наша авиация сбросила над городом Брончалес, где было главное ядро красных сил.

31 января. Чека. После Таравильи нам дали два дня отдыха. Есть слухи («солдетский вестник»), что нас перебросят на фронт около Валенсии — у нас холодно, снег и слякоть, хочется ближе к солнцу. В Чека прибыл эскадрон полка Робледо (Калатрава), будем нести сторожевую службу поочереды с ними. У нас новый пост на вы-

сокой горе, где мы будем нести службу вместе с местными гверильщиками. В этом карауле очень холодно, есть на вершине горы шалаш, где можно развести костер. Другой караул у входа в деревню и кроме того патруль.

ФЕВРАЛЬ 1939 года.

1-го февраля. Чека. Прибыл огромный автокар — Пропаганда, по радио передали последние сводки, потом испанцы спели свои песни и мы несколько русских песен. Наши рекете поспорили с кавалеристами из-за «Вива Рей!». Дело дошло до драки, Фернандес вызвал свой взвод с ручными гранатами, но «Папа» всех разогнал палкой, один кавалерист арестован.

3 февраля. Нашими войсками в Каталонии взят город Герона. У нас за деревней на шоссе занятия — сплошные повороты и кругом. Сережа Бриллиантов отправился в отпуск — пешком до Ориуэлы, оттуда на станцию Санта Елена и в Сарагоссу и Сан-Себастьян, к Порховичу.

Воскресенье 5 февраля. Чека. Ночью Юренинский, Павел Зотов и я были в полевом карауле на горе — высоченная гора, вся вершина изрыта окопами гверильясами, два шалаша из веток — в одном мы с гверильщиками, в другом пулеметчики. Сырые дрова не горят, очень холодно, мороз. Меня Зотов даже не разбудил, сам нес службу с гверильщиками, изредка выходя наружу послушать.

Получена телеграмма, что 8-го или 9-го нас сменит батальон пехоты и мы уйдем на другой фронт. Получено письмо из Парижа от полковника Щавинского о производстве Василия Кривошеи в чин подпоручика — то-есть присвоении ему права на этот чин по Российской Армии. Он был добровольцем в Марковском артиллерийском дивизионе в Крыму и 5 лет во Французском Легионе. Мы решили представить нашего Михаила Сальникова (кадет Сибирского кадетского корпуса и 5 лет Французского Легиона). Капитан Кривошея (тениенте) будет ходатайствовать перед генералом Архангельским.

Утром раздавали белье и обмундирование — ликвидация запасов нашего Терсио. Наше Терсио идет на формирование 26-ой дивизии: Терсио «Донья Мария де Молина» и три батальона пехоты составят 1-й полк, Терсио — Нумансия» и два батальона — 2-ой полк, а Терсио Сантьяго и два батальона — 3-й полк, которым будет командовать майор (команданте) Агильяс. Ждем с Эль Контадеро наши три роты, которые сменяются батальоном пехоты.

8 февраля 1939 года. Чека. Сегодня исторический день: нам подали 39 камионов, некоторые с пулеметами от авиации, все Терсио — 4 роты — погрузились, как сельди в бочке, двинулись через Ориуэлу-дель-Тремедаль на станцию Санта Эулалия, погрузились в эшелон и отправились через Теруэль на станцию Эль Торо. Вдоль железнодорожного полотна по шоссе тысячи огней от камионов, едущих туда-же, куда и мы. Сгрузились и 6 километров прошли до деревни Эль Торо, куда прибыли в 2 часа ночи.

9 февраля. Эль Торо. Пришли в 2 часа ночи в эту разоренную дотла деревню, кое-как разместились в брошенных хатах на ночлег. Здесь уже находится много войск: Терсио рекете Сантьяго, хозяйственные части мавров, пехоты, артиллерии и саперов, находящихся на позициях. Мы находимся в провинции Кастельон, до Валенсии километров сорок, до позиций километров десять, местами и ближе. Там стоят мавры и пехота, пока что мы и Сантьяго в резерве. Сидим без денег, загонять нечего, мне еще в Чека Гончаренко загнал итальянские ботинки за 55 пезет, а также серую рубаху. В деревне больше десятка маркитанов, больше мавров, цены на все чрезвычайно вздуты.

10 февраля 1939 года Эль Торо. Вчера у фонтана рекете поругались с фалангистами из-за «Вива Рей» (да здравствует король, так как рекете — сыновья карлистов-монархистов). Кто-то бросил ручную гранату Лафитт, было ранено 4 наших, 6 сантьяговцев и два пехотинца. Полковник, начальник дивизии, приказал производить занятия с 8.30 и до и до 11.45 и после обеда с 2.30 и до 5-ти. Утром мы и сантьяговцы были в поле на тактических за-

нятиях — разборка пулемета, а потом отец Хозе-Мария вел беседу о моральном воспитании. По дороге в деревню пели русские песни. «Папа» ездил на «Пенья салада» (соленая скала) знакомиться с нашей будущей позицией, рассказывал, какие прелести нас ожидают: сплошные окопы из камня, высунуть нос нельзя, так как противник очень близко, нет воды и дров. Постоянная перестрелка. Мы туда уходим послезавтра дней на пять.

12 февраля. Чудная погода — юг сказывается. Утром пошел в поле на ручей постирать и помыться на солнышке. Все рекете исповедывались и причащались (нас это, конечно, не касалось). После обеда «Папа» выдал Кривошее (тениенте) 900 пезет, полученных из Бельгии на имя Болтина, нам выдали по 10 пезет на брата, немного попиروвали.

13 февраля. Эль Торо. Мы все помещаемся на полу в разрушенной хате, дров нет, так как все было растаскано многочисленными частями. В 9 ч. утра отправились на позицию — вещи на себе, т. к. красные угнали всех мулов. До позиции Пенья Салада 22 клм., нужно подыматься в гору по шоссе, построенному Наваррской дивизией рекете; дальше долина с ручьем, через который проходит несколько мостиков, везде указательные надписи, в нескольких местах кладбища воинов. Прошли километров 15 — привал, съели холодное — пол-хлеба и банку фасоли с салом. Выше на горах наши окопы из камня в несколько рядов — сплошная крепость. Красные подняли сильную стрельбу — видно нас заметили. Временно заняли вторую линию окопов. Пошел снег. С темнотой втянулись в первую линию и сменили батальон пехоты, который уходит на Верхнее Тахо на смену 320-го батальона пехоты, который придет сюда и сменит нас. Ночь холодная, но у меня две шинели и три одеяла, огня развести нельзя, нет дров, да и противник близко. Тишина, мы все в караулах. Окопы из камня — стенки, землянка маленькая, очень тесная. Ночные посты для часовых — вроде собачьих конур из камня, где можно только лежать, ничего не видно, ночь темная, только можно слушать, тут-же ящики с ручными гранатами. Будка под самыми проволочными заграждениями.

14 февраля 1939 года. Окопы на Пенья Салада. Расположились в окопах по отделениям (эсквадрам), мой капитан (кабо) Зелимбек, он в маленькой землянке с Гончаренко и Бибиковым, у них есть маленькая печка, нужно собирать траву по стебелькам, а мы с Юренинским в другой маленькой землянке, без печки. Весь день перестрелка, у нас маленький дворик, видный противнику, приходится перебегать согнувшись, так как пули посвистывают. Получили дневной рацион: три четверти хлеба и две банки рыбных консервов на человека. Говорят, что кто-то украл у нашей роты 50 хлебов. Ночные караулы с 7-и вечера и до 7-ми утра, днем наблюдатели. Наша артиллерия вкатила в наши окопы два снаряда, разрушила бруствер и угол землянки в соседнем отделении, где наши русские. Чики стали заделывать повреждения, благо камень в изобилии. Говорят, что это вновь прибывшая скорострельная батарея делала пристрелку с вершины горы и не рассчитала расстояния и местности. На нашем участке 2 батареи 75 мм. по 4 орудия. Красная артиллерия молчит. У красных внизу в долине и по склонам гор грандиозные фортификационные сооружения.

15 февраля. 1939 г. Окопы на Пенья Салада. Сзади нас в километре, на горе вторая линия окопов, там помещается Терсио Сантьяго. Хотя они и во второй линии, но им приходится хуже нашего, так как их окопы вырисовываются на склоне горы и красные сосредоточили по ним пулеметный огонь, а по нам только ружейный. Вчера у сантьяговцев был один убитый, а у нас один раненый. Утром уже получили горячий кофе, а потом обед, но за ним нужно ходить с полкилометра, по окопам и ходам сообщения. Пальчевский с утра отправился в Эль Торо (22 километра) за покупками, дали ему сто пезет и каждый получил по 5 пачек папирос, 2 коробки спичек, 2 книжки курительной бумаги и на всех 6 кило сахару и 2 бутылки коньяку, «Папа» еще от себя прибавил — бутылку. Прибыл из отпуска Бриллиантов. Рассказывает, что Болтин хлопочет о производстве нас в кабо и сержанты по Легиону, добивается свидания с генералом Франко... Гурскому будто-бы обещана виза в Германию (к концу войны, он устроился в Терсио Наваррских рекете Монтехурра). Константинов в Севилье — что-то строит

по его словам, он окончил рабфак и имеет диплом «инженера». Больше мы о нем никогда не слышали. Дризен в Барселоне, а барон Вольф в Памплоне, его Балестены (местная знать) хотят устроить в Наваррские рекете.

16 февраля. Пенья Салада, окопы. Вечером объявили, что красные готовятся на нас наступать, приказано выставить три ночных поста по шесть человек, но выставили лишь два поста. Приказано не стрелять по противнику, так как нет мулов, чтобы доставить патроны — у пулеметчиков лишь немецкие патроны. Начальство об этом мало беспокоится, так как мы здесь простоим недолго.

Умер Папа Пий Одиннадцатый. Испанцы особой печали не проявляют, так как у них существует поверье, что война окончится победоносно для Франко, когда умрет Папа, который в начале войны поддерживал красных басков. Этот Папа сделал много зла России: неосуждение большевизма, стремление взамен уничтожаемого Православия, насадить Католицизм, изобрел «Восточный обряд» с Институтом восточного обряда в Риме, уничтожение двух тысяч Православных храмов в Польше, где он был папским нунцием... Италия заключила торговый договор с СССР — испанцы недовольны итальянцами.

18 февраля. Окопы. Наш участок называется «Пенья Кемада» (выжженная скала). Гончаренко и Тоцкий ушли в интендантство за 5 километров, где можно купить очень дешево продукты. Мы с Зелымбеком подмели наш ход сообщения, так как ожидается какое-то начальство — нас обстреляли. Ночью в карауле очень холодно, дует северо-восточный ветер, стоим два раза в ночь по часу и три четверти, идя на пост, приходится брать два одеяла и две шинели — приходится лежать в собачьей конуре под самой проволокой. Красные нас днем обстреливали ружейными гранатами — штука неприятная... Приехал из отпуска командир Терсио, майор Монтальво, ходил по окопам не согнувшись, не обращая внимания на летящие пули: «Папа» из-за бруствера высунул свой красный берет, чтобы подразнить красных. Вечером наши рекете переговаривались с красными — хорошо слышно. Ночью на посту замерзаем, а согреться негде, хотя и насобирали по стебелькам траву, но печки у нас с Юрининским нет.

19 февраля. Окопы на Пенья Кемада. Обещают смену через два дня. Днем тепло. Наша и красная артиллерия вели перестрелку. По нашим окопам их артиллерия не стреляет, но нашей кухне достается. Сменимся и уйдем во вторую линию, ожидаем прибытия Наваррской дивизии рекете и батальона пехоты, который сменит наше Терсио. Ходят слухи, что сегодня наши будут рвать фронт у Гвадалахары, где неудачно наступали итальянцы. (В итальянской истории войны их поражение называется победой, и испанцы, первоклассные воины, искренне презирают итальянцев). Красные пока что на нашем участке держатся пассивно. В ближайшем тылу у нас непрерывно ведутся фортификационные работы, все горы изрыты окопами и ходами сообщения. Ночью у красных сплошная иллюминация от камионов, подвозят необходимое, днем не рискуют. Весь горизонт освещен, но ночью ни одного выстрела.

21 февраля. Пенья Кемада. В обед пришли пулеметы пехотного батальона, сменили наших и те ушли в тыл. Пулеметы — облегченные немецкие Максимы. С темнотой мы уходим во вторую линию, где стоит Терсио Сантьяго — у них в тылу уже восемь убитых от пулеметного огня. Мы простояли в окопах восемь суток вместо пяти.

22 февраля. С наступлением темноты стали выходить из окопов, не дождавшись смены, так как окопы столь узки, что нельзя было бы разминуться, в окопах оставались лишь пулеметы пехотного батальона. Во время смены, красные открыли сильный огонь. Без смены остались лишь противотанковые орудия. Часа полтора шли ночью во вторую линию, блуждали в темноте, так как не могли найти окопы сантьяговцев.

ПЕНЬЯ ДЕЛЬ ДЬЯБЛО (Скала Дьявола).

23 февраля 1939 г. Четверг. Утром туман, ничего не видно. Рота заняла группу землянок, сделанных из камня, а мы русские через лощину за полкилометра устроились тоже в маленькой каменной землянке, где так тесно, что можно спать лишь на боку, если кому нужно повер-

нуться, то надо беспокоить соседей. Вши разгуливают свободно. Несколько человек пошли искать веток для отопления, а Голбан взял кувшин и отправился километра за четыре искать воду. Когда он возвратился, то его предупредили, что если его красные не обстреляли, то лишь благодаря туману. Ходили за два километра в брошенные землянки за строительным материалом. Мы почти со всех сторон окружены, остается лишь свободным узкий перешеек километра три шириной, да и тот обстреливается пулеметным огнем. Кругом нас окопы красных, даже в кухню приходится ходить через лощину, обстреливаемую красными пулеметами. Но так как красные окопы от нас за два-три километра, то у нас потерь не было. После полудня Зотов и Гончаренко пошли в интендантство, но в тумане заблудились и вернулись к нам уже в темноте. Так как нас отвели во вторую линию, то сегодня предполагалось устроить строевые занятия часа три, но по случаю сильного тумана нас оставили в покое. Тениенте «Дуньке» было предложено ехать на курсы на предмет производства в капитаны, но он отказался. А «Борода», папин сын и Фернандес очень хотели поехать на курсы, но им не предложили — видно им война уже надоела...

24 февраля. Пятница. Скала Дьявола. Ночью была вьюга. Наша землянка худая, везде дыры, тесно, дрова сырые не горят, негде согреться. Кто приходит из караула, втискивается, остальные во сне инстинктивно раздвигаются, чтобы дать место лечь на боку. Ночью караулы от русских — два поста и третий около землянок. Караулы выше нашей землянки — заберешься в яму и слушаешь, что делается у противника, укроешься одеялом и замерзаешь, зуб на зуб не попадает. Приходится делать усилия, чтобы не заснуть и не замерзнуть, ночью разводящий раз за смену приходит, чтобы посмотреть, не замерз ли часовой. Согреться негде, а тут еще несчастье — нет табаку, даже «бычков» собрать негде, так как испанцы не курят, курил лишь мы русские.

25 февраля, суббота. Ходим на дальнюю брошенную позицию за дровами, сосновые ветки, сырые, не горят, пилим их огрызком пилы, дыма много, а тепла никакого. Хорошо, что много снега — вода есть. Для кухни носят за

два километра, от командного пункта, а туда привозят воду из интендантства, там есть колодезь, километров 6 от нас. «Борода» пытался запрячь носить воду нас русских, но мы отказались — иностранные добровольцы. Кухня за полкилометра, очередной утром бежит за кофе, приносит и будит остальных, потом начинаются бесконечные беседы. По «пантофельной почте» сообщают, что отправимся на станцию Эль Торо на муштру, а оттуда на станцию Санта Эулалия, где генерал Варела вручит Орден Святого Фернанда (наивысшая испанская награда) на знамя нашего Терсио за бои у Кинто дель Эбро, где погибли наши две роты. Кормят ужасно — полусырой горох и консервы. Обед и ужин по трубе. Наши принесли из интендантства (по знакомству) кубики кофе с сахаром, снег есть, пьем весь день кофе. По сведениям, Англия и Франция признали правительство Франко.

27 февраля 1939 г. Скала Дьявола. Утром строевые занятия — мимо нашей землянки проходит наша рота и мы присоединяемся и идем в глубокую котловину, вроде кратера, там поле, очищенное от камней и мы маршируем. Красная артиллерия нас видит, но не беспокоит. Прибыл подполковник (тениенте коронель) начальник сектора и приказал выдавать вино. Потом прибыл полковник, начальник дивизии и приказал вести занятия по шести часов в день. Если бы не занятия, то можно было бы помереть от скуки...

МАРТ 1939 г. Скала Дьявола.

1 марта. Есть сведения, что на днях мы пойдем на позицию сменить 73-й пехотный батальон на позиции Медия-Луна (полумесяц). Там расстояние между нашими и красными окопами 70 метров. А пока что ежедневно строевые занятия, наши по привычке ворчат. Чистка и приведение в порядок одежды — ожидается прибытие какого-то генерала.

5 марта, воскресенье. Утром в котловине построилось все наше Терсио — 1, 2, и 3-я роты и пулеметная коман-

да, была торжественная церковная служба на открытом воздухе. Наша артиллерия открыла с горы огонь по красным позициям, красные не отвечали. Лауреаду на знамя не повесили, оставили до другого раза. Мы русские были одеты во все итальянское, в серых рубахах, (некоторые были в чужом). Ботинки, за неимением ваксы, смазали салом, купленным по дешевке в интендантстве.

6 марта. Голбан ходил с банками, флягами и бутылками за водой на позицию Медия-Луна, где стоит 73-й пехотный батальон. Красные в 100-200 метрах, в некоторых местах меньше 100 метров, видно как их часовые сменяются. Ведется товарообмен — наши дают красным табак, получают в обмен апельсины (все апельсиновые плантации находятся в красной зоне. Красные говорят: «если будете наступать, то предупредите нас и мы сдадимся, мы все мобилизованные воевать не хотим». Красные деморализованы, не стреляют. У нас распространился слух, что где-то на юге в тылу красных, высадился наш десант.

7 марта. Скала Дьявола. Получены сведения, что в районе Мадрида сдалось три батальона красных. В Мурсии, Аликанте и Куэнке восстания — если это не преувеличено, то во всяком случае у красных развал. На нашем участке фронта тихо, даже стрельбы не слышно. С наступлением темноты по всему фронту сплошной вопль — наши и красные переговариваются между собой. Начинается так: «красные, красные переходите к нам». Красные отвечают из своих окопов и переговоры иногда продолжаются до полуночи.

8 марта. Наши ходили на дальнюю позицию Медия-Луна, там единственный фонтан — две струи обслуживают весь сектор, человек в 500 войск. Пехотинцы уступают нашим очередь, говоря: «Вы русские, пришли с дальней позиции». Там у фонтана делятся новостями. Офицеры 73-го батальона рассказывали нашим, что генерал Франко предъявил красным ультиматум: сложить оружие до 12-го марта, мобилизованные должны оставить окопы и разойтись по домам; те-же, кто совершили преступления, пусть защищаются, ибо им пощады не будет; если же ультиматум не будет принят до 12 марта, то бу-

дут посланы 1.500 авионов и тысячи танков, которые сметут позиции красных с лица земли, без всякой пощады.

9 марта. Скала Дьявола. От нас роют ход сообщения к позиции Медия-Луна. Вероятно скоро будет наше наступление. Путь к месту работ проходит лощиной, простреливаемой красными, поэтому по бугру везде устроены стенки из камня и ходы сообщения. Подвозят продукты по ночам — мимо нас проходят вереницы груженных мулов, а под утро возвращаются. Даже одиночные люди ходят лишь с наступлением темноты. Километра за два в нашем тылу помещаются в землянках две или три рабочих роты из пленных, они по ночам роют ход сообщения. Ежевечерно от нашего Терсио назначается взвод для конвоирования военнопленных. Ночью была наша очередь, Белин уже два дня носит нашивки сержанта, после ужина мы под его командой пошли к лагерю военнопленных, окружили их со всех сторон и повели на Медия-Луна. По прибытии на место нас ожидали саперы, они распределили военнопленных, дав каждому урочную работу, а сами отправились на Медия-Луна в теплые землянки, мы-же остались сторожить. Ужасный северный ветер (высота горы около 1.800 метров) холод необычный — я в жизни никогда так не мерз — как на этой горе в 40 километрах от Валенсии, от Средиземного моря, которое видно с нашей горы. Две шинели и два одеяла не спасали от холода, не мерзли лишь те, у кого была кожаная куртка. Многие пленные забились на дно канавы, чтобы поспать, Белин их выгонял и заставлял работать, хотя обязанность наблюдать за работой была не наша, мы обязаны лишь охранять. Белин перестарался... Утром нас освободили от занятий. Тениенте Кастильо пытался нас запрячь носить за 2 километра воду для кухни, но мы отказались, так как в свое время, командир Терсио нас освободил от хозяйственных обязанностей, как иностранных добровольцев. Но вызвались добровольцами Васька Кривошея, Сладков и Клименко — скорее для того, чтобы у фонтана узнать новости от пехотных офицеров. Оставшиеся, мы поднялись на бугор в 200 метрах над нами и на виду у красных спилили сосну и добыли дров для кухни. Обещано было, что нас больше не будут беспокоить для хозяйственных нужд.

10 марта. Пятница. Скала Дьявола. Какой-то праздник, занятий не было. Роте делали противотифозную прививку, но мы отбоярились, так как нас уже кололи в сентябре 1937-го года в Молина де Арагон. Поговаривают, что скоро уйдем в деревню. Мы грязные, помыться и постирать белье негде. Спим вплотную на боку, так как нельзя повернуться, не разбудив соседей. Бибииков уехал в отпуск на 8 дней, следующая очередь моя.

12 марта. Воскресенье. Ждем приезда полковника, начальника сектора, чистим расположение роты от консервных банок, оставшихся еще от прошлогодних боев. Везде масса неразорвавшихся бомб и снарядов. Особенно опасны ручные гранаты Лафитт — при бросании лента остается в руках, но часто она не вырывает ударники, лента истлевает и граната сама взрывается. Ходить можно лишь по тропинкам, так как в кустах много снарядов и ручных гранат, их иногда расстреливают из винтовок. Приехал «Папа» — ротный командир капитан Висенте, вызвал Гончаренко и сделал ему выговор: он будучи в отпуске, просил в Памплоне Баллестенов, чтобы те за него хлопотали об его отставке. Баллестены прислали «Папе» письмо, но он отказался пустить Гончаренко в отпуск по протекции. Утром Гончаренко отказался идти на занятия. Белин, как сержант, спросил его «почему?», то ответил, что «не хочет!». Кастильо («Борода», командир взвода) два раза присылал за Гончаренко, тот не пошел, а пошел к врачу и получил освобождение на неделю.

16 марта. Скала Дьявола. Постройка хода сообщения на Медиа-Луна идет полным ходом, работа шла ночью, саперы закладывали взрывчатое вещество и к шести часам вечера вся траншея обозначалась десятками взрывов. Наши так осмелели, что рабочие роты стали работать днем на виду у противника.

Сегодня утром красные открыли огонь из гаубиц по работавшим — был один убитый и трое раненых — из них два сапера. Взвод охранения, под командой сержанта Кабрехос (произведен в сержанты за свой огромный рост, глуп невероятно...) разбежался, пленные залегли в

окопах. Красные перенесли огонь на нашу кухню, потом на наши землянки, но снаряды вроде как-то скользили по склону горы, один снаряд 120-миллиметровый чуть не попал в Сальникова, но скользнул по скале и не разорвался — мы потом осматривали снаряд, остался лежать.

17 марта. Приехал Пылаев из госпиталя из Сарагоссы, говорил, что мог там лежать, сколько угодно, но услышал, что мы под Валенсией, среди апельсиновых рощ и купаемся в море... Был разочарован, узнав, что у нас в землянках ночью вода замерзает. Приехал полковник, начальник сектора, со своим штабом на нескольких автомобилях, к его приезду поправляли дорогу. Получили письмо от «Фронтес и Госпиталес» (организация помощи фронту), с запросом — получили ли мы от Болтина посылки, 200 килограмм подарков, собранных в Германии, Париже и Бельгии. Мы от Болтина с самого Рождества писем не получали. Тениенте Кривошея вызвал на совещание Кабо и меня, как очередного ехать в отпуск — всеобщее возмущение, мы недоедаем, сидим без табаку, без мыла даже, национальные организации собирают для нас необходимое (хотя мы и против этого...), а Болтин сидит в тылу и не заботится о нас, Решили, что когда я поеду в отпуск, то повезу письмо Болтину с просьбой приехать или же прислать посылки. Капитан Висенте спросил Кривошею «где Болтин?», тот ответил, что не знает. Капитан предложил вытребовать Болтина при помощи военных властей, но Кривошея отказался от подобной меры. Белина несколько дней тому назад вызвали в Штаб Армии, а через три дня, сегодня он вернулся. Там в разведке ему показали письмо от Саввина, присланное в конверте без штемпеля из Бургоса из контрразведки. Письмо по-русски и переведено на французский язык. Спрашивает Саввин Белина: на каком основании он передал старшинство по РОВС'у Болтину, которое ему было вручено генералом Миллером? Саввин требует от Белина, чтобы он ему прислал всю переписку с генералом Миллером и сведения о всех русских, находящихся в нашем Терсио. В Штабе Белин рассказал о генерале Миллере, который хотел собрать возможно больше русских добровольцев в Армии генерала Франко, что он — Белин Саввина не знает

и никакой переписки с ним вести не собирается, так как мы подозреваем, что Саввин — агент Скоблина и сделал все возможное, чтобы не допустить русских в Армию генерала Франко. Есть даже слухи, что Ген. Миллера похитили потому-что он слишком усердно хотел направлять русских к Генералу Франко. После его похищения, приезд русских прекратился — видно кто-то саботировал. Видно советчики очень боялись большого количества белых русских в Армии Ген. Франко и пожертвовали такими ценными агентами, как Скоблин и Плевицкая.

25 марта. Католическое Благовещение, которое не праздновали, а утром были занятия. После полудня повалил густой снег. Говорят, что получено разрешение на мой отпуск. Кривошея дает из общих сумм 50 пезет, у меня есть 25 пезет и «Папа» за десять дней выдаст по 3 пезеты в день. Из терсио Наварра т. к. фронт Бадахос был ликвидирован, приехал Ковалевский, где он был пулеметчиком и здесь был назначен в пулеметную роту. Снег и мороз, сильный ветер — мы на высоте в 1.800 м.

27 марта 1939 года. Вчера вечером всё наше Терсио ушло на позицию Медия-Луна сменить 73-й пехотный батальон, который уходит в наши землянки — говорят, что только на сутки, так как пехота должна сменить немецкие винтовки на испанский Маузер. Шли мы в темноте километров шесть, дорога идет оврагом, потом лоциной, потом по скату горы, местами стенки из камня. Поднялись на бугор — там целый лабиринт окопов с каменными брустверами, тут-же землянки из камня. Меня сразу-же поставили на пост часовым: навес, окопчик и ящик ручных гранат. Я потихоньку закурил, спрятав папиросу под шинелью, не зная, что в 80-ти метрах против меня, красный часовой. Сменился — наше отделение с Зелимбеком помещается в землянке из камня, дров нет, жжем корешки и стебли травы. Утром я вышел посмотреть — до окопов красных первой линии метров 150-200, посты для часовых метров 80, так что я мог даже попросить огня у красного часового... Первая линия наша и красных по неписанному словию не стреляют друг по другу. Между нами и ими проволока в несколько рядов. Утром

наши вышли за проволоку, красные тоже. Начали мирно разговаривать. Вышел и «Папа». Наши «чики» давали табак и в обмен получали апельсины. Красные все из мобилизованных, воевать не хотят. Говорят: уходите в свои окопы, а то во 2-й линии коммунисты, еще начнут стрелять по вам. Весь день сыро, временами идет снег. Дров нет, так как войска здесь стоят уже год. Хотел постирать носки у фонтана — пошел снег, руки окоченели. Начали ломать заброшенную землянку, чтобы добыть топлива, но солдаты сказали, что вечером придет пехота в эти землянки, я им ответил, что война скоро кончится.

28 марта. Скала Дьявола. Вчера вечером пехота возвратилась и сменила нас, а мы ушли в свои старые землянки. Дрова наши сожжены. Спали с наслаждением, попивая кофе, так как воду с собой привезли с Медия-Луна. Утром мимо нас пронесли около десяти убитых и раненых пехотинцев. Оказывается, они по обыкновению вышли из своих окопов брататься и красные бросили в них несколько ручных гранат. Их спросили: «Почему», они ответили: «Мы ошиблись, так как думали, что это вчерашние рекете, так что извините»... (наши рекете были в окопах без красных беретов). В виде репрессий, наши по всему участку фронта открыли стрельбу по красным. Наши ругаются, что никто не хочет идти за водой и дровами. Я часто ходил по брошенным окопам и собирал не растаявший снег. Нередко из-под снега торчали руки и ноги убитых в прошлом году. Под вечер я вышел из землянки, взобрался на вершину горы и огрызком пилы напил сосновых веток — тоже дрова, хотя и не горят, а лишь дымят.

После обеда распространился слух, что наши войска входят в Мадрид. По всему фронту слышно ура и тысячи разрывов ручных гранат в знак радости. Под вечер Зелимбек и Юренинский последовали моему примеру и поднялись на вершину горы (метров 200 от нас), чтобы нарубить кустарника для отопления, но неожиданно красные пустили по ним очередь из пулемета, наши успели броситься в окоп и все окончилось благополучно. Это были последние выстрелы испанской войны.

РАЗВАЛ ФРОНТА КРАСНЫХ

29 марта 1939 г. Позиция на Скале Дьявола. Утром, как всегда, мы пошли метров за 500 от наших землянок на кухню за кофе. Смотрим — с гор спускаются большие группы людей — одна за другой. Это пехотинцы конвоируют красных, перешедших в наши окопы. До 9 часов утра, прошло три группы человек по 200, а вдали с гор спускались бесконечные вереницы. В 10 час. утра построились, чтобы идти на занятия, но получен приказ — со всем имуществом отправиться к интендантству. Там мы получили хлеб, консервы, фасоль с колбасой и яблоки. В долине около интендантства тысяч пять пленных. Они рассказывали, что их офицеры и комиссары сбежали ночью, а солдаты, попив кофе, собрались на митинг и решили с оружием и мулами и кухнями перейти к нам. Нам русским дали сопровождать первую партию человек в 500 в деревню Эль Торо за 20 с лишним километров. Привели пленных в деревню, сдали их, поели супу в инженерной роте и «Борода» нас повел обратно на позицию. По дороге бесконечные вереницы пленных, конвоирных не хватало и группу в 500 человек конвоировали наши по пять-шесть рекете. Обратный путь сплошной подъем, мне удалось подъехать на камиионе. Около интендантства лишь «Папа» с офицерами, все в разгоне. У всех радостные лица — война окончена. Наша победа! Если наша Белая Борьба окончилась нашим поражением, то здешняя война над нашим общим врагом окончилась победой над красными. Мы от души радовались.

На горе у интендантства пошел густой снег хлопьями, мы попрятались в ямы, развели огромные костры, благо кустарника было в изобилии. Поужинали, но заснуть не удалось, так как снег нас засыпал, густой и мокрый. На помощь нам прибыло терсио Нумансия и нас освободили от обязанности конвоировать пленных.

30 марта 1939 года. В три часа утра нас разбудили — да и спать было невозможно, так как навалило с полметра снега, а мы на воздухе. В 5 час. утра мы выступили, подошли к своим землянкам — там стоит батарея орудий в 75 миллиметров. В 6 час. утра подошли к своей позиции на Медиа-Луна, прошли свои окопы, подошли к проводочным заграждениям в несколько рядов, открыли в них

проходы, шли по тропинкам, везде масса неразорвавшихся ручных гранат. Красные позиции построены французскими военными инженерами — бетонные бункеры — их брать было бы не легко...*

Вьюга, сыро, мы совершенно мокрые. Гора высотой в две тысячи метров. Стали спускаться, местами на карачках, местами на собственных салазках. Наконец вершина горы осталась позади — оглянулся, а наверху снежный вихрь, а нам чем ниже, тем теплее. Спускались два часа. Постепенно стали растегиваться, даже бросать лишнее барахло. Весна — в долине всё цветет — гелиотропы, розмарины, райское благоухание. Везде красные окопы, брошенные около них кухни, масса всякого добра, большой котел с намоченным горохом, горы апельсиновых корок, а мы их два года не видели... Первая деревня — Ля Поблета, там уже стоят грузовики и автокары наши, прибывшие по шоссе. Мы поспали в сарае на соломе часа два и пошли через горы за 18 километров в деревню Игеруэла. Наши стали постепенно отставать (те, кто любили выпить...). Показалась деревня вся в садах, в цвету и в виноградниках. Стали спускаться с горы террасами, повели наступление на деревню, оттуда раздалось несколько выстрелов. Раздался колокольный звон — жители высыпали нам навстречу, радостно приветствовали. Стали угощать прекрасным вином. Здесь стоял штаб 13-го корпуса красных, взяли несколько сот пленных. Нас было загнали в пустую ободранную церковь, где красные устроили столярную мастерскую, а иконы сложены под навесом. В деревне стали продавать вино — по пезете литр, это первые национальные деньги для местных жителей. Нас завалили апельсинами. Ночевали мы в цветущих благоухающих садах, почти не прикрываясь. Стали выбра-

* Интересно заметить, что по этой же дороге шло войско Эль Сида в XII веке на Валенсию, куда он пришел из Толедо пройдя в Альбарассин, три года там собирал рыцарей-хидальго и выступил по этой дороге на осаду Валенсии и изгнание оттуда мавров (так и называется «Старая дорога Эль Сида» — в отличие от новой из Теруэля в Валенсию). В 1972 году я ехал из Альбарассина в Кастельон по этой старой, полной булыжников дороге. Сплошные серпентины — вокруг развалины мавританских террас и каналов орошения — при маврах тут были миндальные сады в миллионы деревьев. Из этого миндаля до сих пор выделяется знаменитый Толедский Марципан. — Прим. Издателя.

сывать лишнее барахло — фуфайки и вообще теплые вещи. Наша кухня раздобыла прекрасные новые котлы.

31 марта 1939 года. Провинция Валенсия. В 9 часов утра вышли из деревни Игеруэлас по шоссе, дошли до деревни Вильяр дел Арсобиспо (Дача Архиепископа) — это большое село, вроде нашего уездного города. Прошли 8 километров. В деревню не заходили. Около деревни брошен огромный трактор с надписью большими буквами «Сталин», советской продукции. По шоссе Шельва-Валенсия нам навстречу движутся бесконечные вереницы красных, бредущих с нагруженными мулами и повозками. Их никто не трогает и ими не интересуются. Масса брошенных автомобилей. Пришли в деревню Лоза дель Обиспо (надгробная плита Епископа). В этой деревне три дня назад, жители подняли восстание, разоружили две тысячи красных, оружие снесли в дом около церкви, разоренной и ободранной — там какая-то мастерская. В комендантском управлении склад оружия, канцелярских принадлежностей и санитарного оборудования. Мне пришлось стоять два часа часовым и можно было выбрать прекрасный пистолет — но зачем он мне? Нашел много продуктов (то, что не успели растащить жители): горох, корнбиф, шоколад отвратительного качества. Жители нацепили фалангистские значки. По деревне патрулирует местная вооруженная самооборона. Мы вошли в деревню первые, нас встретили колокольным звоном, угостили прекрасным вином. Здесь были интендантские склады и жители растащили огромное количество белья, простынь. Тысячи красных движутся непрерывно по шоссе, а также и по горам (это видно партийные, которые боятся показаться в деревню): Их никто не трогает, никто их не спрашивает — их направляют в контрольные пункты, там им выдают документы и направляют на их местожительства — а там местные власти разберутся, кто прав, кто виноват.

АПРЕЛЬ 1939 года. Провинция Валенсия

1-го апреля. Лоза дель Обиспо. Чудная погода. Утром Терсио построилось на площади около церкви, была месса на открытом воздухе, так как церковь ободрана и ико-

ны под навесом недалеко от церкви. Алькальд (староста) деревни благодарил нас за освобождение от красных и сказал, что отныне главная площадь деревни, будет носить название «Площадь Рекете Терсио Донья Мария де Молина». Несем караулы: у церкви и у склада оружия, где находится две тысячи чешских винтовок, 15 пулеметов и масса снаряжения — патронташи, ручные гранаты, сигнальные ракеты и так далее. Караулы на шоссе у входов в деревню. Пленных в деревню не пускают, а направляют на контрольные пункты в Шельву и Валенсию на предмет регистрации. Деревенская самооборона куда-то ночью исчезла вместе с оружием. Испанцы даже не вылавливают коммунистов, а оставляют на будущее.

2 апреля. Воскресенье. Получили последние испанские газеты и в них официальная сводка: «Красная армия развалилась, все главные пункты страны заняты национальными войсками. Война кончена». 1 апреля 1939 г. Подписано: «Генерал Франко».

3 апреля 1939 г. Понедельник. Красные бредут по шоссе день и ночь, наши не трогают ни офицеров, ни комиссаров, ни бойцов интернациональных бригад, которые между побежденными, конечно, имеются. Наше Терсио предполагали послать в Аликанте и Мурсию, но война окончена. Кормят хорошо, так как здесь стояло корпусное интендантство и все запасы захвачены нами, особенно много консервов разных стран. Чудное вино по 60 сентавос литр — в первый день продавали литр по пезете, но командир Терсио приказал продавать по интендантской цене. У крестьян белый хлеб. В деревню вернулось много жителей, служивших у красных. До нашего прихода крестьяне успели растащить интендантские склады и теперь по ночам увозят куда-то. Начальство не обращает на это никакого внимания — а ведь добро-то казенное... Вызвали желающих управлять грузовиками, которые должно получить Терсио, вызвались Пальчевский, Тоцкий и Гурко. 73-й пехотный батальон, бывший в нашей деревне, куда-то ушел, на его место прибыло Терсио Сантьяго, сформированное из бывшей нашей 4-й роты.

6 апреля. Лоза дель Обиспо. Идут разговоры, что мы будем участвовать в Валенсии в параде для войск пер-

вой линии, потом нас отправят в Мадрид. Тоцкий и Гурко получили документы об освобождении от военной службы, сели в камион и уехали в Сан Севастьян. У Гурко имеется пезет 200, у Тоцкого ни сентавосо.

8 апреля 1939 г. Наша Страстная Суббота. Настроение у всех неважное — «Нынче Пасха без яйца, лампадрица-го-цаца (галлиполийская песня). Утешаю других, что Болтин приедет, так как он всегда приезжает в табельные дни. У него огромное количество подарков для нас от русских национальных организаций. Хотели послать меня, так как моя очередь ехать в отпуск, я отказался, не желая расставаться со своими. Предложили Голбану, он тоже отказался. После обеда Пальчевский со мной на грузовике объездили окрестности — масса брошенных автомобилей, гаражи и бензинные станции, всё это без всякого присмотра. Пальчевский отвинтил от разных автомобилей много запасных частей. Вернулись в Лоза дель Обиспо — сюрприз: приехал Николай Николаевич Болтин. Капитан Кривошея долго его отчитывал за то, что он давно не писал и допустил, чтобы о нем ходили неприятные слухи. Мы русские поместились в пустом здании школы, отдельно ото всех. Собрались вечером, спели «Христос Воскресе», яиц достать не удалось, но Болтин привез балтийских шпрот, португальской водки, много консервов и 130 килограммов гречневой крупы — подарок полковника Щавинского из Парижа.

9 апреля — наша Пасха. Весь день сидели у накрытого стола. Пришли наши офицеры, но у них были кислые физиономии. Были все наши сержанты, пришли баски нашей роты, питающие дружбу к русским и сторонящиеся испанцев. Я затащил знакомого нашего сержанта Терсио Сантьяго, оказавшего нам услуги в Ориуэле. На улицах вроде хоровода: местные девушки бросают друг другу горшки, та, которая не поймает и горшок разобьется, в этом году замуж не выйдет. Подвыпивший Сережа Бриллиантов вытащил на улицу все бывшие у нас горшки, кувшины и даже тарелки и вдребезги расколотил всё.

10 апреля 1939 года. Лоза дель Обиспо. Второй день Пасхи. Утром и после обеда занятия — изучаем испанские песни под ногу. Испанцы не умеют маршировать

под песню и наши их обучают, но ничего не получается.

Болтин сделал доклад о своей поездке. Общее желание: война кончилась и теперь нужно думать об устройстве, так как нам-добровольцам в Армии делать нечего. Возможна скорая демобилизация. Желательно получить отпуск месяца на два-три с сохранением содержания на предмет подыскания службы. Во Францию возвращаться невозможно, ибо там левое правительство, которое нам не простит участия в Армии генерала Франко, да и мы симпатии к французам не питаем, тогда как в Испании, мы себя чувствуем как дома. Болтин мечтает нас представить генералу Франко. Желательно побывать в Памплоне — столице Наварры и колыбели карлистов. Генерал Архангельский обещает нам деньги на костюмы при содействии баронессы Врангель (увы, деньги и костюмы где-то «затерялись» и мы их никогда не видели).

11 апреля. Светлый Вторник. Николай Николаевич Болтин выдал мне английский фунт, посланный мне Спиным год назад (53 пезеты по курсу), а также 150 франков от Корниловцев — $43\frac{1}{2}$ пезеты. Нас двое Корниловцев — я и Боярунас, а также двое молодых — Сальников и Гурко. 43 пезеты нужно поделить на четырех, но Боярунас отказался на том основании, что он два года назад послал письмо полковнику Трошину, старшему Корниловской группы в Париже и ответа не получил. Боярунас — литовец, а литовцы очень честные, в России они были надзирателями в тюрьмах, так как отличались неподкупностью. Пришлось разделить деньги на троих. Завтра уезжают Болтин и Голбан. Всякие занятия стали бессмысленными.

12 апреля 1939 г. Болтин и Голбан уехали хлопотать о нашей отставке. Мы должны получить из Германии значки за испанский поход: 1-ая степень с мечом участникам войны, второй степени без меча — тем, кто содействовал нам, в Германии и Бельгии. В деревне происходит «чистка», арестовали десяток крестьян и врача, у которого поместились наши офицеры, их отправили в Вильяр дель Арсобиспо (уездный город). Ночью рекете, под руководством «Бороды» устраивают облавы и засады — вылавливают тех, кто избегает передвигаться днем.

Местные девушки перестали танцевать с нашими рекете — мечь за «чистку».

13 апреля. Четверг. Лоза дель Обиспо. Мы, русские, сегодня в карауле, два поста на шоссе и у комендантского управления. Обязанность — проверять документы у всех. Вчера наша рота шла с занятий и навстречу нам полковник, командир нашего сборного полка. Полковник произнес краткую речь — благодарил рекете за службу, говорил о необходимости держать воинский вид и не держать руки в карманах. В это время подошел командир терсио майор Монтальво, у которого всегда руки глубоко засунуты в карманы — полковник ничего не сказал, но укоризненно посмотрел на майора. Эти дни мы стараемся не ходить на занятия — нам дает освобождение санитар Мишка: дает выпить какой-то дряни, мы шли домой и варили гречневую кашу. На днях наши играли в карты, а Голбан взялся варить кашу. Я предложил свои услуги, так как в Париже наши дамы научили меня варить гречневую кашу, а это не так легко. Голбан отверг мои услуги. Достал высокий глиняный горшок, насыпал крупы, налил воды и поставил на огонь в очаге, а сам сел в карты играть. Часа через два он вспомнил о каше и предложил ее есть. Я наблюдал и молчал. У стенок горшка каша съедобная, а посреди от верху до дна, столб сырой гречневой крупы — он не догадался помешать. Послали за вином, ели полусырую кашу и праздновали победу. Благодарили «доктора» Мишку, говоря, что он самый лучший врач в мире. Но капитан как-то взял книгу с записями освобожденных от службы по болезни и увидел огромное количество «больных» и угрожал нашего «доктора» Мишку избить палкой, которая всегда была при нем. Крестьянам воспрещено продавать вино рекете, но нам алькальд отпускает по несколько литров прекрасного вина в день.

14 апреля. Чудная весенняя погода. Утром тронулись в поход (ушли в знакомую нам деревню Игируелас. Проходили мимо Вильяр дель Арцобиспо, там стоят мавры и пехота. Терсио Сантьяго ушло в Валенсию, их командир майор умеет постоять за себя. Мы пошли с визитом к знакомому нашему сержанту, артельщику терсио Сан-

тияго, он нас снабдил хлебом, сахаром и кофе. Их майор заботится о питании своих солдат, а наш «Папа» заботится об экономии, так как у него семья в Сарагоссе. Майор к нам, русским, питает большую симпатию. Он видно участник войны в Марокко и у него много орденов.

15 апреля. Игеруелас. Переночевали в знакомой нам деревне. Утром пошли на занятия — всё же развлечение. Здесь стоит батарея 75 мм., они заняли лучшие помещения. Вечером сообщили, что 1-я наша рота отправится в Валенсию на парад (как самая старая рота). Поедем через Лоза дель Обиспо.

16 апреля. Подъем в 6 часов утра, до 8 ждали прибытия грузовиков. Некоторые из наших изъявили желание остаться, чтобы дать возможность молодежи участвовать в параде. Сегодня мой день рождения — 42 года. Я раскошелился, купили вина, раскрыли коробки консервов и в ожидании камионов немного выпили за мое здоровье. Тронулись в путь. От Лоза дель Обиспо шоссе как стрела, среди виноградников и оливковых рощ. Слева горы, где мы провели последние два месяца. До Лирии, места нашего назначения, 40 километров. Лирия — одно из древнейших римских поселений в Испании, хотя никаких следов римлян не сохранилось, ныне город тысяч десять жителей. Расположились в сарае. В городе тысяч пять войск, которые будут готовиться к параду в Валенсии, в присутствии генерала Франко. От Лирии до Валенсии 25 километров, две дороги — одна электрическая, другая паровая. Масса апельсинов, три кило одна пезета — больше ничего купить нельзя.

17 апреля. Лирия. Стрелка часов переведена на час вперед. Подъем в пять часов утра — еще темно. Кофе в 5.30, в 6.20 выходим из города, идти час. Место занятий — бывший красный аэродром, для его оборудования красные уничтожили большое количество виноградников и оливковых рощ. С 6 до 11 утра занятия: ружейные приемы и репетиция церемониального марша — командует подполковник Легиона, под музыку — оркестр рекете. В 11 часов уходим с поля домой. В 12.30 прекрасный обед — мы прикомандированы к Терсио Сантьяго, состав которого три роты и пулеметная рота. Здесь же находятся:

Терсио «Христо Рей (Царь Христос) — 4 роты и пулеметная, Терсио «Альказар» такого-же состава. На занятиях присутствует генерал Рада, боевой генерал. Чудная погода, купаемся в канале для орошения с бетонным ложем. В сарае в соломе невероятное количество блох, некоторые бросают в солому апельсиновые корки, но это мало помогает. Пища прекрасная, майор за этим следит.

18 апреля. Наши части маршируют неплохо. Кроме рекете есть еще батальон тяжелых пулеметов — 48 пулеметов, проходят они медленно, их называют «гробовщиками». Говорят, что в Иегеруеле оставшиеся роты заняты тем, что в горах вылавливают красных — это всякие партийные, которые опасаются возмездия, если возвратятся на свои местожительства.

20 апреля. Лирия. Наша рота уже втянулась в марширование в поле. Шли с занятий — наша рота плохо пела. «Папа» арестовал сержантов за плохое пение, а Фернандес весь свой взвод. Три дня купались в канале, а теперь стало прохладнее. Караул только при входе в сарай.

21 апреля. Воскресенье. Отдых, подъем в 8 утра. После обеда мы самодралом отправились в Валенсию, благо проезд бесплатно. Красивый город, есть продукты в магазинах, много вина. Побродили по улицам, посидели в кафе и вернулись к ужину в 9 час. вечера, народу было мало. Некоторые «Чики» вернулись в 11 часов вечера, «Папа» ругался, но без последствий.

24-го апреля. Лирия. Занятий в поле стало меньше. Подъем в 6 час. утра, меньше марширования. Наши чики способный народ: прекрасно копируют нас, приучаются к церемониальному маршу. Поговаривают, что нам предстоит целая серия парадов: 8-го мая в Валенсии, 15-го мая в Бургосе и 30 мая в Мадриде — наше Терсио превращается в гастролеров...

28 апреля. Приехал генерал Рада и выразил свое недовольствие результатами маршировки. Дело в том, что наш майор заболел и вместо него слабым голосом командовал какой-то капитан. Майор обещал начальству, что его Терсио постарается.

29 апреля. Вышли в поле, захватив с собой ложки и тарелки (в испанской армии не котелки, а глубокие алюминиевые тарелки). Обедали в поле. В 4 часа дня прибыл генерал Варела, командующий фронтом Леванте (восточным). Наш майор великий психолог: он сказал перед строем своего батальона: «Если вы плохо пройдете, то мне остается одно — застрелиться». «Я знаю, что вы постараетесь»... И действительно, наши арагонцы прошли перед генералом, взявшись за штаны и штыки, генералу Варела так понравилось, что он захотел, чтобы еще раз перед ним прошли церемониальным маршем. Наши «чики» (парни) были в восторге и уходили с поля веселые. Майор им повторял: «Равняйтесь по русским, это старые солдаты». Во время прохождения мы их цукали, дергали за штаны, не давали вылезать вперед и заставляли равняться — прошли прекрасно.

30 апреля. Лирия. Утром Терсио ходило на мессу на площадь у собора, разгромленного красными. Священник служил на балконе второго этажа. В три часа дня ушли на станцию электрической железной дороги и проехали километров двадцать, ближе к Валенсии. Все Терсио — Альказар, Христо Рей и Сантьяго, при котором мы в качестве четвертой роты, расположились в какой-то большой школе рядом с парком, вблизи дворца средневекового патриарха. Разместились очень тесно. Сантьяговцы поймали в Годеле своего дезертира, который в Баньосе «у Дуньки») убил в карауле своего кабо и с двумя солдатами сбежал к красным. К нему приставили караул. Немного погодя Терсио Сантьяго и мы в качестве его 4-й роты, перешли за два километра к самой станции железной дороги Годелья. Пошел ливень и спрятались в какое-то кафе, тоже было очень тесно. На наше счастье подошел к нам какой-то рабочий и предложил поместить у себя человек шесть — мы все четырнадцать русских пошли к нему — приличная квартира, милая семья, нам на полу постлали матрасы.

1 мая. Годелья. Чудная погода, прекрасная квартира — в первый раз за два года мы очутились в семейной обстановке. Милые хозяйка и две дочки — младшая Милягрос и старшая красавица Пепита, но небольшого роста,

так как во время красных питание было мизерное. Мы делились с ними нашей пищей, которую мы получали в изобилии. Хлеб необычайно белый — вероятно из рисовой муки, очень вкусный. В саду фонтан и несколько лимонных деревьев — одновременно цветы и плоды на длинейших тонких ветках — свои лимоны. Напротив сад с пнями лимонных деревьев. Сегодня отдыхаем. Васька Кривошея надрался и пошел на улицу, набил морду нескольким маврам (регулярес), в том числе и ихнему сержанту. Васька провел 5 лет во Французском Легионе и ненавидит по традиции арабов. Ваську мавры чуть не зарезали. Прибежали наши баски и сообщили нам, что наш Васька в опасности. Пол-роты выскочило на помощь, окружили арабов и стали их успокаивать. Мне долго пришлось вести дипломатические переговоры, пока Ваську постепенно выталкивали из толпы и удалось увести домой. Обошлось всё благополучно.

2 мая. Годелья. Утром час строевых занятий, во дворце, где помещалась техническая военная школа. Репитиция церемониального марша. Подполковник остался очень доволен. Терсио Сантьяго выдало всем новые ботинки, штаны, гимнастерки, красные береты и нащлепки к ним, кисти (для рядовых желтые, для кабо красные, сержантам зеленые и офицерам белые). К ним белые носки, бурбонские кресты и белые распятия («папская гвардия», как мы называли рекете). Красили патронташи и ремни в красно-коричневый цвет, а сапоги в черный цвет.

3 мая. Среда. В 5 часов утра нас разбудили, выдали кофе и в 6 часов утра выступили в Валенсию. Было еще темно — стрелка на час вперед. По дороге нас обогнали части Легиона и несколько таборов (батальонов) мавров, которые почему-то указывали пальцами на Боярунаса с седой бородой и кричали «чабани» и смеялись. В Валенсии мы остановились на улице Аламеда около реки. Вся мостовая была разрисована — местонахождение воинских частей. Мимо нас проехал генерал Варела, потом конвой Генералиссимуса и наконец, проехал генерал Франко под восторженные крики войск и толпы. Потом мы двинулись вперед по улицам — население нас востор-

женно приветствовало. С балконов, разукрашенных коврами и тканями на нас сыпался дождь лепестков роз. В центре города на балконе генерал Франко, прошли мимо него прекрасно церемониальным маршем — прошло 60 тысяч бойцов первой линии. На этом месте поворот и наши проходили заходя плечом безукоризненно, прямо как по струнке — наши «чики» шли равняясь, держась за штаны соседей. Когда я был в Николаевском пехотном училище, мы проходили в день освящения знамени перед Императрицей Марией Феодоровной пожалуй так, как наши рекете, прошедшие войну на позициях. Наше Терсио Сантьяго и наша рота так отличились, что наш командир майор был приглашен на обед к Генералиссимусу. Впереди каждого Терсио рекете шел священник (капеллан) и нес огромное деревянное распятие метра в два высотой и на груди каждого рекете маленькое распятие из белой материи. Мы прошли по всему городу и вышли на окраину — четырехэтажные дома по одной стороне улицы, а по другой — поля засеянные пшеницей. Это рабочий квартал — пролетариат, который нас провожал без приветствий угрюмыми взглядами. В 2 часа с половиной мы возвратились в Годелью, получили прекрасный обед, по пять пезет на брата за участие в параде и по билету на бой быков — мы пошли, но уже было поздно, поэтому посидели в кафе и побродили по городу.

4 мая 1939 г. Четверг. Годелья. Отдыхаем, от нечего делать играем в девятый вал, приглашают Пепиту и ставят за нее, чтобы она выиграла. Здесь циркулируют серебряные монеты. Гуляем, пьем прекрасное вино. Табак и папиросы в бывшей красной зоне спекулянты продают на 10 сентавос дороже. Товаров нет почти никаких. Пара носков 2 пезеты, дешево иголки и нитки, выходная рубашка 10 пезет, но пищевых продуктов нет. Пепите, дочке хозяина, 16 лет, но выглядит она как 12-и летняя девочка — три года красного режима сказались, недостаток питания. Хозяева вместо хлеба едят земляные орешки, вроде наших фисташек, мы их подкармливаем.

6 мая, суббота. Рота собралась у вокзала в ожидании поезда. «Папа» распорядился сварить обед, а сам уехал в Валенсию. Мимо нас на грузовиках Терсио Альказар

проехало в Лирию, а мы неизвестно куда и когда поедем. Около вокзала скверик с памятником какому-то местному композитору. Наши «чики» болтаются по улицам и одного помял грузовик — отправили в госпиталь в Валенсию. Здесь райский климат, прямо наслаждение. В Эстанко (табачная лавка) продают табак красного производства — дрянь необычайная, но приходится курить, упаковка тоже ужасная. Наконец на третий день Терсио Сантьяго и мы погрузились в грузовики и разделились — три роты Сантьяго уехали в какую-то деревню около Чельвы, а мы снова в Игеруелу, на старое место в свое Терсио.

8 мая. Деревня Игеруэла. Провинция Валенсия. Переночевали и утром нас сразу-же запрягли в караулы — ежедневно в наряде три взвода, 48 человек.

Мы в карауле арестованных, в отдельной хате 9 чел., из них три бабы. Ходят слухи, что на днях будут уволены со службы возрасты 1939-40 и 41 годов и те, кто старше, останутся лишь военнообязанные. Тениенте Кривошея уехал в штаб генерала Варелы посетить генерала Шинкаренко. Приехал из отпуска Голбан — уехал на 10 дней, пробыл месяц, начальство ругается, а нам безразлично. Реально — нам обещают испанское подданство и мы уедем в тыл и будем давать концерты в пользу сирот войны (мы устраивали много спевок, получился приличный хор «безголосых»). По утрам строимся, выходим в поле и ничего не делаем — комедия... По средам занятий нет — стирка. По слухам на днях наше Терсио переедет в район Теруэля, где будет сосредоточена вся наша дивизия.

13 мая. Вчера получили телеграмму — Трингам сообщает, что к нам едет священник: «Едет священник, что с ним делать?»... Священник евлогиевской юрисдикции. Во время войны митрополит Евлогий отказался прислать священника, «не желая вмешиваться в политику». Возможно, что это попытка взять в свои руки приход, который может образоваться в Мадриде. В свое время, мы написали полковнику Щавинскому, что мы не желаем Евлогиевского священника. Наш обоз на мулах отпра-

вился в Мора де Рубиелос, нашу будущую стоянку, туда 120 километров. Приехал Пальчевский на новом камионе, отпущенном для нужд Терсио, он будет ездить в интендантство за продуктами. В Чельве хоронили кабо патруля, убитого красными — он спросил документы у какого-то типа, а тот бросил бомбу, было убито двое и ранено четыре.

15 мая. Осмотр оружия: у нас у русских у каждого по 100-150 патронов, а у некоторых «чиков» по десятку, выбросили, так как война окончена. «Папа» ругался и выдали каждому, чтобы было по 150 патронов. В Мора де Рубиелос, куда мы поедем, в горах беспокойно, на днях красные убили двух солдат. В горах шайка красных, человек в сорок, заходит в деревни и грабят. От нашего Терсио уволено в запас 58 человек, от нашей роты девять.

16 мая. В 6 часов утра подъем, в 7 утра со всем барахлом вышли из деревни, на шоссе нас ждало 25 грузовиков, через час остановились у деревни Игеруэла, часа три ждали цистерну с бензином, да час прошел, пока наплатили 25 грузовиков. К вечеру прибыли в Мора де Рубиелос — это вроде уездного города, город старинный, на горе старый замок, внизу речка, мосты все взорваны, много хороших домов, огромная церковь, вся ободранная красными (впоследствии была объявлена историческим памятником) — место очень живописное. Приказано с темнотой выходить с холодным оружием и не меньше, чем по два человека.

17 мая. Среда. Мора де Рубиелос. С утра мы все в карауле — от нас два караула у выходов из деревни и патруль. Приказано ночью останавливать всех, требовать документы, даже у одиночных: «Манос арриба» (руки вверх!), а если их несколько, то требовать подмогу.

18 мая, четверг — католическое Вознесение. Все Терсио ходили в церковь и там стояли с оружием и надетыми красными беретами. Все стены ободраны, только на стене маленький барельеф архангела. Днем гулянье и танцулька. Осматривали замок и разоренное кладбище —

памятники повалены и разбиты, некоторые могилы разворочены — «режим пролетариата»...

На входной двери замка прибита женская коса — в замке сидит арестованная коммунистка и по испанской традиции у нее отрезали косу и прибили к двери. Мы, русские, помещаемся в отдельном доме. На следующее утро должна была отправиться в горы карательная экспедиция, но отменили, так как в этот день в Мадриде парад победы. На площади у алькальди (местное самоуправление) была манифестация, потом бродили по улицам города. Нам сообщили, что в Сегорбе (около Кастельона) умер от разрыва сердца наш протопоп отец Хозе-Мария: он поехал проведать своего брата, настоятеля местного собора, и там узнал, что красные его убили и наш протопоп скончался от потрясения. Мы очень жалели старика, был прекрасный человек, прекрасно относился к нам и преподавал нам испанский язык. Штаб дивизии прислал два грузовика, для делегации от Терсио на похороны протопопа в Сегорбе, от нас должен был уехать тениенте Кривошея, местный врач предложил свой автомобиль, но поехали «Борода» и майор Монтальво. По телефону со станции жел. дороги позвонил полк. Болтин, что приехал священник. Наш камион после обеда привез из Теруэля отца Никона, из церкви на рю Дарю в Париже, бывшего полковника лейб-гвардии Московского полка, ныне Игумена. Я с Павлом Зотовым были в карауле около кладбища, Болтин и о. Никон посетили нас и отец Никон благословил развороченные могилы, многие гробы были открыты.

22 мая. Мора де Рубиелос. Утром нас сменили. В 10 часов утра повели Терсио в церковь на панихиду по отцу Хозе-Марии, мы пошли, а потом готовились к своей церковной службе. Прибрали квартиру, была литургия, панихида и молебен. Мы все исповедывались и общались, служба окончилась около часу дня. От туземцев присутствовал лишь мексиканец Сан-Хуан, студент, нашей конной разведки. Была общая трапеза, весьма оживленная. Отец Никон вспоминал свое прошлое. Болтин привез знаки Русского отряда, подарок нам от русской колонии в Германии: первая степень с мечом — это комбаттантам, а вторая степень — без меча — для лиц,

нам содействовавшим.. Отцу Никону преподнесли знак 2-й степени. Знак — белый щит, на нем Российский двуглавый орел, полоса испанских национальных цветов и меч.

Болтин хлопочет: Всех русских произвести в сержанты по Армии, двухмесячный отпуск с сохранением содержания, чтобы иметь возможность устраиваться, испанское подданство и боевые награды: военный крест и кресты за военную доблесть. В тылу предполагается давать концерты в пользу сирот войны, под покровительством супруги генерала Франко. Это всё было проведено в жизнь. Отпуск желательно провести в Наварре, в столице карлистов Памплоне. Итальянцы обещали выдать всем нам полное обмундирование. Сальников произведен в подпоручики Корниловского полка (права), а Клименко в корнеты Клястицкого гусарского полка. Полковник Кондратьев, командир Корниловцев хочет представить всех нас к награждению Орденом Святого Николая 2-й степени. Контр-адмирал Графф предлагает составить список для награждения Великим Князем Владимиром Кирилловичем Российскими орденами (он является канцлером Российских орденов). Отец Никон обещал поддержать это ходатайство — но из этого ничего не получилось, мы были награждены лишь испанскими орденами за боевые отличия. Подписали благодарственное письмо причту нижней церкви на рю Дарю за присланное нам «красное яичко». Во Франции положение скверное — левое правительство, нам советуют ни в коем случае не возвращаться во Францию (на меня парижская полиция имеет досье, как на «активного врага "демократии" масонства»). В сентябре прошлого года, когда Германия оккупировала Чехословакию, французы хватали русских в постели и отправляли на линию Мажино «защищать прекрасную Францию». Отец Никон ездил туда — в блиндажах грязь и масса крыс.

23 мая, вторник. Мора де Рубиелос. Болтин и священник уехали — Болтин в Бургос, отец Никон в Париж. На прощанье о. Никон спросил меня: «а там, кажется, еще коньяк остался?» — К сожалению, всё было выпито вчера. Так как вчера мы праздновали мои именины, то Белин мне налил огромную кружку коньяку, с пол-литра

и произнес тост за мое здоровье. Отец Никон с ужасом смотрел, но я вышел из положения: сделал глоток и сказал: «продолжайте за мое здоровье» и всем пришлось пить вместо меня, а то мне пришлось бы замертво свалиться. Возможно, что в начале июня мы будем свободны, если наши бумаги будут подписаны. Освобождены от службы и уехали по домам от нашего Терсио 30 человек призыва 1930 года, а от нашей роты 5 человек. Два сержанта отказались увольняться. С утра от нас патрули по улицам и наблюдение за входами в город. Пальчевский и Васька Кривошея по очереди ездят в Теруэль в интендантство и с ними едет кто-нибудь из наших осматривать Теруэль. Когда возвращались с занятий, то наш питомец «Макар» (волк) попал под камион по глупости, ему перевязали ногу, он кричал жалобно и ночью исчез — верно пошел умирать. Как нам его было жаль! В канцелярии Терсио готовят наши послужные списки.

27 мая. День и ночь наши дуются в покер — Селиванов проиграл 50 пезет, это большие деньги. С утра немного было выпито, Голбан и Артюхов поспорили, мне пришлось их разнимать, потом оба меня благодарили. Один из наших рекете подрался на почве ревности с деревенским парнем — «Папа» их обоих избил палкой. Наши русские сидели в кафе с местными девушками и за ними ухаживали. Какой-то альферес-пулеметчик сказал девушкам: «Вы что, в Москву собрались уехать?» Белин и Сережа Бриллиантов наговорили ему «теплых слов».

28 мая. Мора де Рубиелос. Понедельник. Католический Духов День, но в Испании его не празднуют (во Франции большой праздник). Мы были в карауле около эрмиты (часовня) — прекрасная живописная церковь, вся ободранная красными, иконы исколоты штыками. Выдавали обмундирование из запасов, полученных для парада в Валенсии. «Папа» выдал деньги (кормовые за одиннадцать дней — по 5 с половиной пезет). Наши режутся в покер, я никогда в карты не играю, но часто просиживаю ночи, изучая психологию игроков. Покер — самая зверская игра, сплошной обман.

ИЮНЬ 1939 года. Мора де Рубиелос.

1-го июня 1939 г. Уже два месяца прошло после окончания войны. Вызвали желающих ехать в деревню Чека на местный праздник — мы русские отклонили предложение, чтобы дать возможность молодежи повеселиться. Сегодня были в карауле у кладбища, оскверненного красными. Чудная погода. Через речку старинная сукнобойня: маленький ручеек и огромное колесо с ведрами, куда бежит вода и своей тяжестью заставляет колесо вертеться — вероятно времен Эль Сида, который освободил Валенсию от мавров в 12-м веке.

3 июня, суббота. Святых Константина и Елены — именины Константина Гончаренко. Отпраздновали похристиански. Подали два больших грузовика и 60 человек от нашей роты и по 5 человек от остальных рот Терсио отправились в Чека на местный праздник, куда по слухам должны были прибыть генералы Варела и Рада. Мы с Боярунасом отправились осматривать замок и старинные дома с гербами. Через штаб дивизии получили 29 американских долларов, присланных нам какими-то нашими почитателями — первые и последние деньги, полученные от «благодарного населения». Вышло по 10 пезет на брата — на случай отъезда в тыл.

5 июня 1939 года. Мора де Рубиелос. Уходит в запас призыв 1931-го года, от нашей роты 5 человек, в том числе Андрес из Борхас Бланкас, зажиточный крестьянин, приглашал нас погостить в свою деревню, около Барселоны.

Приезжал полковник, начальник дивизии. Клименко на два дня уехал к тениенте Пастору чинить радио. В 5 часов вечера вернулись наши с праздника из Чека. Праздник получился вроде «Чебурахинской олимпиады» из книги Петрушевского «Подарок меланхоликам»: наши пробыли три дня под дождем, их не кормили, три дня недоедали — а деревня богатейшая... «Папа» вынул им из своего кармана 50 пезет. Хорошо, что мы не поехали, как предчувствовали... Оказывается, это был праздник гверильщиков, наши-же рекете были приглашены в качестве представителей от арагонских рекете. Под дож-

дем было нечто вроде парада. От нас был лишь капитан Белин (наш сержант), был и майор Руис, но Белин не успел с ним поговорить. Руис лишь на ходу успел сказать: «Вы, если захотите, сможете после войны остаться на военной службе»...

7 июня. Завтра католический праздник «Корпус Кристи» («Боже цяло» у поляков). Сегодня нечто вроде репетиции завтрашнего парада. Приехал Трингам, шт. ротмистр Дроздовского конного дивизиона, был ранен в Эстрамадуре в Терсио рекете «Наварра», хочет перевестись к нам, об этом говорили с командиром Терсио майором Монтальво, но он не может сделать перевод легально, Трингам поедет в Бургос, чтобы Болтин устроил его перевод.

8 июня. Утром рота пошла в церковь, потом шпалерами стояли на улицах и во время пронесения Святых Даров, все становились на колени. Прекрасный обед из четырех блюд и на двоих бутылка вина или сидра, подарок от организации, обслуживающей фронт и госпитали.

12 июня. Понедельник. Вчера прибыл на постой дивизион кавалерии. Мы в замке в карауле у арестованных. Их 61 человек, из них 21 смертник — преступники запятнавшие себя убийствами, комиссары. Смертников возили в Теруэль, но там в тюрьме нет места. Наши ездили в Теруэль в интендантство за продуктами и привезли с собой дезертира, сбежавшего к красным на Контадеро в прошлом году. Он был на базаре в крестьянской одежде и наши «чики» его узнали, схватили и привезли в роту. Вышел «Папа» и сделал допрос: «Куда ты дел винтовку и патроны?» — «Сдал в комендатуру». «А ботинки где?»... Тот молчит. «Папа», как хозяйственный человек, не выдержал, избил его палкой. Пойманного посадили в замок к арестованным. Сержанты Фелисиано и «Томате» купили в Теруэле 16 ящичков мыла и продали местным крестьянам — заработали 600 пезет.

15 июня. Четверг. Пылаев вечно сидит на солнышке и ковыряет в носу — замечаем, что в это время ему в голову приходят «гениальные мысли»... Приходит и начи-

нает ныть: от Болтина никаких сведений. Белин ему говорит: «Леончик, последние сведения, что нас отправят в Сарагоссу нести караульную службу»... Вчера «Папа» на камионе Пальчевского привез из Эль Торо остатки ротного цейхгауза, раздавали фуфайки, теплое белье и прочее барахло — нам оно безнадобности. Приказано сдать испанские шинели с капюшоном — они нас всю войну спасали от холода в горах. С этим же камионом прибыл Трингам, получивший назначение в наше Терсио. Он сообщил, что мы все произведены в сержанты по Армии с двух-месячным отпуском с сохранением содержания, — но ждем официальной бумаги от штаба дивизии. После обеда нас посетили три офицера кавалерийского полка «Кастильехос», с ними прибыл и майор («папа»), но он был занят, приглашали его на минутку выпить «чарочку», но он ответил: «Знаю я вашу чарочку, вас двадцать человек, а это значит 20 чарочек и все будут подносить».

18 июня. Ждали генерала Монастерио (Монастырёва, как мы его называем), чистили помещение, приводили себя в порядок, «Папа» приготовил улучшенный обед, но генерал не приехал, возможно, что будет завтра — «Папе» чистое разорение, так как завтра опять улучшенный обед. Капитан Кривошея показал командиру Терсио майору Монтальво приказ о нашем производстве в сержанты, тот был удивлен и спросил: «А почему не в капитаны?». Вероятно он не сообразил, что ходатайство должно исходить от них, от Терсио. Позднее нас всех произвели в капитаны по Армии.

Прибыл на пополнение рекете, попавший с ротой в плен в Кинто де Эбро. Он пробыл в своей деревне два месяца в отпуску и оттуда его отправили в свою часть, в наше Терсио на пополнение. Чики его узнали: он выдавал красным своих и некоторые были расстреляны. Молодца повели в штаб, там ему «дали» и отправили в замок, в тюрьму.

Ежедневно устраиваем спевки, наш хор спелся хорошо, регентом Сережа Бриллиантов. Пылаев обиделся на кого-то и заявил, что на спевки больше ходить не будет. Белин ему сказал: «Смотри, если от концертов отчислится какой-нибудь пятачок, то ты не рассчитывай». Пыла-

ев пошел на спевку. Он получил через Трингама откуда-то деньги на лечение зубов, хочет поехать в Сарагоссу и при помощи своей мадрины устроиться.

22 июня. Мора де Рубиелос. От нас караул в замке у арестованных и патруль — думаем, что в последний раз, так как получили от Болтина телеграмму: «Приеду в воскресенье 25-го с документами — привет сержантам». Утром наши пришли из караула в тюрьме (я был в патруле). В тюрьме сидят два бывших наших рекете — один бежал к красным на Эль Контадеро, а другой — от 2-й роты, предававший своих красным в Кинто де Эбро. Пришло шесть рекете от нашей роты, хотели видеть арестованных, но Зелимбек, караульный начальник, их не допустил к арестованным, сказав: «Принесите записку от командиры роты» (от «Папы»). Всем прививали оспу.

24 июня. Штаб Терсио получил телеграмму о производстве нас в кабо (капралы), а наших кабо Голбана, Вольфа и Гурского в сержанты, а сержанта Белина в бригады (фельдфебеля), но все решили не надевать наших нашивок, пока дело не выяснится. Но все-же вспрыснули фельдфебельские нашивки Белина. На днях уходим в деревню Вальбона недалеко от Мора де Рубиелос.

26 июня. Получили телеграмму от Болтина: «Приеду во вторник или в среду с автокаром, поедем в Молину де Арагон и в Памплону. Поздравляю сержантов». Командир Терсио настаивает, что мы должны уехать в отпуск не позже 1-го июля в двухмесячный отпуск и в срок возвратиться. После обеда ушли за 6 километров в деревню Вальбона — деревня маленькая, очень живописная, вся в садах, жители очень симпатичные, есть речка, мы нашли запруду и купались.

28 июня. Вальбона (провинция Теруэль). После купания пошли сдавать винтовки. Майор сказал, что за нами приедет камион из штаба армии. Наш камион 30-го у Терсио отбирают. Под вечер приехал Болтин с двумя камионами и привез производство в сержанты — каждому индивидуальный документ. Некоторые уже нацепи-

ли сержантские нашивки — три золотых галуна на берет и на грудь. На следующий день получили деньги и послужные списки. У «Папы» не хватило денег и он обещал выслать недостающие через несколько дней, вернее кто-то должен будет за ними приехать. «Папа» в последний раз выдал хороший ужин и даже с десертом, что редко бывало.

ПРОЩАНИЕ С ТЕРСИО

30 июня 1939 года. Вальбона. В 10 час. утра все русские сержанты построились — против нас было построено все Терсио. «Папа» произнес трогательную прощальную речь — бедный старик был растроган до слез: «Я не могу, не могу... не могу найти слов, чтобы выразить вам благодарность за вашу службу»... Все Терсио спело «Пор Диос, Патриа, Рей» (За Бога, Родину и Короля). Начальство, офицеры и все рекете прошли мимо нас, пожимая руки. Разместились в грузовиках и под пение карлистских песен «Аделянте бойнас рохас (вперед, красные береты — боевая песня карлистов) и «Диос, Патриа, Рей» тронулись в путь. Страница жизни (даже славная) перевернулась. Немало лишений мы перенесли, но вытерпели. Нас уехало 24 сержанта — это всё, что русская двухмиллионная эмиграция уделила для борьбы с нашим общим врагом. Мы не совершали чудес храбрости, но выполняли свой долг до конца. Несколько человек от нас отсеялось по разным причинам. Нам было приятно слышать, когда командир Терсио на прощанье провозгласил: «Да здравствует Национальная Россия! Желаю вам возвратиться офицерами в освобожденную Россию». Мы все уезжали под звуки пения патриотических песен и были очень растроганы и все рекете, с которыми мы были связаны больше чем двухлетней боевой обстановкой, искренне прощались с нами, всегда сознавая, что мы были их старшими боевыми товарищами и относились к нам с должным уважением.

На двух камионах приехали в Теруэль, осматривали исторические места, башни и разорения, причиненные городу во время прошлогодних боев, когда красные нес-

колько дней, занимали город после ожесточенных боев. Посидели в кафе, потом пошли в военный госпиталь,* где лежал наш Клименко. Он ехал с Болтиным на камионе, вздумал переменить белье, надевал рубаху через голову и на повороте был выброшен из камиона и повредил голову. В какой-то деревне капитан Терсио Сантьяго заставил Клименко выпить чуть-ли не целую бутылку коньяку и сдал его в госпиталь. Мы Клименко забрали с собой, даже не спросив разрешения врача. Посетили в госпитале также нашего сержанта Касас (Гвардии Сивиль) — у него бедного туберкулез, так изменился, что жалко смотреть было на него. Где-то в Сан-Себастьяне лежит в туберкулезном санатории наш штабс-капитан Налетов.

В 3 часа дня прибыли в нашу столицу — Молину де Арагон, остановились в лучшем отеле «Бласко», заняли 24 кровати. За два с лишним года, я в первый раз спал на настоящей кровати с чистыми простынями. Посетили Маргариток (женская организация Карлистов) забрали у них наши чемоданчики, хранившиеся у них больше двух лет. Вечером посидели с Маргаритками в кафе, угощали их сидром. Пели русские песни — Зотов «задрал козла»; это нам предупреждение, что и в будущем это может случиться. Разговорились с жителями: жалуются на застой: товаров много, а покупателей мало. Война оживила этот маленький исторический городок, а теперь он вероятно уже навсегда погрузился в спячку.**

* Госпиталь имени Хозе Антонио основателя Фаланги. Сам он похоронен в базилике высеченной в скале (Вале де лос Каидос — Долина Героев в горах Гвадарамы на север от Мадрида). Там Ген. Франко построил усыпальницу — туннель грандиозных размеров — где похоронены погибшие в войне и правые и левые. Этим как бы произошло окончательное примирение обеих сторон испанской гражданской войны. Генерал Франко срезал там дерево и из него сам сделал большой крест, который стоит за алтарем. При усыпальнице монастырь и в базилике идут службы каждый день. Ген. Франко похоронен там же сзади алтаря (впереди алтаря похоронен Хозе Антонио). — Прим. Издателя.

** В 1982 году Издатель был в Молино де Арагон. Старый город остался таким же, замок на горе больше разрушен, но на другой стороне речки новый город разросся по площади и населению, превзойдя уже старый город. Все так же погружено в спячку. Проезжая по всем местам описываемых автором, должен заметить, что ни деревушки, ни дороги не изменились не то, что с 1938 года, но вероятно, такие же, как были в средние века.

ИЮЛЬ 1939 года

1-го июля. Суббота. В 9 часов утра выехали из Молины — вероятно навсегда. В час дня прибыли с Сарагоссу, часть нас остановилась в отеле «Европа», а остальные разместились по своему вкусу. Вечером нас принял начальник милиции, который нас благодарил за службу, упомянув и павших на войне русских. Здесь нам выдали по комплекту обмундирования для будущего нашего представления генералу Франко. Вечером сидели в кафе на Пласа Индепенденсия, к нам присоединился «Папа» (капитан Висенте) с двумя дочками, подошел и майор Руис, бывший наш командир Терсио. Зашли к господину Тонкоза — видному деятелю Карлистов, он нас повел в клуб Карлистов, там Тонкоза, чуть ли не чемпион Испании по шахматам, играл в шахматы с нашим Ковалевским, бывшим чемпионом русского шахматного клуба в Югославии. Ковалевский выиграл у Тонкозы одну партию. В два часа дня мы выехали из Сарагоссы в Памплону — 120 километров. В городе Тудела сделали привал, зашли в кондитерскую и насыщались пирожными. Здесь стоит Терсио рекете «Монтехура» (в честь одного из вождей во время Карлистских войн). Здесь служат Гурский и Вольф, но мы их не видели. Наварра — богатейшая провинция, все жители в красных беретах (карлисты), все, даже женщины и дети, нас приветствовали поднятием руки. По дороге наш камион раздавил собаку, храбро бросившуюся в атаку на наш грузовик, другой грузовик ее переехал, чтобы прекратить ее мучения — всем было очень неприятно. В 8 часов вечера въехали в Памплону, на главную площадь Пласа дель Кастильо — (замковую площадь, хотя на ней никакого замка нет). Наши камионы украшены русским национальным и испанскими флагами. Нас встретили местные карлистские власти и сразу-же с камионов нас пригласили в карлистский клуб, откуда началось национальное движение 18 июля 1936 года. Тогда глава карлистов принц Ксавиер отдал соответствующее приказание и в несколько дней в распоряжение генерала Франко было 60 тысяч добровольцев — в некоторых случаях три поколения — дед, отец и сын. Собрались видные карлисты — местная аристократия, не знали, куда нас посадить. Приветствовали прохладительными напитками, но без всякой закуски. Был и отец нашего «Дунь»-

ки» (тениенте Хорданиса). Потом нас привезли в лицей ордена Марианитов, отвели в зал с 24 кроватями — одеяла, матрасы, подушки и простыни новенькие, ни разу не бывшие в употреблении. Потом нас отвели в ресторан ужинать — суп и баранина, а также вино, кто сколько смог есть, без ограничения.

3 июля 1939 года. Памплона. Вчера вечером нас карлисты приглашали всех в кафе, но мы отказались, так как живем в монастыре и дверь закрывается в 11 часов вечера. Настоятель нам разрешил приходить до 12 часов ночи.

Против нас на площади ярмарка, т. к. 7 июля здесь праздник Святого Фермина, покровителя Наварры, праздник во время войны был отменен и теперь отмечается в первый раз за три года, с особым великолепием. Утром в местных газетах «Пенсамиенто де Наварра» и «Диарио де Наварра» были помещены обширные статьи о приезде в Памплону русских добровольцев-рекете, об их участии в войне и обращение к местным жителям оказывать нам всемерное гостеприимство. Знатность обязывает и надо отвечать той же монетой, но, к сожалению, наше сержантское жалование — 300 пезет в месяц, а обед стоит 6.60 пезет и ужин 5.50 пезет, еда обильная и вкусная, но нам не по карману. Сегодня везде «Плато унико» (единственное блюдо, а разница поступает в организацию «Аукзилио Сосиаль» (общественная помощь). Вели переговоры с пехотным полком и завтра будем обедать в полку, там обедали наши в 37-м году перед отправкой в Терсио в Молину де Арагон — говорили, что там кормят прилично. Были в театре на спевке — Болтин приехал и привез каких-то критиков. На следующий день, 5-го июля утром спевка под руководством Сережи Бриллиантова, а в 6 с половиной вечера концерт в большом театре в пользу сирот войны, сбор был около ШЕСТИ тысяч пезет. Масса избранной публики. Правда, Павел Зотов при исполнении «Песни Ахтырских гусар» «Задрал козла», но сошло хорошо. Публика была в восторге, да и пели очень хорошо (хотя и «хор безголосых»). Мы все были однообразно одеты и на сцене стояли в одну шеренгу — 24 певца (поневоле). Театр был битком набитый, восторженные овации после каждой песни, особенно после «Коробуш-

ки» и Наваррской боевой песни («Наварра, доблестная и воинственная») на испанском языке. Редактор газеты «Диарио де Наварра» произнес трогательную речь о нас, о России и о нашей Белой Борьбе. Из театра вышли под рукоплескания собравшихся в театре и на улице. После театра нас сразу-же повели в Карлистский клуб, зал был полон и нам устроили восторженную овацию. Ужинали уже в пехотном полку «Америка» в сержантской столовой. Потом нас пригласили опять в Клуб и там к нам подсади Баллестены (местная аристократия, кажется, маркизы).

6 июля. В местных газетах обширные статьи об Императорской России, об участии белых русских в испанской войне и о нашем концерте. Профессор местной консерватории, он же регент местного хора, хочет позаимствовать для своего хора некоторые русские мотивы. Сегодня в час дня, наш прием в местном областном правлении (Дипутасион). К часу дня мы собрались в тронном зале, вышел помощник председателя (по нашему губернского правления), старичок, приветствовал нас — русских рекете. Было предложено угощение — вино, пирожки и пирожные, угощали нас девицы местного общества. Потом сфотографировались. Полковнику Болтину была вручена Наваррская эмблема (лауреада) — черный бархатный щиток с гербом провинции Наварра, носится на правой стороне груди. Сказали, что у них остался единственный экземпляр и что нам выдадут потом и каждому диплом на право ношения. (Мы никогда не получили этой эмблемы). После приема зашли в бар выпить лимонаду, пришел ливрейный лакей из дипутасион и сказал, что там осталась наша собака Макар, который пришел к нам сам по нашим следам. Мы стали популярными людьми в Памплоне.

7-го июля. Праздник Сан Фермин посвящен бывшему епископу города Амьена в средние века, (покровитель Наварры). С 7 часов утра процессия по улицам города со статуей святого. Утром гонят быков на Пласа де Торос (арена для боя быков), боковые улицы перегорожены дощатыми стенками, перед быками бегут молодые люди, быки их преследуют — бывают и раненые и убитые, пуб-

лика за перегородками подстрекает бегущих перед быками, в случае опасности шмыгают на заборы. Так воспитывается нация — испанцы храбрейшие солдаты, можно сказать первоклассные, мы с ними провели больше двух лет и сами в этом убедились. В 4.30 дня официальное открытие праздника Святого Фермина: из алькальдии (муниципалитета) вышла торжественная процессия в средневековых костюмах, за ними статуи гигантов, потом отцы города. Массу народу — все в белых брюках и рубашках, с красными поясами и в красных беретах. Зашли в кафе и там пили с офицерами полка Кастильехос во главе с их майором (наш старый знакомый «Папа», как мы его величали). Я оставался недолго, но наши сидели там целый день. Вечером на Пласа де Кастильо прекрасный фейерверк — первый раз после войны, так как в годы войны праздник Святого Фермина отмечался очень скромно, ведь все мужское население Наварры было на войне.

8 июля. Памплона. Праздник продолжается день и ночь и так будет целую неделю. На улице я встретил «Дуньку» (альферес Хорданис) и Эмилия — папиного сына), оба приехали самодралом из-под Теруэля, одеты не в военном, а как крестьяне — в черных штанах и белой открытой рубахе, с красным поясом и красным беретом.

9 июля. Памплона. Утром полковник Болтин нас собрал и сделал внушение Сереже Бриллиантову и Ваське Кривошее, что они вели вчера себя очень бурно в кафе, где пробыли всю ночь и буянили. Пальчевский и Зелимбек уехали в Валенсию за обещанным итальянским обмундированием. Мы встали утром и пошли смотреть, как гоняют по улицам быков, которые будут выступать вечером на корриде. Пласа де Торос (арена для быков) новая, огромная, одна из самых больших в Испании. Вечером пошли в ярмарочный театр. Ходили и в кино — 30 сентавос вход. Нашли какого-то безработного актера, который нам будет помогать устраивать концерты, ему обещан какой-то процент со сбора, если будем выступать не для сирот, а для пропаганды или для печати. Была спевка в местном «Орфеоне» (певческая капелла), вышеупомянутый актер был очень поле-

зен своими указаниями. Многие уже остались с пустыми карманами и Белин и тениенте Кривошея поехали в Терсио за деньгами, нам недоплаченными.. Искали автомобиль, но не нашли, пришлось ехать на грузовике.

Настоятель нашего «монастыря» пригласил нас к себе и угостил прекрасным розовым вином. Разрешил нам жить, сколько мы пожелаем. Сам он — француз. Ходили в редакцию газеты «Диарио де Наварра», благодарили главного редактора за лестные для нас статьи и преподнесли ему знак Русского отряда (без меча). Были прения о том, имеет ли право князь Амилахвари на право ношения знака, так как он хотя и воевал, но скрывал, что он русский, а величал себя грузином. Все же дали и ему.

14 июля. Памплона. Пропал наш Макар, разыскали через полицию — он оказался у живодера (гицля), завтра пойдут выручать. Расплатились с полком «Америка» за наше питание — по 1.65 пезеты в день, но с нас, как с отпускных взяли за хлеб 68 пезет, всего вышло на брата по 20 пезет. Нам из концертных сумм ассигновали на питание 600 пезет. Кормил нас фельдфебель, ему сделали подарок. Командир полка очень любезный, обещал и в будущем нас кормить, если потребуется. Насыщаемся сладостями — пирожными и вином мускат.

19 июля. Вчера был национальный праздник. С утра мы ждали автокар, но он испортился и после обеда подали другой, по приказу военного губернатора. В 8 часов вечера прибыли в Сан-Себастьян,* нас разместили в хорошем пансионе, я занимал комнату вместе с Боярунасом, некоторых растыкали по другим пансионатам. Утром репетиция нашего концерта в театре «Викторя Евгения», а в 7 часов вечера наш концерт. Первое отделение — наше, исполнили несколько русских песен; второе — какая-то балерина и наш режиссер, который продекламировал какое-то душещипательное стихотворение, в театре и на сцене было темно и за сценой проходила рота солдат в полумраке, с винтовками — тени павших. Роту прислал военный губернатор. Актер декламировал, стоя на коле-

* В Сан-Себастьян любил ездить Император Александр III на отдых и конечно много других русских, так-что русских там знали еще с конца прошлого века.

нях, а мы пели в это время тихо «Со святыми упокой». Все прошло очень удачно, но неважно исполнили «Два великана» (В шапке золота литого). Вечером нас пригласил на ужин Яновский (директор завода в Бильбао, сам он Константиновского пехотного училища).

21 июля. Сан-Себастьян. Утром явился к нам в пансион целый букет барышень, попросили автографы — с удовольствием... К ужину наши повара помогли сварить борщ, приготовили водку и закуски и пригласили человек десять гостей, русских и испанцев. Как полагается, произнесли душещипательные речи. Тениенте рекете, получивший свой чин в другом Терсио, тоже пытался произнести речь (он грузин), но хотя он и учился в Тифлисском кадетском корпусе, но мы знали, что он грузинский самостийник и его попытка произнести речь о величии России, окончилась неудачно, так как он был здорово «установивший» и князь Амилахвари увез его домой. наших гостей свалила «чарочка». Осматривали город — в королевское время был первоклассным курортом. Красивые здания, бухта «Конча» (раковина), набережная усажена тамариндами, осмотрели старинный сардиночный порт, аквариум, на горе посетили метеорологическую станцию. Город не разрушен, так как оттуда изгнали красных в первые-же дни национального движения, тогда как ближайший пограничный Ирун, очень пострадал от боев.

28 июля. Воскресенье. Вечером пели в военном госпитале для раненых — администрация вручила 300 пезет в пользу жертв войны. Павел Зотов хотя опять «задрал козла», но прошло благополучно. На следующий день подали автокар и мы отправились в город Толозу, в 27 километрах от Сан-Себастьян. Пели в Клубе карлистов, прекрасное здание, но еще не было закончено. Был рабочий день, отсутствие рекламы и публики было немного, даже сами дергали занавес над сценой. Публика тепло нас встретила и проводила — для сирот войны получили 306 пезет. Вечером на следующий день по узкоколейке уехали в Бильбао. Туда накануне уехал наш актер, дали ему на расходы 150 пезет, он должен был подготовить наше выступление в театре и найти нам помещение, но он исчез бесследно с нашими деньгами. При-

были в Бильбао в 10 час. вечера и до 11-ти искали комнаты на ночь, нашли с трудом, в кафе выпили вермута и даже ухитрились найти в одном баре жареную рыбу на ужин. Наше пребывание в Сан-Себастьяне обошлось нам недешево — заплатили в пансионе 1.300 пезет (по 10 пезет с человека в день, 23 человека, пробыли 6 дней. Осталось общих сумм 700 пезет на всех.

26 июля, среда. Бильбао. Болтин посетил представителей военных и гражданских властей и был везде принят прекрасно.

В местной газете «Иерро» (железо) появилась статья о нас и о нашем будущем концерте. Предполагаются выступления в театре и в морском клубе (закрытом клубе местных тузов). В 2 часа дня нас 12 человек пели в отеле Карлистов для Радио-Бильбао. После обеда электрическим поездом уехали в городко Альгорта, где в прекрасной вилле помещается военный госпиталь. Как мы узнали, эта вилла принадлежит какому-то миллионеру баску-сепаратисту, который сбежал. Вилла роскошная, на обрыве над океаном, из нее Король Альфонс 13-й наблюдал в свое время гонки яхт. Нам отвели два прекрасных зала с роскошными люстрами и шелковыми обоями.

28 июля. Альгорта. Живем по-барски — утром кофе разнесли по постелям. Около полудня, старший врач госпиталя майор пригласил нас в свой кабинет на стакан вина, спели ему «чарочку», хозяйничали хорошенькие сестры.

Сегодня день Св. Владимира — именинник Боярунас и праздник Владимирского военного училища — Селиванов и Юренинский виновники торжества. Обед был прекрасный, как для раненых и больных, в испанских госпиталях кормят очень хорошо. В довершение ко всему представительница «Фронта и Госпиталя» преподнесла две бутылки хорошего хереса. За ужином немного выпили за виновников торжества, сестра принесла нам сластей.

29 июля. Суббота. Не всё коту масленица... Вечером по телефону сообщил полковник, начальник санитарной части, что мы, как не раненые, а отпускные, не имеем права питаться в госпитале, а должны быть на довольствии

в пехотном батальоне. Утром отправились в казарму, но там для сержантов утреннего кофе не полагается и мы разошлись по барам. В каком-то частном доме, куда попал и я, нам предложили за полторы пезеты большую чашку кофе и хлеб с маслом. Обед нам должны приносить из казармы, так как там нет столовой. Принесли обед и сестры нам раздавали, выражая нам сочувствие, что мы лишены госпитального питания. Вечером по электричке отправились в Бильбао (10 километров) и там пели в большом синема «Буэнос-Айрес». Пели замечательно хорошо: 1-ое и 3-ее отделения были наши, а второе — певец и певица, назначенные от отдела Пропаганды. Пришел какой-то антрепренер и предлагал нам петь в Кадисе и в Севилье, а потом уехать на гастроли в Южную Америку даже. Артист, певший с нами, был от нашего пения в восторге, сказав, что ему редко приходилось слышать такой прекрасный хор, который пел бы так гармонично (наш хор — «безголосых»...). Отчислилось для сирот войны 900 пезет и обещали, что снимут авторский налог и разницу пришлют.

30 июля. Воскресенье. Утром были все на мессе в госпитале — нашего тениенте Кривошею посадили в первом ряду вместе с директором госпиталя, майором. Наши певцы с самого утра завалились на пляж и жарились до самого обеда на солнце, пока их не погнал оттуда дождь. Вечером поехали в фабричный город Барракальдо: сначала поездом, потом моторной лодкой через устье реки Нервион, так как все мосты были взорваны, а потом снова поездом. Выступали в «Гран синема», публики было немного, большей частью местные рекете. Артюхов, наш тенор-запевала, затянул «Волжские куплеты» басом, а потом «Ну-ка братцы поскорее закидайте невода» (из оперы «Аскольдова могила») — получилось еще хуже. Не знаю, что публика подумала, так как местный «Офеон» (хор) известен на всю Испанию — вероятно подумали, что так полагается, да и публика была своя — рекете, не решились нас освистать... В антракте к нам подошли вчерашние артисты, выступавшие в Бильбао и спросили: «Что такое случилось с вами? Вчера вы пели так хорошо»... Когда узнали, что наши нажарились на солнце, сказали, что в таких случаях нельзя злоупотреблять солнеч-

ными ваннами. А кто-же его знал?... После «пения» Алькальд города пригласил нас в зал, угостил пивом и ветчиной, но все были так смущены, что еда не лезла в рот. Впридачу явился Яновский и принес бутылку коньяку. Подали специальный вагон трамвая, который вокруг залива, через Бильбао привез нас в Негурри в 2 часа ночи, сделав километров тридцать. Очистилось в пользу сирот около 200 пезет, но мы постеснялись за ними ехать, нам их прислали. На следующий день праздник Игнатия Лойолы, пришлось присутствовать на церковной службе. Вечером пели в аристократическом Морском клубе — исполнили три раза по четыре русских песни, полный успех, публика нас горячо приветствовала и после нашего выступления оркестр сыграл «Боже Царя храни». Каждому вручили по пачке английских папирос и для нас был особый буфет. Чистый сбор в пользу сирот (больше тысячи пезет).

АВГУСТ 1939 года.

1 августа. Негури. На террасе нашей виллы, Клименко давал Бибикову урок танцев — вот мы хохотали... Вспоминали случай, как в прошлом году на Эль Контадеро, Бибиков днем был наблюдателем, мы сидели под кустами на солнышке и любовались: Бибиков ходит по горке, наблюдая за красными позициями, пританцовывает и бормочет что-то; вдруг останавливается, подымает кулак и грозит небу, говоря: «А этого не хотите?»... Очень странный господин, но очень храбрый человек и очень культурный — тип российского интеллигента парижского воспитания, никогда военным не был и фактически для нас чужой человек. Наши на концерте в Бильбао познакомились с мадридскими барышнями, служащими в министерстве промышленности, размещенном в Бильбао. Сложились и купили для них четыре кило шоколадных конфет. Наши посетили их в их общежитии, танцевали, но мы с Ковалевским не пошли и остались очень довольны. Директор госпиталя майор хотел устроить праздник, но высшее начальство не разрешило.

Приходится задумываться о нашем устройстве. Болтин собирается ехать в Логроньо, чтобы получить у итальян-

янцев два грузовика, чтобы основать транспортное предприятие, а также обещанное обмундирование. Но оказалось, что итальянцы уже сдали свое имущество испанцам и мы потеряли всё и Болтин хочет получить от итальянцев денежное вознаграждение. Пока что сидим без денег и без табаку. Болтин будет ходатайствовать о продлении нашего отпуска еще на месяц с соответствующим содержанием. Это удалось, но вся комбинация с итальянцами провалилась — мы опоздали. В Бургосе нужно проталкивать наше испанское подданство при помощи военных властей — это удалось в самый короткий срок. Делаются попытки нашего устройства в Бильбао, большом промышленном центре Испании. Лифшук, бывший Российский императорский вице-консул в Бильбао, говорит, что месяца через два, Испания будет золотое дно. Кое-кому уже предложили службу, но пока что мы числимся на военной службе и носим красные береты.

4 августа. Вечером в Лас Аренас в кондитерской устроили «борщ» — так мы называем всякое «объединение» с гостями. Наши повара возились весь день и приготовили угощение на славу. Было гостей человек двадцать — местные тузы, пароходчики, Лифшук с женой, инженер Яновский и мадридские барышни из министерства. Алькальд города Бильбао произнес трогательную речь и Болтин ему ответил.

Неважно обстоит дело с нашим питанием. Пехотный батальон кормит нас скверно — приносят кашевары за полкилометра, пицца холодная, вино и кофе приносят в бидонах из-под керосина. Наши сестры пошли к командиру батальона и пожаловались ему, а тот сказал, что отказывается нас кормить. Пока что питаемся целый день всухомятку, сестры сочувствуют, так как они в столовой раскладывали нам пиццу из котла. Вероятно, командир батальона почище нашего «Папы» будет... Интендантство обещало выдавать нам продукты по казенной цене.

7 августа. Алькальд города Бильбао, Ориоль, вручил Болтину медаль города — «железную», как ее называют и, обещал, что когда мы уйдем с военной службы, то всех нас устроит на службу. Болтин и Яновский прислали нам большую корзину провизии — огурцы, помидоры, колба-

су и хлеб, сестры подали яичницу, а потом и ужин. Очередной «Папа» пошел на попятный — обещал нам присылать обед из какого-то пансиона, но у того офицера, которому он поручил нас, неожиданно заболели зубы и мы его никогда не увидели. Лифшук советует потерпеть два-три месяца, говоря: «Я женился 37-ми лет, потом и вы все женитесь»... Болтин нанес визит полковнику, вновь назначенному инспектору санитарной части и тот оказался симпатичным и обещал нам свое содействие. Он пригласил нас всех к себе в гости, но нас несколько человек отказалось, сославшись на то, что некоторые ведут себя слишком «развязно». Остальные присмирели немного. Нашего регента Сережу Бриллиантова встретил в Бильбао алькальд города Дуранго и пригласил приехать в его город и дать концерт. Пока что вечером устроили концерт для сестер госпиталя и их друзей, было человек тридцать гостей. Гончаренко ездил в Сантандер подготовить там наш концерт, но явился ни с чем, израсходовав изрядные деньги. Болтин ему говорил, чтобы он прежде всего обратился к начальнику отдела пропаганды, а Гончаренко решил разворачиваться самостоятельно: помещение театра тысяча пезет и платить все налоги. Позвонили в Сантандер, что концерт откладывается на несколько дней, чтобы афиш не расклеивали. Сторговались — театр 500 пезет и налоги не платить.

15 августа. Католическое Успение. В 4 часа дня приехали в Дуранго — мы всегда ездим на казенный счет. Алькальд нас встретил на вокзале. Город промышленный, сильно разрушен, красивая старинная церковь ремонтируется. Масса карлистов — сплошные красные береты. Мы с Васькой Кривошеей идем по улице и с 4-го этажа дома, какая-то женщина приглашает нас: «Рекете, зайдите, угощу коньяком», но мы спешили и отказались. В пять с половиной пополудни наш концерт в синема «Эспанья», было полно, вся публика устремилась к нам, синема были пустые. Сбора было больше 900 пезет. К великому сожалению, наши притащили с собой мадридских барышень из министерства и это нас очень стеснило, так как местные девушки на них очень косо смотрели. Была на концерте Клотильда — директорша организации «Фронт и госпитали» (потом она вышла замуж за гене-

рала Варела, имевшего две лауреды Святого Фердинанда (Сан-Фернандо — высшая боевая награда в Испании) Указывая на местных девушек, она сказала: «выбирайте любую, я вам сосватаю». Нас хотели пригласить на ужин, но мешали мадридские девушки (многим из нас было неприятно их присутствие, как неуместное). Прибыли домой в 10 вечера, как раз к ужину.

17 августа. Встали в 6 часов утра, доехали электричкой до Бильбао и поездом выехали на Сантандер, куда прибыли в 12 часов дня. На вокзале нас встретил Белин, уехавший для подготовки нашего выступления, и с ним какой-то господин в форме испанского полковника. Отрекомендовался! Князь Радзивилл, по его словам он был командиром 28-го Донского полка, в старой Армии служил в Тверском драгунском полку, а потом в Дикой дивизии, он почетный испанский полковник (без жалования), 58 лет, женат на молодой испанке, имеет сына. В 2 часа дня спели на местной станции Радио «Эй ухнем» и «Взвейтесь соколы орлами». Разместились в пансионе около старого собора, мы с Бояруносом его осматривали, но он был в ремонте. В 7 часов вечера выступали в большом театре («Колизей»), был оркестр от 5-й Наваррской дивизии, мы пригласили бесплатно сто рекете. Публика многочисленная, очень приличная. В антракте нас приветствовали военный и гражданский губернаторы, а также начальницы местных женских секций Фаланги — областной и городской. Нас представлял публике местный шеф пропаганды. Была одна русская дама, жена итальянского консула. Чистый сбор больше тысячи пезет. Переночевали в пансионе. Я обратил внимание, что во внутреннем дворе по стенам висят целые гирлянды электрических проводов — короткое замыкание и пожар. Через несколько лет в Сантандере был грандиозный пожар, от которого сгорело пол-города и начался он в том пансионе, где провода висели на стенках. После пожара в город не пускали, требовался особый пропуск от властей.

В Негури приехали в час дня. Застал письмо от какого-то Бурмистрова: просит сообщить ему сведения о заработанных платах в Испании. Первая ласточка... Таких писем мы получали много и приходилось им отвечать: а почему вы не приехали воевать?.. Получил письмо от Кор-

ниловской группы в Париже — запрашивают о Корниловцах в Армии Франко. Мы в свое время представили Михаила Сальникова, бывшего кадета Сибирского корпуса в подпоручики — права подпоручика по Российской Армии. Написал письмо в Париж, поздравление Корниловцам с полковым праздником, все наши подписали, а Боярунас, поручик Корниловского полка, отказался: он заявил, что два года назад написал длинное письмо старшему группы в Париже и ответа не получил. Я ему сказал, что мы были тогда отрезаны от всего мира и его послание могло не дойти.

23 августа. Приехал «князь» Радзивилл, ночевал у нас и уехал в Бургос по своим делам. Павел Зотов его знал: он вовсе не князь и не Радзивилл, а ротмистр Швейх, в Белой армии был произведен в полковники. Мы о нем больше ничего не слышали. Здесь в Испании было немало авантюристов — даже было два «племянника Царя»... С отпуском на третий месяц улажено, но за деньгами нужно ехать в Виторию. Приехал Болтин и привез «Официальный Бюллетень», где говорится, что даруется испанское подданство нескольким людям, в том числе и мне (указ входит в силу после присяги на верность испанскому флагу). Наши сестры затеяли пикник и отправились километра за два от Альгорты в лесистый овраг — девочек семь, а нас пятнадцать. Наши дамы захватили с собой сладости, сидра и сварили шоколад — время провели прекрасно и вернулись в госпиталь в десять часов вечера. Пока что наклеиваются следующие должности: Сладков — чертежник — Альтос Горнос (сталелитейный завод) в Барракальдо, Павлу Зотову предложено заведывать куроводством у какого-то маркиза под Мадридом, Трингам и Клименко — надсмотрщиками за общественными работами, Гончаренко — чиновником в Банко де Бильбао, и Ковалевский — надсмотрщик на апельсиновых плантациях. Но впоследствии все устроились на другие места, многие пошли офицерами в Легион в Африку.

31 августа — День Святых Флора и Лавра, Корниловский Праздник. Решили отметить праздник по-настоящему. Так как мы сидим без денег, то я попросил у Ковалевского сто пезет. Поехали в Бильбао, а оттуда на

моторной лодке переправились через залив — 5 километров, а лодка ветхая, если бы затонула, то никто не спасся бы. Лодочник бывал в Одессе, Батуме и в Николаеве, немного говорил по-русски, бывший матрос. Прибыли в городок Сантурсэ, там нас ждали мадридские девушки из министерства. Зашли в ресторан, там сардины, жареные на решетке и чудное белое вино (вино 2 пезеты литр и сардины 1.80 дюжина). Провели время прекрасно. На обратном пути в Бильбао пошли на ярмарку и катались на каруселях. На брата обошлось по 20 пезет.

СЕНТЯБРЬ 1939 года

1 сентября 1939 года. Негури-Альгорта. Война между Германией и Польшей. Не успели мы кончить одну войну и насладиться мирной жизнью и началом расцвета Испании (к чему и мы руку приложили), как вспыхнула чужая война, нам совершенно чуждая и не интересная. После германо-советского пакта нам все одинаково противны.

Инженер Яновский очень обиделся, что Корниловский праздник прошел без него: завтра он устраивает «борщ» в ресторане, принадлежащем его амишке. Этим делом займется Васька Кривошея, бывший в свое время в Париже поваром у светлейшего князя Горчакова (по словам Васьки, он во время приготовления обеда князю, выпивал по 2 или 3 литра красного вина). Яновский обещал пригласить барышень по числу кавалеров.

Англия и Франция объявили войну Германии. Странно, что в нашей среде имеются франкофилы, я с ними спорю, доказывая, что мы должны быть только РУСОфилами и ставить русские национальные интересы выше всего. После германо-советского пакта, нам все они противны, и немцы и западные союзники. Бибииков, Пальчевский, Клименко и Ковалевский заявили о своем желании ехать во Францию, чтобы поступить добровольцами (засорение мозгов...). Двое из них уехали в Сан-Себастьян к французскому консулу на предмет поступления добровольцами. Дело вкуса...

6 сентября. Среда. Утром поездом выехали в Виторию, столицу провинции Алава. В 7 часов вечера, пели с

огромным успехом в театре. Город мало интересный. В городе масса французов призывного возраста — воевать не едут, чтобы защищать свою «прекрасную Францию», а наши чудаки хотят быть более усердными католиками, чем сам Папа... Болтин нас предупредил, что в связи с войной, испанская цензура стала строже и советовал не получать пока писем из-за границы. Комендант города — наш старый начальник майор Агиляр, он предоставил нам грузовик и мы на нем уехали в Бильбао. В Витории довольно прохладно, а как перевалили горы, сразу подул теплый ветерок с Бискайского залива. В Бильбао много финиковых пальм, увешанных большими гроздьями плодов, которые, впрочем, не вызревают. Прибыли домой в 2 часа ночи и нас там ждал ужин.

Из Сан-Себастьяна возвратились наши «франкофилы» Клименко и Пальчевский, видели французского консула, который был с ними очень любезен, все желающие от 17 до 55 лет будут приняты с распростертыми объятиями, все прошлые «грехи» (то-есть участие в Армии генерала Франко) будут забыты и даже не будут преследовать за просроченную карт-д'эдантитэ... Даже французы обещали ходатайствовать об увольнении из испанской армии. Пальчевский и Клименко в восторге, а остальные лишь подсмеивались над их наивностью и доверием к великодушию французов, которые стремятся отобрать побольше чудаков, желающих защищать их «прекрасную Францию», которую, по мнению французов, все обязаны обожать и защищать ее до последней капли крови.

На следующий день мы компанией в семь человек ездили в Паленсию осматривать замок чуть-ли не 8-го века, принадлежащий маркизам Торресилья — замок реставрирован лет 30 тому назад, но ободран красными. Там к нам присоединилось 15 мадридских девиц и 4 кавалера. После осмотра замка, засели в таверне в лесу, пили сидр, белое вино и закусывали ветчиной. Пели гостям чарочку. Вернулись домой поздно вечером.

Сальникову оперировали двенадцатиперстную кишку в госпитале Генералиссимуса — вырезали кусок. Хирург удивлялся, что стенки желудка были покрыты толстым слоем таннина от французского красного вина. Мы по очереди ездим в Бильбао дежурить при нем, я был днем,

сменить меня на ночь должен был Клименко, но он не явился, и мне пришлось дежурить целые сутки, утром явился Голбан сменить меня. Сальникову каждый час велено давать по столовой ложке какого-то снадобья, он просил больше, но я не дал. Бибииков уехал в Сеговию в Штаб милиции брать освобождение от службы, чтобы ехать во Францию защищать «либерте-эгалите-фратерните» — дело вкуса...

12 сентября. Прощаемся с сестрами госпиталя ввиду нашего скорого отъезда: пригласили их на пикник — нас 9, сестер 6, поехали на моторной лодке через залив в Сантурсе, ели сардины, жареные на решетке и пили белое вино. Попрощались с ними и поблагодарили за оказанные нам услуги. Потом в кафе встретились с мадридскими министерскими барышнями.

13 сентября. Сарагосса. Встали в 5 ч. утра, в 8 утра поезд из Бильбао в Сарагоссу. Распрощались с нашей собакой Макаром, которого мы вырастили — Зотов оставил его каким-то своим знакомым. Нам всем было тяжело с ним расставаться, его мы любили за ласковость, привязанность к нам и за его феноменальную глупость. Из Бильбао через Миранда-дель-Эбро, прибыли в Сарагоссу в 6 часов вечера, на вокзале нас ждал Пылаев с камионом. Нас привезли в пустую виллу, отведенную нам начальником местной Фаланги — три этажа в нашем распоряжении, от Аукзилио Сосиаль (Общественная помощь), к нам прикомандировали трех женщин, которые нам приготовили прекрасный ужин — всё это без расходов со стороны нашего тощего кармана. Через два дня был концерт в театре Гойя, было мало публики — человек 300 (в городском театре в этот вечер было человек 25). Причина та, что в эти дни в Сарагоссу приехало на поклонение Божией Матери Пиляр, семь тысяч женщин со всех концов Испании и наши девушки были заняты распределением их по квартирам. Вина была Пылаева, который, устраивая наш концерт, не учел этого обстоятельства. Потом днем выступали в клубе Карлистов для местных рекете — нас представлял публике какой-то священник. Местный шеф Фаланги, бывший больным, когда устраивали наш концерт, ругал начальника пропаганды за не-

удачное наше выступление в театре и обещал устроить второе наше выступление с соответствующей рекламой — Сарагосса богатейший город, должен дать больше в пользу сирот войны.

18 сентября. Войска СССР вторглись в Польшу. Болтин звонил из Сан-Себастьяна, что французы арестовывают русских и ссылают их в концлагеря: это месть русским за заключение германо-советского пакта. Бибииков отказался от удовольствия ехать во Францию защищать ее. Но упрямый Ковалевский, когда ему высказали нашу общую точку зрения — выжидать и не лезть в чужую драку, — расsvирепел и назвал всех трусами. Уехал в Сан-Себастьян к своему дядюшке полковнику Двойченко, а оттуда собирается ехать воевать. Он старше нас, в Галлиполи был юнкером какого-то военного училища, поступил во Французский Легион в Африке на пять лет, сбежал и попал в Югославию, окончил там университет по отделению романских языков, потом явился во французское консульство в Белграде с повинной — мол судите меня... но там только посмеялись и отпустили его с миром. Уезжая, он даже великодушно предложил две пезеты для прислуги, но наши отказались: «Спасибо, но ваших денег нам не надо».

27 сентября. Вечером выехали поездом в Барселону. В Сарагоссе прожили две недели прекрасно: отдельный дом, три прислуги от Фаланги, которые ходили на базар и при помощи наших, готовили пищу по нашему вкусу. Рядом большой парк, где я встретил мальчика, сына нашего майора Руиса, он тогда был в школе, потом стал священником и был приглашен в 1962-м году на наш праздник по случаю 25-ти летнего нашего поступления в Армию генерала Франко.

В 7 часов утра прибыли в Барселону, на вокзале нас ожидал грузовик от Интендантства, который нас доставил в казармы интендантства. Там нам отвели хорошие комнаты, чистое белье, которое меняют чуть ли не ежедневно; нам прислуживает человек семь солдат, которые помещаются рядом — помоешься, вытрешься и сразу же меняют полотенце. На нас они смотрят, как на каких-то существ высшего разряда... Командующий войсками Бар-

селонского военного округа генерал Оргаз позвал военного губернатора генерала Гарсия Эскамес'а и распорядился приютить нас; тот позвал интендантского полковника, тот в свою очередь позвал капитана и капитан позвал сержанта. Пришел капитан, привел повара (взятого из первоклассного отеля) и спросил нас: «Что вы едите» — ему ответили: «Всё, кроме гороху» (гарбанцо), — «Коньяк пьете?» — «Да». — «У нас имеется вино, коньяк и ром» — в неограниченном количестве. Кормят, как на убой. Болтин помещился в отеле Ритц — 50 пезет в день.

ОКТАБРЬ 1939 года

3 октября 1939 года. Барселона. После полудня пошли к отелю Ритц, где нас ожидали легковые автомобили, которые нас повезли в ресторан Мирамар за городом, на территории бывшей всемирной выставки. Там нас ожидал военный губернатор генерал Гарсия Эскамес со своим штабом; он с каждым поздоровался, спросил о чинах и наградах. Нас повели в зал, где был командующий войсками округа «капитан-генерал» Оргаз со своей свитой (большой частью пожилыми полковниками) — тоже все поздоровались с нами. Стол был украшен цветами, завтрак был парадный, первоклассный. Потом фотографировались. Нас отвезли к отелю Ритц, а оттуда мы пошли во Дворец музыки, ознакомиться с местом нашего будущего концерта. Там встретили известного русского скрипача Гулеску с дочерью Лидой.

5 октября. Наш концерт в 10 с половиной вечера в роскошном театре. Генерал Оргаз приехал на час раньше. Ни одного свободного места. Пели очень хорошо — это была наша лебединая песня. 1-ое отделение — мы с нашими русскими военными песнями, главным образом; 2-ое отделение — Гулеску, потрясающе играл «Очи чёрные»; 3-е отделение снова мы. Был оркестр Фаланги — 65 человек. Материальный сбор — 3.600 пезет плюс тысяча пезет от генерала Оргаз'а — в пользу сирот войны.

На следующий день «борщ» в отеле Ритц, был генерал Гарсия Эскамес (в штатском) и его штаб, а также штаб генерала Оргаз, начальник пропаганды, дамы и русский полковник Шуберт с женой. Благодаря нашему

«Борщ» полковник Шуберт получил назначение по дипломатическому ведомству, а Гулеско получил ангажемент в Египет.

На следующий день в кафедральном соборе была панихида по принцу Дону Хайме Бурбонскому (бывшему командиру Лейб-гвардии Гродненского полка), мы все были в полном сборе. По выходе из собора, огромная толпа устроила нам овацию: «Да здравствуют русские рекете!»... «Да здравствует Царская Россия!»... Мы стояли группой на ступенях собора и держали под козырек. Впечатлений приятных было много. Но самые интересные впечатления были впереди. Утром Болтин и Н. Кривошея улетели авионом в Бургос по нашим делам. На следующий день получили от них телеграмму: «Принимайте подданство в Барселоне». Мы сунулись по этому поводу к гражданскому губернатору, но тот не принял нашу делегацию, тогда обратились к военному губернатору генералу Гарсия Эскамесу и тот через полковника передал, что устроит это дело. Группа наших ходила в Алькальду (городскому голове) города Барселоны зондировать почву насчет нашего возможного устройства — тот обещал содействие, которым мы никогда не воспользовались, так как вскоре уехали в Мадрид.

15 октября. День Святой Терезы, покровительницы интендантства. Мы все приоделись, почистились и ждали, что за нами придут, чтобы повести нас в церковь на торжественный молебен в присутствии генерала Оргаза, но так и не дождались. Получилось конфузное положение: нас спросили, почему мы не пришли, ответили, что нас не пригласили. Но обед был праздничный, хотя мы все чувствовали себя сконфуженными. Вечером отправились на автокаре в фабричный городок Бадалону, пели в театре, были жаркие овации — сбор 200 пезет (доллар тогда был 10 пезет). Даже дали нам бумажку о нашем выступлении. Явился к нам алькальд какого-то приморского городка, предлагал 700 пезет за концерт в его городке — отказались. Потом пришел какой-то офицер, предлагал выступить для Красного Креста.

17 октября. Барселона. Утром отправились всей компанией к судье на предмет принятия испанского поддан-

ства. Потребовалось два свидетеля — их нашли тут-же, видно это специалисты, они за нас и расписывались и поручились, хотя мы ни до этого, ни после этого никогда больше не видели их. Судья спросил: «Присягаете-ли на верность испанскому флагу и отрекаетесь ли от всякого другого подданства?». Кто-то из наших ответил: «Кларо»... (ясно, конечно). С трудом мы воздержались от улыбки в такой решающий момент. На обратном пути, все как в рот воды набрали, все молчали, было тяжело на душе — пришлось снять русские национальные углы, которые мы носили на рукаве больше двух лет. Но как ни тяжело было, мы помнили завет генерала Врангеля: «Если обстоятельства потребуют, то принимайте чужое подданство, но оставайтесь всегда верными Национальной России». Мы испанское подданство завоевали — это благородное подданство, не то, что какое-то республиканское французское подданство, (которое мне предлагали в Париже, когда я работал на заводе Рено, предлагая на себя взять хлопоты и даже расходы, но я наотрез отказался). На следующий день у судьи получили удостоверения о подданстве.

20 октября 1939 г. Утром мы с Васькой Кривошеей ходили к алькаду, получили рекомендательные письма и с ними поехали в метро к директору автомобильного завода Испано-Сюиса. Васька взял на себя инициативу и объяснялся на невероятном волапюке, хотя я гораздо лучше мог-бы объясниться. Директор нас принял очень любезно и обещал послать ответ в Мадрид на имя полковника Болтина. Я сказал, что в нашей судьбе заинтересован военный губернатор генерал Гарсия Эскамес, а также и военное министерство. Но так как мы уезжали в Мадрид, то эти переговоры оказались бесполезными.

Интендантство ничего не взяло с нас за приют и ласку, оказанные нам, даже дали бутерброды на дорогу, их два камиона отвезли нас на вокзал, наши ординарцы нас проводили и снесли вещи в вагон. Сержанту мы подарили общую фотографию и портсигар с монограммой. По приказу военного губернатора, нам предоставили два купе в вагоне первого класса на скором поезде. К губернатору ходила наша делегация попрощаться и поблагодарить за всё, что он нам сделал.

МАДРИД

21 октября, суббота. Выехали из Барселоны в 8 час. вечера и в 11 с половиной утра, прибыли в Мадрид. Ехали через Сарагоссу и Гвадалахару. По дороге Боярунас стал закрывать окно в проходе и так дернул, что стекло разбилось вдребезги. Боярунас страшно обиделся и ни с кем не разговаривал всю дорогу. Нас встретили на вокзале Аточа Николай Кривошея и Тоцкий, который несколько дней болтался в Мадриде. Серый осенний день, не то, что в Барселоне, где теплая осенняя погода. Накануне были похороны генерала Санхурхо, который должен был быть главнокомандующим Национальной Армией, но погиб в авиационной катастрофе и вместо него, стал генерал Франко. Вчера все магазины были закрыты и на бульваре Прадо, ведущем с вокзала Аточа к центру столицы, все аллеи были изрыты гусеницами танков. Болтин поехал к военному губернатору, который обещал нам предоставить приют в интендантстве, но там места не оказалось и нас устроили в военном госпитале Барсело. Рано утром мы около вокзала выпили по стакану кофе с булочкой и весь день до позднего вечера были на пище святого Антония, так как мы в Барселоне выпотрошили наши карманы и все сидели «без никому», как говорят одесситы. Впечатление от Мадрида неважное — население бедно одето и мы в нашем итальянском обмундировании выглядели шикарнее всех. Вечером нам дали два грузовика и нас привезли в госпиталь. Отвели нам две палаты. Пришлось ждать до позднего вечера, пока приготовили нам ужин, ходили и щелкали зубами... Нас провели в столовую, монашки нас накормили. Кроме монашек в госпитале есть и сестры и мы с ними быстро сдружились. В госпитале много больных и раненых, которые с любопытством нас осматривают.

25 октября. Госпиталь Барсело. Госпиталь занимает большое здание, по-нашему, гимназии. Затеяли праздник, пригласили гостей, из важных лиц пришел полковник Ортега, занимающий большой пост в министерстве. Столовую госпиталя разукрасили флагами — солдаты всю ночь чистили здание, нам принесли обед наверх в наши комнаты. Со всех этажей пришли раненые, некоторых принесли на носилках. Успех имели потрясающий.

Был начальник санитарной части, полковник, с женой и дочерью, мило с нами беседовали. Откуда-то появились два парижанина — Великотный и Афанасьев. После нашего концерта, нас пригласили в отдельную комнату, где хорошо угостили — выпивка и закуска были в изобилии.

Нас пригласил к себе граф Флорида, бывший глава Карлистской хунты, было около 20 девиц «голубой крови», мы спели несколько русских песен и девушки тоже пели, угостили вином и сладостями, пели графу Флориде «чарочку» и даже качнули его, потом танцевали.

25 октября. Пошли к королевскому дворцу, так как назначено наше представление генералу Москардо, герою Толедского Альказара. Перегнали автообили с генералом Франко и его свитой. Пришлось ждать немного внутри дворца, так как оба генерала были заняты. Вошли в кабинет генерала Москардо, тот сказал краткое приветствие и каждому пожал руку. Вышли во двор и фотографировались — потом оказалось, что это для прессы.

29 октября. Вчера монашки нас пригласили на церковную службу — мы спели «Со Святыми упокой» и «Коль славен». После церкви, монашки и сестры нам предложили угощение с вином.

Пошли в «Аукзилио сосиаль» (общественная помощь) и там каждому из нас выдали штатский костюм и пальто. Эта одежда осталась от немецкого легиона «Кондор» (технической части) — каждый приезжал из Германии в штатском и оставлял свою одежду в этой благотворительной организации. Костюмы из синтетического вещества («из рыбьей чешуи», — как мы называли), хорошо сшиты, но если искра попадет, то начинает тлеть, и у некоторых костюмы быстро превратились в подобие решета).

Нам подали два грузовика и повезли в Пардо, резиденцию генерала Франко, километров за 15 от Мадрида. Пардо — это дворец, в котором жили наследники престола, дворец старинный. Во дворе увидели подростка — дочурку генерала Франко. Нас провели в приемную, пришел лакей в ливрее и задернул занавески. К нам вышла супруга генерала, под ее покровительством, мы совершали концерты в пользу сирот войны. С ней дочка. Спели им «Со святыми упокой», Корниловский марш и «Эй ух-

нем». Полковник Болтин попросил генеральшу показать нам генерала Франко, она ушла и привела его — на вид очень скромный и симпатичный и даже застенчивый. Спели Испанский Национальный Гимн (по-испански) и несколько русских песен. На прощанье Каудильо спросил: «Что он может сделать для нас?» Болтин ответил: «Мы ничего не просим для себя, только просим, чтобы он устроил желающих поступить офицерами в Испанский Легион». Генерал Франко сказал: «Я скажу генералу Варела (военному министру)». На следующий день полковник Болтин встретил дядюшку генерала Франко и тот сказал, что генерал Франко очень доволен русскими добровольцами и хочет им быть полезным. Болтин ответил, что русские желают, чтобы их устроили офицерами в Легион.

Мадрид. 25 октября в воскресенье — надел в первый раз штатский костюм — как-то странно себя чувствовал, так как по моему подсчету я носил испанскую военную форму с красным беретом больше двух лет, восьмьсот дней.

НОЯБРЬ 1939 года

Мои соратники стали понемногу устраиваться и расползаться. Но до окончательного устройства продолжали жить и питаться в военном госпитале Барсело. Боярунас уехал в Сарагоссу — Васька Кривошея, Пылаев и я проводили его на вокзал. Юренинский и Сальников слегли в военный госпиталь — у одного болезнь крови, у другого — нагноение после операции живота. Белин устроился инженером в учреждении, занимающемся восстановлением разоренных войной местностей (*Regiones Devastadas*), перешел в пансион — 6 пезет в день на всём готовом — дешёвизна невероятная: утром кофе, обед и ужин и отдельная комната. Он в Париже кончил русский технический институт. Пальчевский в военном госпитале в Карабанчеле — вырезают ему осколок из ноги. Клименко через некоторое время женился на сестре милосердия Гвадалухе нашего госпиталя — свадьбу отпраздновали скромно в предместье Мадрида, в Тетуане, ко мне сватали сестру невесты, но роман не состоялся.

10 февраля 1940 года в Сан-Себастьяне умер штабс-капитан Налетов, Марковского артиллерийского дивизиона — талантливый поэт и художник. Порхович писал из Сан-Себастьяна: «накануне он просил мою «хозяйку» — испечь ему пирог с капустой, а когда пирог принесли, он уже был мертв. Мы собрались в церкви госпиталя, священник прочел молитву и мы на коленях пропели «Вечную память» и «Со святыми упокой».

Капитан Николай Евгеньевич Кривошея уехал в Цеуту в Легион в чине тениенте (поручика). А на следующий день, 13 июня умер от разрыва сердца Сережа Бриллиантов; утром Васька Кривошея подошел к его кровати и говорит: «Что-то Сережа не двигается» — а он уже мертв.

Уехал в Меллилью (Африку) Васька Кривошея — мой большой друг, сержантом. Потом в Цеуту Павел Зотов уехал альфересом (подпоручиком) в Легион. Уезжающие получают аванс, заказывают военную форму, а пока будет все готово, живут в госпитале.

Так постепенно все наши рассосались — главным образом в Легион офицерами. Потом приехали из провинции Сальников и Иванов-Панфилов и тоже уехали в Африку, а некоторые остались причисленными к Легиону в разных военных учреждениях Мадрида. Наша страница закрылась,

**СОСТАВ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОТРЯДА
ПРИ ТЕРСИО РЕКЕТЕ ДОННА МАРИЯ ДЕ МОЛИНА
И МАРКО ДЕ БЕЛЬО.**

1-я группа прибывшая в начале марта 1937 года.

Голбан Дмитрий Корнелиевич
Гурко Вячеслав
Клименко Вадим Александрович
Кривошея Василий Евгеньевич
Кривошея Николай Евгеньевич
Налетов Владимир Иванович
Пылаев Лев Никанорович
Селиванов Николай Иванович

2-я группа — 1-го апреля 1937 года.

Белин Петр Васильевич
Сальников Михаил Андреевич
Сладков Николай Константинович
Тоцкий Лев Георгиевич
Яремчук 2-й Антон Прокофьевич

Потом прибыли из других частей на пополнение:

Ильин Борис Владимирович
Полухин Яков Тимофеевич
Фок Анатолий Владимирович

3-я группа — в августе 1937 года.

Артюхов Николай Сергеевич
Боярунас Владимир Викентьевич
Болтин Николай Николаевич
Бриллиантов Сергей Петрович
Гончаренко Константин Андреевич
Рашевский
Юренинский Михаил Николаевич

ДАЛЬНЕЙШИЕ ПОПОЛНЕНИЯ ИЗ РАЗНЫХ ЧАСТЕЙ.

Барон фон Остен-Дризен Илья Анатольевич
Барк Николай Эвальдович
Барон Вольф-Людингсхаузен Борис Сергеевич
Бибииков Александр Владимирович
Вайнер Николай Николаевич
Гурский Сергей Константинович
Зелим-Бек Георгий Михайлович
Иванов-Панфилов Пантелеймон
Константинов Евгений Владимирович
Ковалевский Владимир Иванович.
Пальчевский Евгений Евгеньевич
Порхович

Это все, что дала двухмиллионная российская эмиграция...

СОСТАВ РУССКОГО ВЗВОДА

к 1 июня 1939 года — к моменту нашей демобилизации
(отъезд наш из Терсио)

Артюхов Н. С.	Клименко В. А.
Белин П. В.	Ковалевский В. П.
Бибииков А. В.	Кривошея Н. Е.
Болтин Н. Н.	Кривошея В. Е.
Боярунас В. В.	Пылаев Л. Н.
Бриллиантов С. П.	Селиванов Н. И.
Голбан Д. К.	Сладков Н. К.
Гончаренко К. А.	Юренинский М. Н.
Зелим-Бек Г. М.	Яремчук 2-й А. П.
Зотов П. А.	

При уходе все были произведены в сержанты по Армии. Впоследствии все получили звание почетного капитана.

КОМАНДИРЪ
КОРНИЛОВСКАГО
УДАРНАГО ПОЛКА (Ударного)
"24" апреля 1938 г.
№ 3114
г. БУРГАСЪ (Bulgaria)

Штабсъ Капитану ЯРЕМЧУКУ Вѣроному
Бѣлая Испанія.

Дорогой и Глубокоуважаемый
Антонъ Прокофьевичъ!

Позвольте поздравить Васъ, а въ Вашемъ лицѣ и всѣхъ доблестныхъ Корниловцевъ борящихся съ мировымъ зломъ и кровнымъ русскимъ врагомъ не на словахъ, а на дѣлѣ, съ свѣтлымъ праздникомъ Христова Воскресенія.

Христосъ Воскресе, родные однополчане, истинные представители тѣхъ Корниловцевъ, про которыхъ нашъ незабвенный Шефъ говорилъ—"носители чести и доблести воинской!" Дай Вамъ Богъ счастья и успѣха, а намъ—радости, вновь увидѣть Васъ живыми и здоровыми, почетными членами нашей полковой семьи.

Принявъ въ командованіе славный Корниловскій полкъ, я поставилъ себѣ первой-же задачей установить непосредственную, постоянную и тѣсную связь съ тѣми его, къ сожалѣнію, немногочисленными представителями, кто завѣтъ и традиціи своего полка воплощаетъ не въ банкетныхъ выступленіяхъ, а въ ратномъ полѣ, не языкомъ—а мечомъ! Буду очень радъ, если Вы откликнитесь на мой призывъ. Я хочу въ непосредственномъ общеніи съ Вами почерпнуть силу и энергію для сохраненія родного полка и созданія изъ него кадра бойцовъ, подобныхъ Вамъ. Съ другой стороны—я хочу, чтобы и Вы, оторванные отъ насъ разстояніемъ знали бы и чувствовали, что Вы попрежнему остались членами нашей полковой семьи и что мы душою съ Вами!

Желаю Вамъ, родные однополчане, вообще—всѣмъ русскимъ, борящимся за правое дѣло и Вашему доблестному Бѣлому Вождю ген. Франко скорого и окончательнаго торжества надъ нашимъ общимъ врагомъ!

Уважающій Васъ

Полковникъ

Мой адресъ—

J. Kondratieff

Виктори Стрелинскіи
Burgas-Bulgaria

Командир
Корниловского
Ударного полка
24 апреля 1938 г.
№ 3114
г. Бургас (Болгария)

Штабс Капитану ЯРЕМЧУКУ Второму
Белая Испания.

Дорогой и Глубокоуважаемый
Антон Прокофьевич!

Позвольте поздравить Вас, а в Вашем лице и всех доблестных Корниловцев борющихся с мировым злом и кровным русским врагом не на словах, а на деле, с Светлым праздником Христова Воскресения.

Христос Воскресе, родные однополчане, — истинные представители тех Корниловцев, про которых наш незабвенный Шеф говорил — «носители чести и доблести воинской!» Дай Вам Бог счастья и успеха, а нам — радости вновь увидеть Вас живыми и здоровыми, почетными членами нашей полковой семьи.

Приняв в командование славный Корниловский полк, я поставил себе первой-же задачей установить непосредственную, постоянную и тесную связь с теми его, к сожалению, немногочисленными представителями, кто заветы и традиции своего полка воплощает не в банкетных выступлениях, а в ратном поле, не языком — а мечом! Буду очень рад, если Вы откликнитесь на мой призыв. Я хочу в непосредственном общении с Вами почерпнуть сил и энергии для сохранения родного полка и создания из него кадра бойцов, подобных Вам. С другой стороны — я хочу, чтобы и Вы, оторванные от нас расстоянием знали бы и чувствовали, что Вы по-прежнему остались членами нашей полковой семьи и что мы душою с Вами!

Желаю Вам, родные однополчане, вообще — всем русским, борющимся за правое дело и Вашему доблестному Белому Вождю ген. Франко скорого и окончательного торжества над нашим общим врагом!

Уважающий Вас

Полковник Кондратьев.

Примечание изд.: Полковник Кондратьев был убит в Югославии в рядах Русского Корпуса, во 2-й Мировой войне.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДОБРОВОЛЬЦАМ

Четырнадцать лет беспримерных скитаний
В борьбе со стихией и злобой мирской,
Несете вы гордо свой символ страданий,
Не зная ни днем и ни ночью покой.

Вы стойко стоите на страже заветов.
За правду и смерть вам легка,
Вы, рыцари белые, — против советов,
Где царствуют смерть и чека.

Вы молоды были. Все радости жизни
Беспечная юность несла вам с собой,
Но грянули грозно на нашей Отчизне
Кровавые смуты, разгул и разбой.

И гордо подняв свое белое знамя,
Без страха погибнуть в неравной борьбе,
С тех пор вы несете священное пламя
С надменной насмешкой — судьбе.

Капитан Марковец Я. Т. Полухин.
Убит на Кинто де Эбро.

ИСПАНИЯ

И все-таки дело совсем не в ней, несмотря на то восхищение, которое мы испытываем перед подвигами альказарских героев и доблестных частей генерала Франко. Дело совсем в другом.

Испания силою вещей сделалась театром борьбы белых и красных сил. Победа первых будет жестоким ударом по мировому коммунизму, красная власть в Испании — это огромный шаг к большевизации Европы.

Вот почему полномочный представитель СССР в «комитете о невмешательстве» товарищ Каган так ратует от имени Сталина за «конкретные меры» контроля над действиями национальных войск Испании. (См. английские газеты от 10 октября).

Вот почему полномочный посол СССР в Мадриде товарищ Моисей Розенберг является фактическим диктатором красной Испании и распоряжается от имени товарища Кабаллеро всеми политическими демаршами «республиканского» правительства.

Вот почему большевики назначили генеральным консулом в Барселону товарища Антонова-Овсеенко, известного специалиста по гражданской войне.

Вот почему советские пароходы «Нева» и «Кубань» привезли под видом молока и консервов для детей испанских милиционеров патроны и военное снаряжение.

Вот почему в СССР объявлен принудительный заем в пользу «спасения испанской свободы».

Вот почему португальское правительство, не без ведома англичан резко отозвалось на советскую ноту о контроле «снабжения повстанцев», а итальянский представитель Гранди, снабженный документами о большевистской помощи испанским коммунистам, открыто, в заседании комиссии о невмешательстве назвал большевиков «шантажистами», «провокаторами» и «мелкими жуликами». Он дал комиссии очень любопытные данные, а именно:

В начале сентября в Барселону прибыли четыре высших офицера советской армии. На военном аэродроме Гетафэ 25 сентября было 40 советских офицеров, распорядившихся сборкой 30 присланных из СССР аэропланов. Зенитные батареи в Барселоне состоят из русских орудий последнего образца. На мексиканском пароходе «Америка» доставлено в Испанию из СССР большое количество взрывчатых веществ, 20-го и 21-го сентября пароходы «Нева» и «Волга» доставили в Аликанте 500 тонн винтовок и патронов. На пароходе «Нева» находились советские офицеры. 6-го октября в Аликанте прибыл советский пароход «Кубань» и стал разгружать военное снаряжение.

При таких условиях, действия СССР нельзя назвать иначе, как провокационными. Советское правительство, — закончил Гранди, — имеет свою мораль, которая, конечно, на нашу не похожа.

**
*

Вот почему, наконец, все наши чувства сейчас с войсками генерала Франко, сражающимися не только за СВОЮ Испанию, но и за НАШЕ дело — борьбы с большевиками до полного уничтожения коммунистической заразы.

Да дарует им Господь победу.

Октябрь, 1936 г.

В. В. Орехов.

ИЗ ПИСЕМ РУССКИХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ КАПИТАНОВ БЕЛИНА, ЮРЕНИНСКОГО, ГОЛБАНА.

«Итак, я уже солдат испанской армии, белой и христианской... Испанцы с большим вниманием, симпатией и чисто братскими чувствами отнеслись ко мне и тем офицерам, которые к ним прибыли. Скажите всем, что мы здесь счастливы и удовлетворены. Счастливы уже хотя бы потому, что перестали быть шоферами, рабочими... Военные и добровольцы, мы нашли опять свое призвание... Вчера мы заняли Гупискоа, пред нами Визайя — еще в руках красных, которые обстреливают нас с укрепленных скал Удалайзы — 1.100 метров. Но мы скоро возьмем Визайю, потому что вера движет белые войска Франко.

За Бога, за Отечество, за Короля!

Этот клич, еще вчера чуждый для нас, сейчас сделался близким и родным, потому что в нем мы улавливаем нашу надежду.

Я-рекетист. Рекеты — это армия карлистов, католическая и монархическая. Что общего, казалось, у этих испанцев с русскими добровольцами, но, верьте, что здесь, наблюдая людей, ощущая их стремления, я вспоминаю Добровольческую армию, полки 2-го Кубанского похода... Мало того, рекетисты до странного напоминают наших казаков: дух и традиции у них также сильны, как и у наших казаков... Итак, верно, что мы чувствуем себя немножко у себя.»

.....

«Слушайте, молодые: сейчас я в 6-й раз ранен... Я не знаю, что со мной дальше будет, но говорю вам: делайте так, как я, как все русские, кто есть здесь сейчас. Говорю вам, что тогда и вы победите: За здравствует Россия и да здравствует Испания...»

• • • • •

«В Терсио (батальон) Донна Мария де Молина сражается много русских. Сражается с коммунистами — с теми самыми, с которыми сражались 17 лет тому назад все Корниловцы, Марковцы, Дроздовцы, Алексеевцы, Донцы и Кубанцы... Сейчас в Испании против этих самых большевиков продолжают сражаться русские офицеры... В алых шапках, как цветы, окрашенные кровью. Из которых многим для победы суждено умереть. Так там в Терсио были генерал Фок и капитан Полухин — оба поручики рекете. Полухин командовал взводом, а ген. Фок, хотя и состоял при штабе, хотел быть обязательно впереди и сам вызвался присоединиться ко 2-й роте. Они оба погибли на Арагонском фронте в августе, когда было большое наступление красных, которые окружили 2-ю роту в Кинто де Эбро. Рота понесла большие потери ее остатки заперлись и стали обороняться в местной маленькой церкви. Отрезанные от всех белых, они держались там две недели. Их пробовали выручить, только не вышло. А те рекетисты в «алых шапках» держались и умирали... Там и погибли генерал-майор Фок и капитан Полухин. Отдали свою жизнь сразу и Испании и России. В Испанию они прибыли со мною... Вместе мы лежали на Бискайском фронте под пулями. Сейчас из нас четырех, тогда прибывших, остался я один, четвертый тоже пал смертью храбрых. Когда мы очутились после перехода границы в Сан Себастиане — испанский комендант не хотел принимать Фока, сказал, что очень стар. Но тот тут же проделал такие гимнастические фокусы с винтовкой, взятой у рекетиста, что сразу комендант сдался и отправил его в Терсио.

Говорите всем, что только идя по пути винтовок и пушек, можно придти к воскрешению России...»

• • • • •

Вот уже месяц, как я сражаюсь за наше общее дело на стороне испанской белой гвардии... Пытался перейти раньше французскую границу, не вышло, отсидел две недели в тюрьме, угрожали высылкой из Франции. Пришлось наняться кочегаром на пароход и высадиться в Испанском Марокко, где нас пограничные стражи встретили недружелюбно и только когда мы предстали перед

капитаном, он оказался знакомым с событиями в России и с белой борьбой и исключительно хорошо к нам (мы были вдвоем) отнесся и поселил нас в казарме, откуда через пару дней, посадили нас на аэроплан, который спустился на юге Испании. Здесь население было полностью на стороне белых. Красные, пока занимали эти места, зверствовали и мы, проходя деревни, видели разрушенные и загаженные церкви. Я лично говорил с женщиной, матерью четырех детей, которую банда красных при ее детях изнасиловала, а потом при ней же убили двух ее мальчиков... Как солдат, я не могу писать многого, но скажу, что в испанской белой армии я и мой друг почувствовали себя исполнившими наш долг. Здесь борьба с большевиками не на словах, а на деле. С оружием в руках защищаем свободу. Стоит только поговорить с жителями, чтобы узнать, что в Испании большевики зверствуют так же, как в нашей России. Заняв городок С-о с налёта, белые захватили весь их пропагандный запас: саженные портреты Ленина и Сталина, воззвания против религии, гнусные плакаты. Испанские офицеры рассказывают, что те офицеры, которые вынуждены были служить красным, находятся в трагическом положении, как спецы, за ними во всю смотрят комиссары и их расстреливают при первой же боевой неудаче. Белые в Испании защищают веру, культуру и Европу от красных зверей.»

.

«Вы не представляете себе, как мы, стоящие сейчас с нашей частью в маленькой горной деревушке, были обрадованы и тронуты, получив к Св. Пасхе ваш подарок из Брюсселя. И как раз во время переслал его нам Н. Н. Б. (Болтин). Устроили в хижине пасхальный стол, пропели Христос Воскресе, наш капеллан благословил трапезу и мы стали разговляться. Трапеза не обошлась без тостов. Пили за Россию, за Испанию, за нашего Генералиссимуса, за Вас и наших соратников, за нашего испанского командира. Пропели несколько песен и потом дежурная часть пошла сменять на постах испанцев. Мы продолжаем нашу боевую службу. Но те короткие часы, которые мы провели за нашим русским пасхальным столом, дают нам новые силы на тернистом пути служения нашему общему делу... Воистину Воскресе!»

Вот уже несколько дней, как я на фронте со своими товарищами в N роте терсии Зумалокарреги (имя известного испанского генерала) Рекеты. Мы все называемся «boina roja» (бойна рожа) по имени красных беретов карлистов. Официально мы — простые солдаты, но фактически на офицерском положении. Отношение к нам братское. Мы все горды тем, что принимаем на стороне правого дела участие в борьбе с общим врагом. Надеемся оправдать доброе звание русского воина.

Нам разрешили на форме носить русские национальные цвета и награды. Сражаясь теперь «por Dios, por Patria y el Rey», мы ясно понимаем, что эти лозунги вполне сейчас отождествляются с борьбой против большевиков.

Март 1936 г.

Н. В. Белогорский
(Ген. Шинкаренко).

ЧУДО АЛЬКАЗАРА

Сейчас еще невозможно знать, как 8-я дивизия брала вчера Толедо. Но, как бы блестяще ни шли ее полки, какие бы победы ни были совершены ее частями, все-таки в Толедской победе замечательным, единственным, является защита Альказара военным училищем испанскими кадетами.

И это не преувеличение. Кадеты держались в Альказаре с конца июля и вот были выручены 27 сентября, — два месяца. Это много.

Верно, история знает сидения более долгие. Крепостные сидения.

Но, — во-первых, Альказар ведь никакая не кре-

пость. Вы видели фотографии? Так, квартал домов, никак не укрепленный для обороны.

В сущности, даже непонятно как красные, с их артиллерией, даже с тяжелой артиллерией, с подкопами и минами, не снесли его с лица земли уже давно: весь Альказар от крыш до погребов. Прямо: Божье чудо.

Небывало и непостижимо.

Слава коменданту Альказара, полковнику Москардо; слава офицерам; слава кадетам.

И слава испанским женщинам, которые выдержали эту беспримерную осаду!

**
*

Вы читали в газетах, как пробовали их «спасти»? То есть: чтоб они ушли, бросили бы своих мужей, сыновей, женихов, братьев.

Как явился сначала с уговорами какой-то капитан Рохо, бывший преподаватель в училище, переметнувшийся к красным.

Как после него приходил священник?

Как приезжал под Альказар чилийский посланник?

Им обещали всякую безопасность, всякую неприкосновенность за порукой всего дипломатического корпуса в Мадриде. А они не захотели слушать: остались в вонючем дыму разрывов, под струями бензина, — (хитроумная выдумка красных, чтоб лучше поджечь), — на подкопе, — в царстве всяческого убийства.

И с перспективой рабоче-апатского надругательства впереди, — в случае, если мужчины не выдержат.

**
*

Но мужчины — выдержали.

И еще как!

Об этом хорошо рассказывает корреспондент парижского «Эксельсиора», побывавший не в Альказаре, — там никто не был, — а на завалах под его стенами.

Беру из этого рассказа три момента.

Первый: белый аэроплан сбросил тюки с парашютами. Неудачно, мимо. Только один зацепился за стену.

— Смотрите, они сейчас будут доставать.

Это объясняет добровольный гид-красноармеец.

И действительно, минуту спустя показалась голова кадета. Рука, — к драгоценному тюку.

Его сейчас же ссадили красною пулею. Ведь близко: в десятках шагов.

А красноармеец объявляет дальше:

— Подождите, это еще не конец. Они еще попробуют, потому что они здорово изголодались.

И пятеро осажденных, один за другим, пробовали подобраться к сброшенной с неба посылке. И никто не достал: были ранены или убиты.

Теперь момент второй.

А на красной баррикаде и сыто и пьяно; и весело: тэ-эс-эф.

В честь французского гостя уловили Париж: Мориса Шевалье, Жозефину Бэкер, негритянскую знаменитость. И, — тоже хорошая выдумка, — решили угостить парижским мюзик-холлем осажденных.

Для того, чтобы там лучше было слышно, чтоб ни одного слова не пропало, поставили целых два громкоговорителя, на Альказар раструбами. На-те, слушайте!...

Там голод; бухаются снаряды, дети, — может быть, вот этим разрывом раненые дети кричат.

А кругом расселись обезьяны: ждут, когда попадет им в лапы добыча, и издеваются, шлют в подарок Жозефину Бэкер: «J'ai deux amours»!..

И момент третий.

13 сентября, в 11 часов утра, двое красноармейцев подобрались под самую стену Альказара, — в то время еще были стены.

С зажигательными гранатами.

Изнутри по ним ударили из пулемета. Один из красноармейцев убит. Другой бежал назад, за свое закрытие; и оттуда не знаю почему, — может быть, братом ему был убитый или особо близким приятелем, — взмолился к белым:

— Не стреляйте! Дайте подобрать товарища.

И оттуда, из Альказара, в ответ послышался начальнический, повелительный голос:

— Брось оружие и выходи перед баррикаду! Станешь смирно и попросишь у меня разрешения убрать тело.

Красноармеец вышел и стал, — руки по швам и ка-

зенный товар, каблуки вместе; рапортовал:

— Господин офицер, прошу о разрешении вынести тело убитого товарища.

И когда услышал:

— Можешь убирать —
тогда убрал.

**
*

Вечно офицерское. И не даром Альказар обороняли кадеты, — будущие офицеры.

Другим бы не оборонить.

Сейчас Альказар освобожден. Освобожден имперский город Толедо.

Н. Белогорский.
(Н. В. Шинкаренко).

Сентябрь 1936 г.

КУЭСТА ДЕ ЛА РЕЙНА

Имя сраженья. И это красиво звучит: По королевски.

А для нас и на самом деле это самое простое и самое обыкновенное место над речкой Харамой, на нашем высоком берегу. Самое незаметное, даже бугром нельзя назвать. На нем, на Куэста де ла Рейна стоит белый разбитый войною дом, а кругом окопы.

Замечательно лишь то, что именно здесь мы вцепились таким глубоко укусившим зубом в самое тело товарищеских бригад: долезли до реки. По бокам же и направо и налево товарищи. Тоже на нашем боку речки, так что им не надо ничего переходить. И Куэста де ла Рейна отмежована от них только оврагом.

Все — совсем близко от Аранхуэса (южнее Мадрида), верстах в семи. И товарищеские батареи бьют от самого невидного для нас города.

Бьют и сейчас.

Много и плохо.

И сейчас, как вчера и позавчера солнце. Хорошее осеннее солнце. И голубое, голубое небо.

Ночью ж все в звездах.

**
*

Так здесь между Куэста де ла Рейна и всячески изничтоженной деревушкой Сесенья все эти дни, и вчера и позавчера шел бой.

Идет и сейчас.

Бой может быть и не огромный. Но для нашей, — для моей бандеры, — строгий.

Но, — победоносный для всех нас бой.

Я его видел и был в нем. Был и видел почти на Безуховский манер: почти как Пьер Безухов под Бородиным.

Я и расскажу о нем попросту. Без всяких тактик и стратегий.

Да и что в них... Это такое замечанье в скобках. Замечанье по четвертой моей войне.

И я пишу сейчас, в окопах. В опорном пункте. С проволокой. Он зовется Liano de Escartinas — Эскартинский низ или подошва. Сейчас здесь наш штаб, и по нас бьют их батареи. Все вправо и все влево.

Два ж дня тому назад здесь было всего человек сорок наших пехотинцев. И прорывавшиеся товарищи подходили шагов на сто-полтораста; а отдельные люди подлезали под самую проволоку. Товарищи почти окружили окоп.

И наши, самые обыкновенные регулярные солдаты, самого обыкновенного сегодняшнего полка все-таки удержались.

Не сдались и не ушли.

Ими командовал альферес, — по нашему подпоручик или прапорщик, — Авелино Руис. Молоденький альферес в каске.

Сейчас он спит.

**
*

Прорывавшиеся товарищи... Да сраженье начали они. Не знаю зачем: почему им было важно. Но они захотели наступать и большими силами, двумя бригадами по-

шли 12 числа после полудня и вправо и влево от Куэсты де ла Рейна. Пошли и прорвали нашу паутинку и окружили Куэсту.

Атаковывать ее не стали. К чему?.. Выдохнется и пропадет сама, — отрезанная.

Они просто ломились дальше.

Сраженье...

Мы, наша бандера, — одна из бандер нашего Испанского Иностранного Легиона *), — были в то время в Толедо на отдыхе.

И вдруг, по самому неожиданному, пришло приказание выступить. Сборы. Автомобили, грузовики.

Нас везли ночью. Бессонная ночь.

Выгрузка.

Не в Сесенья, — в другом месте, в очень целой и очень населенной деревне. Мы офицеры ужинали или утреничали под электрической лампочкой у секретаря деревенской мэрии; а сам мэр — алькальд принес вино в таком большущем кувшине.

Вино, красное. Ветчина. Хлеб.

Шумно.

Я подумал тогда, что вот вероятно кто-нибудь из нас здесь сидящих будет завтра убит...

Кто и кто?

Но судьбу на лице не прочтешь.

Утро. Солнце.

Тридцатое число...

Сесенья. Белые и серые дома. Разбитые. Половина без крыш и стены в отметиках пулевых и от осколков. Колокольня церковная. Две каплицы. В одной из них перевязочный пункт.

Где-то по близости батареи, — наши.

И уже большой гул.

Орудийный.

А впереди поля. Голые и заброшенные. И темные пятна масляных роц, людьми посаженных. В них все дере-

*) В которых даже и нет почти иностранцев. Все самое испанское.

вья стоят такими правильными шеренгами геометрическими.

Только отсюда сейчас не видно геометрии.

Много пуль. Свистят, свистят и свистят оттуда.

Сейчас в наступление. Отбирать все, что удалось забрать красным товарищам.

В наступление, в контратаку. Мы, наша бандера, и мавры-марокканцы. Их зовут «regulares» алые фески и серые колпаки-тюрбаны.

Никаких касок, — ни у нас в Легионе ни у мавров. Тяжело носить... И кроме того традиция, — широкая традиция.

Над всем и всеми наш командир бандеры, майор Хозе Пеньярредонда. Наголо бритое лицо с соколиным средневековым профилем. И у угла рта шрам от раны; от африканской.

Манера блестяще командирская.

Объяснение, — отдельное для каждого командира.

Мелко и зелено-серо по серо-зеленому. И сильно, — сильней, — забили наши батареи.

Потом Легион: наша бандера. Тоже вперед, вдоль полевой дороги, узенькой. Разворачивается по-ротной. И каждая рота не цепями, а малыми пачечками.

По новому, по сегодняшнему.

Впрочем, это все-равно: под огнем, через четверть часа будут те же старинные цели...

Легионеры в коротеньких зимних куртках, каздорах. Удобные. И расстегнуты вороты, и выпущены наружу широкие воротники зеленых рубашек.

Те ж, кто по-летнему, в одних рубашках, у тех засучены выше локтей рукава. Здешняя манера. Руки бронзово загорелые.

Идут в бой, и в ротах поют:

Legionario, Legionario,
De bravura sin ignal,
Si en la guerra hallas la muerte
Tendras siempre por sudario

Legionario,
La Bandera Nacional.

Простые слова: о славной смерти в бою; и о том, что

славною смертью цветет Испанское знамя.

Легионная песня... Идти с ней в атаку блестяще.

Пошли. Одна, вторая и третья. Все роты. Все наравне. Все с пулеметами.

Пошли. Уже без песни. И пули, пули, пули.

А поле, — такое, что нет нигде ничего, что могло бы хоть чуточку задержать хоть одну бьющую оттуда ружейную или пулеметную пулю.

И еще артиллерия: наша и их; и всех калибров, от трех до шести с половиной дюймов.

Все гранаты. Шрапнели, — ни одной.

Носилки с ранеными.

Отовсюду.

Больше от нас. Из бандеры.

**
*

Огонь, огонь и огонь.

Как? Все бои в конце концов похожи друг на друга.

Или, вернее сказать, все на войне в двух стилях: в удачном и нет.

Поля и стрельба. Поля, с прошлого года заснувшие. Пустые, в колючках. И кусочки такие, где как-то растут еще нищие бедные остатки овса. Заморыши изсохшие.

Прокопанная дорога с насыпью.

Прижавшиеся к насыпи люди. И пули, пули, без конца...

Что вышло?

Товарищи сразу и всюду остановились. По всему полю; по всем полям и рощам.

Мавры атаковали в легкую, выручили нашу теперешнюю Эскартискую подошву.

Гонят пленных.

Их первые партии подводили к нам к командиру.

Скверно одетые. Никак не выправленные. У всех лица, старающиеся быть довольными.

Вправду? Или правило игры?

И наша бандера атаковала в самую вражескую гущу, — в самый огонь, в трудное.

Атаковала кроваво. Особо для самой себя: шесть офицеров и человек полтора ста легионеров.

Носилки... И на спине у здорового... И сами по себе, на своих двух ногах...

И все-таки наша бандера взяла у красных Casa Colgada и окопы около.

Взяла ее все-таки бандера.

**
*

И теперь главное. Человечески главное.

Я знаю, что такого войска, где все бы подряд были храбрыми, нет на свете. Хорошо знаю.

Но вот слушайте, в этом бою, 13 октября около Куэста де ла Рейна, я не видал ни одного легионера, который шел бы назад здоровый и зря, под каким-либо предлогом. Ни одного!

И раненые — ни одного почти стога. Только один просил жалобно:

— Посмотрите на меня!

А офицеры: командир одной из наших рот, поручик Рольдин, был сильно ранен в ногу и не позволил себя вынести и продолжал командовать.

И, — был убит.

Другой, — поручик Вийальба. У него свое особое несчастье: имеет отца генерала, который служит товарищам — красным; важное лицо у них. Несчастье.

Так Вийальбу ранило в ноги. Двумя или тремя пулями. В обе ноги.

Его перевязывали при мне. И когда санитары подняли носилки, чтобы нести в тыл, то Вийальба прокричал громко, так что слышали все:

— Viva la Legion!

Наши раненные... Наша бандера...

Славная.

**
*

И еще совсем особое. Мною, во всяком случае невиданное.

Наш священник — капеллан, падре Валь. Он молодой. Всегда в очках. Мало видный.

Или нет, наоборот: очень видный. И это очень странно звучит для русского уха, — очень рыцарственный. Ис-

ключительно рыцарственный.

Священники здесь носят офицерскую форму: то же хаки и та же шапочка — горро — на голове. И крест наперстный.

Так этот крест с распятием, — все из черно-белого металла, — крест на груди, наполовину спрятанный и на половину наружу, мне видится так как будто бы он на броне...

Иоанниты, тамплиеры и здешняя испанская Калатрава...

Падре Валь иезуит. Испанский иезуит, приехавший сюда из Бельгии.

Добровольно.

Очень напряженный. Очень сдержанный — может быть своим собственным над собой насилием. Очень священник.

Особенный.

И вот сейчас в бою, он всюду. Во всех ротах, в самом большом огне.

При смерти...

Всюду ходит один, — без спутников и без провожатых!

Да, падре Валь в бою напутствовал и причащал, — под десятками тысяч пуль.

И кроме того, помогал еще иначе, по самому земному: как брат милосердия, как санитар.

Выносил раненых, успокаивал, поил. Вот Вийальбу принесли с его помощью. И его падре Валя легионный мундир, совсем новенький, позавчера сшитый, сейчас весь в крови. В нашей, в легионерской, — в крови тех, кого он, падре Валь вынес.

Священник!

Я никогда не видел ничего хоть отдаленно похожего на это. Не видел прежде.

Знаю, что не видели и вы.

У красных товарищей танки. Столько то: три или четыре советских танка.

Только они осторожные, боязливые. Боятся бутылок с бензином что ли?

Боятся и не лезут вперед. Сам, своими глазами я не видел ни одного. Не видел, — но слышал их выстрелы; и пулеметные, и пушечные. Быстро шипучие.

Танки... А у нас пехота. Бандера и мавры. Винтовки, и гранаты, и вот бутылки воспламеняющие.

Бой.

Победный, — против всего!

Мавры там налево взяли еще совсем коренные товарищеские линии.

И мы, — часть своего.

**
*

Это было 13 октября.

И следующий день, — четырнадцатое. Наш Покров. Когда-то это был праздник моей батареи.

Русской.

Сегодня вышел тоже, — для меня, — артиллерийский день: почти сплошной стрельбы, их и нашей. И все гранаты. Против окопов хорошая вещь... А против людей? Против развернутых в Кастильской степи, наступающих батальонов?

Сейчас получены известия: все взято; все товарищи отброшены; Куэста де ла Рейна выручена.

Ура!

**
*

И вот последнее.

Те товарищи, которых сегодня смяли: коммунисты. Партийные коммунисты из 14-й Интернациональной бригады.

Их побили вместе с их танками.

Победа. Начавшаяся победа.

Но это еще не конец. Будет продолжение.

Н. Белогорский.

(Ген.-майор Н. В. Шинкаренко).

С поля боя 14 ноября 1937 г.

ПЛЕННЫЕ

Я сегодня в надзоре за пленными. Занятие довольно прозаическое; но, — все-таки мне это интересно. И мне думается, что не бесполезно кое что об этих пленных, когда то красных солдатах, написать.

Не бесполезно, оттого что «товарищи», и вместе с ними вся передовая пресса всех передовых стран любят кричать о жестокости «фашистов».

Так вот, смотрите.

**
*

Эти пленные, с которыми я сегодня вожусь, присланы к нам на работы. Укрепляют позиции, то есть роют траншеи. Работают так, как это полагается всякому землекопу по принуждению, — то есть, плохо.

Но, не об этом речь.

Значит, рабочая рота. Так и называется: рота такого-то рабочего батальона. Все с соответствующими номерами.

Сплошь, люди с севера; взятые в прошлом году под Бильбао и под Сантандером. И почти все они баски.

Сейчас, в разговоре, любой из них уклоняется от точного ответа насчет своего прошлого. Прошлого духовного; что думал, к какой партии принадлежал и так далее. Каждый был с красными, — так, случайно...

Это разумеется лишь естественное, самохранительное вранье человеческое. На самом деле, огромное большинство из них оказалось в красных по той простой причине, что были они баскскими самостийниками.

Не даром и сейчас крестильный крест носят и иконки, — ибо ведь самостийники баскские, это такие красные католики. Забавное сочетание слов?..

Но конечно, и самостийность их была умеренно рядовая и краснота не яркая. Это несомненно. И сейчас верно без особого насилия над собой, при каждой команде «разойдись» они, раньше, чем покинуть строй кричат, по нарождающемуся здесь обычаю:

— Фран-ко! —

В два приема возглас.

Не страшно красные, не страшно самостийные... Но

похвалиться им нечем. А если как следует покопаться в прошлом каждого, то несомненно найдутся и вины, преследуемые уголовными законами всех стран и каждой страны. Вины произвольные и потому легко подводимые под прощенье... Возможно! Но тот, кто склонен прощать, — очень далек от фанатизма и от свирепости.

Еще, — очень обыкновенные лица двадцатипятилетних парней.

Почти, как у наших легионеров.

**
*

Теперь, перехожу к главному; к тому, что меня особенно интересует.

Как они живут? Или, если ставить вопросы с полной строгостью: какую жизнью их сейчас заставляют жить? Пункт первый, который естественно, приходит всегда в первую голову: Как одеты и какой у них вид?

Очень хорошие солдатские рубашки; защитные. Совсем такие же, как у наших солдат. Все до одной рубашки целые.

Вполне исправные штаны, тоже, военные.

Обувь со всячинкой. На головах, широкополые матерчатые шляпы.

Как у наших артиллеристов.

В общем, вид и одежда самые солдатские. За исключением обуви, все самое доброкачественное.

И, честное слово, встретить я их без конвоя на улице, я не подумал бы, что это пленные.

Так, — наши солдаты.

Кстати завтра они будут бриться и стричься. Придет «барберо» из одной из рот.

С одеждой и видом кончил.

**
*

Дальше, как живут и как спят?

Деревня, где мы стоим, — наша сегодняшняя деревня, — сильно разбитая войной, стрельбою, войсками. Почти брошена жителями.

Так скелет деревни...

Понятно, что дом, в котором размещены пленные, та-

кой до тла опустошенный и от всего, всего и всего очищенный дом.

Опять говорю: скелет. Жить в нем не вольготно; и вы бы жить в нем не захотели.

Но, — точь в точь, в таких же домах стоят здесь все наши роты. И в этом самом, под полон отведенном доме, раньше, — совсем недавно, — тоже стояла одна из наших рот.

Спать? Тоже спартански неприхотливо и отнюдь не радостно спать на каменном полу, подослав под себя тоненькое одеяло или холстину от мешка.

Но точь в точь так же, — на одеяле своем, — спят и все до одного наши солдаты.

Победители.

Испанец не требователен, приспособляется легко и доволен даже и самым малым.

Разницы здесь никакой: для пленных тоже самое, что и для наших.

**
*

И чтобы не забыть: вот сегодня, в 4½ часа пополудни водили всех пленных поголовно брать душ.

Ибо деревня-то у нас разбитая и разгромленная, но военно банное учреждение у нас устроено. С душами. И не только холодная, но и горячая вода.

Мылись с мылом. И у каждого почти было, чем вытираться: свое полотенце.

И мылись весело.

Еще бы, — в палящее кастильское лето!

Так это было сегодня. И не только в сегодняшней день, но и вчера и позавчера; и так же будет завтра.

Ибо, — такой установлен порядок. Раз навсегда.

Не знаю, часто ли вот эти самые парни мылись у красных, — когда они были красными.

**
*

Но кроме того, пленные, — каждый из тех, что сейчас на работах, получает еще и жалованье. Деньгами, на руки, — 25 сантимов в день.

Это немного? Верно. Но, — на мелочи, на мыло и на несколько папирос хватает.

И кроме жалованья, идет еще и паек. Денежный на него отпуск всего на 10 сантимов меньше, чем отпускается на легионера, — на самого знаменитого из всех наших солдат.

**
*

Кормятся пленные при одной из наших рот.

Сегодня на обед было:

Суп с картофелем и бобами; густой, наваристый суп; *empanadillas* — такие испанские пирожки с насухо пропеченным тестом; нарядные; фарш — рыба с картофелем;

тушеное мясо с гарниром;

десерт, — сливы.

К обеду, белый хлеб (помногу) вино и черный кофе.

Все абсолютно то же самое, что и для легионеров нашей роты; и абсолютно то же самого качества.

Разница только в количестве слив, помните, что пленному идет в день на 10 сантимов меньше.

И я сегодня пробовал сам, и суп и *empanadillas* и вино. Все пробовал, — и все было хорошо и вкусно.

Еда не тюремная и не для лагеря за проволокой.

**
*

И наконец, — работа.

Утром с 6 до 10 часов; и под вечер, с 6 до 8 ч. Меньше, чем работает в летнюю пору мужик русский или испанский...

Лопата, кирка. Но, — работа без окриков и без гирей ложащегося принуждения.

Работа рабочих, а не тюремных сидельцев.

Не большевистская работа!

**
*

Я перечислил все; и смею заверить, входил сегодня во все.

Все перечислил, и каждый может видеть, насколько

новая антикоммунистическая Испания не злопамятна и не мстительна к своим побежденным и сдавшимся врагам.

«Счастливые пленные»?..

Было бы глупой наивностью попробовать это утверждать. Не очень красный, не слишком самостийник... Все равно, никакой и никакой человек никогда не может быть счастливым, как бы его не кормили, когда он под надзором, на учете, без воли и без возможностей. Это судьба всех пленных, во всех войнах и у всех народов.

Счастье? Нет!

Но, несчастье, — малое, легкое, смягченное. И не такое несчастье, по всей правде говоря, заслужили те красные, что шли вместе с убийцами стариков и детей, с поджигателями церквей, с грязнейшими насильниками!

Тот плен, в котором они сейчас роют наши окопы для них уже незаслуженное и из милостивых милостивейшее прощенье.

Прощенье новой Испании.

Н. Белогорский.
(Ген. Шинкаренко).

Мадридский фронт.
21 августа 1938 г.

РУССКИЙ ДОБРОВОЛЕЦ В ИСПАНИИ (Из письма)

Вот уже четырнадцатый день, как я сражаюсь за наше общее дело на стороне испанской белой гвардии.

Я уже писал перед отъездом, что при первых же известиях о восстании испанского офицерства против агентов III-го Интернационала, я твердо решил, вместе с моими товарищами, бросить здесь все и идти сражаться. Хотя это грозило мне очень многими неприятностями, я это выполнил...

Перешло нас четыре человека границу Испанского Марокко. С первого же момента то же, что было в Добровольческой Армии, когда к нам переходили с красной стороны. При первом же разговоре с пограничной охраной, когда выяснилось, что мы — русские, к нам отнеслись весьма недружелюбно надо вам сказать, что мы едва избежали больших неприятностей... Однако же, пройдя неизбежные опросы сержанта и лейтенанта из нижних чинов, мы добрались до командовавшего постом капитана, который оказался исключительно в курсе событий в России, знал о существовании русской эмиграции и очень сердечно отнесся к нам. Я никогда не забуду этот вечер на пограничном посту, где мы — гости испанского офицера — впервые увидели со стороны иностранца понимание опасности большевизма и необходимости борьбы с ним до конца. Мы, как могли, в первый же день нашего пребывания в белой Испании, выполнили свой долг и поведали ему, как горек опыт нашей гражданской войны, той же, что они ведут сейчас, той, что мы начали много лет тому назад...

Затем нас отправили в штаб района, где мы встретили уже прямо дружеское отношение. Мы изъявили — все четверо — желание отправиться немедленно на фронт. Жили два дня в казармах. К счастью все наши документы оказались в полном порядке и вполне удовлетворили

штаб. На третий день мы были зачислены в Н-скую офицерскую резервную роту и отправлены в порт З., (Ceuta) откуда на пассажирском аэроплане нас перевезли на полуостров...

Вдумайтесь в это понятие: «офицерская рота», в которой я нахожусь четырнадцатый день. Это то же самое, до странного то же самое, что было у нас в первые месяцы Добровольческой Армии. Под знамена сейчас стеклись все, и стар, и млад. Рядом со мной в строю отставные штаб офицеры, в то время, как ротой командует капитан. Мы «числимся» в резерве, но уже участвовали в одном бою и трех стычках. Люди сейчас очень нужны. И хотя нет названий «ударный» полк, наша часть с честью его заслужила.

Здесь на испанском юге все население против большевиков. Надо только видеть, как встречают белых. Красные зверствуют, как и у нас. Мы, вот, прошли уже десятка два селений и я лично видел разрушенные, сожженные и загаженные храмы, трупы священников, трупы детей и женщин. Я лично видел и присутствовал при составлении протокола: жену ушедшего к белым жандарма, мать четырех детей, изнасиловала при детях банда красногвардейцев, потом при ней же убила двух ее мальчиков... Страшные сцены, которые, естественно, ожесточают и белых. «Белые» — так они и называют себя.

Как солдат, я не могу писать многого, но скажу, что в испанской белой армии я почувствовал себя, как и мои товарищи, наконец, исполняющим свой долг. Наш поступок, то, что мы отказались от положенного нам маленького содержания, имея свои деньги, произвел огромное впечатление в нашей роте, где, кстати сказать, все довольствие и содержание идет на счет (личный) организатора роты нашего капитана — когда-то богатого человека (теперь его имущества конфискованы правительством и он сам приговорен к расстрелу).

Я, бывший русский офицер, горд и счастлив тем, что выполняю свой долг. Здесь борьба с большевиками не словами, а оружием. А что это большевики, и никто иной, надо посмотреть образцы пропаганды красных, действительно, талантливой. В городке С-о мы с налета захватили весь их пропагандный запас.

Там мы захватили саженные портреты Сталина и Ле-

нина, образцовые красные уголки, воззвания против религии, отвратительные антирелигиозные плакаты и пр. Испанские офицеры определенно говорят, что все это делается по приказанию резидента Сталина, живущего в Мадриде... В трагическое положение попали те офицеры (и даже генералы), которые пошли служить красным. Их держат, как спецов, при них комиссары и их расстреливают при первой же боевой неудаче. Мы же здесь в белом лагере — все, от генерала и до последнего солдата — испанцы и немногие иностранцы — выполняем свой долг — защиты веры, культуры и всей Европы от нового натиска красного зверя.

Если останемся живы, напишем. Если нет, запишите где-нибудь наши имена, что-бы их помянула будущая Россия.

Искренне ваш, преданный

б. поручик артиллерии (Зотов ?).

Сентябрь 1936 г.

СТРАНИЦА РУССКОЙ ДОБЛЕСТИ

Геройская смерть военно-морского летчика, старшего лейтенанта Всеволода Михайловича **Марченко**.

Старший лейтенант Марченко отличался неоднократно в воздушных боях с красными и удостоивался военных наград Испанского командования. В августе месяце ему предложили перейти из строевой части на положение инструктора авиационной школы, он отказался, 12-го сентября его перевели на ночные полеты, которые он совершил 12 и 13-го. 14-го числа он вылетел на фронт в 8.30 час. вечера. Аппарат Марченко был сбит в расположении красных.

Пулеметчик аппарата Марченко, бывший в хвосте аппарата, спрыгнул с парашютом и спасся, пробираясь трое суток по ночам и пробрался вновь к белым.

Он рассказал следующее: ст.-лейт. Марченко получил приказание бомбардировать аэродром в районе Сарагоссы, пролетел над ним, сбросил бомбы и при третьем бомбардировании был атакован советским истребителем. Аппарат Марченко загорелся. Спасшийся пулеметчик показал, что горящий аппарат Марченко упал...

В ту же ночь радио красных сообщило, что при сбитии белого самолета на нем нашли пять трупов.

Всеволод Михайлович — участник Белого движения в армии адмирала Колчака, где отличился в ряде блестящих дел.

В Испании до гражданской войны он служил пилотом на возд. линии Мадрид-Париж. Арестованный в первый же день революции, Марченко удачно бежал и добрался до белых, где сразу же вступил в чине капитана в авиацию Армии ген. Франко.

Прекрасный офицер, выдающийся летчик, он погиб на поле брани за Честь и Доблесть в борьбе с нашим заклятым врагом.

Надо отметить, что в испанской же авиационной школе обучается его сын Игорь, определенный туда отцом. Его мечтою было летать вместе с отцом.

Да успокоит Господь в селении праведных светлую душу славного воина Всеволода и да оценится его жертва будущей Национальной Россией.

Один из добровольцев.

(А. Трингам ?).

Сарагосса, 2 октября 1937 г.

В БОЯХ В ИСПАНИИ (Испанский Легион)

...Каждый день налеты. Авиации здесь очень много. На днях над нашей головой произошел воздушный бой. Зрелище изумительное по красоте и ужасу!

Был чудный солнечный день и мы сидели спокойно на солнышке, ловя «зверей». Но вот послышались знакомые звуки — журчание. Все насторожились и лица стали серьезными, шутки прекратились. Все с тревогой смотрели на выбежавшего с биноклем капитана. Аэропланы летят на такой высоте, что их почти не видно простым глазом или только тогда, когда они уже над головой.

«Красные» летят. Приказ и все не торопясь, обязательно шагом, так как бегущий с аэроплана виднее, — идут до своих убогих укрытий и заползают кто куда может. (Во время похода или же на временных позициях обыкновенно для большинства, никаких укрытий нет и просто ложишься под куст). Но вот журчание переходит постепенно в рев моторов и уже видишь 1, 2, 5, 9, 12, — 17 тяжелых бомбовозов, а над ними, на высоте около 4-х тысяч, — охранители-истребители, по три на одного бомбовоза.

Нужно, действительно, самому видеть и испытать на себе эту ужасную бомбардировку, чтобы точно понять какой это ужас!

С тоской всматриваешься в направление их полета. На позициях — они сбрасывают бомбы только после осмотра, что бы не попасть в своих с такой высоты. Впереди, на быстроходном аппарате — начальник показывает курс.

Поворачивают, — значит — обрушатся на нас.

И вдруг, привычное ухо улавливает, сквозь рев моторов, новое журчание. Ура! Наши! Сколько их — не успели сосчитать, но более 26-ти.

Красные успели их заметить и бомбовозы, под небольшим прикрытием, спешат уходить, сопровождаемые нашей шрапнелью, а на оставшихся истребителей, налетают наши.

Бой в воздухе, грандиозный бой, когда десятки аппаратов кружатся и вывертываются, смешиваются между собой, на высоте 4-х тысяч метров, едва видимые. Слышен треск пулеметов.

Но вот первый закружился как-то не гармонично и падает. С замиранием сердца, все уже давно выскочившие из своих убежищ, всматриваются в небо. Кто? Наш или их? Еще слишком высоко. И вдруг, — громкое, радостное ура! Красный — Второй, — снова красный! Все обнимаются от радости.

Бой продолжается, но постепенно отошел от нас и только офицеры, в бинокль, видят отдельные эпизоды.

Красные уходят! Убегают разметанные, как стая диких уток, на которую напал сокол! Во все стороны. Наши их все время атакуют, но это уже все в одиночку. Так точно и не знаю, какие потери были у красных. — У нас, благополучно спустился лишь один аппарат с подбитым мотором. Остальные, снова построившись, как бы торжествуя, два раза пролетают над нашими позициями и в порядке улетают в Сарагоссу.

...Мы лежали на соломе, в подвале, находясь в ближайшем резерве, в шагах 500 за окопами, в деревушке, совершенно разрушенной артиллерией и авиацией, готовые каждую минуту или бежать на передовую линию, или же залезать еще глубже под землю, где вырыты хорошие укрытия от аэропланов и их бомб. Все углубились в чтение только что полученных газет из Сарагоссы.

Около 12 час. дня — вдруг какие-то крики. Все бегут из деревни к позициям.

Красные в окопах встали, подняли руки и что-то кричат. Несколько из них побежали к нам без оружия. Их, конечно, не допустили в окопы и выслали к ним охотников и офицера. Оказывается — поздравляют нас с блестящей победой в Астурии и концом северного фронта, говорят о скором окончании войны, о том, что они воевать не хотят и просят наших газет. Около десятка их вообще перебежало к нам.

Такие шутки они повторяют часто, но последняя окончилась не так благополучно.

Красные, как всегда, встали в окопах и начали просить дать им наши газеты. Конечно послали им их, с охотниками. Обе стороны, из любопытства, высыпали на окопы и начали перекличку. Я, к счастью, остался в окопе, так как красные неожиданно начали поливать наших из пулеметов. Картина интересная и поучительная для командиров. Результат представьте себе сами.

...Не мылись уже около 20-ти дней.

...Отношение ко мне в бандере исключительное, как со стороны офицеров, так и солдат. Русских рядом — никого и я говорю только по-испански (и с «бандарином» — знаменщиком), благодаря чему, делаю успехи в языке.

Когда я был в деревне, мне бросился на шею один легионер из 10-й бандеры. «Друг, брат, пойдем пить вино». — Пошли. Спрашиваю его «Почему я тебе брат?» — «Так ведь ты русский, а я итальянец — оба в легионе, значит теперь братья». — Пришлось согласиться, но «так как ты старший, то и плати за вино». Пили, — и он платил, а вечером я его отнес в его роту. Очень милый человек!

...Как солдат, я получаю достаточно и у меня все есть, что мне необходимо. Кормят здесь так хорошо, что нам могут позавидовать и рестораны, конечно средние, а в некоторых случаях и все вы.

...Сегодняшний обед: суп с лапшей, заправленный чесноком, томатами и луком; — фасоль с кусочком мяса и цветной капустой с вареным картофелем, — креветки жаренные в своем соку, — кусок телятины с жаренной картошкой, — горсть фиников, (вчера — грецких орехов), — стакан вина. И это в окопах на фронте, на вершине горы, за тридевять земель от ближайшего города. Да еще белый большой хлеб на человека и вечером будет в этом же роде. Почти никогда не съедаю всего, а вечером часто не ужинаю, — пью только кофе.

...А вот, что мы получили на Рождество: закуска — на зубочистке 1 маслина, анчоус, кусочек лангоуста, кусочек соленого огурчика, кусочек чего-то еще и кусок хлеба, — стаканчик вермута, — пилав из телятины, ракушек, креветок и каракатица с томатным соусом, — омлет с печеным перцем, — кусочек копченной ветчины, — стакан рислинга, — филе с жаренной картошкой, — апельси-

ны и яблоки, печение, стаканчик коньяку, и сигара-гаванна, красное вино не в счет, это вместо воды.

После обеда футбол, между 11 и 16 бандерами.

...На Арагонском фронте, к сожалению очень холодно. Горы в снегу и большие туманы. Это самое холодное место в Испании. Одеты мы тепло, но естественно, что когда проводишь день и ночь на воздухе, то пальцы ног и рук мерзнут, как бы их не кутали. Тем более, что на фронте приходится спать на матушке — очень сырой земле. Способ спанья легионеров — как сардинки в коробке, для теплоты — мною избегается. Не желаю собою кормить еще и чужих домашних животных, достаточно и своего скота. Но капитан разрешил мне устраиваться отдельно от компании и как хочу, освободив от переклички по утрам и вечерам.

...Третий раз я был ранен 5-1-38 при нашей атаке, осколком снаряда в голову. Ранение не опасное и я скоро встану. Лежу в Сарагоссе, но сегодня или завтра меня отправят дальше в глубь страны, на лечение.

Мы шли на Теруель, где должны были атаковать интернациональную бригаду красных. Я, настолько почувствовал, что со мной что-то случится, что оставил все свои бумаги в Сарагоссе и в бой пошел, одев все свои ордена и значки.

4-го мы атаковали передовые позиции красных, сбили их и прошли километров 5-6 вперед, все время с боем. Красные отступали, но огрызались здорово, но мы почти бежали вперед, не давая им опомниться, по снегу и по холмам. Устал здорово. К вечеру мы подступили к главным позициям красных и залегли за пригорком и ночевали тут же, прямо в снегу. 5-го, с утра, другие части пошли в атаку, догоняя нас и мы, лежа, наблюдали за этой грандиозной и блестящей атакой. Наша артиллерия громила непрерывно позиции красных, а авиация делала чудеса, поливая их сверху пулеметным огнем, спускаясь так низко над ними, что много раз мы думали, что наш аппарат сбит и падает, но он снова и снова взвивался кверху и снова атаковывал красных. Красные, подвезшие все свои резервы и массу пулеметов защищались до отказа и даже отбивались ручными гранатами, когда наши были уже ближе 20 метров и только тогда отступали дальше и снова открывали огонь. Часов в 12, наша бандера снова двину-

лась в атаку, на главную позицию красных на горе, и вот когда наша компания вышла наверх, я ужаснулся. Предстояло их атаковать на ровном, как стол плоскогории — метров до 1.500. Ровное поле в снегу, усыпанное камнями величиной до человеческой головы. Начали перебежку. От камня до камня. Красные открыли ураганный огонь из пулеметов, мы несли большие потери, но двигались вперед. Прошли уже метров 400, когда я залег, за небольшой камень, пытаюсь прикрыться им хоть немного. Вот здесь и произошло то, о чем пишу правдиво и подробно, так как это чрезвычайно интересно — психологически. Красные имели на этом участке 4 орудия, из которых интенсивно обстреливали нас площадями. Благодаря моему хорошему слуху, и тому, что звук летящего снаряда идет быстрее, чем сам снаряд, я всегда могу заранее сказать с точностью до 10 метров, где упадет снаряд и приблизительный калибр этого снаряда. Это дает мне возможность спокойно стоять там, где кругом все легли. Эти 4 орудия красных били так методично, что после 1-го я всегда рассчитывал верно, где упадет три других. И, лежа за камнем я увидел разрыв первого снаряда и как говорят, похолодел от ужаса. 4-й должен был попасть в меня, я это знал наверняка. Спасения быть не могло. Он должен разорваться где-то здесь. Конечно все это были мгновения, доли секунд, но с ними летели мои мысли. Свист и разрыв второго ближе, третьего — еще ближе, метров в 20-ти от меня. И вот я сердцем почувствовал полет четвертого. Знал, — прямо в меня. В диком отчаянии зажал уши руками, чтобы не слышать этого ужасный приближающийся и возрастающий зловеющий звук. Зажал уши до невозможности, но я все-же, его проклятого, слышал и когда мое отчаяние дошло до предела, раздался, наконец, оглушительный взрыв ударило в голову и я упал. Вот честно и точно мои мысли в этот момент. Оне врезались мне в голову. С трудом открыл глаза и приподнялся, но тут-же снова врылся в землю и подполз к своему камню... Ведь атака продолжалась и пули били в землю со всех сторон... Попробовал крикнуть — вышло хорошо и я начал кричать: «практиканте» — фельдшер и тут же вспомнил, что масса раненых кроме меня и скоро помощи я не получу. Поднял руку к голове — вся в крови. Тогда я начал сгребать чистый снег в котором лежал и прикладывать его к ране.

Снег моментально таял от крови, но я упорно продолжал его прикладывать. Минут через 10-15, услышал, что кто-то подползает ко мне сзади. Голову я не мог поднять. «Али, что с тобой?» — «Ранен в голову, зови практиканте и носилки». — Легионер, не знаю кто это был, стал кричать: «Али ранен!». Все это время я собирал снег и прижимал его к ране. Вскоре подползли санитары с носилками, втащили меня с вещами на них и они меня подняли и понесли назад по этому полю, под пулеметным огнем... Как эти 400 метров никто из нас не был ранен, — знает только Бог!

Тяжесть я представлял большую и санитары, задыхаясь, часто останавливались и делали передышку. Когда меня несли, я руками, с носилок, продолжал загребать чистый снег и прижимал его к голове.

Наконец, о как это было долго для меня, мы очутились за пригорком. Здесь пули били только случайные или залетные и санитары основательно передохнули, снесли вниз, где стояли все резервы и первая помощь. Сюда сносили со всех сторон раненных. Их была масса!

Но вот признаюсь, что меня обрадовало: кто-то узнал меня и закричал: «Боже! Али! Несут Али! и ко мне бросились бывшие в резерве офицеры и легионеры. Прибежал и падре, мой друг, капелан нашей бандеры и два наших лейтенанта-медика и тогда из массы раненых, других первезывали наспех, — как мне это и не было стыдно, — они уделили мне много времени, отлично вымыли рану, вытащили оттуда шерсть от моего шлема шерстяного, который был закутан на голове поверх подобно чалме и сделали чудную и настоящую перевязку.

Здесь же мне указали и мой шлем, — весь в крови, с дырой от осколка впереди и пробитый пулями в 6-ти местах! Я даже и не знал об этом! Бог спас!

Я встал с носилок с небольшим головокружением. Доктора сказали, что в метрах 200 находится сарай, где стоят мулы со свешанными по сторонам носилками, на которых можно сидеть и лежать, что бы я шел туда и с караваном отправился бы в деревушку, километров в 5, где находится полевой госпиталь.

Сердечно распрощавшись с ними, я, отойдя шагов 50 сел отдохнуть и подумать. Решил лучше пешком, лоцинами, пробираться самому в эту деревушку. Это оказалось

мудрое решение, ведь ад продолжался и как я узнал потом в деревушке, этот самый сарай был снесен артиллерией красных!

Все позиции красных были нами взяты, хотя мы и понесли большие потери. Я, конечно, еще не знаю, кто остался жив из моей бандеры, кто ранен и кто убит. Только в то время, что я находился в деревушке, а я в первую же очередь был амбуляцией (чудный санитарный автомобиль) отправлен по этапу дальше, там уже собралось до 45-ти раненных — только из нашей бандеры.

Меня перебросили до станции, посадили в поезд и отправили в Сарагоссу.

Ехал я с чувством радости, что остался жив; гордости — что участвовал в таком сражении и горечи — что еду без денег и папирос.

6-го утром приехал в Сарагоссу и меня положили в чудном временном госпитале, а так как в этот день оказался большой праздник, то к обеду посыпались неожиданности. Приехал кардинал и благословил всех, приходили шикарные синьоры, каждый получил — печенье, торты, шеколадные конфеты, портвейн, сладкое, орехи, сигары и ура! по три пачки папирос по двадцать штук в каждой и пять пезет. Таким образом, курю и отправляю, что пишу.

...Сейчас меня привезли в Бильбао, где чудный военный госпиталь-городок. Рана моя сантиметра четыре длиной, в правой части лба, идет немного вверх и в право. Кость разрезана, слава Богу, не до конца. Главное — это страшный удар, мною полученный и возможно сотрясение мозга, но очень легкое. Голова немного кружится и тошнота появляется пока довольно часто.

...Ранен я был в начале нашего удара, и поэтому не знаю результатов его, но уже одно количество взятых танков и сбитых аэропланов красных, — не считая тысячи пленных, — до безумия уставших и сдающихся толпами, — весьма показательны.

...Интерес к России здесь большой, но конечно не знают ни нашего белого движения, ни фактической жизни в СССР — «Царь Сталин с царицей Распутин, выгнали прежнего царя Троцкого, который убил Ленина». — Самое жаркое место — это минус 40 градусов и убивают всех, кто не имеет длинных усов и бороды». О том, что более четырех

лет существовала Белая Армия — не знают даже генералы. Русскую, национальную ленточку, раньше здесь никто не видел и приходят в восторг, когда узнают, что все-таки есть и русские, которые из за своих национальных идей, активно борются в рядах армии ген. Франко в Испании и все ранены по несколько раз.

...Раньше, мы все представляли Испанию — как жгучее солнце, пальмы, песок, зелень и т. д., но уверяю вас, что по холоду она не уступает северу России. Я помню, как в июне, при Альбаррасинском наступлении, мы по ночам дрожали на горах от холода! Когда я был ранен под Теруэлем — мы наступали при 15 градусах мороза! Снег по колени! В госпитале Бильбао лежит с отмороженными ногами Николай Бибииков. Там же лежал наш бандарин (знаменщик). Ему при мне отрезали одну ступню, а когда я уезжал, должны были отрезать и другую. Отморозил их при наступлении.

...Здесь каждый легионер имеет свою мадрину — т. е. крестную военную мать, почти всегда не зная, кто она, иногда их получают просто по объявлению в газете, иногда их назначают политические партии, по просьбе, конечно, самого легионера. Мне, лично, случайно сообщили адрес, я написал и получил ответ от одной сеньоры быть моей мадриной и теперь мы в переписке. По обычаю, мадрина посылает легионеру все, что ему нужно: табак, теплое белье и пр. Я же просил мою мадрину мне пока ничего не присылать, так как у меня все есть.

...Каждый захваченный кусок земли — очищается, приводится в порядок, налаживается снабжение, пленные исправляют дороги и только потом снова захватываем и отбиваем от красных новый участок земли. Благодаря этому, мы всегда имеем и хорошую пищу и достаточное количество снаряжения, а где нужно за нами едут и автоцистерны с водой. Организовано все действительно, замечательно.

Здесь, даже все женщины, от 18 до 35 лет добровольно несут службу на пользу Родине, заменяя ушедших на фронт братьев, мужей и отцов. Абсолютно все. И это считается большей честью и гордостью. Лучшие и богатейшие фамилии испанских грандов, наравне с простыми — участвуют в творческой работе для Родины. Работают все бесплатно, кто в госпитале, кто в министерстве или кан-

целярии. Всюду, во всех городах, открыты чистые светлые, большие и уютные бесплатные детские столовые и таверны, и любишь, как маленькие дети, от 3 до 8 лет, приучаются к порядку, дисциплине и чистоте. И здесь работают добровольцы-женщины, большею частью — барышни.

О мадринах, — говорить не приходится. Как они заботятся о своих приемных, можно судить по случаю со мной. Когда был я последний раз ранен и уехал из бандеры и моя мадрина две недели не получала от меня известий — послала две телеграммы в бандеру: одну мне и другую командиру, с запросом: — не случилось ли что со мной...

Гордость у всех большая. Гордость за свою страну, за своего генералиссимуса, за армию. У графа Флориды, в Теруэле, большой замок, с редчайшими картинами и произведениями искусства. Теперь все это разграблено, конечно, красными, в недолгое их пребывание в Теруэле. Когда-же графа спросили, почему он раньше не вывез все это из Теруэля — он гордо ответил: «Я испанец и если-бы я вывозил вещи, то этим, как бы, показал, что не верю своей армии, а я верю и верю в окончательную победу над красными. Ну а что пропало несколько вещей, так это случайность, весьма понятная в военное время».

И так здесь все и во всем.

Компельский

...Мы, русские, здесь себя зарекомендовали так, что нас как боевой и преданный элемент, ценят все, начиная от Начальника легиона ген. Ягуе и кончая простым легионером. Этим и объясняется, что нас не соединили всех в одной бандере. Но почти все русские в бандерах, назначены своими начальниками в «лассы», т. е. личные ординарцы. Во время очень серьезных боев, командиры приказывают ординарцам находиться при них и никуда уже их не посылают. Капитан знает наверное, что русский ординарец его не бросит до конца, и в случае ранения или смерти, всегда вынесет из огня.

Так вот что мне рассказали легионеры. Компельский тоже был назначен «лассо» при командире компании. Бандера наступала. Красные открыли сильный ружейный и пулеметный огонь. Падало много раненных. Компельский,

возвращаясь с какого-то поручения, увидел, как его капитан упал впереди, среди раненных и убитых, а бандера отступив, залегла сзади. Не долго думая, Компельский крикнул: «Легионеры! выносите своего капитана, вас я прикрою», — и схватив ручной пулемет, выскочил далеко вперед (перед всеми раненными и начал поливать красных из пулемета. Красные, конечно, сейчас-же сосредоточили на нем огонь. Через несколько минут Компельский упал, но снова раненый, поднялся на колени и продолжал стрелять, пока не упал, пробитый пулями, мертвый. — Легионеры в это время, успели вынести под его прикрытием, капитана. Труп Компельского достали ночью.

Капитан, который был только тяжело ранен, — выздоровел и когда ему теперь представляют русского — снимает фуражку, подходит, жмет руку, говоря — «Благодарю Вас за Компельского, который пожертвовал собой, что-бы спасти своего капитана, — каждый русский родной член моей семьи!»

Может быть, впоследствии, кто-либо из русских, сможет подробно все разузнать от самого капитана... а пока две с четвертью строчки... Я даже не знаю, как он выглядел и кто он в прошлом.

Али Гурский.

Май 1939 г.

НОЧЬ В КАРАУЛЕ

...Я уже писал Вам о жизни в 4-й бандере Легиона, где все, как офицеры, солдаты, так даже и наши мулы и собаки, считаются, с самого момента поступления в Легион — «женихами смерти», и эта суцая правда — мало кто ушел от этой своей страшной невесты. Благодаря хлопотам нашего милейшего Н. Н. Б-а (Болтин), меня перевели в наш маленький русский отряд, из рекете Кастельяно-Арагонеза в Терсио Дона Мария де Молина.

После бешенных атак с ручными бомбами, после ада и грохота артиллерии, танков, авиации и общего сума-

шествия... Майн Рид, Густав Эмар, Фенимор Купер! Наш отряд несет сторожевое охранение на очень важном участке по реке Тахо. Фронт здесь неосуществим. Высокие скалистые горы покрытые хвойным лесом и высоким кустарником. Страшные обрывы и, вместо дорог, горные козьи тропинки, да и то их нужно найти. Посмотришь вниз и голова крутится. Никакие большие операции здесь невозможны, а посему и идет здесь война индейская, партизанская и... суровая. Скальпы не снимают, но красные еще более жестоки — выкалывают глаза, вставляя туда найденные на убитом св. образки, режут на кусочки тело и т. д. Жизнь нашего отряда — это жизнь первых переселенцев на Далеком Западе, проникнувших в земли свирепых краснокожих.

Наш «форт» Т... (Орихуела дель Тремидадь) — небольшая деревушка, расположившаяся под горой, на вершине которой наш главный пост-редут № X. Окруженный проволокой с пулеметами на все стороны, он днем охраняет наш покой. Оттуда, сверху, видно далеко на километры кругом. Под его защитой проводим свой день.

«Главное» — начинается с наступлением сумерок. После ужина в 7 ч. — все готовится к бою. Читаются наряды и старшие разводят караулы: вот кабо (ун.-офицеры) повели в разные стороны на окраину деревни своих часовых; там сержанты уводят дальнюю разведку, наконец и очередной офицер ушел со своим взводом далеко вперед, за деревню, на укрепленный пост. Весь отряд обут в белые парусиновые туфли с веревочной подошвой и идут бесшумно — совсем как индейцы! У каждого свое назначение — караулы и секреты оберегают деревню; они должны быть особо бдительны, т. к. любимое занятие красных: тихо в темноте подползти к деревне и захватить задремавшего часового, снять его, а потом ворваться в деревню. Дежурный офицер, сержант и патрули все время поэтому обходят посты и горе тому часовому, который проморгает их приход! И, повторяю, все научились подходить тихо.

Наше село находится в нескольких километрах от самой Тахо (также как и село красных); справа и слева, где-то далеко, другие села — где находятся наши другие сторожевые части и с ними у нас связь гелиографами — между нами никого! Дальняя разведка очень опасна. Ухо-

дит ночью и рыщет по горам и лесам, стараясь захватить разведку красных, снять их часовых, воспрепятствовать постановке в нашем тылу на дорогах в Молину петард. Ответственность большая, а опасность еще большая: в темноте можно и самому наступить на такую петарду! Однажды красные нарвались на нашу петарду и на другое утро нашли только обломки пулемета, кровь и клочки тела — даже нельзя было и угадать: сколько было красных? Сила взрыва ужасна. Кроме того, дальняя разведка, по необходимости двигаясь быстрым шагом, дабы осмотреть возможно больший кусок местности, может наткнуться на засаду красных; — тогда: ручные бомбы и милость Божья! Все предоставлено собственной сообразительности, наблюдательности, хладнокровию и опытности. Часто, как «Следопыт», долго и внимательно изучаешь какой-нибудь найденный след на тропинке, остаток костра в горах и долинах, обрывок газеты, бумаги, веревки и проч. Кто? Красные или свои пастухи? Здесь сейчас днем так жарко, что стада (коров нет — бараны, овцы и козы) пасутся только ночью и далеко слышен звонкий колокольчик ведущего козла.

На днях красные угнали стадо овец, голов в 1.000, принадлежащее соседнему селу. Пастух мальчишка испуганный сообщил об этом только на рассвете, когда было уже поздно за ними гнаться, но мы только ухмылялись; мы у них угнали более 1.800!! Чем не индейцы?? Перебежчики сообщили, что красные знают, что в Т. (Орихуела дель Тремидаль) стоят белые русские и что службу несут исключительно бдительно — еще бы! Мурашки бегают по спине при одном воспоминании, что бы было с русским, если бы его захватили красные! Но мы свою шкуру ценим дорого, а потому просим о нас не беспокоиться, а что мы беспокоим красных, так в этом будьте уверены. Больше всего я люблю пост № V, а еще больше, когда всем отрядом уходим на пару дней к самой Тахо.

Весь отряд, гуськом друг за другом пробирается лесом и горами по тропинке; спереди, и по бокам идет разведка. Наконец, взобрались на вершину горы, покрытую густым сосновым и ёлочным лесом — воздух изумительный! Перед нами тысячеметровые обрывы, внизу сверкающей узкой ленточкой вьется речка; ущелья, скалы, долины; горные орлы парят под нами; из под ног вылета-

ют горные курочки и перепелки, иногда мелькнет заяц или лисица или издали перепрыгнет со скалы на скалу дикая коза. Тишина и благодать. На другой стороне Тахо — такие же обрывистые горы и на них парапеты красных; далеко в долине их село — наблюдаем в бинокли. Очередная разведка осторожно спускается к самой реке; нет ли наведенного мостика или найти новый брод. Наблюдаем лежа на животе, сверху за нами — видно только движущиеся точки пробирающиеся под защитой скал. Но вот вдруг снизу донеслось несколько выстрелов. Все насторожилось. Бинокли направлены вниз и... капитан изрыгает виртуозные ругательства... наша разведка не избежала искушения и глушит в реке чудных, громадных форелей под носом у красных! Мы смеемся — конечно это наш неутомимый Женька П-ий (Пальчевский) нагоняй получит — но рыба будет! На мулах подвезли еду и воду. Воды мало — по фляге на человека. Горят костры: вижу, наши таинственно шепчутся. Николаша С. (Селиванов) вытаскивает из кармана пакетик чаю, «Профессор» Я. (Яремчук) мешочек с сахаром — это «Дед» Б-с (Боярунас) разнюхал, что где-то вблизи есть источник и, забрав фляги и своего пса «Пепку», ушел его искать. Вдогонку идет Зотов со своим псом «Макаркой». Лай собак, испугивающих по дороге всякую дичь постепенно замирает вдали. Через полчаса возвращаются с чудной свежей водой, довольные, мокрые и грязные. Оказалось, что источник находится в пещере по которой нужно лезть на четверинках метров 20! Хорошо еще, что догадались захватить с собой электрический фонарь! Но главное чай есть и русская честь не посрамлена!

После чаепития — собираются ветки и устраиваемся на ночлег. Караулы тщательно расставлены — спится спокойно: красные влезть не могут, а обходить всю гору — сами окажутся в западне. Мое дежурство — последняя часть ночи. Чутко прислушиваешься к каждому ночному звуку, шелесту, шороху. Бесшумно пробираешься лесом, проверяя часовых и секреты. Черт!! Кровь прилила к голове, в бешенстве сжимаю кулаки и несусь вперед! Огонек!! Часовой не выдержал и закурил! Непростительно и недопустимо, но... получаю по носу, смеюсь сам над собой: светлячок! Оглядываюсь — один другой, третий — их здесь масса — ехидно смеется и часовой, угадавши мою

ошибку — рад случаю позубоскалить над своим «кабо». Что-то прошуршало около ног: змея, мышь? Здесь всякого такого «нежелательного элемента» много; 4 дня ходил с перевязанной рукой. Привет русскому от испанского тарантула. Всегда нужно быть на стороже — есть и камни, жгущие как крапива, есть спрятанные под листьями колючки, скалапендры овода и т. п.

Но вот на востоке начало светать — постепенно вырисовываются и выясняются далекие очертания гор. Первые просыпаются горные курочки, потом перепела — начинается чудная перекличка летающего царства. Облака постепенно меняют нежные краски, начиная от темно синих, переходя в фиолетовый и сиренево-розовый, потом в желто-золотистый и, под кукование кукушек подхваченное горным далеким эхом — первые лучи солнца посылают свой привет пребывающему миру. С любовью смотришь на разнообразные позы спящих русачков — с винтовками под рукой, с бомбами на поясах (спят здесь всегда в амуниции на случай тревоги). Завернувшись в шинели и одеяла от прохладного раннего утра спят кучками и отдельно, под кустами, ёлками и скалами. Под головой камень или куча веток. Крик пролетевшей птицы разбудил «Пепку»: — вскочила с лаем из под одеяла своего или чужого хозяина, вольно или невольно разрешившего ей забраться в тепло под свое одеяло, — ее закадычный друг «Макарка» — не остался в долгу. «Хозяева» — покрыли своих питомцев — красивым русским литературным эпитетом за распахнутые одеяла — соседи покрыли «хозяев» за «разбудку», — из вежливости помянув и их предков — те в долгу не остались и... день начался! Смех, шутки и «словечки» — заскакали в воздухе, полетели одеяла с еще спящих друзей, проснулись от гама, шума и лая собак все остальные. Бивак ожил.

Как хороша и прекрасна жизнь; как приятно, весело, дружески и чудно можно провести время — сейчас в перегонку побежим выкупаться в речке, потом, освеженные... раздался выстрел, — красные напомнили, что наш долг еще не кончен. Лица стали серьезны. Молча закурили...

Али Гурский.

ПИСЬМА ИЗ ИСПАНИИ
(Терсио Донна Мария де Молина)

МАРКОВСКИЙ ПРАЗДНИК В ИСПАНИИ

К своему полковому празднику здешние марковцы стали готовиться заблаговременно. Их заботливый казначей поручик Лев Никанорович П. (Пылаев) уже из сентябрьского жалования произвел со всех удержание на праздник и уже за несколько дней до него, они начали делать кое-какие закупки. Не знали только где придется провести этот день? За три дня до праздника нашу часть перебросили на другой боевой участок и наши, уезжая, взяли с меня обещание, что я отпрошусь из штаба нашего терсио и приеду к ним провести праздник вместе.

Получив необходимое разрешение командира, я двинулся в путь накануне праздника как бывало делали у нас в деревне приезжавшие на именины родственники, чтобы не опоздать к торжеству и ничего не пропустить! Дорога не столь дальная как трудная. От базы до позиции десять километров по крутым горным тропинкам. Взгромоздился на мула и вместе с обозом везущим, тоже на мулах, воду и продовольствие на день двинулся в путь.

Дорога для меня уже знакомая так как я уже один раз ее проделал, когда наши там стояли месяца полтора тому назад. Несмотря на это я не мог оторвать глаз от дивной панорамы. С наступлением осени листья пожелтели и создали местами новые сочетания красок редкой красоты. Вершина *fuento della-Pedro* на которой находится позиция видна издали, кажется вот-вот цель достигнута, но коварная тропинка уводит тебя в противоположную сторону. Но всему бывает конец и я наконец, спешил среди наших.

Позицию я не узнал. Со времени моего предшествующего приезда сюда, ее очень хорошо оборудовали, пост-

роили хорошие блиндажи, устроили прекрасные гнезда для пулеметов. Прямо дивуешься как смогла местная герилья втянуть на такую высоту, по этим крутым тропинкам, столь толстые бревна для потолка? От красных нас отделяет ущелье, в глубине которого протекает горная речка. Они прячутся и только оружейные выстрелы нам напоминают об их близости.

На позиции русское засилье, даже начальник боевого участка русский тенiente (поручик). Николай Евгениевич К. (Кривошея). Один из стаи славных! Когда я добрался до позиции уже вечерело, стало холодно. Мы забрались в блиндаж. Хозяева стали высказывать беспокойство пришет ли наш ротный артельщик Квинтин во время заказанных кур, фрукты и проч.; установили последние детали праздника.

В 6 $\frac{1}{2}$ часов, с наступлением темноты улеглись, накрылись шинелями и одеялами, прижались для теплоты ближе друг к другу и решили спать. Одному мне не спалось на новом месте, и я наблюдал как наши часовые пунктуально сменяли друг друга каждые два часа. Следующую смену они будили за десять минут. Люди которые спали одетыми в полной боевой амуниции, вставали и накидывали плащи-шинели и как призраки исчезали в темноте. Вернувшиеся же с постов бесшумно входили и с видимым удовольствием накрывались одеялом чтобы согреться.

Под утро я все-таки задремал и только в 6 $\frac{1}{2}$ часов утра проснулся от крика наших поваров, зовущих всех пить горячий кофе. Первая мысль какая будет погода? Вышли из блиндажа и сразу стало ясно, что погода решила побаловать наших именинников. Тучи разошлись и на безоблачном небе из-за гор подымалось всесогревающее солнце. Мы решили пойти поздравить единственного двойного именинника шт.-кап. Сергея Петровича Б., (Бриллиантов), которого его друзья прозвали здесь «мучаго» (маленький). Мучато который хотел было сначала рассердиться, что его будят раньше времени, но увидев принесенную ему чарку рому, смиростивился осушить ее и быстро пошел с нами пить кофе.

В это время появились столь ожидаемые мулы, но увы без заказанной провизии. Квинтин обещал все доставить посредине дня с мулами, которые привезут воду. В виду сего обстоятельства созвали экстренное совещание

с нашими добровольными шефами молодым марковцем Василием Евгениевичем К. (Кривошея) и сибирским кадетом Михаилом Андреевичем С. (Сальников). Решили праздничный обед сделать вечером, а к завтраку улучшить обыкновенное меню чаркой водки под соответствующую закуску.

Наш ротный брадобрей как бы почуяв наживу, без всякого особого приглашения, появился на позиции и сразу же нашел большую клиентуру. Все даже упорно решившие не брить бороды до конца войны, поддались общему примеру и побрились и к завтраку приняли сразу же праздничный вид. Стали устраивать стол достаточно длинный, чтобы все могли за ним уместиться. Вынесли оставшиеся от постройки блиндажа доски, и на камнях соорудили в одну доску стол. По случаю торжественного дня перед трапезой спели молитву. Наши шефы, сумевшие сочетать в себе многолетний опыт иностранного легиона с русским хлебосольством и заботливостью, сами себя превзошли и из бывших под рукою продуктов казенного пайка, приготовили прекрасный обед. Вообще оба они большие молодцы. Видя, что русские большинство отряда, скучает по русскому столу, они самоотверженно предложили себя в повара работать без устали и что самое трудное сумели угодить не только нашим, но и испанцам, готовя пищу с весьма малым количеством айсете (оливкового масла), а весь остаток выливая в часть причитающуюся нашим соратникам. Накануне они приготовили такую рисовую кашу со шкварками, мы пальцы облизывали и наши вспомнили эскадронную кухню во время великой войны.

Первую чарку старший марковец Н. Е. К. (Кривошея) перевозносит за наши две страны Россию и Испанию. Второй тост был мой за доблестных марковцев в лице их представителей, которые сумели не на словах, а на деле, доказать что не умер дух русского офицера и несмотря на долгие годы эмиграции при первой возможности встали с оружием в руках на борьбу с палачами нашей Родины, несмотря на все чинимые им препятствия. Затем пошли другие тосты, за начальника марковской дивизии, Марковского Артиллерийского дивизиона, отсутствующих ныне здесь марковцев и другие. Услышав громогласное ура которым отвечали присутствующие на каждый

тост, красные как бы почуяв перед собой своего исконного врага открыли бешенный ружейный и пулеметный огонь!

Испанцы пили с нами нашу водку, находя ее крепкой, но одобряли. Затем пошли в блиндаж сыграть в добрый старый винт. Но игра была скоро прервана, т. к. приехал Кинтин и с ним одна пожилая крестьянка из деревни где наша база (оба они наши большие друзья) и принесли кур и прочие продукты.

Надо вам сказать, что Кинтин молодой рекете, бывший учитель, наш приятель, хорошо говоривший по-французски и в случае затруднений с нашим испанским языком, нас очень выручает. Начальник местной герильи, узнав что у русских праздник, прислал нам в подарок винограду из своего сада и для нас двух офицеров, по прекрасной гаванской сигаре. Само собой разумеется Квинтина и старушку угостили и поднесли по чарке водки. Старушка обязательно хотела видеть, как устроились русские, всюду побывала даже в окопах и даже в бинокль разглядывала позиции красных. Наконец вполне довольные приемом и всем виденным, они весело пошли домой. Мы же стали готовиться к ужину или вернее к куринному супу, который и имел вполне заслуженный успех.

После обеда беседа затянулась дольше обыкновенного, пока Морфей не призвал всех в свои объятия и я уверен, что нашим именинникам должны были сниться хорошие сны.

Приехал я к нашим на один день, но у них так хорошо, они все такие гостеприимные и хорошие, что я засиделся и пробыл на их «курорте» целых пять дней и только обязанности службы вынудили меня вернуться в штаб терсио.

На обратной дороге вспоминая проведенные пять дней, я подумал, что действительно был на курорте, где многим из наших эмигрантов было бы полезно среди настоящих русских людей полечить свой больной дух.

**Гренадер.
(Н. Болтин).**

Февраль 1938 г.

Наконец то у нас наступило тепло и моя «роскошная» комната у местного священника дона Мариано стала днем обитаема. До сей поры я приходил к себе только к ночи и сразу же нырял в ледяную кровать и накрывшись четырьмя одеялами всеми имеющимися у меня теплыми вещами, щелкал зубами пока мое ложе не согревалось. Утром пулей вставал и бежал в наш «квартиль», где наши из консервных банок понаделали подобие печек, весь день и всю ночь топят и поэтому, несмотря даже на отсутствие стекол в окнах, у них тепло и можно отогреться. Писать же было негде, в «квартиле» нет места, а у меня, при малейшей попытке сесть за письма, руки коченели и сам я превращался в сосульку. Теперь же постараюсь наверстать пропущенное, чтобы держать читателей «Часового» в курсе жизни первого русского отряда в национальной Испании. О военных действиях не пишу, вы и без меня знаете, что они идут блестяще, а русские добровольцы всегда и всюду держат и будут держать высоко Русское Знамя. Пишу о нашей будничной жизни, зная что оставшиеся там «заграницей», русские люди интересуются нами, нашей жизнью, письма же не всегда регулярно доходят, а в некоторых странах письма, идущие отсюда, попадают не адресатам, а к интересующимся ими агентам Коминтерна.

И так начну с нашей стоянки. Стоим мы в маленькой горной деревушке, расположенной в 25ккм. от ближайшего местечка. Доступ к ней до нашего прихода был очень труден по горным тропинкам на мулах. С приходом же сюда нашей части, наш командир по прозвищу Папа (мы и здесь не могли оставить своей старой привычки давать всем клички), распорядился от ближайшего шоссе проложить или вернее расширить тропу и теперь к нам приходит в сухую погоду раз в неделю грузовик с продуктами на неделю, а иногда и легковые автомобили с начальством. Местные жители говорят, что наш район один из самых суровых во всей Испании и что здесь держатся холода, как нигде. Этому я охотно верю, т. к. даже теперь ночью еще холодно и мы спим под теплыми покрывалами.

Деревня наша бедная, жители народ очень симпатичный и трудолюбивый. Я прямо восхищаюсь их выносли-

востью и здоровьем. Несмотря на холодный климат, во всей деревни нет ни одной печки. Готовят они себе пищу на маленьком костре, который раскладывают на полу, в одной из комнат (обыкновенно их не больше двух) под прямым дымоходом. Этот же костер служит единственным местом, где вся семья отогревается в короткие часы варки пищи. Во время дождя или снега сидеть у костра нельзя, т. к. через широкую трубу капает прямо на сидящих. Дома построены из камня с очень толстыми стенами, окна очень маленькие вроде бойниц, поэтому даже летом внутри сыро. Стекол по причине военного времени нигде нет. Большинство жителей никогда не видело железной дороги и города больше чем наша Молина де Арагон.

Вопрос питания здесь тоже очень упрощен, жители едят очень мало. Варят раз в день фасоль приправляя ее прованским маслом или чечевицу, а вечером суп из черствого хлеба приправляя его тем же асейте (прованское масло) или иногда кусками свиного сала. Мясо едят очень редко и только баранину. Мой симпатичный хозяин, с которым я очень подружился и к которому все наши относятся с исключительным уважением и симпатией, до нашего прихода сюда никогда не пил чаю и не ел масла. Теперь он со мной пьет каждый день чай и находит это большой роскошью. Есть у нас в местечке три лавочки и при них комнаты, где можно выпить в праздник чашку весьма скверного кофе и выпить «копу» нескверного рома за 10 сент. Одно из этих кафе особенно притягивает некоторых из наших и даже из особо «серьезных», т. к. в нем подает дочь хозяина местная красавица Песодора, за которой «некоторые» пытаются ухаживать, но конечно тщетно, так как здесь ухаживания дальше шутливого разговора в доме не идут.

Местность здесь очень красивая, воздух очень хороший. Все мы чувствуем себя очень хорошо. Сравнительно недавно приехавший сюда бар. Илья Анатольевич О.-Д. (Остен-Дризен) являет нам лучший пример пользы здешней жизни, он очень пополнил, приобрел «выправку» и стал неузнаваем. Другой наш соратник Евгений Владимирович К. (Кривошея), переведенный к нам из легиона, где был тяжело ранен в грудь и которому доктора в легионе сказали, что он не переживет весны, совершенно поправился и теперь имеет богатырский вид. Все мы загорели,

стали бронзовыми, накопили сил и с нетерпением ждем приказа двинуться снова вперед.

На нашем участке сейчас сравнительно спокойно. Несем сторожевую службу, ходим на разведку, наблюдаем за красными, все усилия которых направлены на задержку нашего победоносного движения на других участках фронта. До нас доносятся звуки канноады, наша молодежь прислушивается к ним и находит их приятнее всякой музыки. Внимательно следя за положением на фронте, я уверен, что наше горячее желание скорее двинуться вперед, скоро осуществится и что мы долго не задержимся. Пока что несем службу добросовестно, отдавая себе отчет, что стоим на ответственном участке фронта и что доброволец всегда должен нести службу образцово. Службы много, наряды каждый день. Днем свободные от наряда ходят на строевые занятия, а мы кроме того, серьезно изучаем испанский язык, который нам преподает наш капеллан дон Хозе Мария Бассес. Преподает он прекрасно и многие из нас делают большие успехи, а Лев Николаевич П. (Пылаев) так даже пишет без ошибок, чем окончательно покорила свою очаровательную сарагосскую маднину (крестная мать). Досуги свои заполняем чтением газет, русские книги (последние уже все прочли и теперь перечитываем), а затем играем в карты. Воскресли добрый старый винт. Главный профессор по этой части Михаил Николаевич Ю. (Юренинский), так хорошо научил своих партнеров, что они его все время обыгрывают, в чем он не хочет никак признаться. Белот (конечно видоизмененный на испанский манер нашими) имеет много приверженцев и даже Петр Васильевич Б. (Белин) поддался соблазну и «дошел до белота».

Теперь у нас идет шахматный турнир. На первом месте идет маэстро Владимир Викентьевич Б. (Боярунас). Днем ходим на речку мыться. Не упускаем случая праздновать именины, дни рождения, полковые праздники и т.п. Недавно даже праздновали такое печальное событие, как мой день рождения, хотя я уже дожил до такого возраста, когда день рождения наводит скорее на грустные мысли, чем веселые. В этом году этот день был для меня очень радостным, т. к. мои соратники поднесли мне в этот день исключительный сердечный адрес, в стихах написанных нашими талантливыми поэтами Константином Андрееви-

чем Г. (Гончаренко) и Владимиром Ивановичем Н. (Налетов) на очень красиво раскрашенном последним в русско-испанском стиле листе, за подписью всех. Меню наших празднеств конечно очень скромное, ограничивается обычно сардинками и простым красным вином, но это дает нам повод собраться и попеть наши русские песни. Хор же у нас образовался очень хороший, есть просто оперные голоса [Николай Сергеевич А. (Артюхов)]. И как трогательно звучат здесь слова песни добровольца.

Вспоили вы нас и вскормили
Отчизны родные поля
И мы беззаветно любили
Тебя Святой Руси земля и т. д.

Репертуар у нашего хора очень большой, поет даже оперные вещи. Для моего кавалерийского сердца так приятно всегда слышать песнь Ахтырских Гусар. (Времен Царя Алексея), под звуки фанфар или «едут поют юнкера гвардейской школы». Для всякого жанра песен у нас есть свой запевало. Кавалерийские очень хорошо запева-ет клястицкий гусар Вадим Александрович К. (Клименко). Наше пение очень нравится нашим соратникам испанцам, которые приходят толпой слушать пение нашего хора. Научились некоторым нашим мотивам. Недавно иду по деревне и слышу, что несколько человек поют: «пей до дна, пей до дна» и т. д., подхожу и застаю такую забавную картину: один из наших «чик» (так здесь называются наши молодые рекете), пьет вино из боты (мех-кожанная бутылка), а несколько других, окружив его, поют ему нашу чарочку.

Описание жизни нашего отряда было бы не полно, если бы я не упомянул бы о наших животных. Прежде всего, как всякая уважающая себя часть, мы имеем собаку. Ветераном является Пепка (по-испански Пэпэ), дворняжка, которая с нами с самого начала. Умнейшая собаченка. Служит, дает лапу, но у себя на уме. Второй Макар, подобие немецкой овчарки. Взяли его маленьким щенком, а теперь выросла большая псина. Зовут его также Макар Павлович. Потому что его выкормил и все время с ним возится Павел Александрович З. (Зотов). Затем

воспитанница Евгения Евгеньевича П. (Пальчевский), ручная сорока «Тишка».

Летает на свободе, идет на зов, ест из рук. Вот и сейчас я сижу в саду и Дмитрий Корнелиевич Г. (Голбан) ловит на спине других мух, которыми кормит Тишку.

Большое оживление вносит каждый раз приезд к нам наших соотечественников. Переведенных из других частей. Недавно приехал из легиона Али Константинович Г., (Гурский), прослуживший 15 месяцев в легионе и трижды за это время раненый, имевший две лауреады (высшая коллективная боевая награда), заслуживший в легионе блестящую репутацию. Из той же части приехал к нам молодой граф Григорий Павлович Л. (Ламсдорф), даже в легионе прославившийся своей храбростью. На этих днях также из легиона приехал барон Борис Сергеевич Л.-В., (Люденхаузен-Вольф), только что выписавшийся из госпиталя, где лежал с отмороженными ногами, после доблестного участия в Теруэльской операции. Приезжают к нам и гости. Недавно был у нас служивший в наварских рекете Владимир Абрамович Д., (Двойченко), произведенный за храбрость в сержанты и представленный за то же в офицеры. Рассказал он нам очень много интересного о боях его части, имеющую здесь исключительную боевую репутацию.

Пасху мы проводили уже здесь. Лелеяли надежду встретить и провести ее по православному обычаю. Наши друзья обещали нам, что к этому времени приедет к нам из Парижа священник, приезд которого нам особенно был приятен, т. к. многие из нас его знают и относятся к нему с большим уважением. Нам было даже сообщено о дне его приезда и я посылал ему навстречу. Увы, нас постигло жестокое разочарование. В последнюю минуту, как мы узнали это теперь, одно высшее духовное лицо, лишило нас в той борьбе которую мы здесь ведем во имя Бога с врагами церкви возможности провести такой великий праздник, как Пасха, по православному исповедываться и причаститься. Нам же казалось, что как христоробивые воины, мы имеем на это право. По сведениям в ближайшее время в Испанию отправляется священник, едущий туда по собственному почину о. Александр Шабашев. *)

К Пасхе мы получили, по инициативе Лидии Феодоровны П. (Пешня), посылку с подарками и куличами. По-

сылка эта поспела как раз к сроку. Я нарочно съездил за ней и поспел во время обратно. До Молины я добрался к вечеру в Великую Субботу, но там загрустил. Автомобили нашей части оказались в починке и я не знал, как доберусь до наших. Выручил меня наш бывший первый командир майор Л. Руэс приехавший специально чтобы поздравить нас с праздником и провести первый день с нами. Такой поступок милейшего командира Руэса особенно трогателен. Занимает он теперь высокий пост и приехал из далека. Утром на его автомобиле поехали на фронт. Приехали как раз к завтраку. Наши уже решили, что я не успею и тем приятнее был для них наш приезд.

Я застал уже стол накрытым и всех в сборе в самой большой комнате нашего квартеля. Белые стены которой разрисованы нашими художниками. Стол состоящий из двух досок был «великолепно» сервирован. Какое-то подобие скатерти, гирлянды из листьев. На столе сандвичи с сардинками, рыбными консервами, плоская лепешка, долженствующая изображать кулич, глиняные кувшины с местным красным вином, походные для него чарки. Главным украшением стола служили раскрашенные весьма талантливо Николаем Константиновичем С., (Сладков), яйца. Их было очень много и каждое имело другой рисунок.

По нашему офицерскому обычаю, я был встречен командою: «г. г. офицеры» после чего со всеми похристосовался и мы лихорадочно бросились открывать посылку, со страхом спрашивая себя в каком виде дошли куличи. Вынули их и сразу же успокоились, дошли они в прекрасном виде и оказались исключительно вкусными, поставленные на стол, они сразу придали ему русский родной вид. После этого пошли за майором Руэсом и всеми нашими офицерами, которых пригласили к нашему столу. Пропели Христос Воскресе, наш капеллан, за отсутствием православного священника, благословил трапезу и мы стали разговляться. Подарили нашим гостям на память по раскрашенному яйцу, которые их очень заинтересовали. Куличи страшно всем понравились. Честь и слава тем ручкам русских хозяек, которые их делали. Смею их заверить, что они доставили нам несказанную радость.

Трапеза не обошлась без тостов. Пили за Испанию,

за Россию, за нашего Генералиссимуса Франко, за майора Л. Руэса. Пропели несколько песен и затем дежурная часть пошла занимать посты. Оставшиеся проводили майора Руэса. Праздник кончился. Мы продолжаем нашу боевую страду. Но те, короткие часы, которые мы провели в обстановке напоминающей нам о наших красивых обычаях, окруженные заботой о нас дальних, но вместе с тем близких друзей, в особенности русской женщины с ее чутким сердцем, дает нам новые силы на тернистом пути служения нашей горячо любимой Родине для ее освобождения.

**Гренадер.
(Н. Болтин).**

12 июня 1938 г., Арагонский фронт.

*) Благодаря материальной помощи состоящего под председательством баронессы О. М. Врангель Комитета в Брюсселе, удалось организовать поездку в Испанию нашего старого и заслуженного военного священника о. Протопресвитера Александра Шабашева.

О. Протопресвитер пробыл в Национальной Испании около 12 дней, посетил нескольких русских офицеров, находящихся в госпиталях и пробыл два дня на позициях Русского Добровольческого Отряда. На высоте 1.700 метров, в непосредственной близости от красных, которые не могли не видеть, что происходит у их противников, о. Александр, на открытой площадке, украшенной русским и испанским национальными флагами, отслужил обедню и молебен по случаю праздника марковцев в день Св. Сергия Радонежского. Все русские добровольцы исповедовались и приобщились Св. Тайн. В этот день к ним приехало несколько человек и из других частей. Православная служба произвела на испанцев большое впечатление, все испанцы подходили к кресту и целовали нашему священнику руку.

О. Александр — военный священник великой войны, четыре раза раненый, награжденный крестом на Георгиевской ленте — сумел укрепить и ободрить наших добровольцев. Старейшина русского отряда полк. Н. Н. Болтин прислал нам письмо, в котором, от имени всех русских добровольцев выражает свою радость и удовлетворение тому, что их мечта помолиться и исповедываться исполнилась. Это лучшая награда тем жертвователям, которые прислали в Комитет свои лепты.

По словам о. Александра, русские добровольцы бодры духом, дружно живут и непоколебимо верят в то, что вслед за близкой победой правого дела в Испании, придет очередь бороться за Национальную Россию. О. Александр с большим удовлетворением и похвалой отозвался о той большой работе, которую ведет по обеспечению русского отряда его старейшина полковник Болтин.

Давно Вам не писал. Все откладывал в надежде, что смогу Вам описать горячие бои на каталонском фронте в которых мы надеялись принять участие. Увы, наши надежды не оправдались! Наше «терсио» не принимало участия в каталонской операции и в то время, как другие части громили и преследовали красных, мы были обречены служить заслоном на фронте Тахо и сдерживать во много раз превосходящего нас по силе противника, стремящегося своим продвижением отвлечь на себя часть наших сил, ведущих победоносное наступление.

Задача тяжелая и неблагодарная. Наша служба фактически сводилась к несению сторожевого охранения в непосредственной близости с противником и пресечения всяких его попыток проникнуть в наше расположение. Служба очень ответственная на которую были обречены особо надежные части. Слабость наших сил на этом участке фронта не давала нам возможность иметь сплошную линию охранения, поэтому наш легион (терсио рекете Донна Мария де Молина, Сент Яго и Нумансия), растянутый на протяжении более 50 километров, занял отдельные командные высты, отстоящие друг от друга на 5 клм. и больше, небольшими отрядами, поддерживающими между собой связь гелиографом и патрулями.

После отражения нами попытки красных наступать в районе деревни Гренесь — гряда Сень-Хуан, закончившейся их полным разгромом, мы заняли высоту Контадеро (1639 метр.), на которой прочно укрепились. Поставили проволочные заграждения, сделали хорошие окопы, пулеметные гнезда, провели ходы сообщения и построили себе землянки. Приезжавшее к нам начальство очень одобрило всю нашу работу по оборудованию позиции и поставило ее в пример другим частям.

Контадеро представляет совершенно голую вершину. Как позиция она бесспорно лучшая из всех, которые мы занимали за все время войны. Кроме несения усиленных нарядов в караулы и секреты, постоянно работаем по улучшению позиции, доставке дров. Очень часто производилась разведка неприятельского расположения. Разведка всегда сопровождалась перестрелкой, но слава Богу, мы за все время понесли очень мало потерь.

Иногда во время этих разведок мы имели сюрпризы. Так в день нашего отрядного праздника 8-го октября, мы наткнулись на брошенную красными при нашем продвижении кухню и захватили все ее оборудование вместе с запасом провизии. На Кантадере мы простояли пять месяцев, там же мы справляли первый праздник нашего отряда день Св. Иоанна Богослова (26-го сентября по ст. ст.).

В этом году наш праздник мы провели особо торжественно, благодаря присутствию среди нас о. протопресвитера А. Шабашева. К этому дню приехали также наши соратники из терсио Наварра полк. В. А. Двойченко, шт.-ротм. А. А. Трингам и пор. В. И. Ковалевский. В самый день праздника к нам приехали наши давнишние соседи на фронте, офицеры кавалерийского полка Кастельехос, сделавшие более двадцати километров по горным тропинкам, чтобы провести с нами день нашего праздника.

Полк Кастельехос один из лучших, еще по мирному времени, полков испанской армии, стяжавший в эту войну блестящую боевую репутацию. Офицеры этого полка наши большие друзья, относятся к нам с исключительным уважением и всячески стараются нам доказать свою дружбу.

Праздник мы провели в исключительно торжественной обстановке. Утром отец протопресвитер отслужил обедню, во время которой мы все приобщались и затем служили молебен нашему небесному покровителю. Пел наш хор под управлением К. А. Гончаренко. Устроили временный престол на самой вершине горы. Перед ним, поддерживаемые пирамидами из ружей, гордо развивались наш русский императорский штандарт и испанский национальный флаг. На службе присутствовали все наши соратники испанцы и что нас очень тронуло, после молебна все они, не только прикладывались ко кресту, но также целовали руку батюшке. Этим они как бы нам отплатили за то внимание и уважение, которое мы проявляем в отношении их духовенства. Возможность начать наш первый отрядный праздник с молитвы, доставило нам громадную радость. Мы все видели счастливое предзнаменование в том, что во время православной церковной службы наш русский — родной штандарт опирался на ружья русских добровольцев, которые ни на минуту не прекратили Белой борьбы и при первой возможности взялись

за ружья, чтобы не на словах, а на деле бороться с врагами нашей Родины.

Здесь война приближается к своему победоносному концу. Мы все, здесь находящиеся глубоко верим, что нанесенный здесь Генералиссимусом Франко тяжелый удар Коминтерну отразится и в России и дни его власти над ней сочтены! Мы верим что наше, оставшееся верным нашим традициям, офицерство и наша национальная молодежь, которая не поняла что их место было здесь с нами, когда война перенесется на родную землю объединиться вокруг нас для окончания начатой нами здесь во имя России борьбы! Могу вам сказать что порой нам было очень тяжело переносить все те лишения, которые выпали на нашу долю в условиях суровой горной войны, но незабвенные минуты проведенные в день нашего первого и последнего праздника здесь принесли нам настолько большую радость, что все тяжелое было забыто!

Однако вернусь к нашему празднику. После обедни о. Александр отслужил молебен Св. Иоанну Богослову с провозглашением вечной памяти Государю Императору Николаю II, Царской Семье и всем воинам в России и здесь «за Веру, Царя и Отечество» живот свой положившим; затем многолетие Российскому Императорскому Дому, христолюбивому воинству и чинам русского отряда в Национальной Испанской Армии. После этого состоялся завтрак, на который мы пригласили всех наших испанских соратников. Завтрак с русской самодельной водкой с борщом и... с русскими песнями. Наши друзья кастельехосы уже усвоили некоторые наши обычаи, так например, наш приятель тениенте Пако перевел на испанский язык нашу чарочку и после завтрака офицеры этого полка во главе с Пако ее мне поднесли пропев на их языке.

Праздник кончился, уехали наши гости и на другой день мы проводили батюшку, а сами продолжали еще долго оставаться в радушном настроении после столь хорошо проведенного дня.

Условия жизни на нашем парапете становились изо дня на день тяжелее. Сообщения с базой становились труднее и труднее. До ближайшей деревни от Контадеро около 15-ти верст и постоянные дожди делали единственную тропу плохо проходимой, вдобавок заедали вши и

поэтому все обрадовались, когда пришел приказ оттянуть наш отряд в базу, деревню Чека.

Несмотря на столь неприятное для русского слуха название, деревня Чека представляет очень симпатичную деревню населенную богатыми крестьянами, которые все почти карлисты. Они относятся очень хорошо вообще к рекете, к нам же они проявляют особо сердечное отношение. Отдохнув в Чеке наше терсио было переброшено на другой участок фронта и даже вошло в другую дивизию.

Прощай Молина, Тахо, суровые Арагонские горы! Настала наша очередь двинуться вперед и принять участие в последних боях по очистке испанской земли от красной нечисти. О наших новых переживаниях я вам напишу следующий раз, а пока позволю себе рассказать читателям «Часового» из того, что уже отошло в прошлое и о чем сейчас уже можно говорить. О русских добровольцах в Национальной Испанской армии циркулируют среди эмиграции самые невероятные слухи. О них рассказывают массу всяких небылиц, как хороших так и плохих. Последние идут из кругов или советских или лиц которым русские национальные интересы абсолютно чужды. Поэтому будет наверно интересно читателям знать правду о русских добровольцах из первоисточника.

Всего русских добровольцев в Национальной Испанской армии было 72 человека. Прибыли они сюда из разных стран, большинство из Франции. Доброволец прибывший в Испанию из самой далекой страны бесспорно наш соотечественник Николай Эвальдович Барк, приехавший сюда с Мадагаскара, где он занимал хорошее положение. Из числа 72 добровольцев 34 убито и из оставшихся живыми девять ранено. Легионер Николай Петрович Зотов ранен пять раз (как последствие последнего ранения одна нога стала значительно короче), Лейтенант Константин Александрович Константино ранен три раза (с потерю зрения на один глаз), Кабо Али Константинович Гурский ранен три раза, из коих один раз тяжело, Сержант Владимир Абрамович Двойченко ранен два раза, оба раза очень легко, Лейтенант Николай Всеволодович Шинкаренко ранен тяжело в голову. Рекете: Георгий Михайлович Зелим-Бек, Александр Владимирович Бибилов, Василий Евгениевич Кривошея, Александр Александрович Трингам и Николай Эвальдович Барк ранены по одному

разу и кабо Барон Борис Сергеевич Вольф во время теруэльской операции отморозил себе ноги. Во главе списка убитых стоит генерал-майор Анатолий Владимирович Фок (здесь лейтенант нашего терсио Донна Мария де Молина. Теперь можно сказать правду о его героической смерти *). Когда вторая рота нашего терсио была окружена окружена громадными силами красных в районе Кинто де Эбро и почти вся погибла, тениенте А. В. Фок, с группой из нескольких рекете продолжал защищаться бросив свою последнюю ручную гранату и расстреляв патроны своего неразлучного спутника, еще со времени великой «Нагана», когда красные ворвались на парашет, он последней пулей покончил с собой выстрелом в висок. Я имел возможность беседовать с несколькими рекете его роты бежавшими из красного плена и бывшими свидетелями последних дней жизни и смерти Анатолия Владимировича. Сердце наполняется гордостью при рассказе этих простых людей о доблести этого белого рыцаря. В том же бою погиб капитан Яков Тимофеевич Полухин смертью храбрых. Он был ранен в шею, перенесенный для перевязки в местную церковь, он был погребен под ее развалинами. Оба они награждены посмертно коллективной лауреадой (высшей испанской боевой наградой).

Вы знаете также уже о героической гибели старшего лейтенанта Всеволода Михайловича Марченко (из письма его сына), прибавлю к этому только что накануне его смерти, я имел длинную беседу с ним и у меня на всегда останется в памяти образ этого исключительного человека и горячего русского патриота. Все легионеры знают имя бригадира (фельдфебеля) Nicolas. (Николай Иванов), который служил в легионе уже много лет и о легендарной храбрости которого создались целые легенды. Убит он в начале этого года на каталонском фронте. Кн. Лаурсов Магалов, З. Кампельский, В. Чиж, И. Бонч-Бруевич и многие другие своей героической смертью внесли новые лавры в историю доблести русского воинства. Не могу умолчать о фалангисте Куценко, раненом под Тэруэлем, взятом в плен красными и зверски ими замученного. Но не одни мертвые до конца своих дней честно послужили

*) Я уже писал в «Часовом» об этом, но по вполне понятным причинам тогда не мог говорить о том, что он покончил с собой.

России в борьбе против ее палачей и среди живых остались люди о доблести которых надо чтобы также знала русская эмиграция.

В терсио Наварра командует сейчас ротой тениенте К. А. Константино. Грузин по происхождению, настоящий русский офицер по духу. Несмотря на тяжелые ранения, он остался в строю. И среди наварцев, которых трудно удивить личной доблестью, заслужил исключительную боевую репутацию, считаясь лучшим офицером терсио. Он награжден медалью за *sufriemento*, а теперь, за бои под Монтерувио, представлен начальником группы войск к личной военной медали. В том же терсио служит сержантом полковник Владимир Абрамович Двойченко, который тоже проявил большие боевые качества и по приказанию генерала Пинто (командующего армией), представлен к боевой награде. Легионер Зотов несмотря на пять ранений, несмотря на то, что нога его стала, после последнего ранения значительно короче, вследствие чего он был призван негодным к военной службе; умолял начальство позволить ему вернуться в строй своей части где он пользуется исключительной репутацией и где по личной храбрости ставится в пример и без того храбрым легионерам. Из первых прибывших сюда четырех русских добровольцев (генералы А. В. Фок, Н. В. Шинкаренко, кап. Н. Я. Кривошея и шт.-кап. Я. Т. Полухин), остался невредим только капитан Марковского артиллерийского дивизиона Николай Евгеньевич Кривошея, который фактически командует русским отрядом в терсио Донна Мария де Молина. Прекрасный офицер, следивший все время, даже во время эмиграции, за совершенствованием военного искусства (в Париже окончил курсы генерала Головина), Н. Е. пользуется исключительной боевой репутацией, не только среди своих, но и среди нашего начальства и наших рекете. Много раз он командовал, и всегда успешно, ответственными участками на фронте. Очень жаль, что его знание, боевой опыт соединенные с редким хладнокровием в бою не были лучше использованы здесь. Но, увы, по местным законам, иностранец не имеет права на высшие командные должности!

Н. В. Шинкаренко, тяжело раненый во время боев под Бильбао в голову, был произведен Генералиссимусом в чин тениенте легиона и несет службу в 6-й бандере. Мож-

но от души пожелать чтобы здоровье этого талантливого военачальника и писателя возможно скорее окончательно восстановилось бы. Во время службы в легионе тяжело ранен разрывной пулей в челюсть единственный кавалер ордена Св. Георгия 4 ст. ротмистр Александрийского гусарского полка Георгий Михайлович Зелим Бек, после целого ряда сложных операций он был признан негодным к военной службе, несмотря на это, он не пожелал освободиться и перешел в наше терсио, чтобы вместе с нами остаться в строю до конца войны.

Сейчас русские добровольцы распределены здесь следующим образом. Русский отряд в терсио Донна Мария де Молина состоит из 26 человек под начальством тенiente Н. Е. Кривошея и при сержанте П. В. Белине. В терсио рекете Наварра 2 русских, в терсио Ареаменди 1 и в терсио Монтехура 2. В легионе трое. В эскадроне рекете Бургонья один и трое оставили военную службу из коих один по слабости здоровья. Среди этих лиц имеется один Георгиевский кавалер (ротмистр Г. М. Зелим Бек), трое имеют георгиевское оружие и десять имеют солдатские георгиевские кресты.

Об том, что сделали здесь русские добровольцы для русского дела, какую пользу Белой борьбе принесли они здесь, расскажу вам в следующем письме. Сегодня скажу вам только одно: они доказали испанцам, что Россия, это не СССР, как это все почти здесь считали до их прибытия и что русский и коммунист — не одно и то же!

Гренадер.
(Н. Болтин).

4 234
Сан Себастиан, 18 марта 1939 г.

КИНТО ДЕ ЭБРО Памяти ушедших.

Теперь когда победоносная армия Генералиссимуса Франко нанесла ряд новых жестоких ударов красным и разрезав их силы на две части двигается на Валенсию, я могу рассказать об одном героическом эпизоде, имевшем

место в августе месяце прошлого года, т. е. больше года тому назад, и ныне ставшем достоянием истории. Это бой второй и третьей роты нашего Терсио Дона Мария де Молина у деревни Кинто де Эбро.

Служа одним лишним примером доблести испанских национальных войск, этот бой в особенности волнует нас русских добровольцев, т. к. в нем приняли видное участие и нашли смерть наши соратники два тениенте генерал-майор А. В. Фок и штабс-капитан Я. Т. Полухин. Но прежде чем описать самый бой, я хочу объяснить в нескольких словах положение на фронте в то время.

В августе месяце 1937 года, национальные войска вели операции по ликвидации северного фронта, закончившиеся, как известно, полным разгромом красных и освобождением навсегда северных провинций Испании от их власти...

Красные у которых на этом фронте не было путей отступления и в рядах которых находились астурийские шахтеры, самый распропагандированный коммунистами и анархистами элемент их войск, дрались с безнадежным отчаянием приговоренных.

Мало доступная местность, почти непроходимые горные хребты облегчали их оборону и затрудняли продвижение наших войск. Эти причины вынудили наше командование стянуть туда крупные силы, на остальных же участках фронта оставив только заслоны, которые и заняли линию опорных пунктов; для чего были употреблены особо испытанные части, и на всякий случай имелся стратегический резерв.

Ближайшая к Сарагоссе линия фронта Бельгитэ-Кинто де Эбро, проходящая от названного города на каких-нибудь 25 клм., была занята отрядом войск под начальством блестящего офицера майора Андрес. В этот отряд входили 2-я и 3-я роты нашего терсио. Вторая рота, которой командовал прекрасный офицер и очень хороший человек капитан Лопец, занимала позицию у деревни Кинто, ближайшему к Сарагоссе опорному пункту.

Красное командование, видимо, решив, для поднятия духа своих войск, добиться во что бы то ни стало какого-нибудь успеха и, не считаясь с числом жертв которых такая попытка ему может стоить, поставила себе целью

захватить этот крупный административный центр.

На рассвете 24-го августа красные двинули на нас тридцати-тысячный отряд своих отборных войск, в числе которых входили лучшие интернациональные бригады Листера и Массарика со всеми усовершенствованными техническими средствами, которыми их обильно снабдил Французский Народный Фронт и советчики. В частности, при отряде находилось много советских танков — на восходе солнца этот отряд подошел к нашей линии обороны и сразу же открыл по нашим позициям ураганный артиллерийский огонь. Маленький отряд с редким мужеством стал обороняться. 25-го августа капитан Лопец в 5 ч. вечера доносил начальнику отряда, что его рота понесла большие потери и что он просит его поддержать, на что майор Андрес ему ответил, что благодарит роту за блестящую оборону, но что у него нет больше резервов и что надо держаться во что бы то ни стало. В конце этого дня в числе других был ранен двумя пулями в шею тениенте Я. П. Полухин. Зажав раны руками, он стойко переносил страдания в ожидании перевязки, после которой его перенесли в местную церковь. Но вскоре красные открыли бешенный артиллерийский огонь по церкви, которая рухнула похоронив под своими развалинами всех находящихся там раненых. И под развалинами храма Божьего нашел вечный покой христоролюбивый воин Яков, отдавший в рассвете сил свою жизнь в борьбе с врагами церкви и христианства. Вскоре после этого был убит капитан Лопец, блестящей выправкой которого мы всегда любовались. Еще только десять дней продержались защитники Кинто де Эбро. Под страшным артиллерийским огнем, в развалинах деревни они отбивали бешенные атаки красных поддерживаемые танками и только исчерпав весь запас патронов, они решили возможно дороже продать свою жизнь. И оставшаяся маленькая группа храбрецов увлекаемая тениенте А. В. Фок с верным наганом в одной руке и с ручной гранатой в другой, кинулась в штыки на восток раз сильнейшего противника и все они полегли на поле чести! Единственный оставшийся в живых свидетель этой исключительной воинской доблести, доктор нашего терсио, взятый красными в плен и из него убежавший, рассказал нам все то о чем я пишу. Он добавил, что майор Андрес когда увидел, что его отряд окон-

чательно уничтожен, покончил с собой, предпочитая смерть плену.

Оборона Кинто де Эбро останется навсегда в истории доблести испанских национальных войск, где дух сильнее плоти и где нет большей чести, чем отдать свою жизнь за свой идеал. Низко приклонимся перед святой памятью ушедших героев. А мы русские должны быть особенно горды, что в числе их был старейший русский доброволец в Национальной Испании генерал-майор А. В. Фок и доблестный штабс-капитан Я. Т. Полухин, внесшие новую страницу в историю доблести и подвижничества русского офицерства и частей воспитавших этих героев Кавказской Гренадерской Артиллерийской бригады и Марковского артиллерийского дивизиона.

Да послужит вместе с тем их подвиг примером любви к Родине для юных русских соколов, участниками которого были они оба. Теперь строевое начальство нашего терсио представляет их посмертно к лауреаде (высшая боевая испанская награда).

Героическая оборона Кинто де Эбро и Бельчите не пропала даром, она дала блестящие результаты. Наступление красных было остановлено, наше командование успело подвести резервы, Сарагосса была спасена и отсюда же пошло наше победоносное наступление, приведшее к новому жестокому разгрому красных, разделу их войск на две части и закрепление за нашими этой победы, захватом широкой приморской полосы, что является началом победоносного конца войны.

От деревни Кинто де Эбро осталась только куча развалин. Когда будут их разбирать я надеюсь найти тело Я. Т. Полухина, чтобы его похоронить по православному обряду пока здесь, в ожидание того, Бог даст, очень скорого времени, когда начавшийся здесь разгром коммунистов закончится уничтожением их на нашей Родине. Тогда тело Якова Тимофеевича можно будет перенести, в нази-дание потомству, на родную землю за освобождение которой он положил свою жизнь в горах Испании.

Н. Болтин.

1 июля 1938 г. — Арагонский фронт.

Переход русского отряда с позиции Контадера в базу нашего «Терсио» в дер. Чека был самым утомительным за все время кампании. Пришлось идти почти весь переход в темноте так как часть, которая должна была нас сменить, запоздала и из Контадеро отряд выступил уже в сумерки. Все время шел снег с дождем, глинистая тропа размокла, приходилось идти по колено в воде и грязи, а темнота такая, что зги не видно. Едва заметная тропа, которая шла зигзагами, требовала громаднейшего зрительного напряжения. Люди несли на себе тяжелые вещевые мешки. Промокнув до костей, они совершенно изнуренные, наконец, добрались до деревни, проделав переход в 24 слишком километров в семь часов.

В деревне для отряда было отведено помещение, но не подумали заготовить дров. Пришлось решиться, чтобы согреть свои кости, на величайшую жертву и сжечь газеты, которые отряд получал и хранил, читая и перечитывая их. Из Чека через несколько дней нашу роту спешно перебросили к деревне Таравилья (наша старая стоянка) для усиления находившихся там частей. В Таравилье местные жители встретили отряд, как старинных друзей, но мы мало здесь задержались и были выдвинуты к Тахо, где, простояв двое суток, возвратились в деревню Чека.

И там стоянка была небольшая и очень скоро весь наш легион (Кастельяно-Арагонский с терсио: Донна Мария де Молина, Сант-Яго и Нумансия) погрузили на минометы и отвезли на ст. СентьЕвлалия, где погрузили в поезда и отправили на фронт под Валенсию.

На валенсийском фронте отряд занял позицию сначала на «Соленой скале», а затем на скале Дьявола: оба названия дают ясное представление об этих местах. Голые вершины, где постоянно дуют ледяные ветры и где было действительно дьявольски холодно. Противник был в непосредственной близости. Сначала шла довольно оживленная перестрелка, но затем в связи с разгромом красных и начавшимся наступлением на Мадридском фронте, у наших противников пропал весь пыл. Передовые его части начали с нами переговариваться, говоря о своем желании сдаться и объясняя, что они не могут этого сде-

лать сразу, т. к. сзади стоящие части, состоящие из коммунистов, сейчас же откроют по ним огонь. Но не пишу вам о последнем этапе войны, т. к. вам подробно об этом пишет мой доблестный соратник капитан А. П. Яремчук.

В освобожденных от власти коминтерна селениях, наши войска встречали с колокольным звоном (в селах, где еще уцелели колокольни), все население высыпало на дорогу встречать проходившие части. Радость и восторг были неописуемы.

Наша часть остановилась в дер. Лосо де Обиспо, где кругом апельсиновые и лимонные рощи и невиданные еще нами огромные кактусы. После краткого отдыха, части начали готовиться к параду по случаю окончания войны. Два раза в день были учения, на которые ходили с песнями. Сначала одни русские пели свои солдатские песни «под ногу», но затем от нас заразились испанцы и каждая рота, как и у нас, разучила свою песню.

Наше начальство не знало, где мы будем дефилировать, в Мадриде или Валенсии. Наконец, пришел приказ от командующего генерала Варела о направлении из нашего пункта сводного батальона в Валенсию на парад 24-го апреля. За несколько дней до парада приехал командующий армией и остался очень доволен прохождением нашего батальона.

Наконец, настал день парада. Прекрасно оделись во все с ног до головы новое однообразное обмундирование, офицеры — в белых перчатках. К красным беретам привязали кисти: штаб-офицеры — золотые, обер-офицеры — серебряные, сержанты — зеленые, ефрейторы — красные и «рекете» — золотистые. Вид и выправка были «на двенадцать баллов».

Валенсия, залитая солнцем с ее праздничной толпой, встретила Генералиссимуса и его войска с единодушным восторгом, энтузиазму не было пределов.

Русский отряд, шедший на правом фланге батальона, с трехцветным флагом, привлек к себе общее внимание.

Части проходили резервной колонной в восемнадцать рядов. Впереди нашего батальона священник части, одетый в походную форму, нес большой крест, как символ того, что борьба здесь шла прежде всего за право верить в Бога, в знак того, что здесь происходит крестовый поход.

Самый высокий сержант П. В. Белин шел посредине и затем от него по ранжиру направо и налево шли другие сержанты.

Прохождение нашего батальона Генералиссимус назвал «бригантиссимо», т. е. исключительно блестящим, особо благодарил командира нашего батальона и пригласил его к завтраку, чего удостоились очень немногие командиры частей. Как знак особого внимания к русским, хочу отметить, что командир нашего сводного батальона хотел доверить несение знамени Терсио Сант-Яго нашему поручику (тениенте) Н. Е. Кривошее, но последний, считая, что знамя должен нести офицер терсио, которому знамя принадлежит, счел своим долгом отказаться. В терсио же Монтехура, где служат два наших доблестных соратника А. К. Гурский и барон Б. Вольф несмотря на то, что они здесь только «кабо» (сержанты), несли знамена они. При чем особо трогательные слова, которые командир терсио сказал, поручая нашим соратникам знамена: «хотя знамена должны по уставу нести офицеры, но я не могу их отдать в более надежные руки, как русских офицеров, раненых на полях Испании в борьбе за общий идеал.

Теперь войска разведены по городам и селам и производится демобилизация. Русский отряд ждет своей очереди, а пока Приказом военного министра генерала Давила, сержант русского отряда П. В. Белин произведен в бригадиры (фельдфебель), а все остальные чины отряда в сержанты с увольнением всех в двухмесячный отпуск. Таким образом весь отряд стал унтер-офицерским.

Такая лестная оценка высшего испанского командования не только радует нас, но должна и порадовать наших заграничных друзей.

Гренадер.
(Н. Болтин).

Бургос, 12-го июня 1939 г.

Примечание:

Издательство предполагает, что автором 4-х писем подписанных «Гренадер» является Н. Болтин.

ПИСЬМА ИЗ ИСПАНИИ

Прошло больше десяти лет с тех пор, как первая группа русских добровольцев, перейдя тайно Пиринеи, поступила в национальную Испанскую армию для борьбы против общего врага — коммунизма, под водительством генерала Франко.

С тех пор много воды утекло. Мировая война потрясла все основы человечества; как ее последствия, мир стал перед диллемой: быть или не быть, дать себя поглотить красной волне коммунизма или спасти свое существование и право на свободу. Для этого нужны не слова, а действия! На этом основании, мне кажется, читателям будет интересно познакомиться с активными действиями русских добровольцев в борьбе с оружием в руке, против этого мирового зла, их причины и их последствия.

В свое время участие русских добровольцев в рядах армии Франко много обсуждалось в эмигрантских кругах. При абсолютном сочувствии громадного его большинства национальному движению в Испании, к сожалению нас оказалось здесь очень мало! Маленькая группа в несколько десятков человек, в большинстве офицеры — участники Великой и Гражданской войны в России, среди которых несколько первопоходников. Правильно ли мы сделали, что приняли участие в этой борьбе против III интернационала на испанской территории?

Двух мнений не может быть на этот счет. Всякий военный, тем более офицер, должен искать встречу с врагом, всюду, где он может его застигнуть. Так думали мы, так думал и глава Обще-Воинского Союза генерал Миллер, всячески нам содействовавший и вскоре после этого преданный Скоблиным и умерщвленный сталинскими палачами. Причем это последнее обстоятельство легко объясняется именно позицией которую занял покойный в испанском вопросе.

Этот самый предатель Скоблин был одним из главных агитаторов против участия белых русских в испанской освободительной войне, доказывая, что эмиграция не должна ослаблять себя участием в вооруженной борьбе на чужой территории, когда скоро предстоит борьба в самой России.

Теперь, когда эта гражданская война отошла в исто-

рию, беспристрастно глядя назад, можно с уверенностью сказать, что мы были правы и что инертное отношение русской эмиграции в данном вопросе было грубейшей ошибкой. Ей предоставлялось, перед лицом всего мира, показать свою жизненность, свою непримиримость не на словах, а на деле. Здесь должно было быть нас не несколько десятков, а целые части. К сожалению, вместо действий, эмиграция занималась болтовней. Собрания, объединения, которые служили поводом, чтобы продемонстрировать свое разъединение, разговоры о непримиримости, которые сводились к канцелярским постановлениям и ничего больше.

Очень характерно в этом отношении одно из таких собраний, которое имело место весной 1939 года в Париже, при переполненном публичной зале, когда ораторы призывали к активным действиям и ни один из них не нашел возможным обмолвиться, что в то время, когда велось это собрание, маленькая горсточка русских людей, в суровых условиях горной войны, с оружием в руках, действительно доказывала свою непримиримость с большевистской властью, поработившею также их далекую Родину!

О теперешней Испании, ее чаяниях, успехах и затруднениях напишу в следующих письмах. Пока же хочу поделиться с вами некоторыми воспоминаниями о прошедшей боевой страде и некоторых наших соратниках, ныне покойных, которые показали пример большой доблести и в плели новые лавры в венок воинской доблести и жертвенности русского офицерства, проявленной во многих странах мира и которому для полноты не хватало испанской страницы.

Испания страна храбрецов; здесь удивить когонибудь воинской доблестью трудно; между тем русские добровольцы заслужили здесь почетное место среди военных.

Хочу дать вам в подтверждение этого несколько примеров. Генерал-майор Анатолий Владимирович Фок, герой Великой и Гражданской войны, офицерский крест Св. Георгия, одним из первых прибыл в испанскую национальную зону. Командир терсио рекете Цумалакарети (рекете — части испанских карлистов), к которому он обратился с просьбой о принятии его добровольцем, не соглашался его принять указывая, что в его годы (А. В. в это время было почти 60 лет), будут не под силу тяготы горной вой-

ны. Тогда к удивлению его, Фок великолепный гимнаст и фехтовальщик, стал на руки и прошелся по комнате.

После этого он тотчас же был принят и начал обучать рекете фехтованию винтовкой. В первом бою, по прорыву кольца укреплений, окружающих Бильбао, А. В. был произведен сразу во второй офицерский чин и, по его просьбе, вместе с двумя соратниками (капитаны Н. Е. Кривошея и Я. Т. Полухин) также произведенными в офицеры, перевелся в терсио рекете. Донна Мария де Молина, где была сосредоточена небольшая группа добровольцев. Он с Полухиным был назначен во вторую роту этого терсио, которая занимала позиции у деревни Кинто де Эбро, защищающие подступы к городу Сарагосе.

В конце августа того же года, красные повели громадными силами наступление с целью овладеть крупным центром, каким являлась Сарагосса и первый удар приняли на себя две роты, защищавшие Кинто. Несмотря на героическое сопротивление, обе роты были уничтожены. Все офицеры убиты, в том числе Полухин. Остается в живых Фок с несколькими рекете, предпочитавшие смерть красному плену. Все патроны израсходованы. А. В. отстреливается от нападающих красных из верного «Нагана». Когда красные ворвались в окоп, последней пулей кончает с собой выстрелом в висок.

Любопытно отметить, что красные, захватив позицию, в первую очередь стали искать Фока, считая, что наверно он командовал сектором, как большой военный авторитет, не подозревая, что ген. Фок до смерти служа своему идеалу, был всего на всего скромным поручиком.

Николай Эвальдович Барк, племянник царского министра финансов Л. Барка. Гражданская война в Испании застала его на очень хорошей должности в одном французском обществе на Мадагаскаре. Он бросил все, чтобы простым рядовым в рядах армии Франко бороться против коммунизма. И на вопрос испанцев, зачем он это сделал, он ответил: «Я был слишком молод, чтобы бороться с работодателями моей Родины на родной земле, считаю, что "мой долг бороться с ними же здесь"».

Дважды раненый, после окончания войны он получил должность в Испанской Гвинее, т. к. очень интересовался колониальной жизнью. К несчастью, то что не сделали красные пули, сделала муха цэ-цэ! Н. Э. заболел сонною

болезнью, смог побороть первый приступ этой болезни, но рецидив уже здесь его унес в могилу. Покойный не имел врагов. Его рыцарский характер обезоруживал их. Он пользовался любовью всех и его смерть в расцвете сил (ему едва исполнилось 40 лет) тяжелая потеря не только для нас, но и для будущей России!

Штабс-ротмистр Александрийского гусарского полка Георгий Михайлович Зелим-Бек, — офицерский георгиевский крест за великую войну, — инвалид. Война в Испании застаёт его на должности воспитателя единственного сына одного итальянского министра, прекрасное обеспеченное положение, бросает все, чтобы, как солдат испанского легиона, участвовать в войне. Вновь тяжело ранен разрывной пулей в лицо. Второй раз инвалид.

После войны произведенный за храбрость в офицеры продолжает военную службу, как переводчик в высшей военной академии. Надорванное здоровье не выдержало и Г. М. скончался от разрыва сердца. Его похороны, на которых присутствовало все высшее военное начальство и громаднейшее количество представителей местного гарнизона, ярко показали каким уважением пользовался покойный.

Не буду перечислять дальше все доблести наших ушедших соратников, скажу только, что геройская гибель старшего лейтенанта флота Всеволода Михайловича Марченко, который был здесь летчиком, и его деятельность во время войны заслуживала бы отдельную статью.

Полковник В. А. Двойченко, князь Лаурсаб Магалов, Кемпельский, кап. А. А. Бонч-Бруевич, кап. Я. Т. Полухин, Н. П. Зотов и многие другие своей воинской доблестью сумели заслужить уважение испанцев, этих исключительно храбрых воинов.

Я только перечислил здесь некоторых из наших погибших на поле брани и умерших соратников, не говоря об оставшихся в живых. Одно только хочу сказать, что в каких частях они бы ни были, русские добровольцы в Испании Франко не посрамили русского имени!

Кончилась война, мы все кроме одного, не пожелавшего его принять, за верные заслуги получили испанское гражданство. Причем это гражданство нам было предложено в исключительно деликатной форме.

«Меньшее, что мы можем вам предложить, после ва-

шего блестящего поведения на фронте, — это покровительство испанского флага, пока вы не сможете вернуться на вашу освобожденную Родину», — сказал министр, обращаясь к представителю русских добровольцев.

Герой Альказара, генерал Москардо, когда мы ему представлялись, как бывшему командующему нашим корпусом, обращаясь к нам, сказал: «Это честь для нас, что такие люди, как вы, пожелали стать испанцами».

Мы всей группой затем были приняты генералиссимусом Франко, который нас сердечно принял и благодарил нас за нашу жертвенность.

После этого началась мирная жизнь на нашей второй Родине.

Эн-Бэ.
(Н. Болтин).

Мадрид.

ГОДОВЩИНА ГИБЕЛИ ГЕН.-МАЙОРА А. В. ФОКА

Почти год прошел с тех пор, как смертью храбрых погиб в Испании в рядах Национальной Армии генерал-майор Анатолий Владимирович Фок.

Погиб и похоронен он не на русской земле, а на чужбине, в Испании, среди прекрасного народа, который во многом и по своей жизни и по своему характеру напоминает нам русских.

До сих пор нет возможности точно выяснить все подробности смерти ген. Фока. Его боевой товарищ израненный, блестящий русский генерал Н. В. Шинкаренко писал в «Часовом», что ген. Фок с ротой Терсио Донна Мария де Молина был окружен красными. Укрепившись в церкви, они две недели героически сопротивлялись, но затем вынужденные прорываться, они все были перебиты. С генералом Фоком погиб тогда и другой доблестный русский офицер, капитан Полухин.

Вечная память им обоим.

Как бывший сослуживец А. В. Фока, много лет прослуживший с ним в одной части, в мирное и военное время, мне хотелось бы сказать несколько слов о нем, восстановить в памяти его рыцарский облик.

А. В. Фок, окончивший в 1900 году старшим португаль-юнкером Константиновское Артиллерийское Училище, был выпущен офицером в Кавказскую Гренадерскую Вел. Князя Михаила Николаевича Артиллерийскую Бригаду. Прибыв в бригаду, он был назначен младшим офицером нашей горной батареи. А. В. сразу был достойно оценен как своим ближайшим начальством, так и своими товарищами и своими подчиненными. 20-летним юношей, он уже тогда был фанатиком военного дела. Прошло пять лет службы, началась японская война, а после нее первая пробная революция. Забыть это отвратительное время трудно, а с этим нельзя и не вспомнить, какую активность в борьбе с нею проявил, в то время молодой офи-

цер поручик Фок. А. В. весь горел жертвенностью и желанием сохранить порядок не только в своей части, но и в разбушевавшейся стране, в которой расположена была наша часть.

Прошло тяжело пережитое время и А. В. Фок был командирован в Офицерскую Фехтовальную Школу в С.-Петербурге. Здесь также он проявил громадную энергию. Он был оставлен в школе инструктором. В 1914 году, при объявлении мобилизации, А. В. Фок, состоя в списке нашей бригады, по собственному желанию, немедленно возвратился в строй. С его возвращением произошел небольшой эпизод: командир бригады, встретивший А. В. Фока весьма недружелюбно, как офицера, давно не бывшего в строю, объявил ему, что несмотря на его чин капитана, он не считает возможным назначить его старшим офицером батареи, сменив для этого другого, хотя и младшего, занимающего эту должность. А. В. Фок скромно, не протестуя подчинился распоряжению начальства.

Первое боевое крещение убедило командира бригады, что А. В. является прекрасным боевым офицером, к тому же не отставший от строевой службы. Корректный и справедливый командир бригады, ген.-майор Карпович, в разговоре с капитаном Фоком, извиняется перед ним за высказанное ему незаслуженное недоверие и назначает его сначала старшим офицером, а затем командующим батареей.

Всю войну А. В., подвергая свою жизнь опасности, без перерыва несет боевую службу.

За один из своих боевых подвигов он награждается орденом Св. Георгия Победоносца IV-й ст. Оставаясь до последнего дня до окончательного развала на фронте, он его покидает лишь с тем, чтобы вступить в борьбу с большевиками в рядах Добровольческой Армии.

Прибыв в Добровольческую Армию, А. В. Фок был назначен рядовым в одну из батарей. По случайности, командиром этой батареи оказался капитан Колзаков, очень доблестный офицер, георгиевский кавалер, офицер батареи Кавказской Гренадерской Бригады, которой командовал А. В. Фок. Это не помешало А. В. подчиниться и остаться на службе в его батарее, доказавши этим еще лишний раз, насколько А. В. был человеком долга.

О работе А. В. в Добровольческой Армии, где он по-

степенно достиг должности инспектора артиллерии, могут свидетельствовать все его сотрудники, хорошо видевшие его не только в боях, но и в минуты тяжелых переживаний, где его мужество никогда не покидало. Попав с армией ген. Врангеля в Галлиполи, он был одним из активных помощников ген. Кутепова и сделал все для того, чтобы заинтересовать части спортом, всегда сам им руководя. Попав из Галлиполи с частями ген. Врангеля в Болгарию, ген. Фок был из нее выслан правительством Стамбулийского, как опасный для него элемент.

Затем переезд во Францию — Париж, тяжелая физическая работа простым рабочим на заводе и связанная с этим нужда и усталость. Тяжелая болезнь, пережитая им. Все это все же не убило бодрость и дух у А. В. и он продолжал, не покидая своих соратников, активно участвовать в их работе, находя одновременно время для посещения и окончания военных курсов ген. Головина.

Всегда правдивый, прямой, А. В. мужественно и честно высказывал свои мысли перед начальством, не останавливаясь даже перед осуждением того, что по его мнению наносило вред делу. Недовольствуясь тернистым путем, им пройденным, А. В. Фок, имея почти 60 лет, отправляется служить к ген. Франко в Национальную Испанию и с оружием в руках, слагает свою голову за дорогую ему Белую Идею.

Путь тернистый, но насколько красивый и рыцарский, что немало среди военных, которые несомненно могут ему позавидовать. Доблестные русские, сражающиеся под русским флагом в рядах Национальной Испанской Армии, а с ними и все русское воинство, и мы, Кавказские Гренадеры-Артиллеристы, потеряли одного из лучших представителей своей военной семьи.

Память о ген.-майоре А. В. Фоке сохранится для будущего поколения и всегда будет служить им примером, как нужно жить и служить Родине.

Полковник

Бар. С. ф. Людингсхаузен Вольф.

Париж, 13 августа 1938 г.

КАК ДРАЛАСЬ «НАВАРРА»!

(Очерк из боевой истории Испанской гражданской войны).

Статья эта является отрывком из описания 30 дневных боев в секторе Монтерубио, одних из последних боев против красных. В этом районе II-я пех. дивизия выдерживала натиск красных, перешедших в контр-наступление, дабы сорвать каталонскую операцию войск генерала Франко.

Четверо русских офицеров в составе «Терсио де Наварра» были участниками этих боев, — из них один был ранен, а пор. К. А. Гогниджаношвилли, командуя ротой, был представлен к военной медали — высшей награде за доблесть. Из 600 бойцов «Терсио» было убито 180 и около 300 ранено. Дивизия в течение 20 дней была почти окружена противником. За эти дни было взято 25 советских танков и пленены тысячи пленных. После подхода резервов, дивизия в течение 10 дней преследовала отступавших красных.

В настоящее время II-я пех. дивизия входит в состав I-го арм. корпуса в Мадриде.

В работе по устройству парашюта быстро прошел день. Уже в сумерках к нам пришел шт.-ротмистр А. Т. (Трингам), чтобы поздравить меня с праздником Рождества Христова. Мы посидели на камнях, всматриваясь в темнеющую даль, поговорили о неизбежном бое и пожелали друг другу успеха. «Hasta luego!» (до скорого свидания) — это свидание скоро случилось, но в каких условиях...

Ночь спускалась тихая. Небосклон был усеян звездами. Не хотелось верить, что в эту ночь люди — сыны одной и той же страны, устремятся друг на друга, сея повсюду страдание и смерть.

Часто пробегая, сержант напоминал об особой бди-

тельности, но мы и сами знали, что враг близок и в любую минуту, под покровом ночи, сможет подойти к нам вплотную и мы будем драться на смерть. Десятки ящиков с ручными гранатами стояли вдоль каменной стены парапета. Пусть только подойдут...

Ждать пришлось недолго. Вначале где-то слева прозвучал ружейный выстрел, а затем вокруг, спереди, справа и слева, воцарился какой-то ад — разрывы ручных гранат, рев, лязг и грохот. По временам было так светло, что были видны искаженные лица солдат, бросающих в пространство гранаты. Начал строчить пулемет...

Крики «Вива Эспанья», «Вива республика» сливались со стонами раненых... Неприятель ворвался на парапет и, разорвав линию сопротивления, захватил один пулемет. Казалось, мы были обречены, но молодой командир роты лейтенант Висальди не растерялся. Рискуя быть раздавленным, он бросился навстречу бегущей толпе и, став в узком проходе парапета, остановил обезумевших от страха солдат. Видя пример командира, они повернули назад и с криком «Вива Эспанья» вновь ринулись на врага.

Мы вновь заняли парапет, устланный телами своих и противников... На много поредели наши ряды, сам доблестный лейтенант пал смертью храбрых. Но атака была отбита и противник отошел. И так было на всем фронте нашей дивизии.

Не успел я перевести дух, как ко мне подбежал доброволец и бросил мне: «Ваш приятель тяжело ранен». Еще не зная точно, кто именно ранен — полк. Двойченко или шт.-ротмистр Трингам, я побежал на перевязочный пункт. Дорогу к нему, несмотря на ночь, легко можно было найти: со всех сторон вереницей тянулись раненые и санитары несли убитых. Завтра их отвезут в родную Наварру, страну героев и старых традиций, туда где похоронены их деды и отцы, сражавшиеся за Бога, Отечество и Короля («Por Dios, Patria y Rey») В обратную сторону, на позицию шли свежие отряды кавалерии и пехоты, везли на мулах ящики со снарядами...

Штаб бригады и перевязочный пункт размещался на небольшой ферме в полукилометре от позиции. Маленький двор фермы был наполнен телами — лежали на носилках, на соломе, просто на земле. Доктор со священни-

ком, оказывая помощь, переходили от одного раненого к другому над некоторыми, священник читал уже отходную молитву, повсюду лежали окоченевшие трупы, которых постепенно забирали автомобили Красного Креста.

Захожу в штаб бригады, там непрерывно звонит телефон, вижу там озабоченные лица командира бригады полковника Моора и нашего батальонного-майора Телечея. Узнаю, Двойченко благополучен, ранен Трингам. Через две минуты я у носилок.

Быстрый осмотр показал, что он ранен пулей в руку и одновременно получил в спину, голову и в правое предплечие целую горсть осколков — ранения не опасные, но мучительные.

Как и наша рота, его 4-я также подверглась обстрелу и была атакована противником и только потому что его своевременно вынесли с поля сражения, он не погиб под штыками ворвавшегося противника.

На рассвете мы подверглись новой атаке. Цепляясь за скалы, мы были закиданы сотнями ручных гранат. При дневном свете — люди как будто играли в снежки. Тяжелые гранаты летели высоко, рвались со страшным треском... Если граната разрывалась близко от человека, череп его лопался, как скорлупа. Страшна картина поля после такого боя.

Окруженные солдаты-рекете метались по скалам, прячась то по одну, то по другую сторону, в зависимости от обстрела. Часто не всем удавалось перебежать на другую сторону... Вот один рекете с воплем свалился со скалы... Ужасно быть зрителем такого боя...

Но вот на поддержку прибыл батальон «Мелила». Атака была отбита. Мы облегченно вздохнули.

В такой обстановке провели мы Рождество Христово 1939 года.

**Первопоходник, «рекете» В. К.
(Ковалевский).**

РАДИО-ПЕРЕДАЧИ В БЕЛОЙ ИСПАНИИ

Беспроволочный телеграф штаба армии ген. Франко уже более четырех месяцев организует радио-передачи на русском языке. Раньше эти радио-передачи носили характер кратких обращений к красноармейцам, находящимся в красной испанской армии. Однако в последние два месяца начались регулярные, по четвергам, радио-передачи на русском языке, носящие характер воззваний к красной армии в целом. Нам стало известным, что одна мощная европейская станция принимает эти речи на свою волну и передает их в СССР.

Волна радио-передач: Саламанка 238,5 (каждый четверг в 21 ч. 30 м.).

Нам удавалось слышать эти речи. Ясным четким голосом, несомненно, русский оратор говорит от 20 до 30 минут. Передачи составлены прекрасно и охватывают все области советской жизни. Заканчиваются они всегда одним и тем-же:

Да здравствует Испания!

Да здравствует Генералиссимус Франко!

Да здравствует Национальная Россия!

Приведем выдержку из последней радио-передачи:

«Большевики, прибегая к своим сравнениям прошлого с настоящим, подтасовывая цифры и извращая действительность, сами роют себе могилу, ибо в народном сознании укореняется уверенность, что все методы коммунистического управления ведут страну в пропасть и что на свете существует только одна основа человеческого общежития: — совместное служение Родине всех классов, разумная свобода хозяйственной и социальной жизни, сохранение нормальной семьи, морали и религии.

То, что ей противопоставляется, есть — классовая ненависть, безбожие, отрицание морали и безграничная

власть партийцев над жизнью и смертью "самых свободных в мире граждан".

Третьего пути не знает: — или возврат к творчеству и свободе, или кабала и безграничный произвол.

Наступают сроки, когда русский народ, а с ним и Красная Армия, должны будут сделать свой выбор.

Советская власть посылает ныне красноармейцев в Испанию на защиту сил III Интернационала. Это новое преступление власти имеет своей задачей отвлечь внимание Красной Армии от ее истинных целей на родной земле: —

Красная Армия должна быть с русским народом против коммунистической власти.

Красная Армия должна служить стержнем народного движения против преступной власти: —

За уничтожение партийной диктатуры на нашей Родине!

За раскрепощение России!

За Русскую Национальную Революцию!

Красная Армия в Испанской борьбе позорит свою национальную честь, связав себя с силами разрушения.

Красная Армия не должна быть пособником порабощения Испанского народа силами III Интернационала.

Да здравствует ИСПАНИЯ!

Да здравствует ГЕНЕРАЛИССИМУС ФРАНКО!

Да здравствует НАЦИОНАЛЬНАЯ РОССИЯ!»

Февраль 1938 г.

ИСПАНСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ РАДИО

История Русской Секции Испанского Национального Радио тесно связана с белыми Русскими Воинами, принимавшими участие в Армии Ген. Франко в борьбе за свободу Испании от красного интернационального сброда, пытавшегося подчинить ее Москве.

Первый русский голос, прозвучавший в Испанском Радио принадлежал редактору «Часового», В. В. Орехо-

ву, еще в момент борьбы, в 38-м году. Уехав из Испании, В. В. Орехов передал эту миссию сотруднику «Часового» А. П. Ергину. Регулярные передачи на русском языке начались с осени 45-го года, однако они были посвящены исключительно области искусства.

Через год, осенью 46-го года к делу были привлечены б. русские добровольцы, в лице их возглавителя, П. В. Белина. Сначала радио-передачи носили как бы секретный характер, т. е. не говорилось, что они исходят из Испании. Со своей стороны П. В. Белин, привлек ряд сотрудников из своих боевых товарищей и организовал техническую часть русской секции. Понемногу радиопередачи принимают чисто политический характер, борьбы с коммунизмом и с августа 47-го года они принимают официальный характер.

Русским передачам отводится большое время — 40 минут каждый вечер. В настоящий момент Русская Секция имеет целый контингент сотрудников, испанцев и русских, а кроме того, за последнее время, благодаря другу русских о. Марийо, и, пробывшим 3 года в советском плену и знающим русский язык, г. Кастийо, (женатом на русской, русской спикерши в радио), установлена связь с русской эмиграцией. На просьбу о присылке печатных изданий и информации откликнулась почти что все русские организации и группы и сейчас архив Русской Секции обогащается ценными материалами. Впервые в мире, русские услышали здесь ценные и правильные слова, что в борьбе с большевиками первыми специалистами являются сами русские и что им во всем должно быть дано предпочтение. Сообщения, статьи и прочий материал, поступающий от русской эмиграции читается каждую среду, под рубрикой «Голос Свободной России». При Радио существует так же богатый архив, собранный стараниями сербского журналиста А. Б. Боцарис, хорошо знающего русский язык.

Насколько велико значение этих радио-передач можно заключить из того, что большевики обратили на них особенное внимание и с целью им помешать, установили в разных местах занятых ими стран Европы и на своей территории, 10 специальных, перебивающих передачи, станций. В то же время, они до последних дней, пока не началась происходящая в настоящий момент радио война,

не препятствовали проникновению в Россию сообщений Лондона и Америки.

Русские передачи заслужили внимание и самого Главы Государства, Генералиссимуса Франко, неоднократно о них спрашивающегося и выражающего желание об их дальнейшем совершенствовании.

Не меньшими заботами они пользуются и со стороны дирекции Радио, Г. Г. Гихарро и Каранца, а так же начальника программ г. Андреса, всегда прислушивающихся к мнению русских и охотно идущих им навстречу.

Мы должны искренне поблагодарить героическую Испанию и ее Вождя и пожелать Испанскому Национальному Радио успеха в этой чисто идейной борьбе, а с нашей стороны, всячески ей содействовать.

Н. Р.

Сентябрь 1949. (Н. Рогозин ?).

Радио-передачи на русском языке происходят каждый вечер в 10.20 ч. по Московскому времени. Длина волны — 32,02 метра.

Издательство приводит репортажи трех иностранных корреспондентов, отнюдь не благоволившим режиму Франко. До сих пор пресса замалчивает неприглядные стороны республиканского режима и раздувает их на национальной стороне.

ИСПАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Читатель, наблюдающий со значительного расстояния кровавую испанскую действительность, является во многих случаях свидетелем непонятных, просто таинственных для него явлений, упрощая которые, он в своем сознании считал их проявлениями своеобразной психики населения Пиренейского полуострова.

Несомненно, во многих случаях он оказывается прав, но еще чаще можно было бы разрешить беспокоящие нас «испанские загадки», если бы мы пользовались... советским ключом.

На Пиренейском полуострове происходит большая игра, в которой одна из сторон ловко прячет упомянутый ключ, а другая довольствуется общими местами, вылавливая маленьких пискарей, в то время, как ужасная советская акула безнаказанно бушует на всем полуострове.

Мы читаем в газетах о... красных советских звездах, украшающих мундиры республиканской армии, общие места о советском оружии, поставляемом республике г. Азаны, глупости о сибирских полках, защищающих Мадрид. Мы читаем неясные, таинственные общие фразы о... директивах коминтерна, которым повиновался г. Кабаллеро, а ныне повинуются г. Негрин и... тов. Гайкис, Антонов-Овсеенко, Гельфанд, Гельблум, Туманов, Кольцов потирают руки от радости, что мир довольствуется дешевыми эффектами, что мир не может или не хочет увидеть настоящее лицо советского влияния в Испании.

Печатаю, после моего первого пребывания в «прави-

тельственной» Испании, цикл статей в польской печати, я скорее дискретно подчеркивал силу влияния Москвы в яко бы демократической республике г. Азаны. Я думал, особенно после падения правительства Ларго Кабаллеро, что к власти придут люди трезвые, люди открытого рас-судка и крепких рук, которые поставят советские симпа-тии рядом с симпатиями Мексики, Великобритании или Франции. Однако, правительство Негрина пошло по пути уступок советам еще дальше, чем испанский Ленин — быв-ший глава правительства Кабаллеро.

Не желая, однако, утомлять читателя фразеологией, перейду к фактам, черным по белому изображающим со-веты в Испании.

Итак, не важно, что республиканская армия украша-ет свои мундиры пятиконечной красной звездой, но важ-но, что позвоночник этой армии, точно по советскому об-разцу созданная организация политических комиссаров (введен тот же, с русского на испанский язык переведен-ный учебник) на 97% состоит не из умеренных левых эле-ментов, так многочисленно и демонстративно представлен-ных в правительстве г. Негрина, а из коммунистов, связь же между отделом «пропагита» генерального комиссариа-та военных политических комиссаров и советским посоль-ством тов. Гельблюмом. Не имеют значения подробности, например та, что самолеты правительственной армии в Испании, но имеют значение подробности, например та, что самолеты французского происхождения (Потезы или Брегеты) существуют только для учебных целей (напри-мер в авиационном училище под Мурцией), в то время, как в военных действиях в громандном большинстве слу-чаев принимают участие только и исключительно новей-шие типы советских машин, как истребителей, так и бом-бовозов, причем эти самолеты участвуют в бою обычно в том порядке, какой является обязательным в... советской армии. Совершенно так же обстоит дело с танками, о чем лучше всех знают солдаты «польского» батальона (ныне бригады) им. Ярослава Домбровского, с которым в боях участвовали и, как мне известно, и по сегодняшней день участвуют советские танки типа «Т-26» с характерной, нормализированной башенкой.

Не следует серьезно относиться к сказкам о... сибир-

ряках, защищающих Мадрид, но следует задуматься над тем, что в 99 случаях из 100 на советских самолетах летают советские пилоты и наблюдатели, а советские танки чаще всего обслуживаются советскими военно-служащими. Следует затем сосчитать 57 советских офицеров подводного плавания на общее число не полных 80 таких офицеров, следует прибавить значительное число советских фортификационных спецов, следует помнить о том, что например, на 17 преподавателей т. н. офицерской народной школы в Барселоне (до некоторой степени соответствующей военным училищам, конечно, со значительно сокращенным сроком обучения и с централизацией всех родов оружия, за исключением авиации и флота), 13 являются советскими офицерами, зарабатывающими от 5 до 12 тысяч пезет в месяц, в то время, как во всей республиканской армии содержание генерала и солдата одинаково равно 300 пезетам в месяц, причем приличия ради из этого жалования у них вычитаются яко-бы добровольные пожертвования на разные «Соккоро Рохо Интернациональ», Мопр., Комсомол и т. п., что составляет от 25 до 30%, а на остальную сумму дается разрешение вывезти ее из Испании (что заслуживает внимания потому, что таких разрешений не получали даже французские пилоты, поступавшие в красную армию).

Конечно, скорее на предположениях следует строить версии о... директивах коминтерна, даваемых руководителям правительства в Валенсии, но эти предположения иногда удивительно совпадают с событиями, которые мы наблюдаем на Пиренейском полуострове. Итак, например, в свое время польская печать сообщила об инструкции, данной коминтерном испанской коммунистической партии по вопросу о ликвидации анархистов. Инструкция эта состояла из 14 страниц, машинописи и датирована была 7-м апреля 1937 года. Приблизительно через две недели после этой даты началась «ликвидация» каталонских анархистов!

Имели ли правительство в Валенсии особые поводы для того, чтобы приступить к «ликвидации» испанских анархистов? Упаси Боже. В неправдоподобной галиматее политических групп, которые борются между собой в республике г. Азаны, именно анархисты, наряду с коммуни-

стической партией Испании, занимали наиболее цементированные позиции. Наряду с международными бригадами, полки анархистов представляли собою лучший боевой элемент, среди трагического безрыбья уже не политиков, но прежде всего — вождей народной Испании, решительным контуром вырисовывалась фигура действительно прекрасного солдата Божией милостью, анархиста Дурутти. В итоге Ф.А.И. (Федерасьон Анаркиста Ибэррика) бывшая в то время еще интеллигентской надстройкой могущественной К.Н.Т. (Конфедерасьон Националь Трабахадорес) являлась единственным грозным противником коммунистической партии Испании, тем более грозным, что не скрывала своего отрицательного отношения... к Сталину и Димитрову.

Но не только в этом крылись причины ненависти Москвы и ее официального представительства на Пиренейском полуострове — коммунистической партии Испании — к анархистам.

Автор этих строк, во время своего первого пребывания в правительственной Испании, будучи в Барселоне, не мог отказаться от желания получить беседу у старого знакомого по Варшаве, некогда бывшего в столице Польши «полпредом», а ныне являющегося в столице Каталонии только... генеральным консулом тов. Антонова-Овсеенки.

Полпреда Овсеенку хорошо знали польские журналисты, ибо кажется по его почину устраивались в мрачном здании на Познанской улице весьма интересные показы советских фильмов и прекрасной... советской икры. Эти воспоминания открыли мне путь к архи-недоступному в Барселоне советскому дипломату.

Полпред Антонов-Овсеенко говорил тогда мало, но говорил умно, как, впрочем, всегда говорит этот, пожалуй, самый ловкий из советских дипломатов. Он высказался тогда против опубликования беседы с ним на страницах печати. К моему посещению он отнесся, как к совершенно частному визиту, и я строжайшим образом считался с этой оговоркой советского консула, хотя опубликование нашего разговора в свое время могло бы быть сенсацией международного значения и, во всяком случае, с международным распространением.

Ныне, когда я узнал, что моя высылка из пределов

испанской республики произошла именно по желанию советского посольства в Валенсии, что требовал этой высылки не только г. Гайкис (полпред), но даже т. Антонов-Овсеенко, заявлявший при прощании со мной о своей благожелательности, я считаю, что наше условие меня более не обязывает!

Был разговор — трудный, но интересный. Во время этого разговора т. Овсеенко, которого недаром назначили «только» консулом Советского Союза в столице Каталонии, говорил, что Каталония... является той частью Испании, которую надо держать в ежовых рукавицах, ибо в противном случае за обещание автономии, она готова перейти хотя бы на сторону... противника!

Так заявил тов. Овсеенко, архи-ловкий и архи-сметливый советский дипломат, без труда заметивший, что именно Каталония, внешне наиболее красная, всего неохотнее присоединится к хороводу «осчастливленных» народов Советского Союза.

По истечении самого непродолжительного срока, слова пользующегося в Барселоне ненавистью советского дипломата были припечатаны залпами солдат карательной экспедиции ген. Позоса.

Я привел только горсть фактов, но, полагаю, достаточно ярко изображающих обличье «помощи» оказываемой пролетарским Советским Союзом народной Испании. Каждый может сделать выводы из этих фактов, за исключением... испанского «Керенского» Азаны и клики адвокатско-учительских политиканов, стремящихся захватить чужие дворцы и чужие лимузины и с неслыханным в истории мира упорством толкающих несчастный испанский народ на кровавый танец войны.

Не впадая даже в тень преувеличения, можно рискнуть утверждать, что в настоящее время лучше всякой другой пропаганды работает пропаганда... «правительственной» Испании. Идеально и вне конкуренции организованная на внутреннем участке, благодаря чему с 18 июля пр. г. несколько миллионов испанцев живут в состоянии одурманивания, до неузнаваемости похожего на одурманивание нескольких десятков миллионов населения Советского Союза, она не менее исправно функционирует во

вне, завоеывая на широком свете множество энтузиастов кровавого зрелища, организованного по почину Сталина и Димитрова на арене Пиренейского полуострова.

Журналист любой страны, конечно кроме Италии, Германии и Японии, без особого труда получает разрешение на въезд в «правительственную» Испанию.хлопоты о визе и о т. н. «сальво-кондукто» обычно не делятся долее нескольких дней, которые нужны посольству на установление связи с центром в Валенсии, где служащие «Сервицио Эспециаль Министерио де Эстадо» (являющегося как бы управлением политической полиции, функционирующим при министерстве иностранных дел в Валенсии) устанавливают по картотеке, как относится к «правительственной» Испании издание, представителем которого является хлопочущий о визе журналист. Собрав нужные сведения, Сервицио Эспесиаал Министерио де Естадо, неофициальным начальником которого является... официальный начальник «Оффицина ди Цензура и Пренса Экстрахера де Эстадо» (отдел цензуры и иностранной печати министерства иностранных дел)

Рубио Хидальго устанавливает контакт с Сервицио Эспесиааль Оффицина Пренса Экстрахера при бывшем Министерио де Герра, а ныне Министерио де Дефенса Националь (то же, что II отдел, отдел иностранной печати при министерстве национальной обороны), запрашивая, обладает ли это учреждение «фишкой» хлопочущего о визе журналиста. Независимо от, имеются ли о данном журналисте в «Сервицио Эспесиааль Оффицина Пренса Экстранхера» благоприятные данные, или неблагоприятные, или просто нет никаких данных, визу он получает и все эти, дящиеся несколько дней формальности проделываются только для того, чтобы иметь возможность надлежащим образом приготовиться к приему приезжающего журналиста.

Следует здесь отметить, что испанцы проявляют довольно специфическое отношение к иностранным журналистам. В качестве принципа считается, что каждый журналист, приезжающий в «правительственную» Испанию, является... шпионом! Исключение делается только для советских журналистов, хотя бы по той простой причине,

что авторами этой концепции являются советские организаторы отдела иностранной печати при испанском II отделе.

Далее следует классифицирование приезжего. Я вспоминаю логические и потом неоднократно повторяющиеся рассказы одного из служащих этого необычного учреждения в Мадриде. Прячась от тягостного холода в моем номере в гостинице, где, правда, центральное отопление также не действовало, но за то можно было достать, сколько влезет, прекрасного шотландского виски, он, после, не помню какого точно, стакана распустил язык. Он рассказывал тогда, что самое пристальное внимание обращается на журналистов, которые переходят границу в качестве представителей левых или симпатизирующих республике органов печати. Такой журналист, будь он даже снабжен самыми серьезными письмами наиболее видных деятелей народного фронта, с первого момента подвергается пристальной опеке.

Со свойственной Испанцам любезностью такого журналиста снабжали всем, начиная с предоставления квартиры в одной из гостиниц и кончая на выдаче всех документов, необходимых для осмотра казалось бы наиболее недоступных внешне объектов. Он получал в свое распоряжение автомобиль, имел возможность более или менее свободно передвигаться по фронтам, мог беседовать с солдатами или офицерами республиканской армии, словом, если бы не цензура, впрочем весьма любезная, совершенно не военная, он бы чувствовал себя как в спокойной стране, изобилующей медом и молоком.

Хуже относятся к журналистам, о которых известно, что сами они по своим убеждениям настроены враждебно к республике или представляют недоброжелательно настроенные органы печати. На таких журналистов смотрели сквозь пальцы, зная, что и так они начнут печатать нападки только после отъезда из Испании и что поэтому пока им ничего сделать нельзя.

Я уже упоминал выше, что должность начальника бюро печати в министерстве иностранных дел в Валенсии занимает г. РубиоХидальго. В смысле организационном, г. Рубио Хидальго в настоящее время, как официальный

руководитель Оффицина ди Цензура и Пренса Экстранхера, подчинен не товарищу министра иностранных дел, а товарищу министра пропаганды, входящей ныне, при правительстве г. Негрина, в состав министерства иностранных дел. Вместе с тем, тот же г. Рубио Хидальго бывший журналист и агент-осведомитель о деятельности журналистов мадридского директора полиции при первой республике, затем агент-осведомитель министра внутренних дел г. Галарцы при второй республике, исполняет, как я уже указал, еще вторую, неофициальную роль начальника... политической полиции при валенсийском министерстве иностранных дел и, в качестве такового, подчинен в организационном отношении главному директору Сегуридад (как бы главное управление полиции).

У г. Рубио Хидальго есть еще третий начальник, с которым он более всего вынужден считаться. Этим начальником является «серая эминенция» советского посольства в Валенсии, уже легендарный, а нижеподписавшемуся лично известный по ресторанному залу мадридской гостиницы «Палас» тов. Гельфанд. Советник «полпредства» в Риме, герой дела Кутепова, Гельфанд является неофициальным руководителем испанской пропаганды, причем официально пользуется... корреспондентом «Известий», известным Мишкой Кольцовым.

Тов. Кольцов, у которого как в Валенсии, так и в Мадриде, есть собственные «бюро печати» с испанскими и советскими секретарями, является как бы связующим звеном между работающим в гостинице «Метрополь» в Валенсии (местопребывание советского посольства) тов. Гельфандом и заседающим в скромном доме на ул. Компанеро № 1 господином в темных очках, некогда полицейским учеником Галарцы, ныне начальником бюро печати валенсийского министерства иностранных дел г. Рубио Хидальго.

Впрочем, не только г. Хидальго вынужден выполнять столь разнообразные и не всегда чистые обязанности.

Начальник цензуры в мадридской телефонной станции, г. Бареа, является одновременно неофициально (конечно, для иностранных журналистов) начальником выше названного отдела иностранной печати при испанском

II отделе (Сервицио Эспесиаль Оффицина Пренса Экстранхера). Его заместителем на этом ответственном и грозном для иностранных журналистов посту является немецкая социалистка, политическая эмигрантка Ильза Вольф, официально выступающая в Мадриде в роли цензора, а одновременно являющаяся журналисткой, сотрудницей германских эмигрантских газет. Ильза Вольф является, кроме того, руководительницей мадридского радио У.Г.Т. (Унион Генералите Трабахадорес).

Из вышеуказанных подробностей могло бы вытекать, что такая идеальная связь между шпионажно-жандармской системой и организацией, которая во всем мире считается учреждением, признанным честно сотрудничать с журналистами, должна была бы скорее фатально отразиться на внешней пропаганде республиканской Испании.

В действительности это не так. И вот тут я вынужден склонить чело перед несомненным талантом как тов. Гельфанда, так и его предшественников, организовавших «по приглашению г. президента Азаны» сложный и удачно построенный аппарат прессы и пропаганды.

Все названные лица, как укротитель в цирке, ни на мгновение не спускающий глаз с животных, одновременно, ради внешнего эффекта, являются по отношению к нему дружественно настроенными, отечески приятными. Иностраный журналист, особенно тот, который уже видел другие войны, приятно поражен любезностью и либерализмом официальных лиц. Иностраный журналист может сожалеть о сожженных церквах, об убитых священниках или изнасилованных монахинях.. Не только никто его за это не упрекнет, но даже тот или иной чиновник бюро печати или цензуры, несмело стараясь свалить вину за все это на... анархистов, признает в разговоре правоту своего собеседника, грустно при этом улыбаясь.

Иностраный журналист может критиковать действия правительства или не вполне геройское поведение испанских солдат. Если цензура ему что либо и вычеркнет, то только самые щекотливые места. Глядя на все это сквозь пальцы бюро печати приобретает таким образом большие шансы протянуть в сообщения этого журналиста внешне невинные информации о зверских убийствах, совершен-

ных повстанческими летчиками, о бомбардировке детей и о священниках, расстреливаемых в стране Басков.

Либерализм г. Рубио Хидальго и его подчиненных кончается в тот момент, когда на арену статей или телеграмм инсотранного журналиста пребывающего в правительственной Испании, выходит... советская Россия.

Тогда исчезает чиновник бюро печати или военной цензуры и вместо него появляется бывший тайный агент мадридской полиции, шпик и покорный слуга чекистов из советского посольства.

И хоть бы действительно этот новый «чиновник народной Испании» занят был своим настоящим делом, хоть бы действительно ему удалось обнаружить под маской журналиста — обыкновенного шпиона.

Длинный список журналистов, сделавшихся жертвами долга и «ликвидированных» валенсийским правительством со всей возможной суровостью заключает только одни фамилии тех, которые хотели открыть миру глаза на красных поджигателей, пытающихся, после России, разжечь пожар на другом конце Европы.

Яко бы «по ошибке» убитый в Мадриде корреспондент «Пари-суар» де ла Прээ, таинственно «погибший» в Барселоне корреспондент «Социал Демократ» Макс Рейн, «случайно» раздавленная танком на мадридском фронте корреспондентка коммунистического (!) «Сэ Суар» Герда Таро, в течение более десяти дней томившийся в заключении в валенсийской «чрезвычайке» корреспондент «Интернешенель Ньюс» Ангелопулос, постоянно подвергающийся в Валенсии неприятностям директор тамошнего «Гаваса» Бертэ, наконец недавно высланный, по требованию советов в Испании польский журналист Поплавский, — вот только некоторые фамилии журналистов, сделавшихся объектами недовольства служащего советского посольства в Валенсии и, одновременно чиновника валенсийского министерства иностранных дел г. Рубио Хидальго.

Когда мне рассказывали, что единственная вина этих журналистов состояла в том, что они подвергали резкой критике советские влияния в Испании или улавливали определенные проявления этих влияний на фотографические негативы (в числе фотографических снимков, сде-

ланных Гердой Таро, было несколько сот снимков советского вооружения...), я считал эти рассказы обыкновенными сплетнями, но факты убедили меня в том, как могущественна и длинна рука тов. Гайкиса, в действительности правящего Испанией...

Аргус.

Октябрь 1937 г.

Аргус — псевдоним польского журналиста, высланного по распоряжению советских «советников» из Валенсии за его правдивые статьи о советском участии в красной Испании.

ТОРЖЕСТВО ДУХА И ПРАВОТЫ

(к событиям в Испании)

Военный корреспондент английской газеты «Сандей Диспач» — не штатский, а действительно военный и с большим боевым опытом — побывал в первой половине октября на Астурийском участке в Овьедо и затем в Сантандере и Сарагоссе.

Впечатления его представляют чрезвычайный интерес.

Как известно, вопрос полной ликвидации Астурийского «пяточка», безнадежно отрезанного войсками Националистов на сотни миль от остального Красного фронта сейчас, с падением Гихона, является делом даже не дней, а часов. Ко времени напечатания этих строк о недавней там борьбе будут напоминать лишь изрытые снарядами местность и развалины.

Но вот что пишет о положении Националистов в Овьедо к середине октября англичанин.

Было вообще загадкой, говорит он, как могли держаться в этой точке войска Франко. Она была как вишня на длинном стебле, которым являлась дорога в 12-15 миль, зажата красными с обеих сторон. В некоторых местах расстояние между противниками доходило до 300 шагов

никогда дальше 1.000. Не будь этой единственной дороги, при этом плохой, Овиедо было-бы окружено на все 360°.

На загадку эту очевидец отвечает: не подлежит никакому сомнению, что чудо это объясняется неизмеримо более высоким духом обложенных над осаждающими. Не смотря на то, что красные непрерывно держали Овиедо и дорогу под огнем разного рода, они ни разу не решились на атаку. Будь на их месте другие войска — эту вишню — Овиедо оторвали-бы от ее стебля в какие-нибудь полчаса.

Интересно также было, продолжает автор, наблюдать это изумительное поведение 10.000 жителей города, не считая гарнизона, под постоянным обстрелом; таким, что, в конце концов, не оставалось ни одного нетронутого здания. Водопровод прекратил свое действие. Воду ежедневно развозили по домам в бочках. Не было электричества. Оно заменялось керосиновыми лампами и свечами. И как ни странно — не только было достаточно и в изобилии пищи, но она была очень дешева и вкусно приготовлена. Легкое вино включалось, по обычаю, в меню бесплатно.

Было трудно освоиться с этими удобствами, воображая себе эту одну несчастную дорогу питания всеми материалами и этот постоянный по ней огонь неприятеля, сидевшего в нескольких стах шагах.

Изумительным был дух жителей. Ежеминутно щелкали пули по городской площади или по улицам. Это не мешало крошечным детям возиться на мостовой, как будто ничего не случилось. Не замечали пуль и молодые парочки, занятые своими чувствами.

Ничто, по-видимому, не может победить человеческую натуру. Нужно только время, чтобы привыкнуть ко всему.

Корреспондент видел в марте любительские траншеи под Мадридом. Но те, которые были созданы в Овиедо в жутких 20 шагах от красных, казались образцовыми во всех отношениях. А главное — чистота! Чистота на войне вернейший признак дисциплины.

В Сантандере восстановилась нормальная жизнь. Горит электричество, действует водопровод, ходят трамваи. Находчиво работает благотворительность. Видел 200 бедных детей, получающих даровой обед; малыши от 5 до 8

сидели на маленьких стульях за детскими столами. Ска-
терти и все остальное — даже нарядно.

Сарагосса и Терруэль часто обстреливаются; потря-
сенный город, Сарагосса, как палец против Красного фрон-
та, указывает на Валенсию. По прямой всего 70 миль.
Здесь, быть может, будет конец кампании. Остается не-
долго...

На этом участке, как и на северном, очевидец был по-
ражен духом людей, особенно в густо населенной Сара-
госсе. Дисциплина жителей поразительна: ее можно было
наблюдать во время тревоги по случаю воздушного рейда.
Дело это организовано прекрасно. Население исчезает с
улиц без малейшей суеты и мгновенно, так как в каждом
доме устроено убежище в подвале. Много и специально
устроенных закрытий.

В заключение своих крайне благоприятных впечатле-
ний об армии и управлении Франко автор заметки гово-
рит:

«Никогда еще не видал я страны, в которой было-бы
так трудно вести военные операции; даже сев.-западная
граница Индии и Абиссиния не в счет. И тем не менее,
солдаты Франко превозмогли все это. Дорога, например,
поднимается на 6.000 футов высоты, крутится самым за-
мысловатым образом через страшные теснины и скользит
вдоль зияющих пропастей.

«Я ничего не знаю о планах Франко, но после этого
моего посещения театра войны у меня создается мнение
— в гораздо большей степени, чем после моего первого
визита, что победа витает над Национальной Испанией.
Жители, пожалуй, даже замечательнее своим духом, чем
солдаты, а дети — чем взрослые.»

В этом отчете, основным припевом которого являет-
ся очевидное торжество духа, крепкого сознанием право-
ты, над всеми материальными препятствиями, особый ин-
терес представляет личность автора.

Это никто иной, как хорошо известный машиноман,
недавний апостол материализма в военном деле и страст-
ный вдохновитель механизации Британской армии — ге-
нерал Фуллер.

Б. Геруа.

Ноябрь 1937 г.

САНТАНДЕР

Мартель Дютрей, на страницах «Гренгуар», (сентябрь 1937 г.) рассказывает о виденном и слышанном им в Сантандере, куда он приехал одновременно с передовыми частями националистов. Передаем некоторые отрывки из корреспонденции Марселя Дютрей.

Вино и кровь

На набережной, Дютрея поразила странная запах. Пахло вином, но каким-то необыкновенным, кислым. Ход автомобиля пришлось задержать, — ехали среди осколков стекла и разбитых ящиков.

Неизвестный человек что-то искал среди этих осколков. На вопрос корреспондента, что он ищет, неизвестный ответил:

— Ищу, может быть после оргии осталась хоть одна целая бутылка шампанского. Если бы вы видели, что это было. Когда милиционеры узнали, что отрезаны от Астурии, они кинулись на штурм кооперативов. Целая гора ветчины пошла в дело политая морем шампанского. Но почему прислали пароход груженный шампанским, когда мы так нуждались в муке. Тайна! Да не все-ли равно. К двум часам ночи все подонки города собрались на набережной. Пели, танцевали, ругались, дрались. Пьяные мужчины и пьяные женщины... Тут же на улице на виду у всех... Одним словом, безобразная и дикая оргия. На рассвете, те кто еще держался на ногах, бросились в квартал Сарданеро на поиски «фашистов», еще не расстрелянных. Пьяная орда вламывалась в дома зажиточных граждан, требуя, под страхом смерти, денег во французской валюте. Вино затуманило их сознание, они забыли, что все пути во Францию уже были отрезаны, что нельзя было удрать ни сухим путем, ни морем, ни даже по воздуху. Эта охота за французскими деньгами стоила жизни многим почтенным гражданам.

О, эти последние дни красного владычества! Разгул грабежа!

Все вожди успели удрать, захватив с собой кассы, конечно. Удрал, увозя с собой десять миллионов пезет губернатор Сантандера, Луи Олозаран, Жаннето, как назы-

вали его еще так недавно, в то время как он служил лакеем в кафе Мондиаль. С тремя миллионами удрал бывший швейцар Каси дель Пуебло Самариба достигший поста верховного военного комиссара. Захватив более или менее крупные суммы, сбежали и другие красные вельможи, среди них Урибари и Нейли, руководители Чеки. В руки Франко попала только мелкота.

С камнем в море

В только что освобожденном Сантандере жители еще были под впечатлением ужасов пережитых в течение тринадцати месяцев владычества красных. В те месяцы убивали по непроверенному подозрению, убивали желая ограбить, убивали просто под пьяную руку.

Каждая из бывших у власти политических организаций имела свою тюрьму и свой «подвал Чеки», но все же большинство убийств происходило на мысе «Маиор», где находился маяк.

Несчастных привозили на площадку и выпускали.

«Пой, танцуй. Если повеселишь нас как следует, заработаешь жизнь», кричали палачи.

И некоторые из несчастных пели, плясали и кривлялись, в надежде спастись. Но не спасся ни один. Когда палачам надоедало мучить свою жертву, они привязывали камень к ногам несчастного и сталкивали его в море с высоты 100 метров. Из 11.000 человек убитых во время красного террора, более 3.000 было убито на маяке.

Старый сторож маяка не смог вынести этого ужаса и сошел с ума. Тогда назначили другого, человека Народно-го Фронта, нервы которого оказались крепче.

На «маяке смерти»

Дютрей побывал на маяке. Вот что он рассказывает о своей поездке.

...Мыс Маиор находится в пяти километрах от города. Трамвай, первый который увидел Сантандер после длительного перерыва, довез меня до пляжа, то-есть приблизительно до половины дороги. Места в трамвае брались с бою. Публика производила впечатление пьяной от радости.

Наш путь лежал через самый богатый квартал Сантандера. Мы ехали мимо вилл. Мы видели выбитые стек-

ла, открытые окна и двери. Следы грабежа и запустения.

Я слышал, как говорили в трамвае:

— Вилла семьи Ареналь. И мужа, и жену однажды ночью схватили. Не довезя до тюрьмы, в автомобиле, палачи выпустили в них несколько револьверных пуль и бросили на улицу. Муж еще жил. Добрые люди подобрали его и выходили... Вилла Перец-Чанали. В этой вилле никого не осталось, все погибли, начиная от 74-летнего деда и кончая шестилетней внучкой... Вилла экс-алькада Эрмино Виллега — расстрелян... Вилла трех братьев Эскиланте — все трое расстреляны... Вилла директора трамваев Поре — расстрелян... И так всю дорогу. Называют все новые, и новые имена, но окончание фразы одно и то же — расстрелян.

Эти рассказы подготовили меня к осмотру маяка.

Что я увижу там на мысе Майор?

Первое, что мне бросилось в глаза — это буквы И.Н.Р. (Союз братьев пролетариев) начертанные на камнях главного входа. За воротами площадка маяка. Эта площадка была усеяна странными предметами: тут — пустой бумажник, там — пиджак еще дальше подвязка. Я увидел много окровавленных бинтов. Осужденных привозили прямо из госпиталей, забирая из них раненых. Я поднял платье, видимо принадлежавшее полной женщине.

Палачи раздели ее еще в автомобиле, чтобы забавнее поиздеваться над ней на площадке.

Кое где валялись револьверные гильзы. Их было немного. За то лежала целая груда крупных булыжников, из которых каждый был обмотан медной проволокой — готовый груз для приговоренных к смерти.

Я облокотился на перила, через которые, перебросили в море 3.000 казненных, и посмотрел вниз.

Много я видел страшного и зловещего за время войны в Испании. Но всюду, во всех грудах мертвых тел, мертвецы были мертвецами, то-есть, безмолвными и недвижимыми. Здесь же в воде прозрачной, как хрусталь и как бы пронизанной до самого песчаного дна отвесно падающими лучами солнца, я увидел три стоящих человеческих фигуры. Их ноги удерживались на дне громадными камнями, как водоросли корнями. Три гигантских водоросли, медленно качались в такт с дыханием моря. И каждый раз, когда над головами этих трех проходила волна, что-

бы разбиться об утесы мыса Майора, шум ее казался стоном замученных.

Я сошел с площадки. Двери маяка были широко раскрыты. Крикнул — никто мне не ответил. Тогда, проникнув в помещение сторожа, я обошел все комнаты.

Было видно, что в этих комнатах жили, но куда скрылись хозяева?

Я уже собирался возвращаться в Сантандер, когда вдруг заметил в глубине сада около сосны группу из четырех человек. Я подошел и увидел двух красивых девушек — одну блондинку, другую брюнетку. Оне лежали на земле, на ковре из хвои и смеялись. Рядом с каждой из них сидел мужчина в кожаной форме моторизованных полицейских из Бильбао, когда-то лейб-гвардии самого Агирры. Скорость их машин дала возможность выехать на встречу националистам и первыми приветствовать национальные войска криками «Вива Франко». Их разоружили, но поспешность при сдаче сохранила им машины и даже возможность продолжать некоторые из служебных обязанностей.

Мое неожиданное появление смутило молодых девушек, но их смущение достигло высшей степени, когда я спросил:

— Где же сторож маяка?

— Он сошел с ума — сказал брюнетка.

— Это первый сторож... я же спрашиваю о втором, назначенном красными.

— Его вызвали сегодня утром, как свидетеля в военный суд — пробормотала блондинка. Затем она быстро прибавила:

— Это наш отец. Но у него совесть чиста, также как и у нас. Мы все трое были сосланы сюда Чека и мы ничего не видели и не слышали. Клянусь вам!

Ничего не видели? Ничего не слышали? Как будто эти 3.000 человек не кричали, когда их сбрасывали живыми в море. Ничего не видели? Ничего не слышали? Но три трупа еще качаются в прозрачной воде в нескольких шагах от нас.

Приводим ниже выписку из книги Александра Орлова (Льва Фельдбина) «Тайная История Сталинских Преступлений», стр. 231.

Орлов был советским «советником» в красной Испании и после ее поражения перешел на Запад.

К августу 1937 года аресты советских боевых командиров докатились и до Испании. Многие из советских военачальников, приданные в качестве советников генеральному штабу испанской республиканской армии, были отозваны Ворошиловым в Москву и расстреляны без суда. Среди них были (я называю псевдонимы, под которыми их знали в Испании) Колев и Валуа — командиры бригад, помогавшие испанскому правительству создавать республиканскую армию; Горев, командир советской танковой бригады, работавший советником командующего Мадридским фронтом и вынесший на своих плечах всю тяжелейшую кампанию по защите Мадрида. Среди уничтоженных оказался даже близкий друг и собутыльник Ворошилова — Ян Берзин, который под псевдонимом «Гришин» работал главным военным советником при испанском правительстве.

Любопытно, что Горева арестовали всего через два дня после того, как на специально устроенном торжестве в Кремле Калинин вручил ему орден Ленина за исключительные заслуги в испанской гражданской войне. Этот эпизод показывает, что даже члены Политбюро не знали, кто занесен в черные списки. Такие списки вели и такие дела решали двое: Сталин и Ежов (а в дальнейшем — Сталин и Берия).

Через некоторое время среди военных в Испании начал циркулировать слух, будто арестован Ворошилов. Это выглядело вполне правдоподобно, так как Ворошилов, будучи наркомом обороны, нес персональную ответственность за кадры своего наркомата. Слух произвел большое впечатление на Н., одного из высших военных советников испанского правительства. Однажды на каком-то военном

совещании Н. отозвал меня в сторону и заговорщицким тоном спросил, известно ли мне об аресте Ворошилова и не знаю ли я, кто привез такое сообщение из СССР. Н. имел серьезные основания для беспокойства: в течение ряда лет он был одним из ближайших сотрудников наркома и теперь, зная сталинский «почерк», боялся, что ему придется разделить его судьбу. Даже, когда выяснилось, что слух не соответствует действительности, Н. не мог себя чувствовать в безопасности. Сегодня слух не подтвердился — может подтвердиться завтра: как-никак Ворошилов являлся наркомом обороны, и ведь именно в его ведомстве был раскрыт заговор, направленный против Сталина.

Н. решил совершить непродолжительную поездку в Москву, якобы для того, чтобы доложить Ворошилову о ходе войны в Испании. В Москве он пробыл около двух недель. Ворошилов обещал взять его с собой к Сталину, тоже для краткого доклада об Испании, но Сталин его почему-то не принял. Просил Н. и о встрече с Ежовым, в ту пору самым влиятельным после Сталина человеком в СССР. Однако и Ежов уклонился от встречи. Ежов не только занимал тогда должность наркома внутренних дел, но и нес ответственность за работу Главного разведывательного управления Красной армии, которое Сталин изъял из ведения Ворошилова после «дела Тухачевского».

Н. вернулся в Испанию не таким нервным, но и далеко не успокоенным. С места в карьер он объявил мне, что Политбюро взяло «новую линию» по отношению Испании. До сих пор советская политика состояла в максимальной помощи республиканскому правительству вооружением, летчиками, танковыми экипажами — и все для того, чтобы обеспечить республиканцам быструю победу над Франко. Теперь же Политбюро пришло к выводу, что для Советского Союза более выгодно иметь в Испании «равновесие сил», при котором война должна продолжаться, «сковывая Гитлера», как можно дольше. Все указания, полученные Н. от Ворошилова, основывались именно на этом решении Политбюро. Я не меньше своего собеседника был поражен этими макиавеллиевскими расчетами: чтобы выиграть время для подготовки обороны против Гитлера, Политбюро пошло на то, чтобы испанский народ как можно дольше истекал кровью.

ФОТОГРАФИИ

Молина де Арагон 1937 г. Общий вид.

287

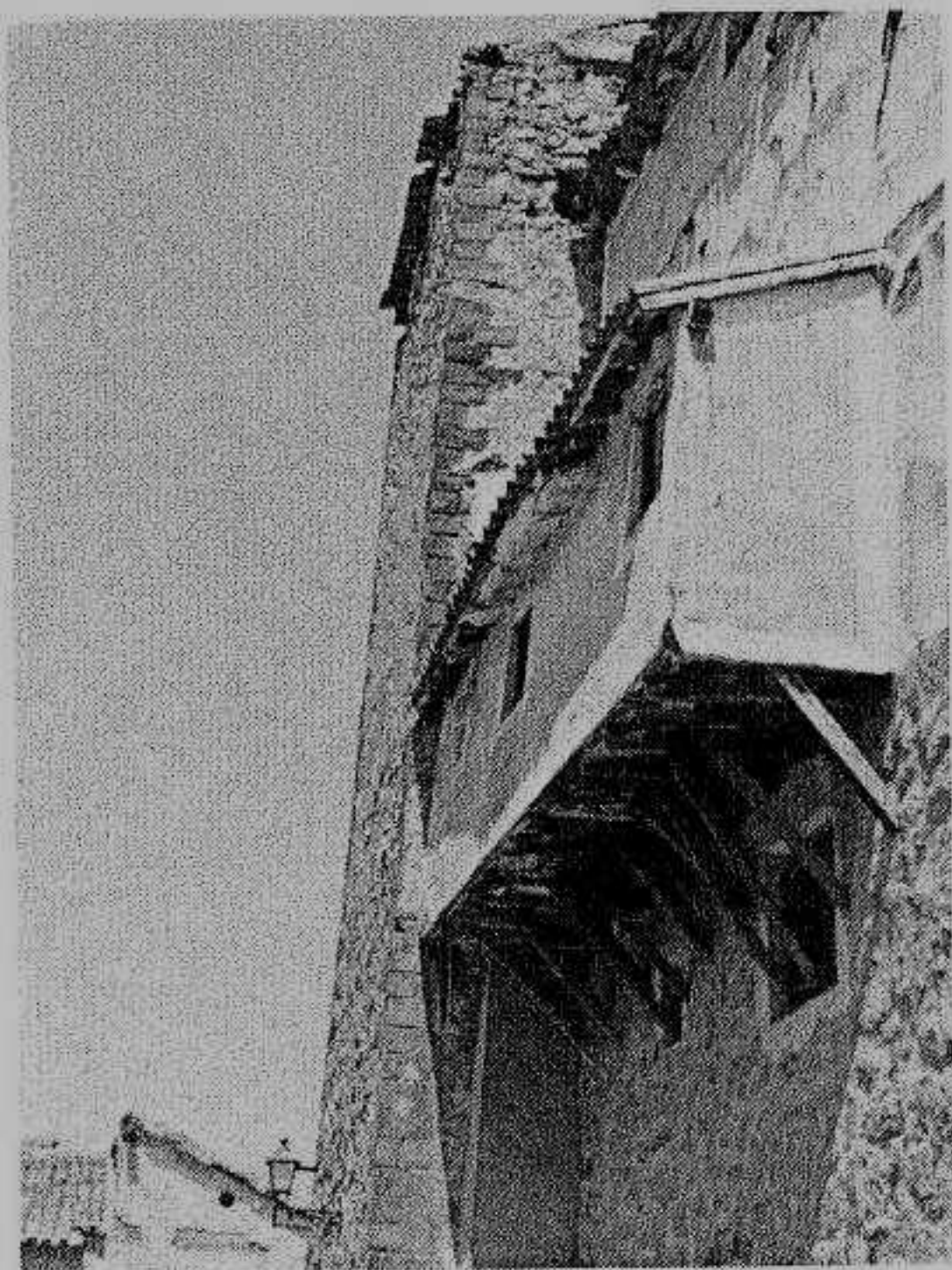
Молина де Арагон 1937 г. Крепость,

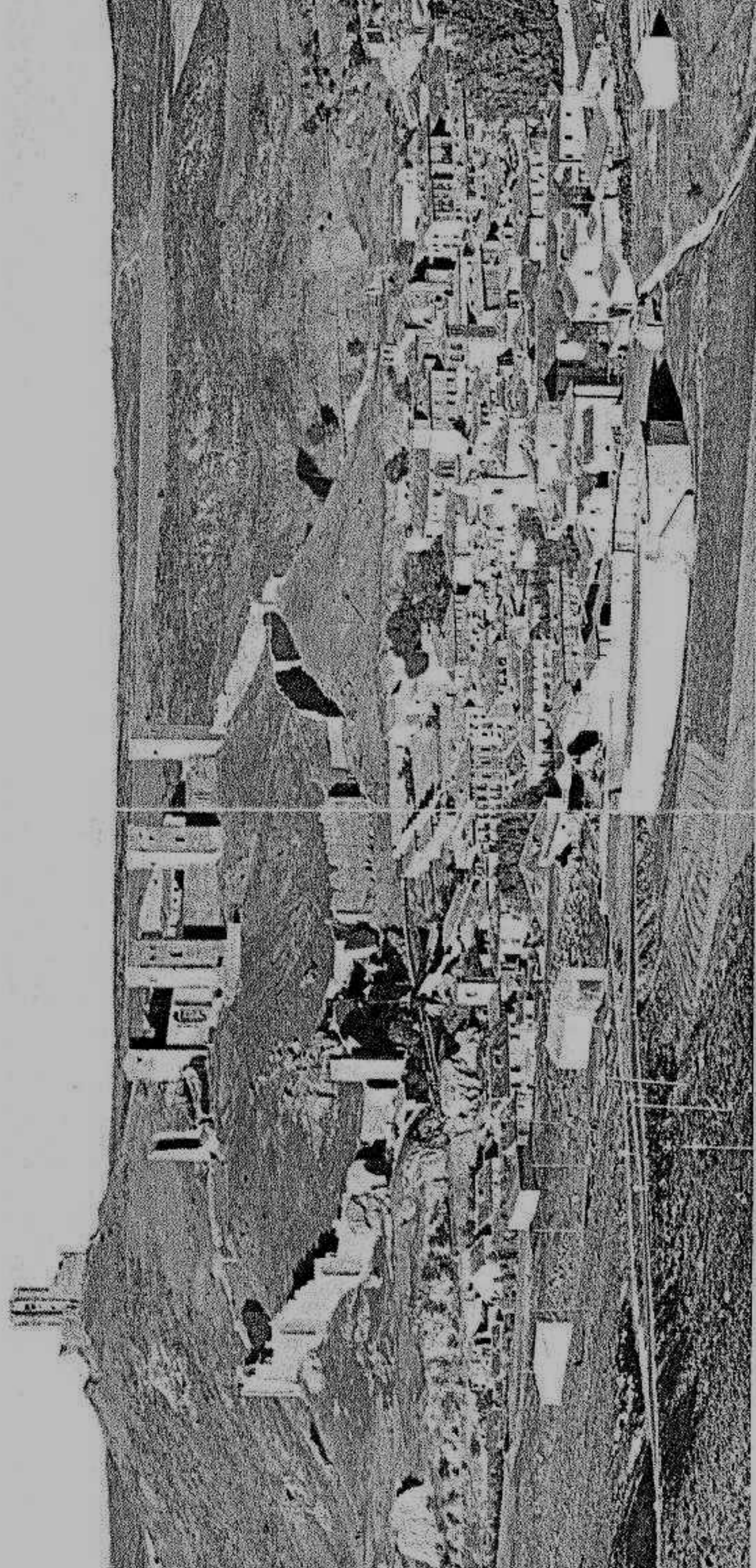
Молина де Арагон 1937 г. Штаб-квартира Терсио.

288

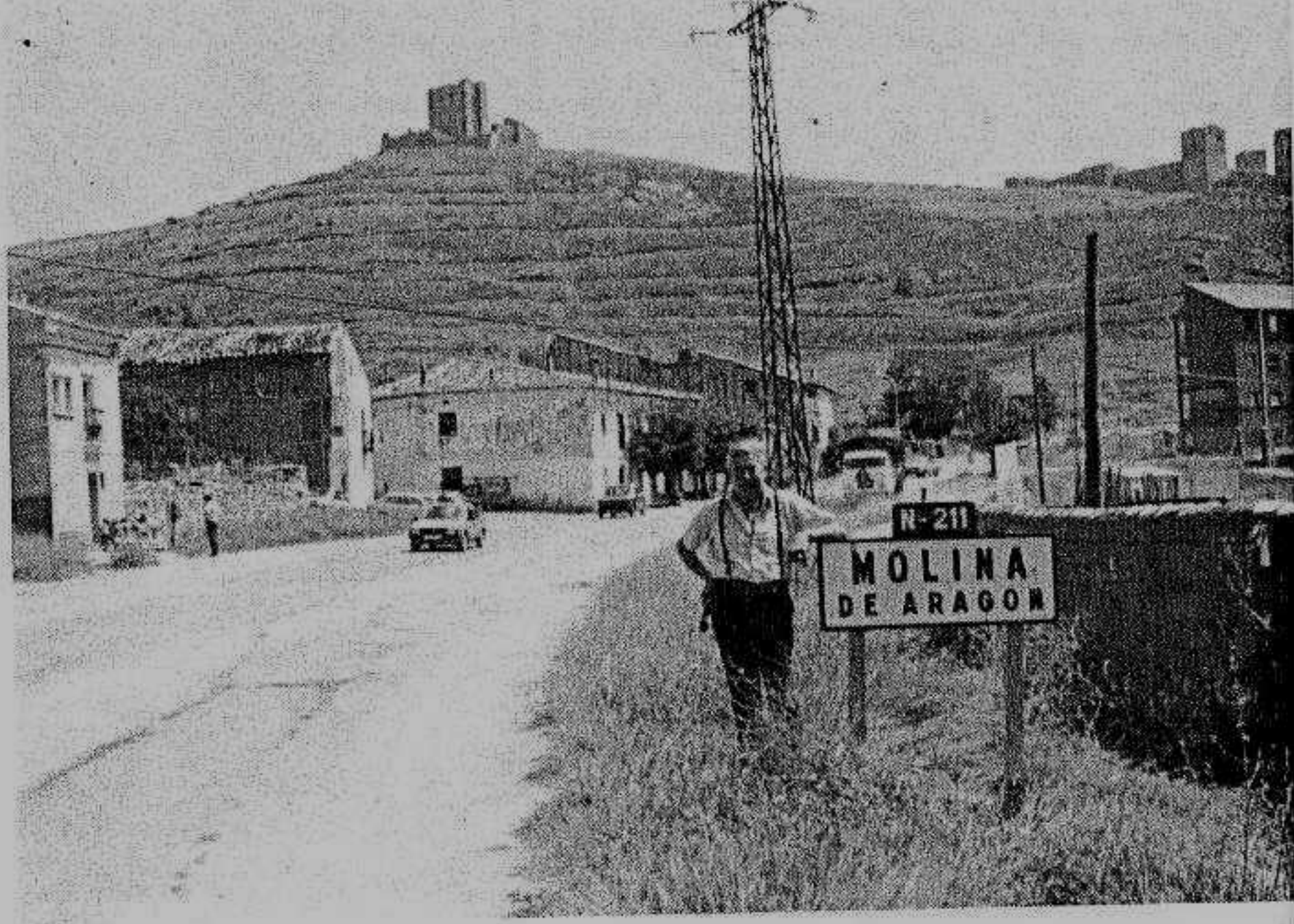

Молина де Арагон
1937 г.

Дом русских
добровольцев.

Моліна де Арагон 1982 г. Общій вид.

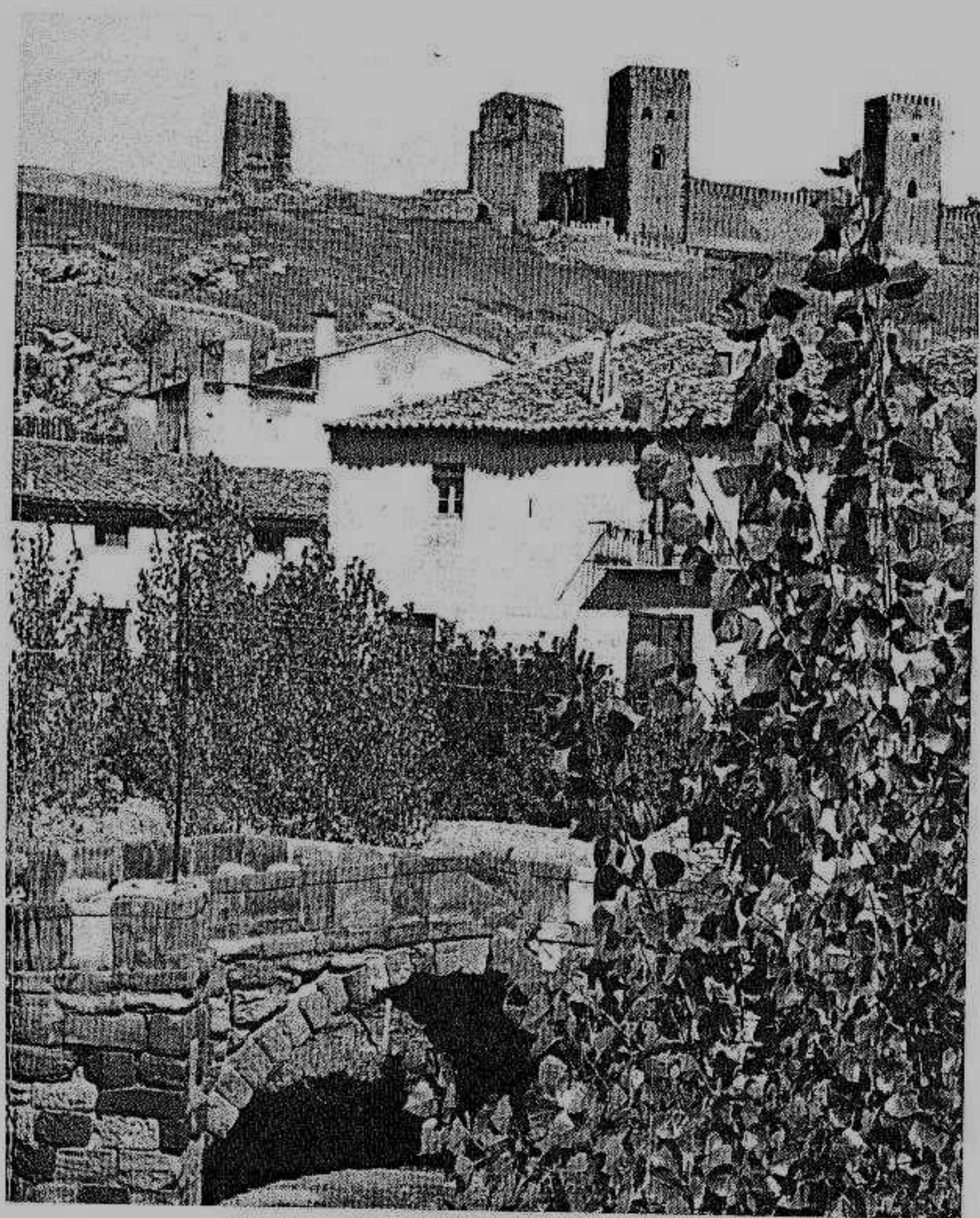

Издатель при въезде в Молину де Арагон 1982 г.

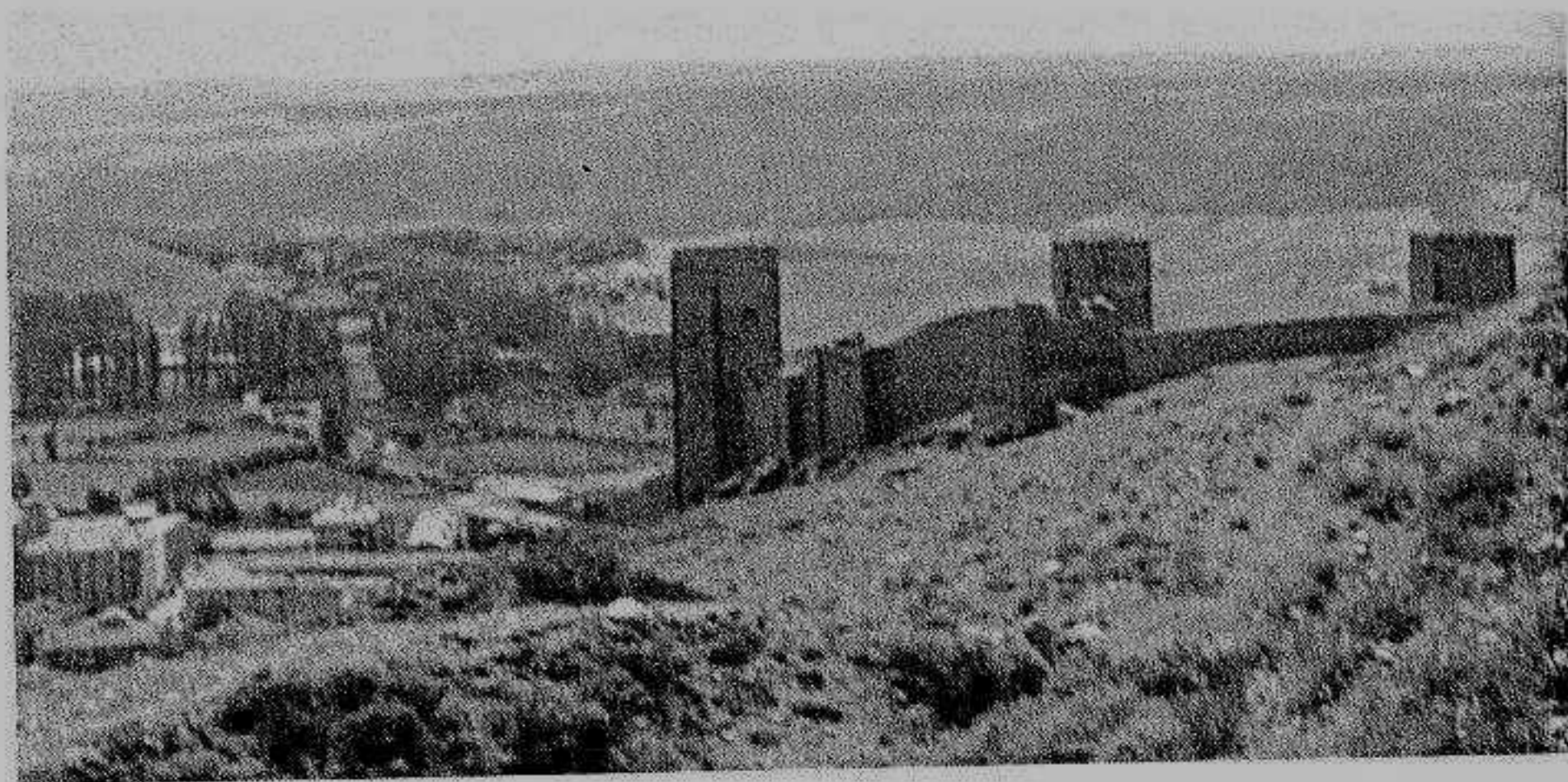
290

Молина де Арагон.
Торре де Арагон. 1982.

Молина де Арагон 1982 г.
Дома русских добровольцев и Штаба Терсио.

Молина де Арагон 1982 г. Вдали гора Махон Бланко.

292

Долина реки Галло и деревня Тордесияс 1982 г.

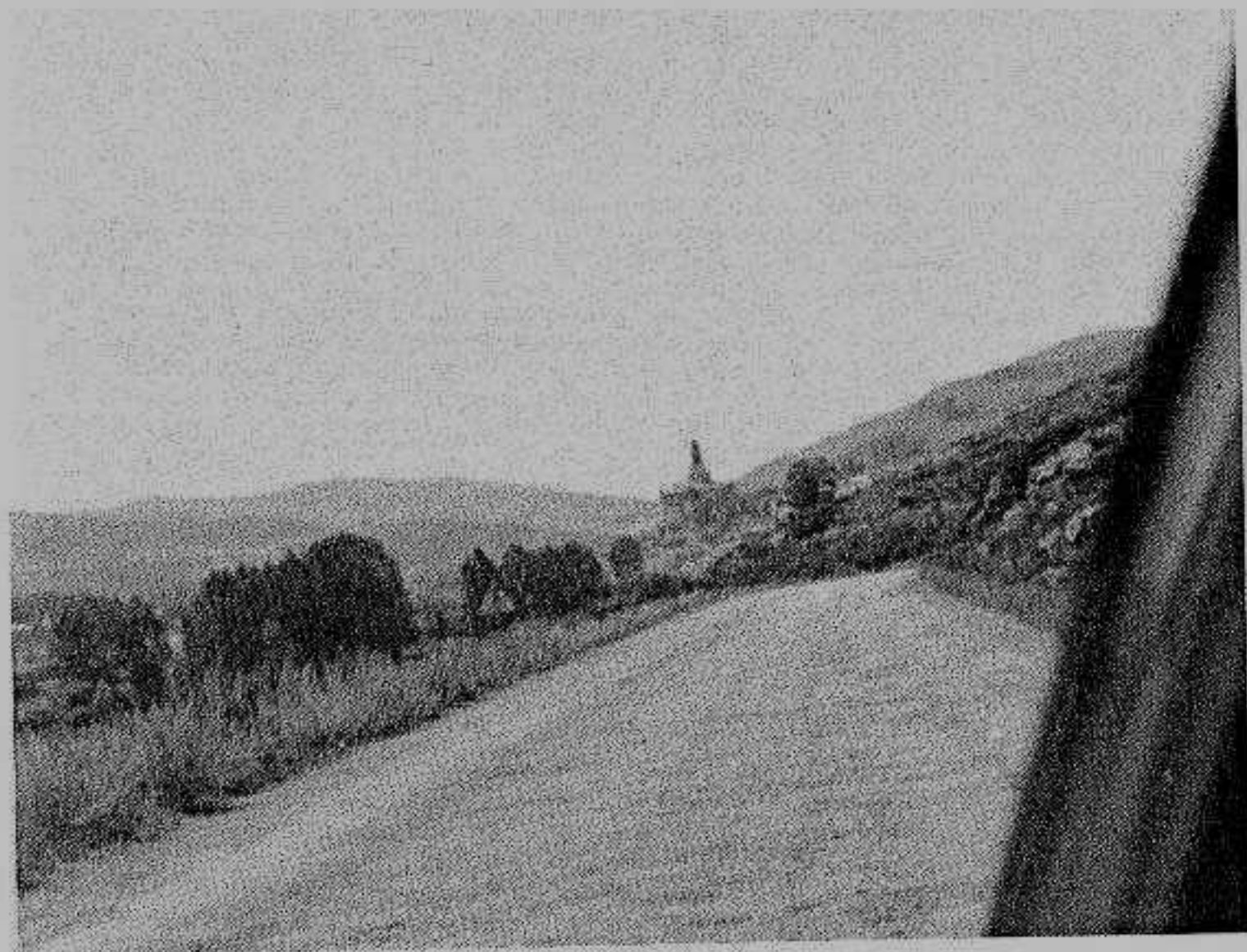
Тордесияс 1982 г.

293

Дорога на Ориуэлу дель Тремедаль 1982 г.

Въезд в Ориуэлу дель Тремедаль 1982 г.

294

Ориуэла дель Тремедаль 1982 г.
(Наверху Собор Сан Милан).

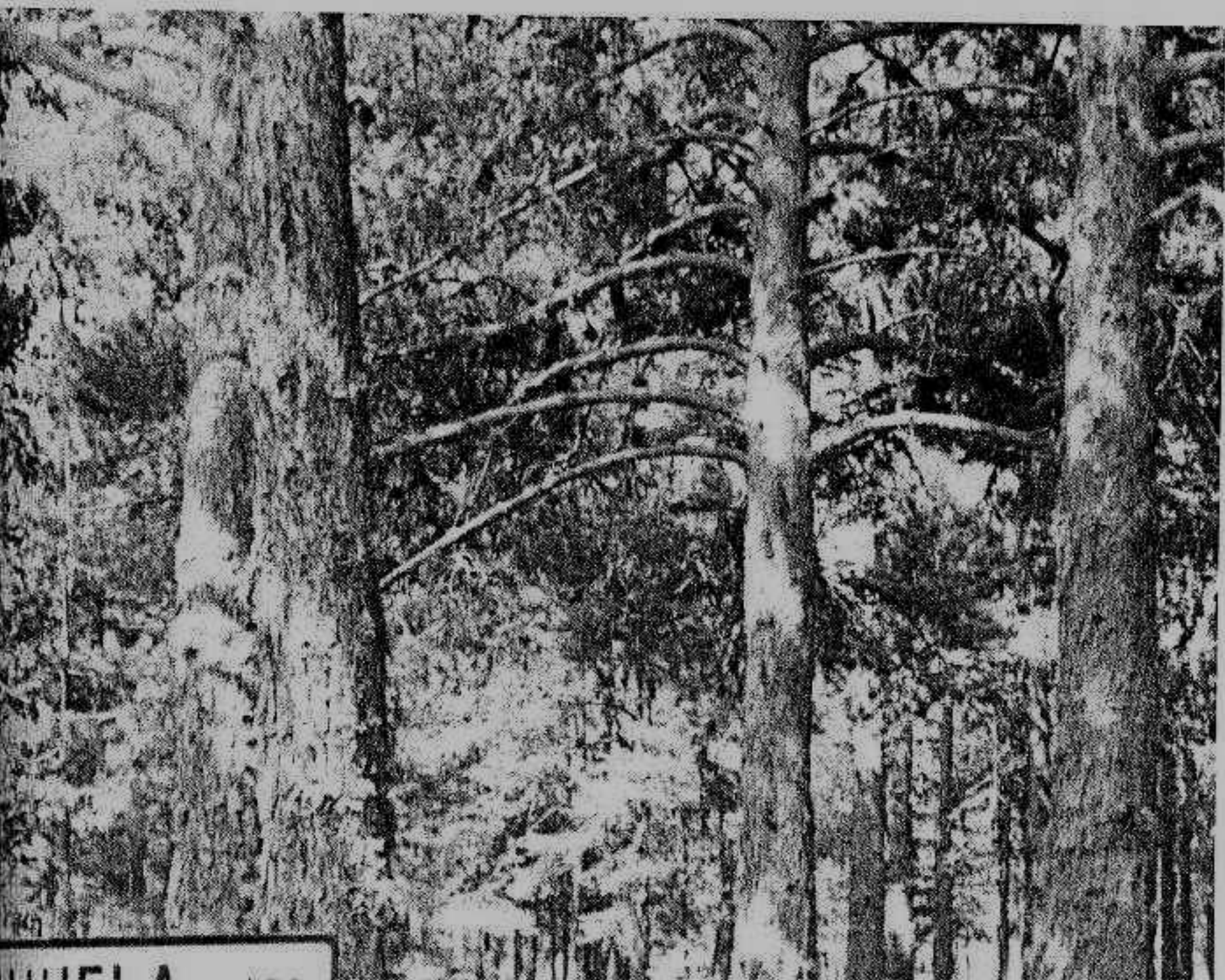

Мост Аль Петеа (Св. Петра) 1982 г.

По дороге на Махон Бланко 1982 г.

295

Махон Бланко 1982 г.
(Сиерра де Молина, самое холодное место в Испании)

296

Эль Контадеро — Высота 1639.
Вдали долина реки Тахо. 1982 г.

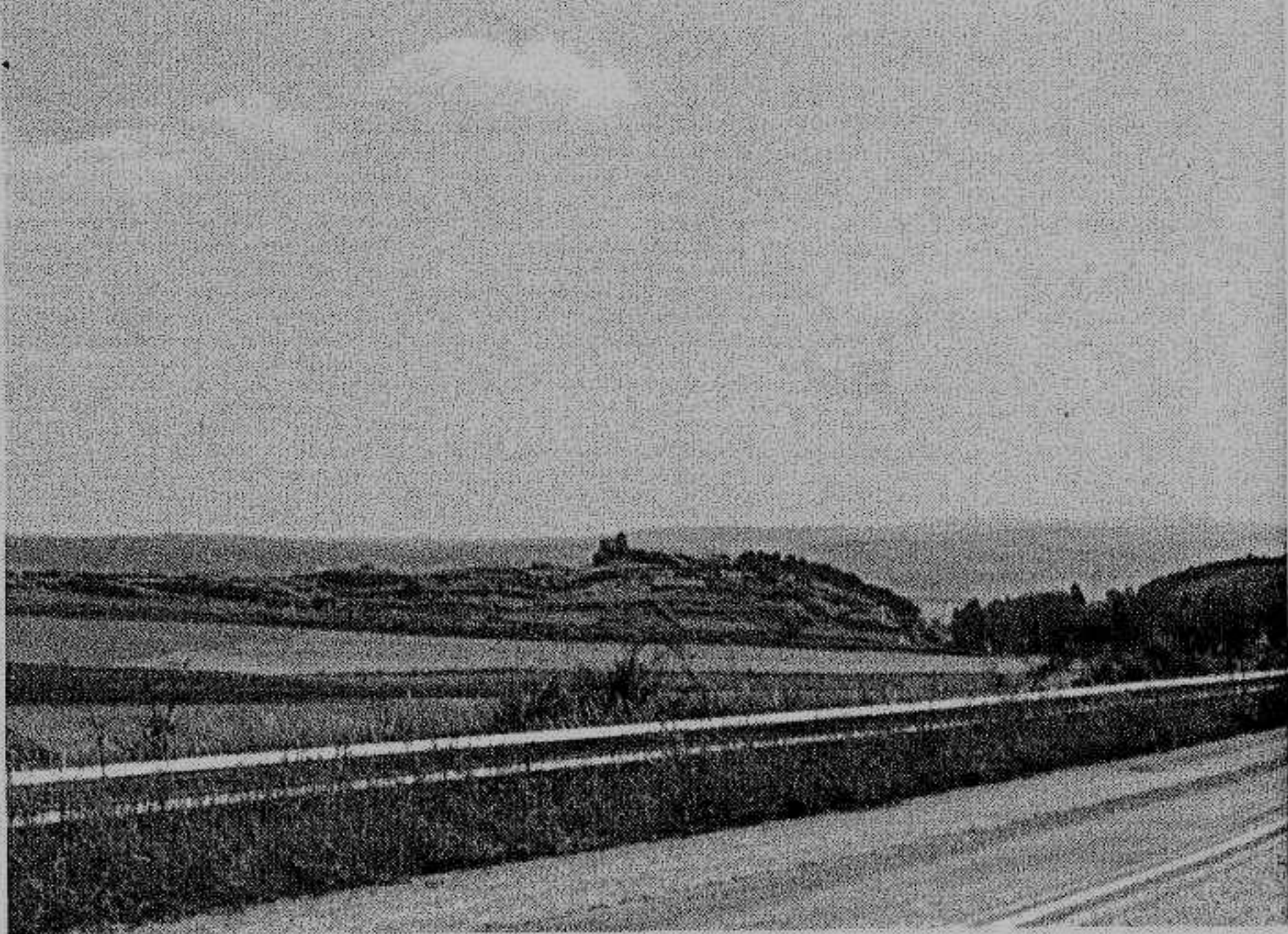
Вид с поста на Высоте 1639.
Вдали деревня Чека. 1982 г.

Деревня Кобета 1982 г.

297

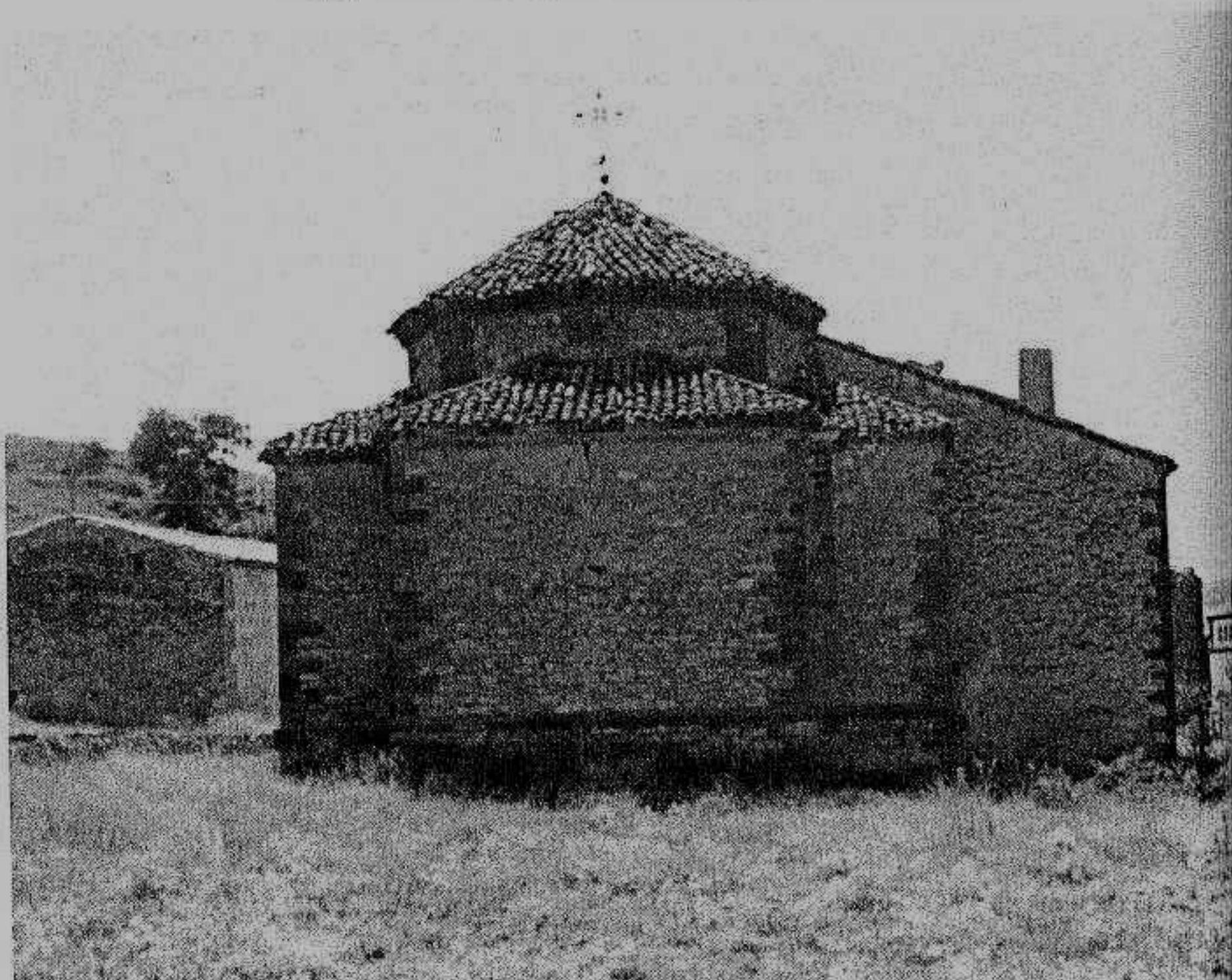

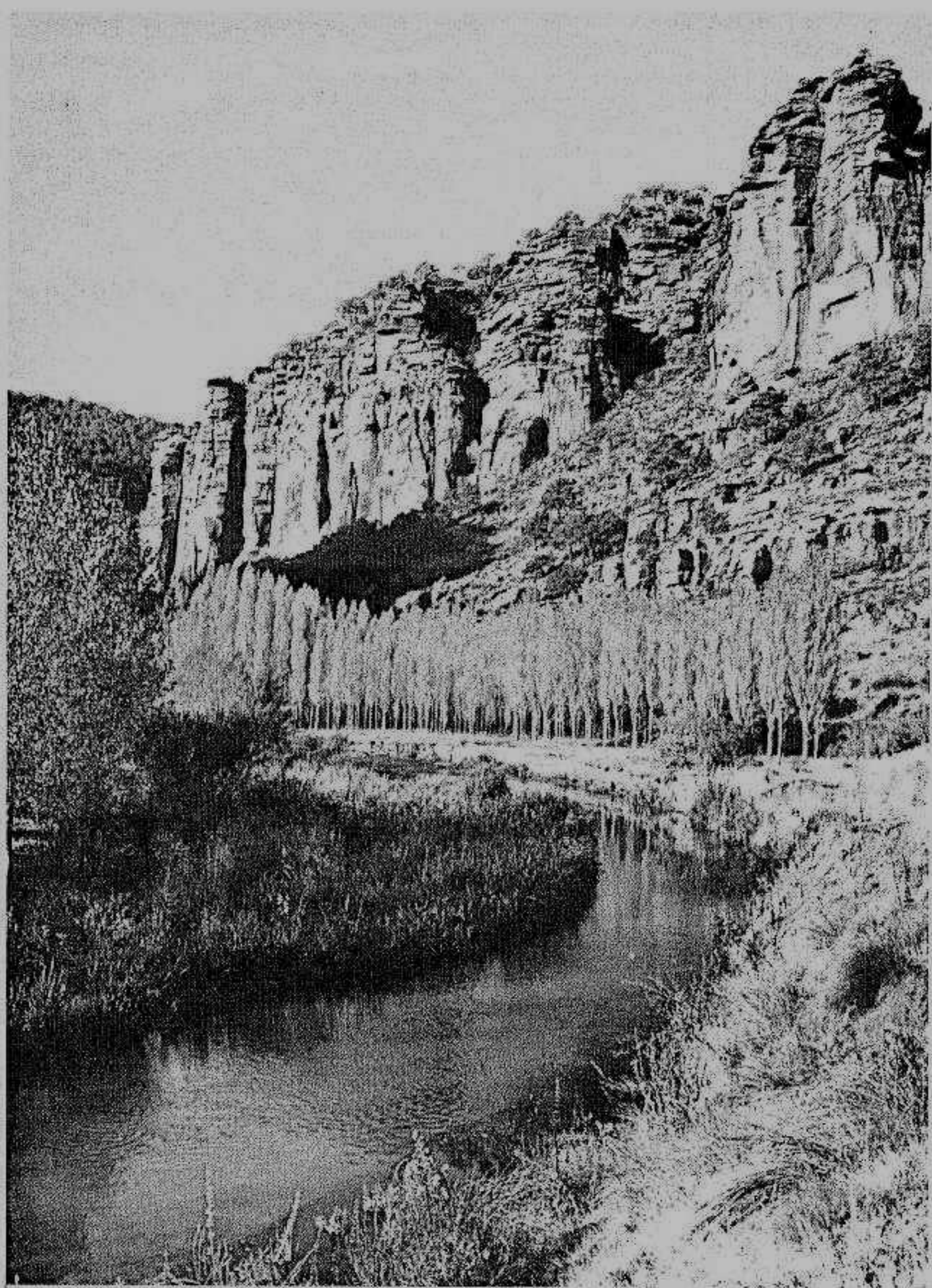

Вид на деревню Таравилию. 1982 г.

298

Церковь в деревне Чапарилья. 1982 г.

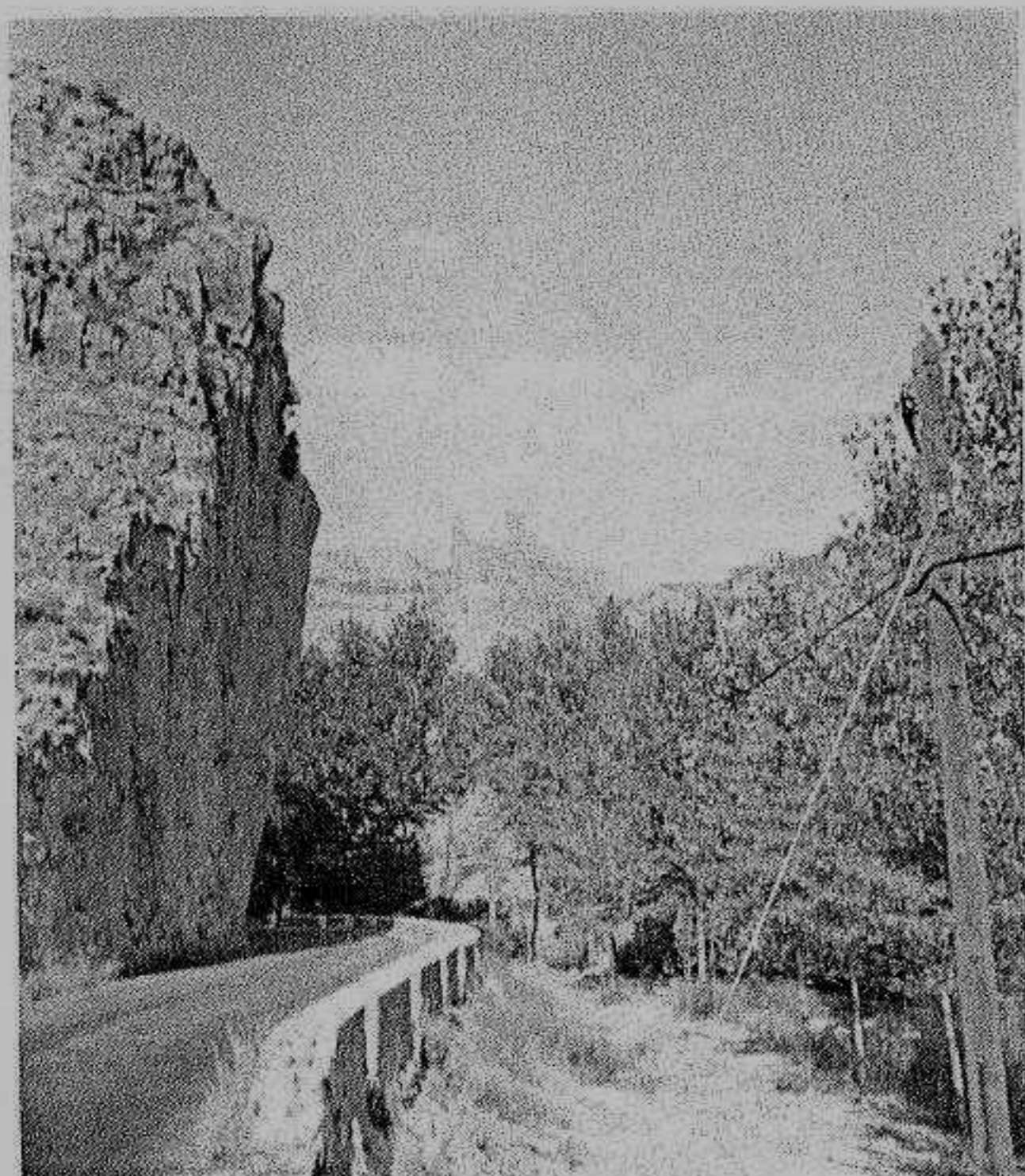
Река Тахо.

Деревня Вентоса в долине реки Тахо.

300

Дорога на Альбаррасин вдоль реки Тахо.

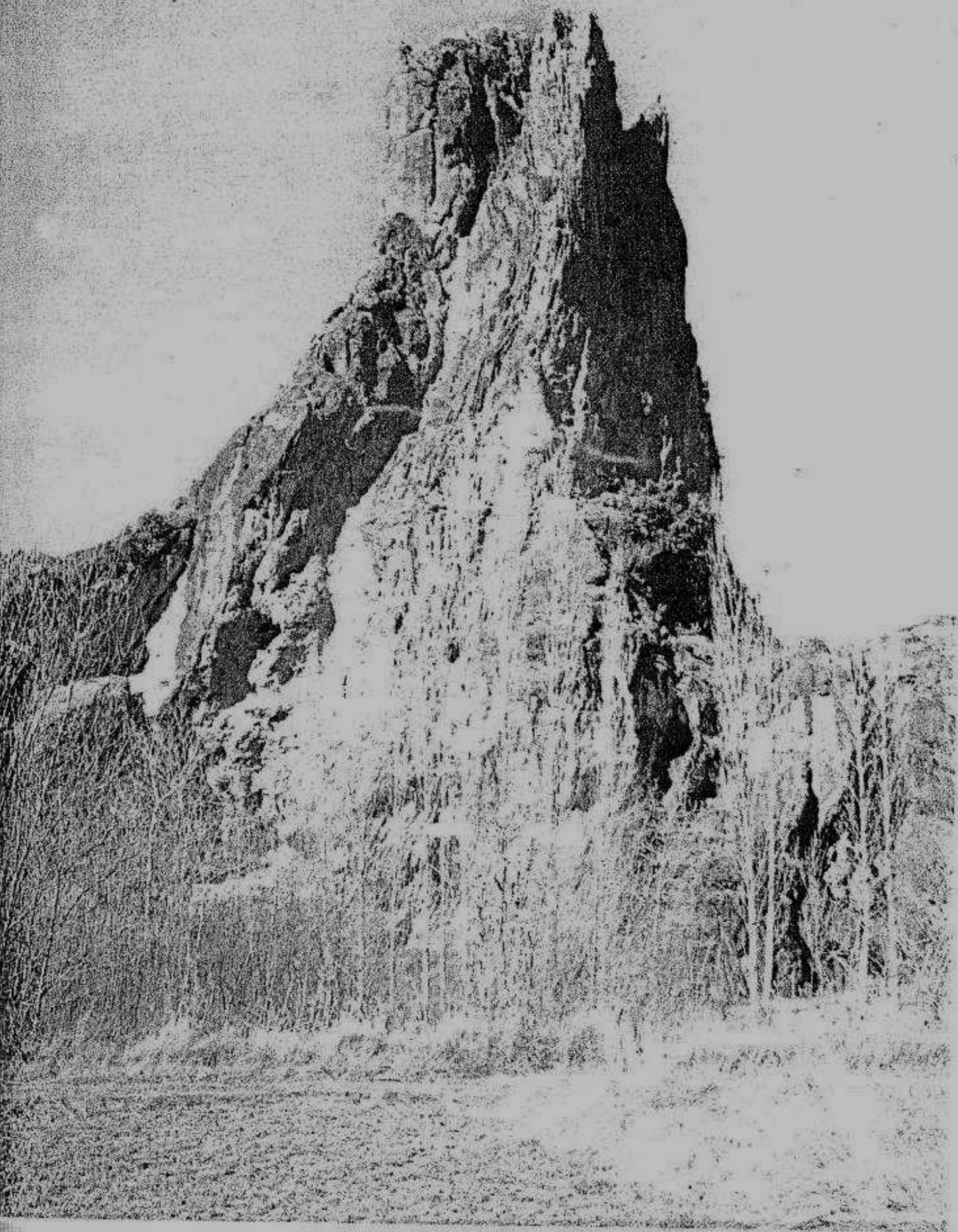
Альбаррасин. 1982 г.

301

Мора де Рубиелос. 1982 г.

Скала Дьявола. 1982 г.

Лоза дель Обиспо.

304

Средиземное море.

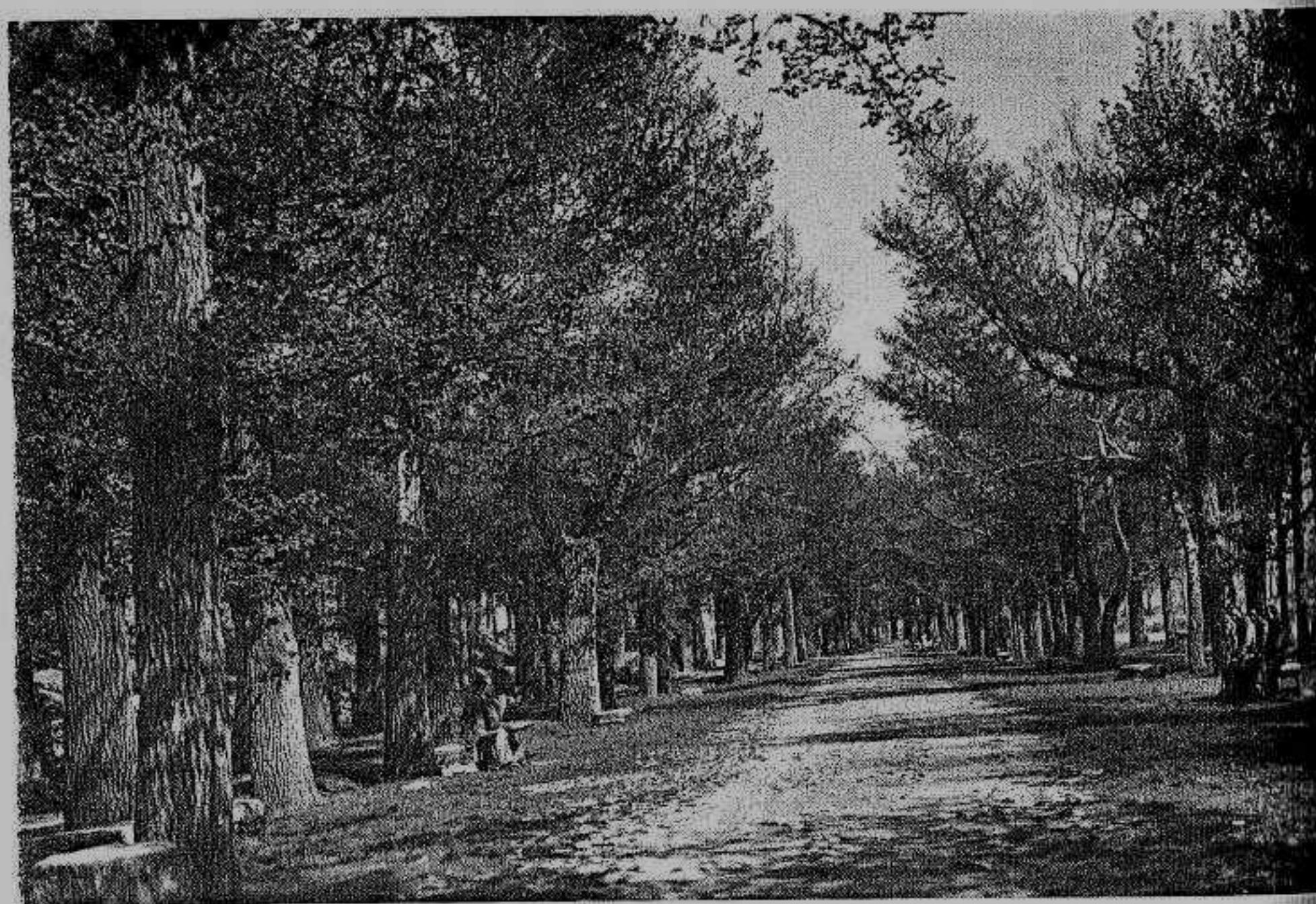

Молина де Арагон, сентябрь 1937 г.
Русские добровольцы перед отправкой на фронт,
после парада в Городском Парке.

306

Молина де Арагон 1937 г.
Городской Парк.

Русский отряд. 1937 г.

1 ряд (слева направо)	Д. Голбан, П. Белин,
(старший РОВС) В. Налетов.
2 ряд » »	Н. Артюхов, Л. Пылаев.
3 ряд » »	Н. Сладков, В. Боярунас.
4 ряд » »	В. Гурко, А. Яремчук 2-й,
за ними виден В. Кривошея.

Вне строя — лейт. Н. Кривошея (доблестный командир русского взвода) и серж. Фернандес.

Рекете терсио Донна Мария де Молина
на передовых позициях, август 1937 г.

Стоят: лейт. Висенте, альф. Ильин, Фернандес;
за пулеметом Пальчевский, за ним В. Кривошея.

Землянка на позиции, октябрь 1937 г.
около моста Аль Петеа.

Около Аль Петеа 1982 г.

309

Русская застава.

310

Эль Контадеро, Высота 1639. Сентябрь 1938 г.

Русский отряд.
Эль Контадеро, Высота 1639. Сентябрь 1938 г.

~~~~~
Обед на позиции.

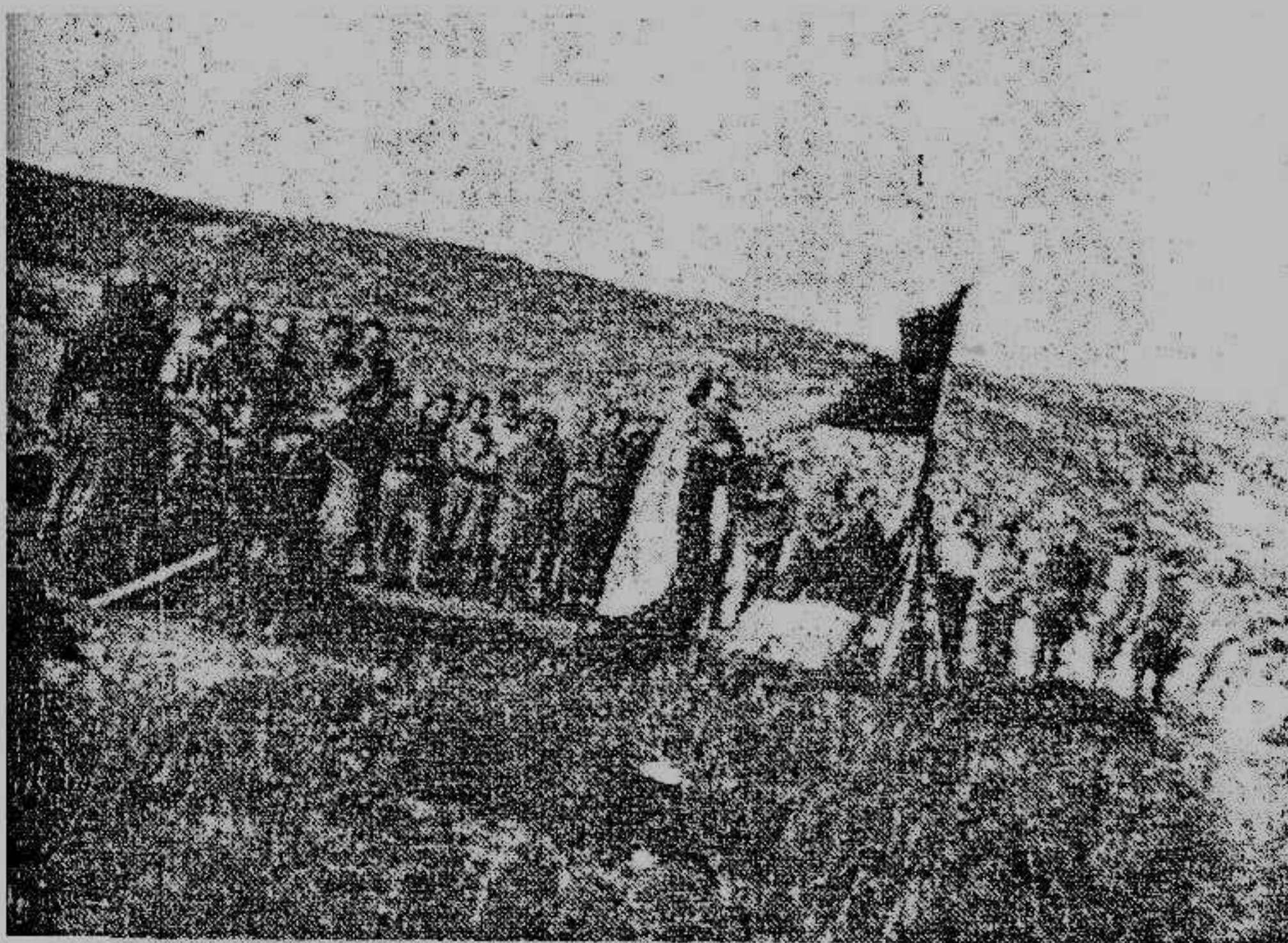
311

Молебен на позиции
Эль Контадеро, Высота 1.639
9-го октября 1938 г. — Св. Иоанна Богослова
Праздник Русского Отряда.

О. Александр Шабашев. За ним полк. Болтин,
в строю — испанские рекете, присутствовавшие на молебне.

Молебен.

После молебна.

Слева направо: (полулежат) —

Н. Артюхов, К. Гончаренко.

Сидят: В. Кривошея, А. Яремчук 2-ой, Д. Голбан,
А. Трингам, М. Юренинский, А. Константинов.

Стоят: А. Тоцкий, Н. Ковалевский, Л. Пылаев,
Б. Ильин, Н. Кривошея, Н. Болтин, Фернан-
Б. Ильин, Н. Кривошея, Н. Болтин,
Фернандес (сзади), о. Александр Шабашев,
(за ним) М. Сальников, М. Кастильо, (за ним)
Али Гурский, Б. Вольф и В. Боярунас;
С. Бриллиантов, В. Клименко, Е. Пальчевский
(с палкой), В. Двойченко; за ними стоят:
П. Зотов, И. Константинов, и В. Гурко.

Обед после литургии.

315

Группа русских с офицерами терсио Донна Мария де Молина и кавалерийского полка Кастильехос в день Св. Иоанна Богослова.

Праздничное веселье.
Лезгинку танцует Али Гурский.

ПРОТОПРЕСВИТЕР О. АЛЕКСАНДР ШАБАШЕВ

Отец Александр Шабашев по окончании духовной семинарии начал свою службу в 1899 году учителем, в 1909 году 23 апреля рукоположен в сан иерея, в 1919 году 30 апреля возведен в сан протоиерея, а в 1929 году 12 апреля в сан протопресвитера. Таким образом, получается юбилей 40, 30, 20 и 10 лет заслуженного духовного пастыря, бывшего до войны военным священником, во время войны пробывшего дивизионным благочинным, и принявшего участие в Белом Движении в качестве главного священника, сначала корпуса, а потом армии.

Протопресвитер Александр Шабашев — кавалер орденов Св. Владимира 3 ст., Св. Анны 2 ст. и проч и награжден за выдающиеся боевые отличия наперстным крестом на георгиевской ленте. Он является вторым по старшинству (после протопресвитера о. Шабельского) военным священником в нашем рассеянии в Европе.

Все знающие о. Александра Шабашева видят в нем твердого духовного пастыря, истинного патриота и непреклонного борца за православие и русскость.

Русские добровольцы в Испании приносят ему самые искренние пожелания дальнейших сил, здоровья и бодрости духа, и помнят, что по первой же их просьбе, о. Александр оставил все свои дела и поехал на фронт выполнить свой долг истинного духовного пастыря.

Подобным выполнением своего долга полна вся жизнь отца Александра.

Русские добровольцы и испанские офицеры 1-й роты терсио Донна Мария де Молина. Таравилья. 1938 г.

Слева направо и снизу вверх: Б. Вольф, Н. Селиванов, Н. Артюхов и Е. Пальчевский; лейт. Н. Кривошея и А. Гурский; полк. В. Двойченко, Д. Голбан и М. Юренинский. Стоят: П. Белин, Б. Ильин, Висенте, Н. Болтин, М. Кастильо, В. Налетов, П. Зотов, К. Гончаренко и И. Константинов; в последнем ряду: П. Пылаев, И. Дризен и В. Боярунас.

Русский отряд на Эль Контадеро.
Зима 1938-1939 г.г.

Лесозаготовки.

319

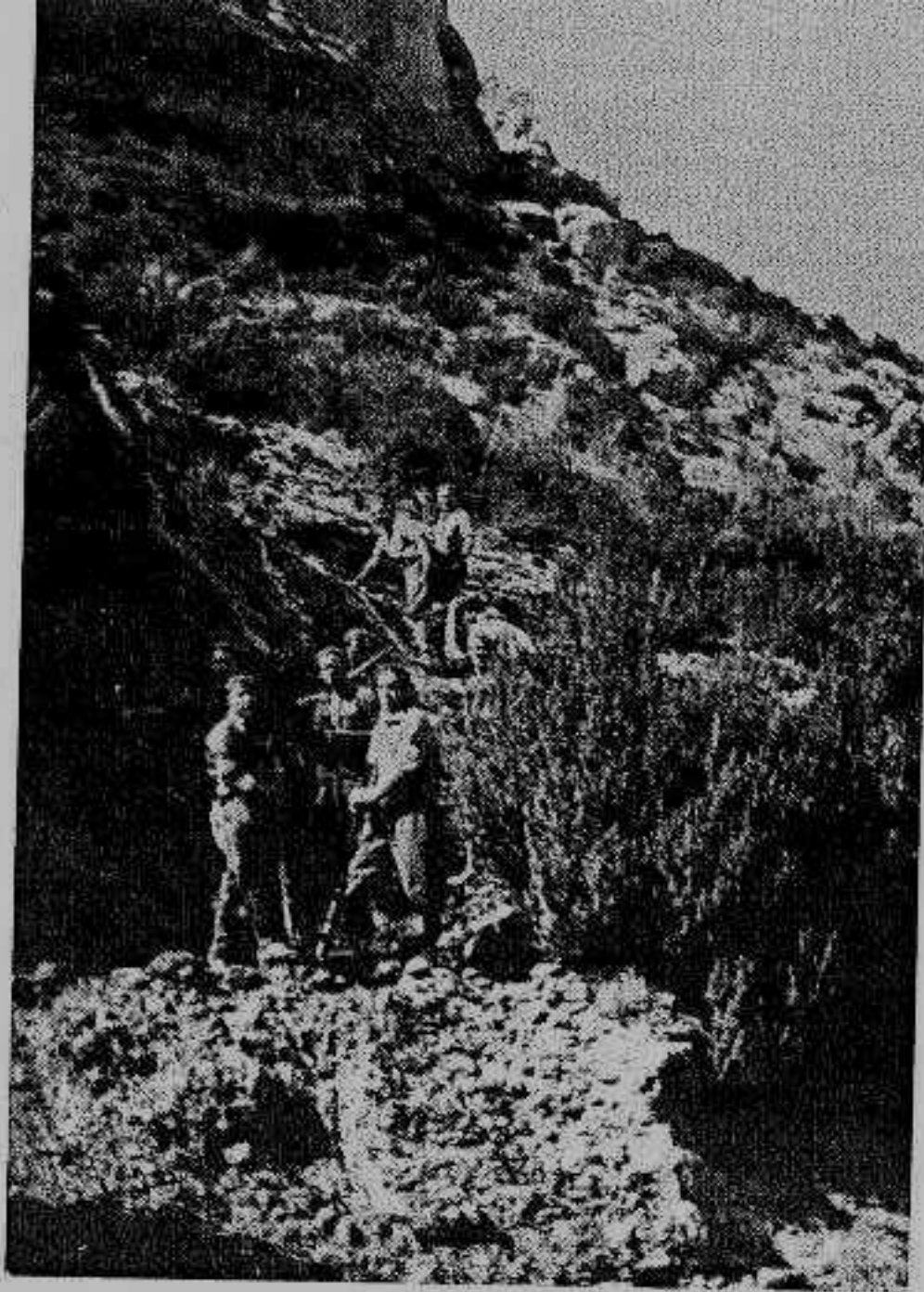

Эль Альбаррасин. Февраль 1939 г.
Привал. Переход на фронт Валенсии.

320

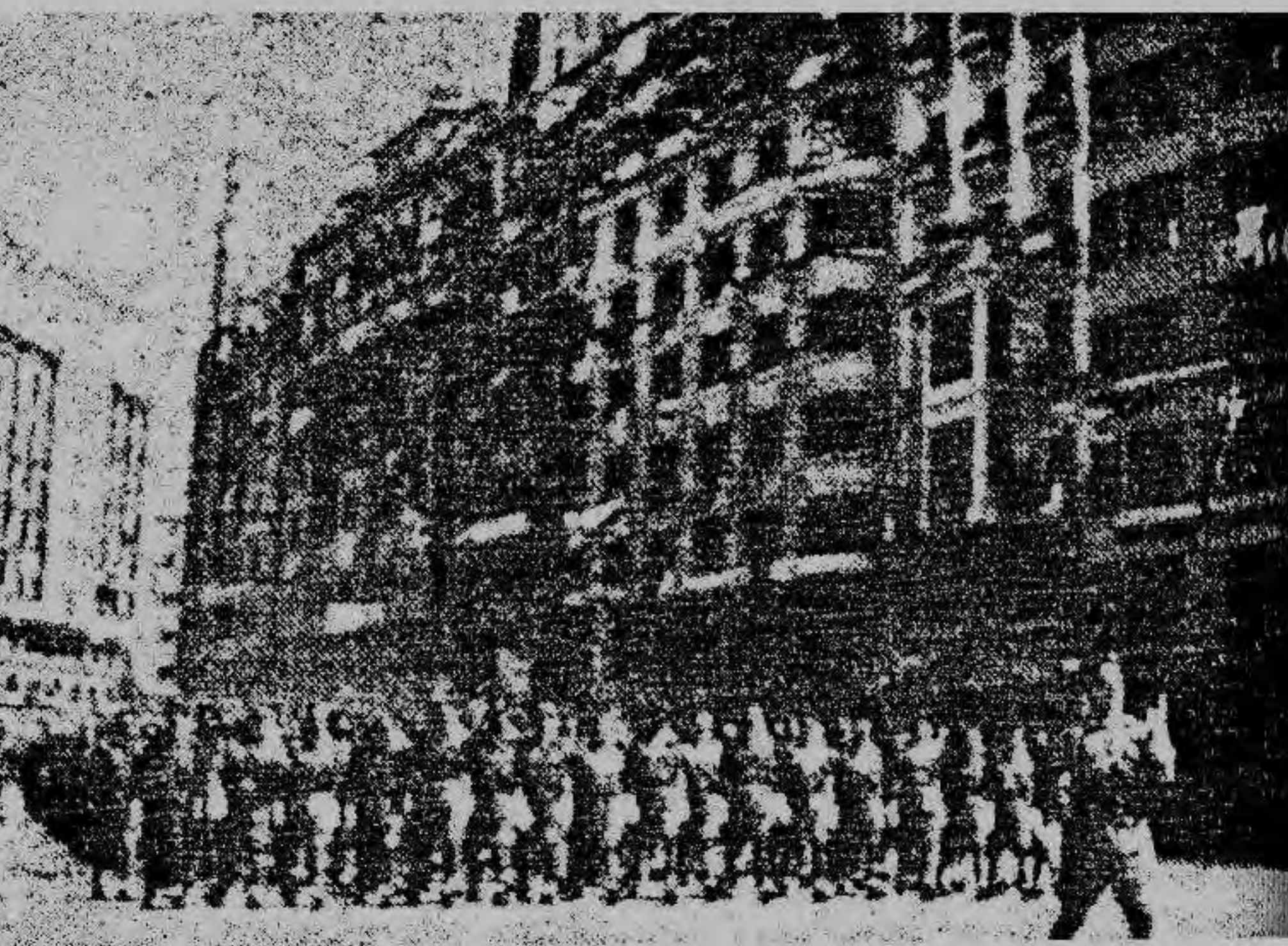
Скала Дьявола. Март 1939 г.

Лоза дель Обиспо. Апрель 1939 г.

321

Парад победы.
Валенсия, 3-го мая 1939 г.

Русские добровольцы с героем Альказара ген. Москардо
перед аудиенцией у ген. Франко.
Мадрид, 25 октября 1939 г.

Слева направо в центре внизу Д. Голбан. Сидят: Н. Зотов, Н. Кривошея, Н. Болтин, В. Клименко, С. Бриллиантов (стоя). Стоят: Н. Барк, Н. Селиванов, Л. Пылаев, Н. Артюхов, М. Сальников (центр в тени), Г. Зелим-Бек, П. Зотов, М. Юренинский, Б. Ильин. Сзади: Н. Сладков, А. Трингам, В. Боярунас, В. Кривошея, А. Яремчук 2-й.

Генерал А. В. Фок.

Капитан Я. Т. Полужин.

Незабываемые могилы

† ПАМЯТИ ПАВШИХ ДРУЗЕЙ

В конце августа во время попытки красных овладеть Сарагоссой в районе Кинто пали смертью храбрых, артиллерии генерал-майор **Анатолий Владимирович Фок** и Марковского Артиллерийского Дивизиона шт.-кап. **Яков Тимофеевич Полухин**.

Нет слов, чтобы выразить скорбь и печаль в столь тяжелой для нас утрате. Как каждый человек, они имели свои недостатки и достоинства, о первых сейчас судить мы не имеем права, ибо все недостатки мелки и ничтожны в сравнении с величием и красотой их подвига и героической смертью, а вторые нам известны.

Строгий и горячий, доступный и внимательный начальник, оба отзывчивые и прекрасные товарищи, беспрельдно преданные Родине и любимому военному делу.

Ген. Фок родился в Оренбурге, 3-го июля 1879 г. Окончил Псковский кадетский корпус и в 1900 г. Константиновское Артиллерийское Училище, откуда вышел в Кавказскую Грен. Артиллер. бригаду. Большой спортсмен, он был одним из организаторов Русского Сокольства, и в 1910 г. окончил в Петербурге офицерскую главн. гимн.-фехтовальную школу, где и был оставлен инструктором.

С началом Великой войны вернулся в родную бригаду в чине капитана на должность старшего офицера, затем получил батарею и уже в 1917 году командовал тяжелым артил. див. За отличие в боях получил почти все боевые ордена до ордена Св. Георгия 4-й ст. включительно. В Добровольческой Армии начал службу рядовым в Дроздовской конно-горной батарее, позднее командовал дивизионом и артиллерийской бригадой. В 1920 году был начальником артиллерии Перекопа. Затем уже в чине ген.-майора снова командовал артил. бригадой и инспек-

тором артиллерии корпуса. В Галлиполи командовал 1-й артиллерийской бригадой, сформированной из артиллерийской бригады Русской армии.

Шт.-кап. Полухин родился 24 марта 1895 г. Окончил Реальное Училище и в 1916 г. поступил добровольцем в 3-й бат. 73-й арт. бригады, откуда был командирован в Константиновское арт. уч., которое окончил 15 авг. 1917 г., выйдя в 26-й морт. арт. дивизион. В 1918 г. прибыл в Добровольческую Армию и был зачислен в 1-ю Гауб. батарею и с тех пор, всю свою службу провел в Марковской артиллерии. В Галлиполи окончил гимн. фехт. школу.

Был дважды ранен.

В эмиграции, ведя трудовую жизнь, затем испытав лишения безработицы, они оба принимали самое активное участие в жизни национальной ее части. Они особенно интересовались прогрессом военной науки, положением в подъаремной России и воспитанием молодежи, будучи одними из видных деятелей Русского Сокольства.

Но их сердца особенно горели жаждой действительного активизма и при первой же возможности, они отправились туда, где велась вооруженная борьба. Будучи артиллеристами, пошли в пехоту, получив назначение на северный бискайский фронт в терсио рекет Зумалокореги. За отличия в боях на подступах к Бильбао были произведены во второй офицерский чин — тениенте и позднее переведены в русскую группу на Арагонский фронт в терсио Донна Мария де Молина. Прекрасно и с большим вниманием встреченные испанцами, они высоко со своими друзьями подняли русское имя и трехцветный флаг.

Там есть одна дружная боевая семья, где нет никаких недоразумений и где все так ясно. И яснее всего, что они воюют за Россию, против того же врага, который 20 лет тому назад предал нашу Родину и уничтожает русский народ. От голодающего русского населения отнята мука и консервы; красные командиры, инструктора, авионы, танки, пушки, пулеметы — все брошено туда во славу мировой революции и в ущерб нашего Отечества.

2-я рота терсио Молина, где покойные командовали взводами приняла на себя всю тяжесть удара красной группы и вся погибла. В течение нескольких дней, окруженная со всех сторон, рота доблестно сопротивлялась,

отстреливаясь из захваченных ранее у красных, русских пулеметов «Максим».

Все данные сводятся к тому, что их могилы останутся для нас неизвестными. Пусть же многочисленные сослуживцы и их однокашники, разбросанные по всему миру, узнав эту печальную весть и склонив почтительно перед их светлую памятью свою голову, вспомнят далекую юность.

Вспомнят всю прелесть военной школы, ее традиции и особый культ памяти павших в боях, когда каждый кадет и юнкер с любовью и гордостью хранит в своем сердце имена своих старших однокашников павших смертью храбрых и разбросанных, так же в неизвестных могилах на многочисленных полях славы Императорской Армии.

Вспомнят с каким подъемом проходили парады в дни Дмитровской субботы, когда перед фронтом кадетских корпусов и военных училищ, сотни юношеских голосов гордо пели песню Константиновского Артиллерийского Училища, достойными питомцами, которого были наши павшие друзья!

Но не вздохами печали
Память храбрых мы почтим,
А в нетленные скрижали
Имена их начертим...

И сейчас, когда могилы еще свежи, нам их верным боевым друзьям, как никогда, верится, что скоро будут иные времена, когда снова русские юноши, как и мы в былые дни, будут благоговейно чтить прошлое величие своей Родины и память павших за Нее сынов.

А там, в далеком Петрограде на Забалканском, в на- зидание потомству, на мраморных скрижалях этого славного Училища будет высечено:

Генерал-Майор Фок Анатолий.
Штабс-Капитан Полухин Яков.

Вечная им память и слава!

Марковцы-Артиллеристы.

Декабрь 1937 г.

† З. К. КОМПЕЛЬСКИЙ

26-го сентября 1937 г., в бою под Толедо, смертью храбрых пал легионер 53-й роты, 14-й бандеры, **Збигнев Казимирович Компельский**.

З. К. прибыл в Испанию из Дануила одним из первых русских добровольцев в конце 1936 года. По собственному желанию назначен был в стяжавший себе боевую славу Испанский Легион. В рядах пулеметной роты 7-й бандеры З. К. участвовал во всех боях под Мадридом и за тяжелые бои под Мараньезой и Васия-Мадрицом награжден был военной медалью. Летом 1937 г. З. К. переведен был во вновь формирующуюся 14-ю бандеру.

25 сентября бандера получила приказ выступить в Толедо, для принятия участия в намечавшемся параде по случаю годовщины (28 сент.) освобождения героически оборонявшегося Альказара. З. К., страдая от сильного приступа гриппа, наотрез отказался от предложения доктора повременить с отъездом до выздоровления. Хорошо зная З. К., я был очень удивлен его непременным желанием принять участие в параде и только лишь после его смерти узнал действительную причину его упорства: З. К., пожалуй единственный легионер в бандере, знал от своего командира, что вместо парада на рассвете, следующего дня 14-я бандера пойдет в голове атакующей колонны на сильную позицию красных. Действительно 26 утром наши перешли в наступление. Впереди всех 53-я рота. Храбрый капитан Консели, командир роты, с десятком своих легионеров, обогнав роту, под самыми окопами красных, попал под сильный огонь. Почти все сразу же были ранены. Капитан двумя пулями. Шедший рядом с ним З. К. пулею в бедро. Пулеметчик ручного пулемета открыл по окопу огонь, чем дал возможность раненым начать отход, но был в свою очередь убит. Огонь красных опять усилился. Чтобы спасти других З. К. дополз до пулемета и заменил убитого. Опять заработал пулемет, подошла рота, красные бежали, а возле пулемета нашли убитого разрывной пулей, попавшей в голову, Збигнева Казимировича Компельского.

На этих же позициях под Толедо, 6-го мая 1937 года, убит был и другой русский легионер 6-й бандеры **Сергей**

Техли. Я не знал его. Знаю только, что Техли не его фамилия, так прозвали его испанцы (кажется его настоящая фамилия Чиж), знаю, что он морской офицер, что прибыл он из Тулузы, что в бандере пользовался он всеобщей любовью, что накануне своей смерти отказался он от перевода из роты на более спокойную должность в штаб бандеры и что убит он в день, когда 6-я бандера без поддержки артиллерии отбила ручными гранатами, ворвавшиеся в окопы советские танки и в 10 раз сильнее части интернациональных бригад.

Т. Е. Пальчевский.

Контр-Адмирал М. И. Смирнов, морской министр правительства Адмирала Колчака, в 1919 г. в гор. Омске. Рядом с ним — военно-морской летчик ст. лейт. В. М. Марченко, доблестно погибший 14 сентября 1937 г. в воздушном бою над Сарагоссой.

Корниловцы — терсио Донна Мария де Молина.
Слева направо: В. Гурко, В. В. Боярунас, М. А. Сальников
А. П. Яремчук 2-й с собакой «Макар».

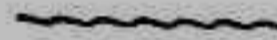
332

Полковник Н. Н. Болтин.

С. П. Бриллиантов.

Н. Э. Барк.

333

В. А. Двойченко.

334

Н. К. Сладков.

П. Иванов-Панфилов
в форме Испанского Легиона.

~~~~~
А. А. Трингам.

335

Ген. Н. В. Шинкаренко
Саламанка 26 окт. 1937 г.

Ген. Н. В. Шинкаренко
после ранения.

337

Раненые русские добровольцы.

HOSPITAL MILITAR " SEMINARIO

Генерал Франко приветствует коменданта Альказара полковника Москардо. Снимок сделан немедленно по освобождении крепости.

338

Альказар, Толедо. 1932.

Командир терсио Донна Мария де Молина
майор Л. Руис-Фернандес.

339

Падре Хозе Мария Бассес,
священник терсио Донна Мария де Молина.

Незабываемые могилы

† ПАМЯТИ ДРУГА

20 марта прошлого года после продолжительной болезни скончался генерал Хозе Варела Иглесиас, верховный комиссар испанского Марокко.

Это был замечательный человек. Родился он в 1891 г. и был сыном сержанта морской пехоты в Кадиксе. Старый сверхсрочный солдат-отец внушил сыну любовь к военной службе, в 1909 году Хозе поступает добровольцем в тот же батальон морской пехоты, выделяется и, несмотря на существовавшие в то время в Испании кастовые предрассудки, выдерживает экзамен в Толедском военном училище и в 1915 г. производится в офицеры. Молодой офицер сразу же отличается в Марокко, где Испания завоевывает себе «жизненное пространство». В Марокко Варела, отличаясь от многих своих сослуживцев, вращается в местную жизнь, изучает местные нравы, не чуждается туземцев и завоевывает их любовь — его можно сравнить с теми русскими офицерами Кавказской армии, которые, после завоевания Кавказа, настолько обжились с этим краем и настолько его полюбили, что наши кавказские войска имели свой особый «колорит». В чине капитана Варела получил высшую испанскую награду — «лауреаду Св. Фердинанда», которая дает ее кавалеру титул «Превосходительства». Король Альфонс XIII отметил сына скромного сержанта, пожаловав ему звание своего адъютанта.¹⁾

как «враг народа» и в июле 1936 года, когда ген. Франко Республика иначе поступила с этим воистину выходцем из народа: он был заключен в кадикскую крепость, поднял восстание против большевизанствующего «респуб-

¹⁾ Генерал Варела был единственный в Испании кавалер двух лауреад (соответств. русскому Ордену Святого Георгия).

ликанского» правительства, был оттуда освобожден своими друзьями. Через несколько дней ген. Варела с группой храбрецов освобождает Кадикс от власти большевистских ставленников и подчиняется ген. Франко. Дальше начинается взлет молодого военного вождя. Назначенный ген. Франко командиром корпуса, он 28-го сентября освобождает осажденный героический Альказар. Дальше он бьет красных повсюду, будучи неизменно впереди своих войск — храбрость его становится легендарной.¹⁾

В 1939 г., по окончании войны, ген. Варела назначается военным министром, реорганизует испанскую армию, улучшая ее обучение, вводя новые уставы и знакомя ее с тактикой современного боя. В 1945 г. — ген. Варела — верховный комиссар испанского Марокко, где пользуется исключительным авторитетом и любовью туземцев.

Когда началась война между Германией и СССР, ген. Варела принял самое деятельное участие в том, чтобы убедить немцев создать Русскую Освободительную Армию, — увы, и эта попытка успехом не увенчалась.²⁾

Во всей деятельности покойного генерала его сопровождала и во всем помогала ему его жена-друг, донна Ампуеро, стоявшая во время войны во главе организации помощи фронту и в свое время оказавшая много внимания нашим русским добровольцам. Желая оттенить заслуги покойного генерала перед Испанией, ген. Франко посмертно пожаловал ему титул маркиза де Сан Фернандо.³⁾

Покойный генерал исключительно интересовался судьбой России. Он много беседовал на русские темы. Вот несколько строк из его письма от 9 июля 1949 г. (в переводе с испанского): «Для меня нет никакого сомнения, что идеа-

¹⁾ По моему ходатайству, как старейшины русских добровольцев в испанской армии, будучи военным министром, он определил в испанский легион девять бывших русских комбатантов, восемь офицерами и одного сержантом. Когда он командовал корпусом, единственным русским офицером в его штабе был ген. Н. В. Шинкаренко, произведенный до того за боевые заслуги в поручики (Тениенте) Легиона.

²⁾ Когда Испания посылала Синюю Дивизию, он хотел, чтобы все русские комбатанты были включены в нее, чему воспротивились немцы, и с этой Дивизией смогли уехать только отдельные лица.

³⁾ Посмертно генерал-лейтенант Варела был произведен Главнокомандующим в полные генералы, кроме награждения титулом.

лы христианства, заложенные в русском народе его тысячелетней борьбой за веру Христову, восторжествуют над дьявольской системой советского чуждого вашей стране режима.»

Русские люди сохраняют светлую память об испанском генерале, чужом нам по крови, но поразительно близком по духу.

Н. Болтин.

Сентябрь 1952 г.

† ПОЛКОВНИК ДОН МАНУЭЛЬ АРИАС-ПАСКИТАН

23-7-1965 г. в Мадриде скончался военный инженер полковник Дон Мануэль Ариас-Паскитан. В самом начале борьбы против красных он принял деятельное участие в движении ген. Франко и был начальником отдела пропаганды штаба армии. В первый же период войны, в 1936 году, при самом деятельном участии его, были основаны первые во всем мире русские антикоммунистические радио-передачи.

В течение всей войны за свободу не только Испании, но и всей Западной Европы, мне пришлось близко сотрудничать с этим прекрасным офицером, патриотом и убежденным противником коммунизма.

От имени русских друзей Национальной Испании позволяю себе выразить искренние соболезнования вдове покойного нашего друга и единомышленника донне Кармэн.

В. Орехов.

Генерал Гонзало Виттория.

344

Генерал Ускиано.

ИСПАНИЯ И МЫ

Это странно, это очень странно, но те, кто пожил в Испании, кто видел ее не только из окна многочисленных теперь туристических «автокаров», кто интимно столкнулся с жизнью испанского народа, вывели твердое заключение о том, что русский и испанский народы имеют много, очень много общих черт характера, несмотря на разницу в географическом, климатическом и расовом отношениях.

Те, кто читал пророчества Ленина, знают, что вождь коммунизма уготовил для Испании ту же судьбу, что и для России. Ленин прямо говорил: «следующей страной, где вспыхнет борьба классов и восторжествует коммунизм, будет Испания». И действительно, все делалось для этого. Еще задолго до гражданской войны, украденные у русского народа деньги текли в Испанию. Временно положил этому конец Примо де Ривера, этот патриархальный диктатор, который так напоминает знающим русскую историю Лорис-Меликова с его «диктатурой сердца». Благороднейший человек, но нерешительный монарх поддался влиянию и устранил от власти человека, который спасал монархию. Началась полоса своеобразной «керенщины», которая постепенно начала принимать зверинный лик большевизма.

К счастью для Европы, испанцам повезло больше, чем русским. У них появились вожди. И, если два из них, Санхурхо и Мола, подобно нашим генералам Корнилову и Алексееву, погибли в первые дни восстания, ген. Франциско Франко твердой рукой повел свои малочисленные войска к победе. И здесь героизм испанских добровольцев до мелочей напоминает героизм и жертвенность первых белых добровольцев.

Я был совершенно ошеломлен, когда в момент моего представления Главнокомандующему, в Саламанке, в первые месяцы войны, он заговорил о нашей Добровольческой Армии и убежденно сказал, что наша война была проиграна потому что у нас не было тыла.

Этот тыл, испанский тыл, был создан. В нем не было ни больших штабов, ни ненужных учреждений. В нем ковалась победа так же, как и на фронте. За войсками шли автомобили с продовольствием и разумная пропаганда. Конечно, условия гражданской войны в Испании были другого масштаба, чем у нас: нельзя сравнить российские просторы с испанским фронтом с его естественным загромождением. Но надо сказать, что в распоряжении красных сразу же оказалась современная авиация и, увы... моральное сочувствие и помощь (из под полы) многих больших держав.

Да, конечно, технически помогли немцы и итальянцы, но вспомним, сколько трудов и жертвенности стоило десяткам русских добровольцев проникнуть в белую Испанию и с каким размахом рекрутировались во многих странах чины Интернациональных бригад...

Теперь можно сказать, что, если неоказание помощи русским белым армиям было недомыслием Европы, то борьба против белой Испании было попыткой этой Европы к самоубийству. От этого самоубийства ее удержал своей победой теперешний Глава Испанского государства.

Красные в Испании себя окончательно скомпрометировали и, может быть не столько гражданской войной, сколько тем, что в самые трудные времена, которые пережила Испания в период 2-й Мировой войны и, особенно, в послевоенный период, продавали свою страну оптом и в розницу.

Испанский солдат очень похож на русского. Дисциплина, нетребовательность, привычка к лишениям, жертвенность.

**
*

Нас принимает герой Альказара генерал Москардо, граф Альказар де Толедо, тот самый Москардо, который в ответ на шантаж красных, требовавших сдачи Альказара и угрожавших расстрелять его шестнадцатилетнего сына, ответил своему сыну Луису, приведенному к телефону красными палачами:

«Вручи свою душу Богу и с криком „Да здравствует Испания“, умри, как патриот.» И юноша пал под пулями красных, а Альказар выдержал осаду.

В гостинной у генерала два портрета его сыновей: Луи-

са и старшего тоже расстреляного красными в Барселоне.

Эти имена никогда не будут забыты в Испании, и Генерал убежденно говорящий нам с женой и Н. Н. Болтину о том, что только верой, героизмом и жертвенностью можно спасти мир от большевизма, имеет право это говорить. В его устах это не слова, произносимые часто без всяких последствий, а выстраданная им правда.

Генерал Москардо, после освобождения Альказара, был назначен командиром Арагонского Корпуса, в который входил наш, Русский Отряд, затем был назначен Начальником Военной Квартыры Генералиссимуса. Во время Второй Мировой войны ездил в Россию для раздачи к Рождеству подарков чинам Синей Дивизии. Потом командовал войсками в Каталонии.

**
*

Трогательный прием у генерала Ускиано, последнего испанского военного агента в России, пережившего всю войну с Императорской Армией, видевшего ее славу и, увы, ее развал. Генерал Ускиано в момент национального восстания, произвел переворот в Валлодолиде, был там военным губернатором и, после командования крупными войсковыми соединениями, был назначен вторым Начальником Военной Квартыры генерала Франко. Генерал не забыл русский язык и, часто в разговоре с Н. Н. Болтиным и мною, вставляет русские слова и фразы. Я радуюсь, что он, проживши много лет в России, подтверждает мое мнение о том, насколько схожи испанский и русский характеры. Генерал твердо верит, что русский народ найдет себя и освободится от поработившей его власти.

Визит к генералу Хозе Гонзало де Виттория полон воспоминаниями о первых месяцах гражданской войны, когда он, в то время полковник, много помог установлению взаимного понимания между испанскими и русскими антибольшевиками.

Вряд ли в другой стране могли установиться такие сердечные и полные взаимного понимания отношения между хозяевами страны и «бесподданными иностранцами». В Испании нас понимают, нашу борьбу ценят и не допускают никакой возможности компромисса с большевизмом.

Январь 1954 г.

В. В. Орехов.

**ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТНИЕ
РУССКОГО ОТРЯДА**

XXV - лeтiе
РУССКОГО ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ОТРЯДА
В ИСПАНИИ 1937 - 1962

Исполнилось 25 лет с того дня, когда горсть русских белых офицеров, преодолевши многие препятствия, прибыла в сражавшуюся против красных Испанию и влилась в испанское «Терсио Мария де Молина».

28-го марта находящиеся в Мадриде 9 офицеров Русского Отряда (кап. Белин, кап. Константино, полк. Али Гурский, кап. Голбан, кап. Клименко, кап. Юренинский, кап. Яремчук, кап. Селиванов, кап. Артюхов) совместно с прибывшим в Мадрид кап. Ореховым, были в торжественной аудиенции у Начальника Высшего Генерального Штаба генералом Муньес-Грандес (бывшим командиром Синей Дивизии в России).

Около 150 лет тому назад испанская династия Бурбонов раскололась на две ветви, одна из которых, возглавленная дон Карлосом и одно время владевшая северо-западной частью страны, потерпела поражение и ушла в изгнание. Потомок дон Карлоса служил в Русской Армии, дослужился до генеральского чина и разделил участь русской эмиграции: он скончался за границей. Но претендент этой ветви на испанский престол принц Ксавье существует и поныне.

Во время войны в Испании против красных, карлистское движение энергично поддержало борьбу ген. Франко и создало особые части «Рекете». При этих частях в составе терсио «Дона Мария де Молина» сражался и наш Русский Белый Отряд.

К Новому Году, в ознаменование 25-летия Испанского Освободительного Движения, русские офицеры Отряда были награждены званием «почетного капитана».

8-го апреля, эта памятная дата была отмечена молебном с поминовением павших на поле брани чинов Рус-

ского Отряда — в православной церкви Мадрида перед иконой Св. Апостола Иоанна Богослова, бывшей во время белой борьбы иконой 4-й батареи Марковской арт. бригады, а в Испании — при Русском Отряде.

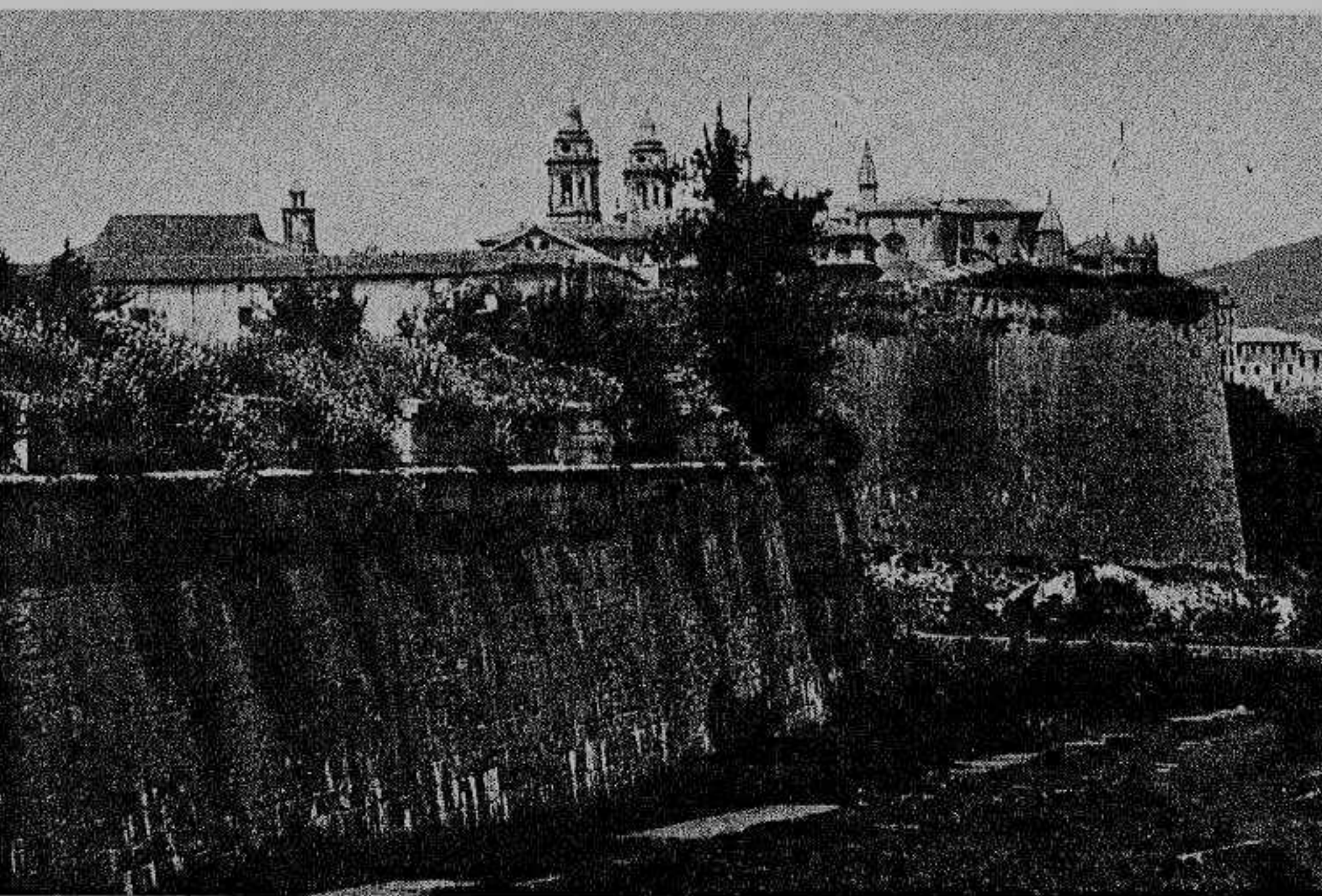
Протоиерей о. Рафаил Иваницкий-Ингило произнес слово на русском и испанском языках в храме, переполненном испанцами и русскими. Отлично пел хор.

После молебна, в собрании Армии и Флота состоялся банкет. Зал был украшен русскими и испанскими национальными флагами. Между ними большой знак Русского Отряда, нарисованный известным русским художником (белый щит на мече с испанской нац. лентой и двуглавым орлом. Этот знак за № 1 имеет Генералиссимус Франко, № 2 имел герой Алказара ген. Москардо).

Во время обеда были произнесены речи испанскими генералами, представляющими Военного Министра и Главное Командование и была оглашена приветственная телеграмма генерала Франко. Отвечали офицеры Отряда.

На банкете были оглашены телеграммы и приветствия из разных стран, в том числе от «Часового», с первых дней борьбы тесно связанного с Русским Отрядом.

Во всех испанских газетах и в радио были помещены статьи о Русском Отряде и отчеты о празднестве.

Памплона.

Памплона - Эстрелла.

М. Н. Юренинский (в берете) возлагает венок от Русского Отряда к памятнику рекете терсио Донна Мария де Молина после присвоения русским добровольцам чина капитана рекете.

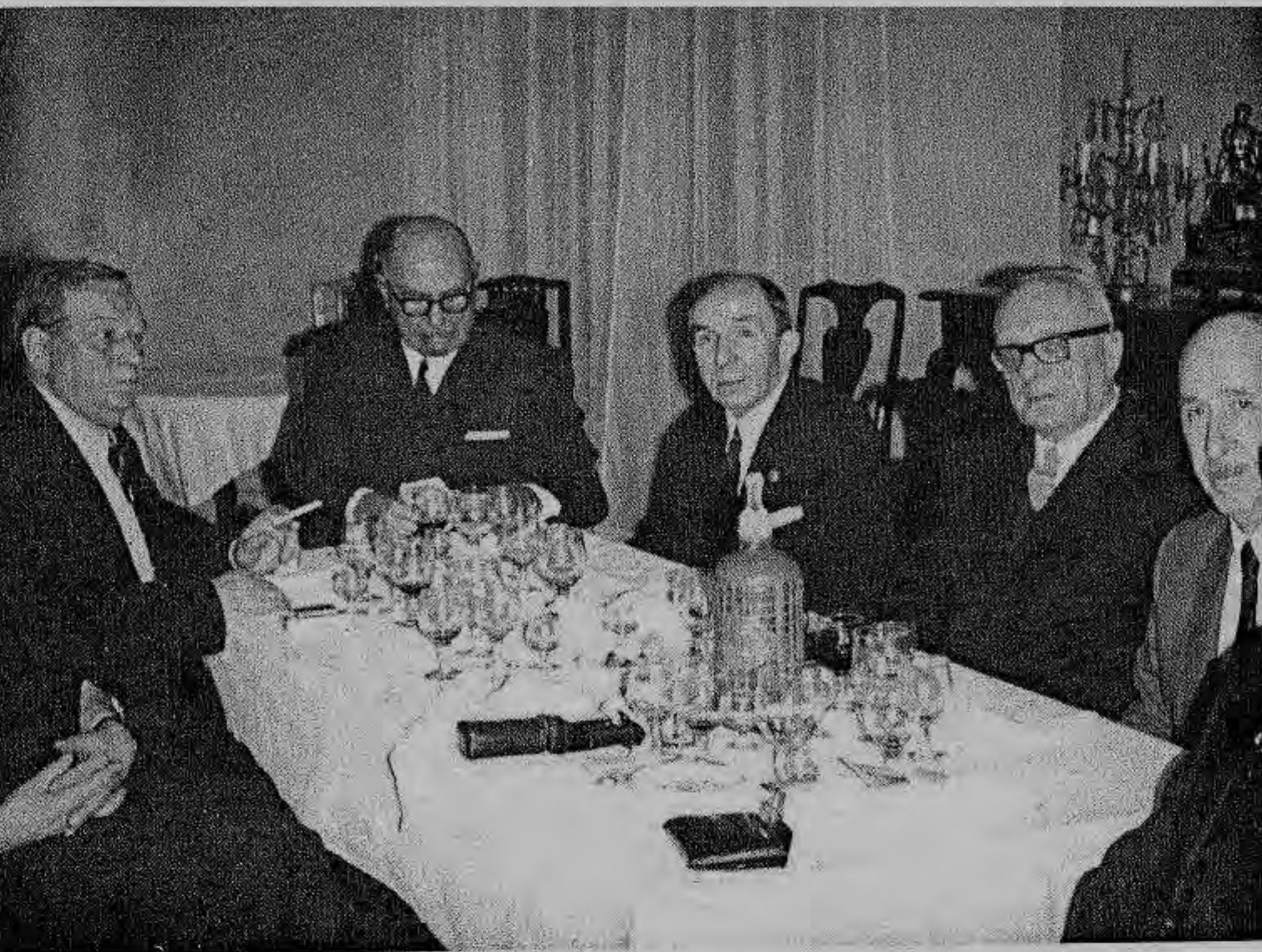
Мадрид, русская церковь. 8 апреля 1962 г.
Отец Рафаил служит панихиду.
В форме — генерал Москардо.

Молебен.

Банкет в собрании Армии и Флота.
Слева направо: А. П. Яремчук 2-й, Н. С. Артюхов,
Н. И. Селиванов.

30 лет русского отряда.

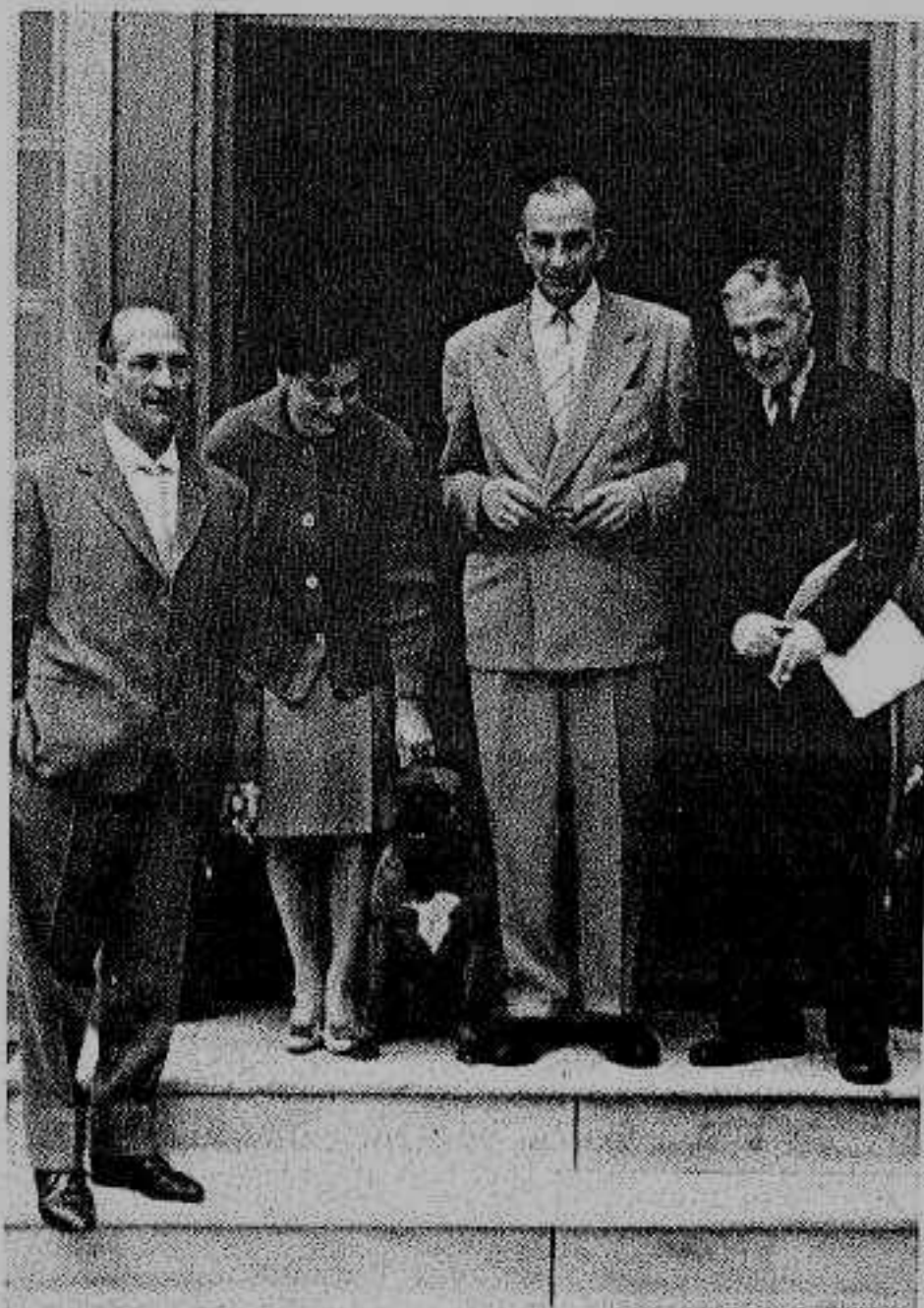
Слева направо: Н. С. Артюхов, П. В. Белин,
Н. И. Селиванов, А. П. Яремчук 2-й, Н. Е. Кривошея,
Н. Н. Рuzский (Председатель русск. общества в Мадриде).

«Три Мушкетера» 1967 г.
Слева: А. П. Яремчук 2-й, М. Н. Юренинский,
Н. И. Селиванов.

359

Мадрид. Сотрудники русского радио.
Первый справа — А. П. Яремчук 2-й.

**ГАЗЕТА «АВС». Мадрид. 26 декабря 1968 года.
(Перевод с испанского).**

Сан-Себастьян. 24 декабря 1968 г. (Сообщено по телефону нашим корреспондентом).

Глупый несчастный случай, происшедший в уличном движении, прекратил жизнь 79-ти летнего старца. Мелкой старческой походкой, сохранявшей следы военной выправки, в длинном непромокаемом плаще, в маленьком берете и опираясь на прямую палку — силуэт, хорошо известный жителям Сан-Себастьяна — вчера пересекал одну из городских улиц, как на него налетел грузовой автомобиль. Когда его подобрали прохожие, он был уже мертв. Этот старик уже много лет проживал в Сан-Себастьяне, куда прибыл в 1920-м году в поисках убежища, после трагических переживаний, тесно связанных с катастрофой своей далекой родины. Будучи кадровым военным, когда Испания вела войну в Марокко, поступил в Иностранский Легион, где своим героическим поведением достиг чина поручика (тениенте). После заключения мира возвратился в дорогой ему Сан-Себастьян, где и проживал, посвящая свое время литературной деятельности и своему любимому занятию — шахматам, достигнув в этой отрасли совершенства.

Когда началось Национальное Движение 1936 года, он поступил добровольцем в Национальную Армию и после победы возвратился в Сан-Себастьян.

Глупый несчастный случай прервал его жизнь. В утренних газетах было помещено траурное объявление, как бы краткий биографический очерк его жизни:

«Сеньор Дон Николай Шинкаренко Брусиллов, генерал-майор кавалерии Русской Национальной Белой Армии. Поручик Испанского Легиона. Поручик Терсио рекете Зумалкарреги. Шесть раз ранен в боях. Инвалид. Поэт и писатель (под псевдонимом Н. П. Белогорский).»

На кладбище, где ему были отданы воинские почести, почил вечным сном один из последних странствующих рыцарей, сражавшийся за высшие идеалы.

Бэрруэзо.

Могилы участников войны
на русском кладбище в Мадриде.

361

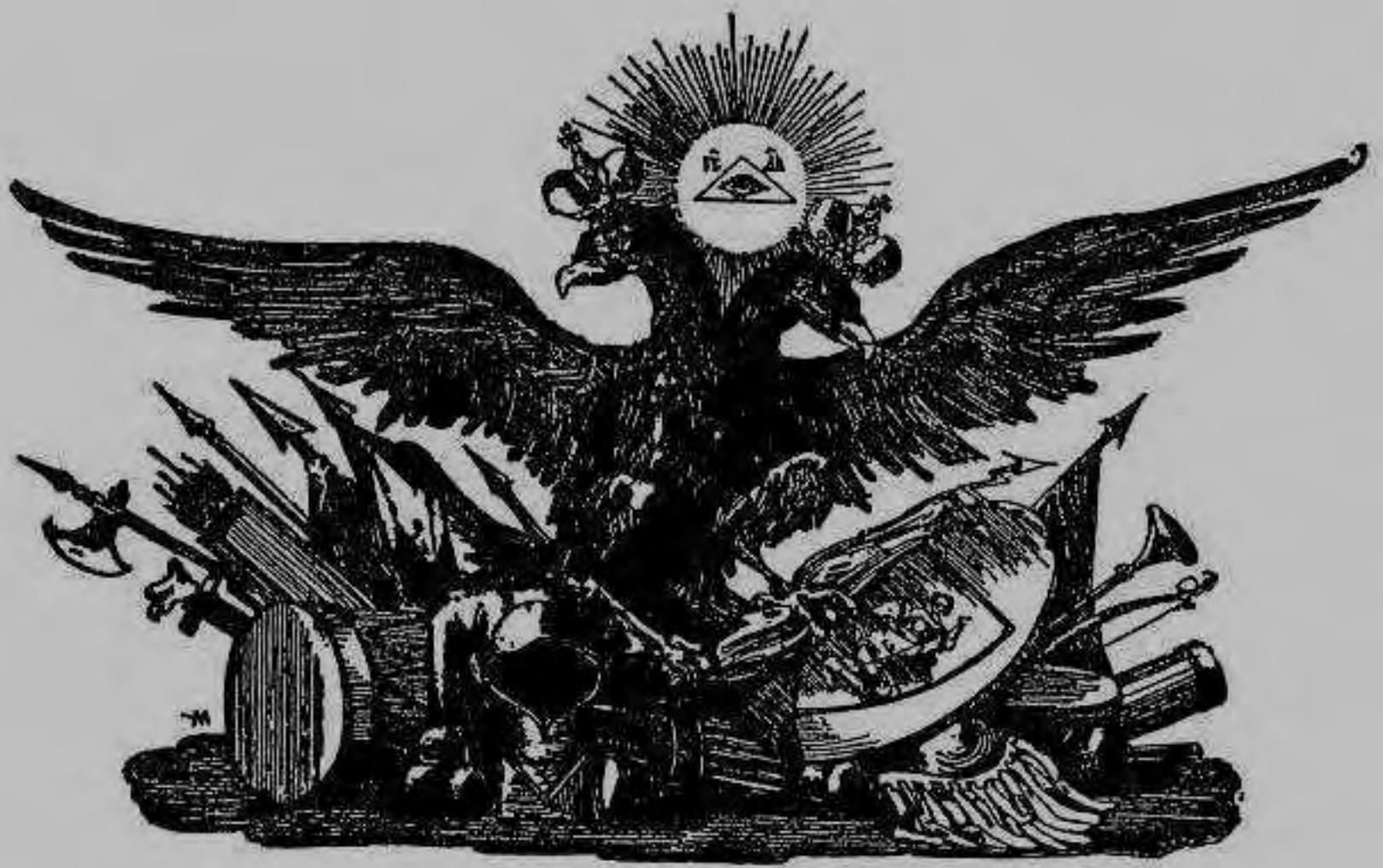

А. П. Яремчук 2-й и издатель.

Мадрид, 1982 г.

**РУССКИЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ
В ИСПАНСКОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АРМИИ
1936 - 1939 г.г.**

РУССКИЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ В ИСПАНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ АРМИИ 1936 - 1939 г.г.

Амилахвари, князь.

Был в терсио Наварра, фронт Бадахос.

Артюхов, Николай Сергеевич.

Подпоручик Марковского полка. Был в терсио Донна Мария де Молина. Офицер Испанского Легиона, в 1942 г. был в Синей Дивизии. После 2-й Мировой войны служил в Мадриде, где умер в 1981 г.

Барк, Николай Эвальдович.

Сын директора Беловежской Пущи, племянник министра Барка. Служил во Французском Легионе на Мадагаскаре. В Испании пробыл недолго. После войны в Экваториальной Гвинее был укушен мухой це-це. Умер в Швейцарии от последствий сонной болезни 40 лет от роду.

Белин, Петр Васильевич.

Капитан Корниловского Артиллерийского дивизиона. Окончил Михайловское Арт. училище, участник 1-го Кубанского похода. Был офицером испанского «рекете» в терсио Донна Мария де Молина. Во время 2-й Мировой войны поступил добровольцем в итальянские войска в России. После войны жил в Испании, был инженером Восстановления Опустошенных войной местностей, затем служил на Испанском национальном радио. Умер в Мадриде 31-го июля 1977 г. от рака легких.

Бибиков, Александр Владимирович.

Прибыл в Испанию из Французского Легиона. Был рекете в терсио Донна Мария де Молина. После войны жил в Мадриде. Писал статьи для русской программы Испанского национального радио.

Болтин, Николай Николаевич.

Полковник Лейб-гв. Конно-Гренадерского полка. В 1910 г. окончил Пажеский корпус. Во время 1-й Мировой войны был во 2-м Лейб Драг. Псковском полку. Один из организаторов Русского отряда в

Терсио Донна Мария де Молина. Награжден испанским военным крестом и произведен, после войны, в почетные полковники Национальной милиции. Умер в Мадриде 20 января 1954 г. в возрасте 72 лет.

Бонч-Бруевич, А. А.

Был в Национальной испанской армии. Убит в бою.

Боярунас, Владимир Викентьевич.

Поручик Корниловского ударного полка. Был в терсио Донна Мария де Молина. После войны работал в Обществе электродов в Мадриде. Умер в Мадриде в доме для слепых.

Бриллиантов, Сергей Петрович.

Штабс-капитан Марковского пехотного полка. Был в терсио Донна Мария де Молина. Умер в Мадриде 13 июля 1940 г. от разрыва сердца.

Вайнер, Николай Николаевич («Бенгальский улан»).

Служил в Индии. В терсио Донна Мария де Молина пробыл недолго.

Вольф-Люденгсгаузен, Борис Сергеевич, барон фон.

Кавказская Гренадерская Вел. Кн. Михаила Николаевича Артиллерийская Бригада. Окончил Сен-Сир, был офицером Французского Легиона. В испанскую войну был в терсио Монтехура. Жил в Германии.

Гогниджаношвили, К. А.

Поручик. Офицер в терсио Наварра (командовал ротой). Кавалер Лауреады за храбрость (высшая боевая награда).

Голбан, Димитрий Корнильевич.

Штабс-капитан Марковского Артилл. дивизиона, кавалер Георгиевского Креста 4-й и 3-й степеней, галлиполиец. Во время испанской войны тениенте Легиона. Награжден Военным Крестом и двумя орденами «За доблесть». После войны прикомандирован к Высшей Военной Школе (Эскуэлла Суперьерде Эжерсито) в Мадриде в качестве начальника солдатской команды. Умер в Мадриде 22 авг. 1971 г. от кровоизлияния в мозг.

Гончаренко, Константин Андреевич.

Подпоручик Марковского полка. Был альферес Легиона. Погиб в Синеи Дивизии на льду реки Волхов в 1942 г.

Григуль.

Капитан. Был в Национальной испанской армии.

Гурко, Вячеслав.

Корниловского полка. Был во Французском Легионе, затем в Национальной испанской армии. Умер в Экваториальной Гвинее от малярии.

Гурский, Сергей Константинович, (Али).

Штабс-ротмистр 6-го Переяславского Драгунского полка. В терсио Донна Мария де Молина пробыл недолго. Был офицером Легиона, прикомандирован к Высшей Военной Школе. Кавалер двух Лауреад (высшая боевая награда). Во время 2-й Мировой войны был год в Синеи Дивизии. Умер в Мадриде.

Двойченко, Владимир Абрамович.

Полковник Крымского Конного полка. Был в терсио Наварра, фронт Бадахос. За храбрость произведен в альферес. Награжден Испанской Военной Медалью за выдающиеся боевые заслуги.

Долгорукий, князь.

Был в Национальной испанской армии.

Ергин, Алексей Павлович.

Штабс-капитан, воспитанник Ковенской гимназии и Артиллерийского училища. В 1-ю Мировую войну был в артиллерии, галлиполиец. При штабе генерала Франко был консультантом по русским делам. Многолетний сотрудник журнала «Часовой» и был диктором русских передач испанского радио во время войны. Умер в Париже 23 декабря 1956 г.

Есаулов.

Был в Национальной испанской армии.

Зелим-Бек (Зелимбек), Георгий Михайлович.

Ротмистр Александрийского Гусарского полка. Кавалер Ордена Святого Георгия. Был в Испанском Легионе, после тяжелого ранения прикомандирован к штабу в Бургосе. Умер в Мадриде от разрыва сердца.

Зотов, Николай Петрович.

Поручик Алексеевского полка. Был в Испанском Легионе, затем в Фаланге на фронте Теруэль. Умер в Мадриде.

Зотов, Павел Александрович.

Алексеевского конного дивизиона. Поступил в Фа-

лангу. В 1940 г. уехал в Цеуту в Легион альфересом. Умер в Африке.

Иванов, Николай.

Фельдфебель. Убит на каталонском фронте в начале 1939 г.

Иванов-Панфилов, Пантелеймон, (Пантюшка).

Подпоручик Марковского Артилл. полка. Кадет 3-го Московского корпуса, галлиполиец. Был в 9-й бандере, затем в терсио Донна Мария де Молина. В 1940 г. уехал в Цеуту (Африка) офицером Легиона. Застрелился в Цеуте в марте 1961 г.

Ильин, Борис Владимирович.

Бывший советский офицер, окончил Кавалерийское училище при красных в Елизаветграде, бежал из СССР через Румынию. Был в Национальной испанской армии. После войны окончил Военную Академию, произведен в майорский чин. В 1940 г. служил при испанском посольстве в Болгарии, затем переводчиком в ООН.

Клименко, Надим Александрович.

Вахмистр Клястицкого гусарского полка. В Париже был скаутмастером. Поручик испанской кавалерии. Был в терсио Донна Мария де Молина. После испанской войны жил в Мадриде, работал в школе усовершенствования езды. Во 2-ю Мировую войну — участник Синей Дивизии в России, где отморозил обе ноги, которые были ампутированы. Умер в Мадриде 4 мая 1978 г.

Ковалевский, Владимир Иванович.

Константиновского Военного училища в Галлиполи. Был во Французском Легионе. В испанскую войну служил в терсио Наварра, фронт Бадахос.

Компельский, Збигнев Казимирович.

Один из первых добровольцев (1936 г.). Был в 14-й бандере испанского Легиона. Награжден боевой медалью. Погиб при штурме Толедо 26 сент. 1937 г.

Константино, Константин Александрович.

Был тениенте в терсио Наварра, фронт Бадахос. Награжден боевой медалью.

Константинов, Евгений Владимирович.

В национальной испанской армии пробыл недолго.

Коптев.

Поступил в Фалангу. После войны жил в Мадриде, принял католичество.

Кривошея, Василий Евгеньевич.

Кадет Полтавского корпуса, унтер-офицер Марковского Арт. дивизиона, галлиполиец. 5 лет был во Французском Легионе. Был в терсио Донна Мария де Молина. В 1940 г. сержантом Испанского Легиона уехал в Мелилью (Африка). Во 2-ю Мировую войну 2 года был в Синей Дивизии. Имел много боевых наград. После войны вернулся в Мелилью, где в сентябре 1964 г. погиб от несчастного случая.

Кривошея, Николай Евгеньевич.

Капитан Марковского Артилл. дивизиона. Окончил Полтавский кадетский корпус и в 1916 г. Михайловское Артилл. училище, галлиполиец. В Испании командовал Русским отрядом в терсио Наваррских рекете. В 1940 г. уехал в Испанский Легион в Цеуту в чине тениенте. Прослужив в Легионе 30 лет, был переведен в Испанский Генеральный Штаб. Умер в Мадриде 12 декабря 1971 г.

Куценко.

Служил в Фаланге. Под Торуэлем был тяжело ранен, взят в плен и замучен красными.

Ламсдорф, Григорий Павлович, граф.

Офицер Испанского Легиона. Во 2-ю Мировую войну был в РОНА во Пскове, впоследствии майор РОА, начальник штаба 4-го полка I дивизии (группа полк. Сахарова). Живет в Барселоне, Испания.

**Людинкгаузен-Вольф, барон
смотри**

Вольф-Люденгсгаузен, Борис Сергеевич.

Магалов, Лаурсаб, князь.

Был в Национальной испанской армии. Погиб.

Марченко, Всеволод Михайлович.

Капитан. Воспитанник Морского Корпуса, выпуска 1911 г. В 1-ю Мировую войну летчик Российской Армии, Георгиевский кавалер. Был в армии адмирала Колчака. В Испании был пилотом воздушной линии Мадрид—Париж. Во время испанской войны летчик бомбовоза Национальной испанской армии. Погиб в 1937 г. в ночном бою над Сарагоссой.

Марченко, Игорь Всеволодович.

Во время испанской войны был в испанской авиационной школе.

Налетов, Владимир Иванович.

Штабс-капитан Марковского Артилл. дивизиона. Учился в Ярославском кадетском корпусе. В гражданскую войну получил Георгиевский Крест и произведен в офицеры, галлиполиец. Капрал в терсио Донна Мария де Молина. Умер в Сан-Себастьяне (Испания) 10 февраля 1940 г. от туберкулеза.

Остен-Дризен, Илья Анатольевич, барон фон.

В терсио Донна Мария де Молина пробыл недолго. Жил в Барселоне. Умер.

Отец Никон, игумен.

Бывший полков. Лейб-Гвардии Московского полка. Служил в церкви на рю Дарю в Париже. Приезжал в Русский отряд из Теруэля 18 мая 1939 г.

Пальчевский, Евгений Евгеньевич.

Штабс-капитан, кадет. Был в терсио Донна Мария де Молина. Как мастер оружейных дел, был некоторое время в оружейных мастерских Сарагоссы и Талавера де ла Рейна. В 1940 г. служил в испанском посольстве в Греции, затем при министерстве иностранных дел.

Платонов.

Был в Национальной испанской армии.

Полужин, Яков Тимофеевич.

Штабс-капитан Марковского Артилл. дивизиона, Константиновское Артиллерийское училище, вып. 1916., галлиполиец. Был в Национальной испанской армии. Награжден Лауреадой за боевые отличия и произведен в чин тениенте. Погиб в Кинто де Эбро в 1937 г.

Порхович, (русский чех).

Подпоручик 1-го Корниловского полка. Конный отряд Гершельмана, Первый Кубанский поход. В Испании пробыл недолго. Жил в Сан-Себастьяне.

Пылаев, Лев Никанорович.

Поручик Марковского Артилл. дивизиона. Окончил Нижегородский кадетский корпус и Михайловское артилл. учил., галлиполиец. Был в терсио Донна Мария де Молина. Умер в Барселоне 23.II.1970 г.

Рогозин, Николай Александрович.

Старший лейтенант Российского Императорского флота, воспитанник Морского Корпуса, вып. 1911 г. За боевые действия в 1-ю Мировую войну награжден всеми боевыми орденами до Георгиевского оружия включительно. Был летчиком Национальной испанской армии, подполковником испанской авиации. Награжден боевыми отличиями. Умер на Ма-лорке (Испания) 21 сентября 1957 г.

Рашевский.

Капитан, топограф. Во время испанской войны был в терсио Пиляр. Умер в Париже.

Сальников, Михаил Андреевич.

Кадет Сибирского кадетского корпуса, был в Корниловском ударном полку. Служил во Французском Легионе. В Испании был в терсио Донна Мария де Молина. В 1940 г. поручиком Испанского Легиона уехал в Африку. Жил в Галисии, умер.

Сахаров, Игорь Константинович.

Офицер Национальной испанской армии, член Фаланги. Также был офицером в армиях Китая (Чан Кай-ши), Аргентины и Уругвая. Во время 2-й Мировой войны был полковником в РОНА (Русская Освободительная Народная Армия), затем в РОА. Был личным адъютантом генерала Власова, начальником Боевой Группы на Одере, командовал 4-м полком 1-й дивизии РОА. В 1978 г. погиб в автомобильной катастрофе в Австралии.

Селиванов, Николай Иванович.

Штабс-капитан Северо-Западной Армии генерала Юденича. Окончил Владимирское военное училище в 1916 г. В испанскую войну был в терсио Донна Мария де Молина. В 1940 г. работал в Национальной Библиотеке в Мадриде. Во 2-ю Мировую войну служил в итальянских войсках. После войны был диктором русской секции «Радио Испания» и служил в испанском министерстве информации. Умер в Мадриде 4 сент. 1970 г. от разрыва сердца.

Сладков, Николай Константинович.

Подпоручик Лейб-Гвардии Петроградского полка. Участвовал в десанте на Кубани (из Крыма), награжден Георгиевским крестом. Был в военном учи-

лице в Галлиполи (топограф). В Болгарии окончил Константиновское училище. Во время испанской войны был в терсио Д. Мария де Молина, награжден боевыми орденами. Во 2-ю Мировую войну был офицером итальянской армии в России. После войны служил инженером-строителем в Испании. Умер в Пуэртоляно (Испания) 1 января 1962 г. от лейкемии.

Стубан, Максим.

Был в Национальной испанской армии. Жил в Валадолиде.

Тоцкий, Лев Георгиевич.

Юнкер. В испанскую войну был в терсио Донна Мария де Молина. Во 2-ю Мировую войну служил в Синей Дивизии. После войны уехал в Аргентину. Умер.

Трингам, Александр Александрович.

Штабс-ротмистр Дроздовского конного дивизиона, галлиполиец. В испанскую войну был в терсио Наварра, фронт Бадахос, затем служил в Мадриде в Обществе Электродов. Во 2-ю Мировую войну был два года в Синей Дивизии в районе Новгорода. Имел русские и испанские ордена. Умер в деревне около Мадрида 5 февраля 1980 г. 85 лет от роду.

Фок, Анатолий Владимирович.

Генерал-майор. Окончил Псковский кадетский корпус и в 1900 г. Константиновское Артилл. училище. Служил в Кавказской Гренадерской Вел. Кн. Михаила Николаевича Артиллерийской Бригаде в чине капитана. Имел почти все боевые ордена до Ордена Св. Георгия 4-й ст. включительно. Галлиполиец. В Испании в чине тенiente служил на Арагонском фронте в терсио Донна Мария де Молина. Погиб в Кинто де Эбро в 1937 г.

Чиж, Сергей (Техли).

Морской офицер. В Испанию приехал из Тулузы. Был в 6-й бандере Испанского легиона. Погиб под Толедо 6 мая 1937 г.

Шабашев, отец Александр.

Был священником Сибирского кадетского корпуса. Во время испанской войны приезжал на фронт к русским добровольцам из Брюсселя. Из Испании

уехал в Югославию, затем был настоятелем храма в Монтевидео (Уругвай). Кавалер орденов Св. Владимира 3-й ст., Св. Анны 2-й ст. и награжден за выдающиеся боевые отличия наперстным крестом на георгиевской ленте. Умер в Париже.

Шаховской, отец Иоанн.

Архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский. Во время испанской войны приезжал на фронт к русским добровольцам. Во время 2-й Мировой войны был настоятелем церкви в Берлине. Живет на покое в Санта-Барбаре, Калифорния.

**Шинкаренко-Брусиллов, Николай Всеволодович
(писатель Н. Белогорский).**

Генерал-майор. В 1910 г. окончил Михайловское Артилл. училище. Участник Балканской войны, награжден болгарским орденом за храбрость. В 1-ю Мировую войну командует дивизионом, награжден орденом Св. Георгия. Участник Добровольческой армии. Был в Национальной испанской армии на толедском и мадридском (Аранхуэз) фронтах, произведен в тенiente. Погиб в автомобильной катастрофе 21 де. 1969 г. в Сан-Себастьяне (Испания).

Щукилидзе, Михаил Александрович, князь.

Был в Национальной испанской армии на фронте Бильбао. Умер в Мадриде 11 декабря 1961 г.

Юренинский, Михаил Николаевич.

Капитан Марковского пехотного полка. Был в терсио Донна Мария де Молина. С 1940 г. служил в испанском государственном банке. Умер в Мадриде от кровоизлияния в мозг.

Яремчук 2-й, Антон Прокофьевич.

Штабс-капитан Корниловского ударного полка. Окончил Киевское Николаевское военное училище, 184-го Острожского полка и 321-го Окского полка, галлиполиец, награжден галлиполийским крестом. В испанскую войну был в терсио Донна Мария де Молина, имеет испанские боевые награды за боевые отличия. Во время 2-й Мировой войны был офицером итальянской армии в России, награжден итальянским военным крестом. Капитан испанской армии в отставке. После войны работал на испанском радио (Русская секция). Живет в Мадриде.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Издательство с глубоким удовлетворением напечатало эту книгу, которая впервые освещает один из эпизодов продолжающейся Белой Борьбы.

Издатель, еще мальчиком в Белграде, с восхищением следил за героическими подвигами испанцев. Особенное впечатление произвела на него защита Альказара Толедо и поведение полковника Москардо. Жалея, что не дорос до участия в Испанской Национальной Армии, был горд, что и Белые русские сражались в этой войне против коммунизма.

Впервые подъезжая к Толедо 20 лет тому назад, издатель вновь пережил то чувство сопричастности к событиям испанской войны, которое он испытывал в детстве.

В 1982 г., получив рукопись капитана А. П. Яремчука 2-го, издатель загорелся идеей издания этой книги и совершил поездку по тем местам Испании, включая высоту 1639 м., где сражались русские добровольцы.

Издатель и его сотрудники благодарят кап. А. П. Яремчука 2-го за честь, которую он нам оказал, поручив издание своих дневников. Эта книга является Памятником Русским Добровольцам, которые доблестно боролись за наши общие идеалы.

Низкий поклон В. В. Орехову и Л. С. Рубанову за помощь, ими оказанную.

Владимир АЗАР-ЗАРОВСКИЙ.
Кадет Первого Русского
Вел. Кн. Константина Константиновича
Кадетского Корпуса.
Офицер Русской Освободительной Армии.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРЕДИСЛОВИЕ	I
Испанская гражданская война.	V
Иностранная интервенция	XI
Кап. А. П. Яремчук 2-й — 800 дней. Дневник Добровольца 1936-1939.	1
Состав Русского Отряда	180
Письмо полк. Кондратьева	183
ПРИЛОЖЕНИЯ: ПИСЬМА ИЗ ИСПАНИИ:	
Кап. Я. Т. Полухин — Добровольцам	186
Кап. В. В. Орехов — Испания	187
Н. В. Белогорский (Ген. Шинкаренко)	192
» » Чудо Альказара	192
» » Куэста де ла Рейна	195
» » Пленные	203
(Зотов ?). Русский Доброволец в Испании	208
(А. Трингам ?). Страница русской доблести	211
Шт.-ротмистр Али Гурский — В боях в Испании (Легион).	213
Ночь в карауле	222
Полк. Н. Болтин. Марковский праздник.	227
» » Письмо второе	231
» » Письмо третье	238
» » Кинто де Эбро	244
» » Письмо пятое	248
» » Письмо шестое	251

Полк. Бар. С. Людигсхаузен-Вольф — Годовщина гибели Ген. А. Фока	256
В. Ковалевский — Как дралась Наварра	262
РАДИО-ПЕРЕДАЧИ В БЕЛОЙ ИСПАНИИ	262
Н. Рогозин — Испанское Национальное радио	263
Аргус — Испанская трагедия	266
Б. Геруа — Торжество духа и правоты	276
М. Дютрей — Сантандер	279
А. Орлов — Выдержки из книги	283
ФОТОГРАФИИ:	
Места действий Русских Добровольцев	287
Русские Добровольцы на позициях	306
Незабываемые могилы	325
Участники Испанской войны	332
В. В. Орехов — Испания и мы	345
XXV-летие РУССКОГО ОТРЯДА	349
РУССКИЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ —	
Алфавитный указатель	363
ПОСЛЕСЛОВИЕ	374

Русское Национальное
Издательство и Типография
Владимира Азар-Заровского.
Технический редактор — А. В. Гибанов.

Напечатано в Русском Национальном
Издательстве «Глобус».

**Globus Publishers, P. O. Box 27471
San Francisco, CA 94127. U.S.A. Tel. (415) 668-4723**